

Адвокат Антон Колосов

История канских
подростков, осужденных
по «делу Minecraft'а»

АДВОКАТ АНТОН КОЛОСОВ

НЕДЕТСКИЕ ИГРЫ

*История канских подростков,
осужденных по «делу Minecraft'а»*

Москва
2025

УДК 343.1

ББК 67.410.2

К61

Колосов, Антон Леонидович. Недетские игры. История канских подростков, осужденных по «делу Minecraft'a». — М.: 2025. — 294 с.

Книга адвоката Антона Колосова не является остросюжетным детективом или судебным триллером, хотя отдельные ее фрагменты могут быть прочитаны именно так. Работа не просто основана на реальных событиях: автор подробно излагает и профессионально анализирует нашумевшее дело канских подростков, или «дело Minecraft», как его нередко называли средства массовой информации и популярные блогеры.

Автор, который представлял сторону защиты одного из осужденных подростков, основываясь на объемных материалах предварительного следствия и закрытого от широкой публики судебного процесса, последовательно вскрывает типичные ошибки и застарелые пороки российского правоприменения, включая наиболее системный и опасный из них — обвинительный уклон правосудия. Впрочем, Антон Колосов не ограничивается сухим изложением фактов своеобразным, подчас сложным для восприятия юридическим языком, но предпринимает попытку установить социальную и психологическую подоплеку череды событий, получивших драматическую развязку в суде.

Книга может представлять интерес для работающих в сфере уголовного права и процесса специалистов, прежде всего, адвокатов, студентов юридических вузов и факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами права и его практического применения, равнодушных к происходящим в России общественным процессам, судьбам людей, оказавшихся в жерновах уголовно-правовой машины.

АНТОН КОЛОСОВ

*адвокат Московской городской
коллегии адвокатов*

Имеет опыт работы в системе следствия, органах прокуратуры Российской Федерации.

Дает практические советы на сайте advokat-kolosov.ru и разбирает конкретные дела на [YouTube](https://www.youtube.com/).

Автор книг «Как оправдать по делам о наркотиках», «Как оправдать по делам об убийстве и насильственных преступлениях», «Как оправдать по делам о краже, грабеже и разбое», «Как оправдать по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», «Как оправдать по делам о должностных преступлениях».

СОДЕРЖАНИЕ

Мцыри.....	8
Домашняя работа Никиты Упорова «Характеристика Мцыри»	10
Стихотворение Деда Архимеда.....	11
Пролог	13
Часть I. Дети	16
<i>Глава 1. Дед</i>	<i>16</i>
<i>Глава 2. Рассказ Витали</i>	<i>17</i>
<i>Глава 3. Канск.....</i>	<i>19</i>
<i>Глава 4. Встреча.....</i>	<i>19</i>
Первый рассказ деда.....	20
<i>Глава 5. Первая беседа.....</i>	<i>21</i>
<i>Глава 6. Настоящий полковник.....</i>	<i>23</i>
<i>Глава 7. Чароит.....</i>	<i>25</i>
<i>Глава 8. Рыбалка.....</i>	<i>26</i>
<i>Глава 9. Поиски помощи</i>	<i>28</i>
<i>Глава 10. Альфа</i>	<i>31</i>
<i>Глава 11. Президент в розовых очках.....</i>	<i>32</i>
<i>Глава 12. Воруи-страна</i>	<i>34</i>
<i>Глава 13. Бабушка</i>	<i>36</i>

Глава 14. Совет ветеранов	39
Глава 15. О времени и о любви	41
Глава 16. Самоволка.....	43
Глава 17. Миротворец.....	45
Глава 18. Провокатор.....	50
Глава 19. Арест	51
Часть II. Дети-анархисты.....	53
Глава 1. Что такое анархизм	53
Глава 2. Переписка детей.....	55
2.1. Переписка Дениса	56
2.2. Переписка Никиты	60
2.3. Переписка Богдана	63
2.4. Переписка Александра по прозвищу Марксист	66
Часть III. «Дети-террористы»	71
Глава 1. Знакомство с Богданом, его мамой, бабушкой и котом	71
Глава 2. Испытания на прочность канских анархистов.....	73
2.1. Испытания Никиты	73
2.2. Испытания Богдана	76
2.3. Испытания Дениса	80
Глава 3. Обвинение	81
Глава 4. Несостоявшееся обвинение	89
Глава 5. Опровергнутое обвинение.....	96
Глава 6. Некоторые нарушения закона в ходе следствия	99

6.1. Необоснованное возбуждение уголовного дела по ст. 205.3 УК РФ по факту прохождения подростками обучения, заведомо для обучающихся проводимого в целях осуществления террористической деятельности. Неоднократные продления сроков предварительного следствия и как с этим бороться	99
6.2. Липовые справки сотрудников Федеральной службы безопасности России	103
6.3. Об одном хитром ходе следователя, попытавшегося легализовать (сделать доказательствами) результаты оперативно-розыскной деятельности сотрудников ФСБ России	105
6.4. Взрывотехнические экспертизы	107
6.5. Психолого-психиатрические экспертизы	108
6.6. Показания понятых, которые участвовали в проверке показаний Богдана	110
6.7. Меры пресечения подросткам	110
6.8. Отказы следователя в ходатайствах	113
6.9. Отказы следователя в свиданиях с сыном	114
<i>Глава 7. Свидетели на предварительном следствии</i>	<i>115</i>
7.1. Показания заинтересованного ключевого свидетеля	115
7.2. Отступничество первого близкого друга	118
7.3. Отступничество второго близкого друга	118
7.4. Воинствующие одноклассники	119
7.5. Воинствующие учителя и контрольно-надзорные органы	119
7.6. Смелая женщина, не побоявшаяся рассказать правду	121
<i>Глава 8. Суд</i>	<i>125</i>
8.1. День первый	125
8.2. День второй	134
8.3. День третий	136
8.4. День четвертый	142
8.5. День пятый	151
8.6. День шестой	158
8.7. День седьмой	163
8.8. День восьмой	166
8.9. День девятый	169

8.10. День десятый	171
8.11. День одиннадцатый	174
8.12. День двенадцатый.....	185
8.13. День тринадцатый	195
8.14. День четырнадцатый	202
8.15. День пятнадцатый	203
8.16. День шестнадцатый.....	212
8.17. День семнадцатый	216
8.18. День восемнадцатый	219
8.19. День девятнадцатый	222
8.20. День двадцатый	223
8.21. День двадцать первый.....	224
8.22. День двадцать второй.....	228
8.23. День двадцать третий.....	229
8.24. День двадцать четвертый.....	230
8.25. День двадцать пятый.....	253
8.26. День двадцать шестой.....	259
<i>Глава 9. Анализ приговора</i>	<i>260</i>
<i>Глава 10. Обжалование приговора. Безапелляционный военный суд</i>	<i>281</i>

МЦЫРИ¹

...людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать, —
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю...

...Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живей
При виде солнца и полей...

...Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил...
...Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,

¹ На грузинском языке означает «неслужащий монах», некто вроде «послушника».

Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?

...Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне все равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое...

...Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожест свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...

М. Ю. Лермонтов

ДОМАШНЯЯ РАБОТА НИКИТЫ УПОРОВА «ХАРАКТЕРИСТИКА МЦЫРИ»¹

Жизнь Мцыри в монастыре не была приятной. Монастырь ограничивал его духовные и физические возможности, а вспыльчивый характер Мцыри и его мечты о Родине не давали спокойно жить. Как только Мцыри сбежал из монастыря, он попал в неизвестный мир, который начал познавать и изучать. За эти три дня Мцыри смог увидеть обрывистые горы, леса, поля. Во всем этом он разглядел больше, чем смог бы увидеть обычный человек. Мцыри как будто чувствовал великую энергетику от каждого окружавшего его природного объекта. Своей свободе Мцыри придавал высокий смысл.

За три дня Мцыри смог открыть для себя новый мир. Но не успел познать всего великолепия прекрасного чувства свободы.

Он очень любил свою Родину. Его сильный дух сделал бы Мцыри не последним человеком Отчизны. Он и сам это понимал после смертельной битвы с барсом.

К сожалению, а может, к счастью, главная мечта Мцыри не сбылась, он не попал на Родину. Он был найден при смерти монахами, возвращен в монастырь, где провел последние часы жизни, поведав историю своей жизни одному из старцев. Смерть Мцыри принял достойно и открыто, попросив лишь его похоронить в саду с видом на Кавказ. Мцыри окончил свою жизнь как мученик со счастливым облегчением. Мне кажется, главный посыл и идея произведения — лучше умереть свободной смертью, чем жить рабской жизнью!

Мцыри так близок многим, ведь почти все желают свободы, а рабами не хотят быть.

Лично мне близок Мцыри тем, что и я лучше погибну смертью храбрых, чем буду проживать, страдая от своей неважности, наблюдая за системой, построенной на иллюзиях, лжи, глупости и прочих грехах, порожденных отвратительно-убогим обществом, себя изживающим.

¹ Орфография и пунктуация сохранены.

СТИХОТВОРЕНИЕ ДЕДА АРХИМЕДА¹

Дорогие органы власти!
Говорят, вы за игры сажаете?
Это дед Архимед, здарсьте!
Вы, наверное, меня знаете.

Долг гражданский меня призывает
Сообщить вам, что мой внук
Постоянно в танки играет.
Вот, ловите сигнал: тук-тук-тук.

В игроков он давно влился стаю,
И хоть я его и люблю,
Он в кого там стреляет, не знаю —
Может, даже и по Кремлю.

Повторюсь, я люблю очень внука,
Так как дочь моя — его мать.
Раз сказал он в игре: «Ах ты с...ка!».
Вот кого он мог так назвать?

Игроки, вообще, все предатели,
Это беспокоит меня,
Но не знаю ихней я матери,
В смысле, с ними я не родня.

Мой сосед в «Косынку» играет
И в пасьянс «Солитер» (или «глист»?).
Дяди Сэма² он ради старается,
Очевидный же террорист!

Давно очень мой сын, мой позор,
В автомате дома культуры
Потопил специально линкор —
Судно нашей прокуратуры.

¹ Российский YouTube-блогер, публикующий сатирические стихи и песни.

² Персонифицированный образ США.

Да и сам я, признаюсь с болью,
Факт скрывать этот нет больше сил,
Как-то выиграл в «Монополию»,
А налогов не заплатил!

Привлекайте нас! Твердо и смело.
И пусть ваша не дрогнет рука.
И не стоит гнушаться расстрела
За игру, например, «в дурака».

Или вот, например, шахматист.
Вот кому — высшая мера!
Видел сам, как один экстремист
Взял и съел слона — офицера!

Я сейчас попрошу власть российскую
Преподасть всей планете урок:
Запретить игру олимпийскую
И в тюрьму посадить ихний МОК³.

Да, баланда вам не икра.
Жалко парня. Нам это сигнал:
Ежели преступление — игра,
Настоящий что есть криминал?

Вам никогда не удастся создать мудрецов, если будете убивать в детях шалунов.

Жан Жак Руссо

³ Международный олимпийский комитет.

ПРОЛОГ

Шестое июня 2020 года. В далеком сибирском городе Канске два часа ночи. Двое ребят подходят к зданию Федеральной службы безопасности (далее — ФСБ). Их лица скрыты черной тканью. Подростки клеят на двери ФСБ листовку с надписью «Руки прочь от анархистов», на соседнее здание Казначейства — листовку с надписью «Их роскошь — залог нашей нищеты». Закончив дело, скрываются в темноте.

18 часов этого же дня. Хотя и лето, зарядил холодный дождь. Это не помешало пятерым несовершеннолетним встретиться в центре города. Вот только подходят они друг к другу боязливо, оглядываясь. Наконец-то они впервые увидели друг друга, крепко пожали руки и обнялись.

Ровно через две минуты их окружили вооруженные сотрудники ФСБ и полиции, повалили на землю, заламили руки за голову, поместили в служебные автомобили и увезли в отдел. Двоих из ребят отпустили: внука бывшего мэра города и того, кто спровоцировал встречу, по требованию сотрудников ФСБ собрав всех вместе.

Восьмого июня 2020 года было возбуждено громкое уголовное дело в отношении четырнадцатилетних Никиты Упорова, Дениса Николаенко и Богдана Андреева по ст. 205.3 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) в связи с прохождением детьми обучения в целях осуществления террористической деятельности. Его называют «делом о взрыве здания ФСБ в Minecraft», или «делом канских подростков».

Поисковики выдают миллионы материалов об этом уникальном уголовном деле, ведь на скамье подсудимых оказались дети. Им вменили статьи террористической направленности, их обвинили в том, что они решили взорвать здание ФСБ не в виртуальном пространстве, а в материальной действительности. Причем, по версии обвинения, теракт должен был быть совершен тем же летом.

Мнения людей по поводу резонансного дела разделились. Одни полагают, что ребят репрессируют, государство не дает свободно самовыражаться и своими длинными руками уже добралось до детей. Другие считают, что правоохранительные органы действительно пресекли страшное преступление, родившееся в горячих и непокорных головах юных бунтарей.

Так, известный российский журналист **Алексей Пивоваров** на своем YouTube-канале «Редакция» заявил:

«Пять лет лишения свободы для подростка, который по факту не совершил никакого насилия — это жестокость... Мы вновь видим, что ФСБ — главное ведомство в России, олицетворяющее само понятие „власть“. Самые реальные санкции применяются даже за виртуальные атаки на него. В конце концов, как пишут в твиттере, если человек пытался взорвать здание ФСБ в Minecrafte, то и отбывать наказание он тоже должен в Minecrafte».

Российский журналист **Андрей Лошак** написал:

«Никита Упоров много читал, особенно любил Кропоткина и Толстого. Льва Николаевича он считал анархистом и был во многом прав. Толстой отрицал насилие, а вместе с ним и государство, которое является, как известно всем, кто учился в советской школе, „аппаратом насилия в руках господствующего класса“. Помимо чудовищности самого приговора — отправить в тюрьму школьника только за его „неправильные“ взгляды на государство — тут еще стоит обратить внимание на то, что анархизм в путинской России по сути объявлен вне закона и приравнен к таким людоедским идеологиям, как нацизм или радикальный исламизм. Но если вы сажаете анархистов за их взгляды, то идите уже до конца. Внесите

в список запрещенной литературы книги Кропоткина, Бакунина, да и Толстого заодно. Снесите им памятники. Переименуйте улицы в центре Москвы и станцию метро. Доведите уже начатое до конца. Да, не забудьте еще запретить книги философа Бердяева, который написал: „Царство Божье есть безвластие и свобода, на него не переносятся никакие категории властвования, царство Божие есть анархия“.

Российский предприниматель, общественный и политический деятель **Михаил Ходорковский** в своем Telegram-канале так отреагировал на приговор:

«„Взорвать“ кубики на экране компьютера — это теперь подготовка к теракту».

Советский и российский журналист, репортёр, телеведущий **Александр Невзоров** прогремел:

«Россию можно поздравить с почином. Набор политзаключенных пополнился первым ребенком. Суд „впаял“ 5 лет колонии Никите Упорову за то, что тот играл в Minecraft, отказался „стучать“ на друзей, не стал сотрудничать с чекистами. За то, что читал книги и сомневался в здравомыслии путинского режима. Разумеется, в эту историю приптели какие-то петарды, которые чекисты не краснея обтяпали как подготовку к терроризму. Лицо России — это лицо осужденного военным трибуналом школьника Никиты Упорова. Тупая несправедливость, подлость и жестокость не остались незамеченными».

Наш процесс также освещала иностранная пресса. В приведенных цитатах много эмоций. Это и понятно: процесс был очень напряженный, в зале судебного заседания бушевали страсти. И не только потому, что на скамье подсудимых находились дети, но прежде всего потому, что доказательства не выдерживали критики. Они были собраны с существенными, грубыми и многочисленными нарушениями закона. В ходе следствия права детей цинично попирались. Сами подростки подвергались пыткам и бесчеловечному отношению. Я защищал одного из подростков — Богдана Андреева. Вступил в дело еще до суда, но уже после того, как под давлением Богдана заставили сознаться в том, что он не делал.

Да, суд признал Никиту Упорова виновным в том, что он обучался в целях совершения теракта. Дениса Николаенко и Богдана Андреева суд освободил от уголовной ответственности по той причине, что они изначально признали свою вину. Суд посчитал, что признания детей получены в соответствии с законом, несмотря на то, что сторона защиты приводила исчерпывающие доказательства обратного (в книге я буду подробно описывать эти доказательства).

Конечно, обвинительный приговор в отношении канских школьников-анархистов вступил в законную силу. Я, как юрист, понимаю, что должен признать его судебную истинность. Это верно не только для меня, но и для всех. Те обстоятельства, которые зафиксированы в судебном акте, вступившем в законную силу, должны восприниматься как истинные любым человеком.

Но все же я, как защитник, который более года вел дело ребят, вместе с еще двумя коллегами боролся за их свободу и оправдание, не могу принять этот приговор. Свое профессиональное предназначение в качестве именно защитника я осознал еще тогда, когда начинал свою трудовую деятельность в прокуратуре: поддерживал государственное обвинение, ориентировал суд на назначение наказания подсудимым. Но скоро понял, что часто люди не виновны в том, в чем их обвиняют, либо виновны, но не в той степени. Поэтому я решил стать адвокатом и защищать своих будущих доверителей от незаконного и необоснованного обвинения. Ни разу не пожалел о сделанном выборе.

Школьников осудили за преступления террористической направленности. Те действия подростков, которые суд установил в приговоре, я не оправдываю и не разделяю. Но я, как профессионал, как свободный и думающий человек, продолжаю отстаивать невиновность канских анархистов, благо, мне в этом помогают мой собственный разум, совесть, материалы многолетнего уголовного дела, включая протоколы судебного заседания и стенограммы процесса.

Те хлесткие эпитеты, которыми я, как адвокат, «вознаграждал» сотрудников за нарушения ими закона, не направлены на дискредитацию всей правоохранительной системы, а призваны обратить внимание на неприемлемость и недопустимость нарушения закона впредь отдельными должностными лицами.

Я постараюсь, уважаемый читатель, освободить вас от лишних эмоций, которые были так свойственны всем, кто освещал процесс по обе стороны баррикад. Может быть, у меня не до конца получится выполнить обещание, ведь для меня и мой подзащитный Богдан, и Денис с Никитой стали больше чем клиенты. Как сказал адвокат Никиты:

«Дети все хорошие. Очень хорошие. Я бы усыновил всех троих».

Я буду опираться на протоколы судебных заседаний, в которых зафиксирован судебный процесс, все, что делали стороны, их позицию и аргументы. Для написания книги я пользовался исключительно материалами уголовного дела. Все, о чем я буду писать, содержится в более чем 15 его томах. Книга представляет собой письменный памятник процессу над тремя подростками-анархистами. В этом состоит уникальность книги, ее отличие от сотен и сотен статей и публикаций о знаковом судебном процессе современной России. Судебное разбирательство в силу ст. 241 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) было закрытым, поскольку рассматривалось уголовное дело о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими 16 лет. Пресса и слушатели в процесс не допускались. Я впервые предаю огласке доказательства, которые ранее были известны только суду и сторонам.

Лишь в первой части книги, которая предваряет следствие и суд, присутствует вымысел. Да и эти фантазии, сознательно мной допущенные, соприкасаются с настоящими событиями из жизни парней, отражают в той или иной мере их характер и личностные особенности.

Чтобы пощадить человеческое достоинство участников уголовного судопроизводства (а я верю, что оно есть у каждого, даже солгавшего под присягой, струсившего рассказать правду под угрозой потерять работу, фальсифицирующего материалы уголовного дела из ложно понятых служебных интересов), подлинные имена большинства участников суда изменены. Я буду прямо и открыто обвинять свидетелей во лжи, судей и сотрудников правоохранительных органов в нарушении закона, что, хотя и не было зафиксировано в процессе, но является глубоким внутренним убеждением автора. Такую позицию автора прошу не рассматривать как намерение добиться уголовного преследования участников судопроизводства и поквитаться с ними.

Я буду излагать факты, которые упрямы и не терпят лжи и притворства. Уверен, что после прочтения книги каждый сможет сделать вывод: действительно ли канские бунтари виновны в том, в чем их обвинили. Итак, начинаем!

Часть I. Дети

Глава 1. Дед

Дед обещал приехать давно. Никита еще около года назад слышал, как мать просила его съехаться, чтобы в воспитании сына принимал участие мужчина. Искать нового мужа и отчима для Никиты она не хотела. Во-первых, сойдётся ли характером взрослеющий подросток с новым кавалером? Во-вторых, попыток было немало, но все они закончились одинаково. Под любыми предложениями очередной гражданский супруг садился вдове на шею: то уволили с работы, то в вечных поисках, то разовые заработки приводили в тупик, а то (был и такой) работать не хотел принципиально.

Мать рассказала всё это деду по телефону в разумных подробностях, и тот, наконец, отступив от попыток защитить мужскую половину и донести до дочери все прелести брака, сдался. Препятствием для быстрого переезда оказался мундиаль¹. Но дед клятвенно пообещал, что, отдав дань футболу, возьмется за воспитание внука.

Никите шёл четырнадцатый год. За одно лето он превратился из мальчишки, почти ребёнка, в подростка — почти взрослого. Он сильно прибавил в росте, стал шире в плечах, немного загрубел голос. Сам себе он казался уже совсем взрослым. Начал задумываться: на кого пойдет учиться, когда ещё немного подрастёт, кем потом работать.

Никита не спешил домой со школы. Особое внимание ему, по его глубокому убеждению, было не нужно. Но деда мальчик любил, доверял ему и уважал, потому был готов согласиться на такой эксперимент.

Виктор Матвеевич Узлов, дед Никиты, заслуживает отдельного описания. Высокого роста, подтянутый, всегда с тщательно причесанными немного вьющимися седыми волосами, он с первого взгляда создавал впечатление уверенного в себе и знающего себе цену человека. Он мог говорить достаточно громко, совершенно при этом не напрягаясь. Когда он в прошлый приезд зашел в городскую администрацию, кто-то, перестраховываясь, предупредил о прибывшей из края комиссии, что едва не вызвало панику. В итоге всё обошлось, разобрались, расслабились, потом даже шутили об этом. Таков был Виктор Матвеевич.

Поговаривали, что он занимал какой-то высокий пост не то в руководстве какого-то региона за Уралом, не то на каком-то крупном предприятии, не то где-то в силовых структурах. Раньше дед часто вспоминал прошлое, но Никита отдельные детали упускал в силу детского ещё возраста. Сейчас, когда мальчик повзрослел, а дед приехал надолго, многое можно было наверстать.

И тем не менее Никита не спешил домой. Он сознательно отодвигал момент встречи, получая удовольствие от растянутого предвкушения. Вспоминая деда, он брёл по улице Эйдемана, попиная мелкие камушки, которые несколько раз подпрыгивали и закатывались в траву. Так он дошёл до магазина «Апрель» у остановки.

¹ Чемпионат мира по футболу, проходящий каждые четыре года.

На ступеньках у входа стоял Виталья Потехин, взрослый уже сосед с ближней улицы.

— О, Никитос, привет! Выручи, семь рублей, на пиво не хватает.

— Привет! — Никита достал из кармана и протянул Витале десятирублёвую монету, — держи.

— Ты настоящий друг, Никитос! — расплылся в улыбке сосед. — Ты не думай, я всё верну, я считаю. Сколько там у нас? 134, верно? Мне должны на следующей неделе расчёт выплатить, я в ЖКХ полторы недели отработал, я всё верну. И ещё вперёд дам, ведь ты ж меня всегда выручаешь.

Виталья повернулся на носках, щёлкнул пятками, отчеканил: «Честь имею!» — и скрылся в магазине.

Никита понимал, что вряд ли сосед когда-то рассчитается, но это его не огорчало. Деньги были его. Несмотря на то что по утрам мать выдавала ему по 100 рублей на обед, он экономил, поэтому мог сам ими полностью распоряжаться. Часто «выручая» Виталю, а иногда и других подобных знакомых, Никита чувствовал себя взрослее. С Виталей же порой у них случались довольно продолжительные беседы. Иногда, как правило, в изрядном подпитии, сосед подходил к теннисному столу, где Никита с ребятами проводили половину лета, и рассказывал различные истории об армии, откуда, как он сам говорил, он вернулся несколько лет назад.

Рассказывая армейские то ли байки, то ли были, Виталья как будто молодец. В такие моменты казалось, что ему действительно чуть больше двадцати. Как будто он застрял в тех годах, когда служил на Дальнем Востоке в роте спецназа. В армии он был заместителем командира взвода и вернулся в звании старшины. Было чем гордиться. Жаль, что послеармейская жизнь вернула этого крепыша, здоровяка и добряка в провинциальную обыденность. Можно долго описывать то, что случилось после армии с Виталей. Можно сказать и коротко: он стал спиваться. Не смог остановиться после громких тостов и бурных возлияний за его армейское прошлое. Тем не менее Никита прислушивался к Виталиным рассказам, ведь глазом не успеешь моргнуть, как сам пойдёшь в армию. Долг Родине — это святое.

Никита пересчитал мелочь и зашел в «Надежду» (два магазина-павильона, стоявшие рядом), на оставшиеся деньги он решил купить мороженое. «Съем мороженое и пойду к деду», — решил Никита и невольно вспомнил о Витале, а вернее, об одном из его армейских рассказов.

Глава 2. Рассказ Витали

Ябыл тогда еще рядовым, в сержантскую учебку меня не направляли. Вместе со всеми тянул, так сказать, лямку, познавал все тяготы и невзгоды. Полов за первые полгода вымыл — если сделать дорожку шириной в один метр — от Хабаровска до Канска хватит.

И вот, как-то вечером подходит ко мне старослужащий один, Магазин его звали. Нужно сказать, что молодых бойцов кто попало в армии не трогает, там каждый последующий призыв воспитывает строго предыдущий. Бывают исключения, когда «деды» или дембеля вмешиваются, но это крайне редко. Так вот, Магазин и говорит: «Отлетали, мол, вы свои полгода, вчера смена пришла, пора вам братья за её воспитание». Я сразу не понял, чего он хочет, а он и продолжает: «Молодёжь сейчас на учениях: „вспышка слева, вспышка справа“, скоро вернутся, скажи им, чтобы в роте полы помыли, хватит вам летать».

И точно, накануне вечером прислали нам новобранцев. В спецназе парни как на подбор. Но три экземпляра были просто уникальными. Из Тюмени призвали трёх друзей: два кандидата в мастера и один мастер спорта по самбо из одного клуба. Двое ничего так, крепкие, но обычные ребята. А один был очень здоровый — в полку валенок на него не нашлось по размеру, пришлось расшивать.

Что ж, задача поставлена, нужно исполнять. С кого начать?.. Думаю, если эту троицу полы мыть заставлю, остальные как миленькие присоединятся. Нам ли бояться трудностей. И вот, через пару часиков, когда новый призыв вернулся с учений, которые, правду сказать, по первости были каждый день, рассадили их в умывальнике. Это специальное помещение: посередине раковины в два ряда, а вокруг скамейки. Так вот, сидят они на этих скамейках, отдыхают.

Ребята из Тюмени сидят рядышком молча. Подошли мы к ним с Игорьком Соболевым — из Москвы паренёк моего же призыва, мы с ним вместе тогда в наряде по роте были, дневальными². Подошли и встали напротив этой троицы (самый здоровый посередине сидел). Я говорю:

— Что? Тяжко?

— Тяжко.

— Устали?

— Устали.

— Тут ведь вот какое дело, — продолжаю я, — придется вам ещё немного поработать, потом уж отдыхать будете.

— Что нужно сделать? — спрашивает самый большой.

— Полы в роте помыть, — отвечаю я.

— А кто сегодня дневальный? Тот пусть и помоет, — и сидит, глаза закрыл.

— Я дневальный, — говорю. — Но хочу, чтобы ты помыл.

Смотрю я при этом на своего собеседника-гиганта и вижу, как глаза его открылись и кровью наливаются. Он вскочил, не то закричал, не то зарычал. Я не маленький, а он встал — на голову меня выше. Ребята, друзья, ему на руки повисли, а он, вместе с ними, рычит и на меня идёт. В какой момент Игорёк испарился, я сам не понял. Самбист этот завис надо мной как медведь, лицо в лицо, и рычит. Я, признаться, бить его не стал. Но и не побежал. «Понял, — говорю, — не хочешь». Развернулся спокойно и пошёл из умывальника в расположение роты. Подхожу к дверям, а там старослужащие, как тараканы, аж сверху выглядывают. Говорят: мол, всё видели, молодец, своё дело сделал, можешь отдыхать.

Я и пошёл спать. Утром просыпаюсь — молодые полы моют, и троица моя вместе со всеми, стараются, суетятся. Их потом, всех троих, денька через три в спортивную роту перевели, так и не успели познакомиться, а меня, оказывается, заметили, вскоре ефрейтора присвоили, потом сержанта».

² Лицо суточного наряда, который отвечает за сохранность боеприпасов, личных вещей и другого имущества, а также следит за соблюдением чистоты в помещениях и выполнением распорядка дня.

Глава 3. Канск

В Канске было больше восьмидесяти тысяч жителей. По этой причине и потому, что основан он был, как и краевой центр, Красноярск, в 1628 году, городишком его назвать язык не поворачивался. Но от северного своего ровесника Канск отстал и по статусу, и по размеру, и по уровню жизни.

В последние годы облюбовали его китайцы. Правда, с одной целью — заготавливать здесь и вывозить к себе круглый лесоматериал. Частично его перерабатывали и здесь, о чём напоминали постоянно растущие кучи опилок и древесных обрезков на окраинах, а порой и где-то в середине города не на центральных улицах.

Вместе со словами «лесозаготовка» и «деревообработка» к описанию Канска вполне уместно применить и слово «ссылка». История сосланных в Канск ведёт свой отсчёт с декабриста Александра Мозалевского, прапорщика Черниговского пехотного полка, через марксистов Арцыбушева и Дзержинского, через участников революции 1905 года, через ГУЛАГ к современным исправительным колониям ГУФСИНа. Многие, отбыв срок, остаются здесь жить, что вносит определённые штрихи в уклад городской жизни.

Никита, по неопытности своей, еще не мог задумываться о включении в описание города слова «пьянство». Но знакомые, подобные Витале, к тому постепенно подводили, а ещё порождали в глубине души стремление уехать. Не так важно куда. Виталия с его неизменными «Никитос» и «Честь имею!» был для Никиты глубоко родным, но каждый раз при встрече у него щемило душу. С одной стороны, от жалости к взрослому человеку, испытывающему счастье от «халявного» обладания несколькими рублями. С другой — от веющих от спивающегося спецназовца предопределённости и безнадёжности.

Несовместимые «дай семь рублей» и «честь имею» органично уживались в Виталиной широкой душе. Упоминание о чести, возможно, было последней соломинкой, которая не давала этому человеку согнуться в бездне.

Глава 4. Встреча

Дома пахло жареным мясом. Никита прикрыл дверь и прошёл на кухню. Дед сидел за столом и по обыкновению громко о чём-то рассказывал. Когда Никита вошёл, дед, расставив руки, двинулся ему навстречу.

— Здорово, внук! Вымахал-то как! — дед обнял Никиту, не то похлопывая, не то поглаживая по спине.

— Привет, дед, — Никита на мгновение напряг руки в объятиях.

— Осторожно, ребра поломаешь, — засмеялся Виктор Матвеевич. — Вот, прибыл. Поживу у вас пока, там увидим. Присаживайся, мать тут наготовила на целую роту. Помогай.

Никита обнял мать, здесь же, в раковине на кухне ополоснул руки, вытер их о полотенце и сел за стол. Мать поставила перед ним тарелку с борщом, подала ложку, придвинула чесночные пампушки: «Кушай, сынок».

Дед тем временем продолжал:

— Если б ты видела, сколько народу бывало по вечерам на Никольской. А сколько на Воробьевых горах в фан-зоне! Иностранцы через одного... Я к тому, что до этого все кричали про Крым, про Донбасс. Россия такая, Россия сякая, Россия — агрессор. Но Крым-то случился в 14-м году, а Россию выбрали местом проведения мундиаля в декабре 10-го, Шувалов³ там, Мутко⁴, Аршавин⁵ с Дасаевым⁶ были в делегации. Но это не важно. Никто ж этого не отметил, даже не заикнулись. Все умолкли и кинулись с распостёртыми объятьями на наш спортивный праздник, сметать полки в наших барах и сувенирных магазинах. Все рады, все нас любят...

А я по этому поводу такой случай вспомнил, из моего детства.

Первый рассказ деда

Мои дед с бабой всегда держали поросят. То есть выращивали, выкармливали свиней. По осени, когда наступали первые морозцы, хрюшек кололи, в смысле, забивали. Дед сам с этим справлялся, нас обычно туда не пускали. Во-первых, чтобы детскую психику не травмировать; во-вторых, чтобы свинья в испуге не затоптала случайно. И вот я первый раз напросился посмотреть, как это происходит. Ведь когда-то я сам должен был начать это делать.

Дед приготовил нож, взял колун (топор такой, массивный и толстый), а бабуля — ведро с какой-то едой. Свинья была огромной. Баба позвала: «Боря, Боря». Она звала так всех свиней вне зависимости от пола, они не возражали, откликались. И вот этот боря засунул морду в ведро и начал что-то там есть. Задача деда была попасть свинье обухом колуна в лоб, чтобы оглушить, а потом уже прирезать. Но что-то пошло не так, и дед попал не в лоб, а куда-то между глазом и ухом. Боря дико завизжал, отбросил ведро, крутанулся и кинулся бежать по двору. Крыльцо в доме было высоким, со всех сторон обито досками, а одну доску дед убрал, чтобы прятать под крыльцо ломики, лопаты и прочий такой инструмент. Боря кинулся к выщерблене и каким-то удивительным образом сквозь неё пролез-таки под крыльцо. Там он улёгся и начал потихоньку не то похрюкивать, не то постанывать...

Бабуля тогда много «хороших», в смысле крепких, слов сказала деду. Дед только руками разводил: да, виноват. Но дело-то как-то надо было поправлять. Решили уже крыльцо разбирать, соседей звать на помощь, чтобы вытащить тушу из-под крыльца. Думали: помрёт там Боря. Дед уже за гвоздодёром сходил, ломик приготовил... Тут через щель одним глазом выглянул свин. Второй глаз заплыл, ухо посинело. И вот, бабушка взяла то же ведро и опять начала: «Боря, Боря»... И бедный Боря, опять невероятным образом сузившись, вылез из-под крыльца и снова засунул морду в ведро. Тут уже дед не промахнулся. Потом была свежина, дед, подвыпив, рассказывал про свою осечку приглашенным родственникам, все смеялись. А я подумал тогда про Бору: не дай Бог мне когда-нибудь в жизни так же проголодаться...

— Да уж как-нибудь без куска хлеба не будем, пока руки-ноги целы да здоровье есть. Лишь бы не было войны, — произнесла мать.

Никита вытер губы салфеткой, отложил ложку и сказал:

³ Игорь Шувалов — российский государственный деятель, первый зампред председателя Правительства РФ в 2008–2018 гг.

⁴ Виталий Мутко — российский государственный деятель, министр спорта, туризма и молодежной политики РФ в 2008–2012 гг.

⁵ Андрей Аршавин — российский футболист, бывший капитан сборной России, заслуженный мастер спорта России.

⁶ Ринат Дасаев — советский футбольный вратарь, заслуженный мастер спорта СССР.

— Я, наверное, не смог бы держать свиней, чтобы потом их зарезать и съесть. Это ж забота о них должна быть каждый день. Кормить... Боря, Боря... Привыкают, наверное, они, доверяют безмерно. А потом Борю на сковородку — нам кушать хочется.

— В чём-то ты, пожалуй, прав, Никита, — поддержал дед, — массовый забой на фермах гуманнее, наверное. Всё как у людей: смерть одного — трагедия; смерть миллионов — статистика.

Глава 5. Первая беседа

Анна, мама Никиты, была поздним ребёнком, а потому, по обыкновению, более избалованным и обласканным (нет, не любимым). Часть предназначенного для дочери тепла невольно коснулась и внука. Дед не нагнетал ситуацию, полагая, что лучший способ воспитания — это собственный пример.

Казалось, аккуратность и педантичность у него в крови. В 6:30 утра он появлялся из своей комнаты, кипятил и заваривал чай в термосе. Потом на 15 минут занимал ванную. Затем выходил, свежий и вкусно пахнущий, наливал большую кружку чая и садился к столу. Чай пил крепкий, без сахара, конфет и бутербродов. Видимо, в эти 10–15 минут он давал себе установки на день. В 7:00 Виктор Матвеевич выходил из дома для утренней прогулки. Через час с небольшим возвращался, принимал душ и в 8:30 садился завтракать. Мать как раз успевала сварить какую-нибудь кашу и приготовить салат — два неизменных утренних блюда.

В течение дня дед в основном занимался различными общественными делами. Он довольно быстро нашёл себе применение в городском совете ветеранов и теперь принимал участие в различных комиссиях, собраниях и торжественных мероприятиях. В свои 67 лет (на которые он, безусловно, не выглядел) он давно был на пенсии и мог себе позволить делать то, чего хотела душа. Часто он приглашал с собой Никиту, но внук всегда отказывался, ссылаясь на школьную занятость.

Первый разговор Никиты с дедом состоялся недели через две после его приезда. Как-то вечером, когда внук играл в компьютерную игру, дед подошел и спросил:

— Никита, сможешь уделить мне несколько минут?

Никита пообещал, что сейчас подойдёт, по инерции продолжив ещё играть, потом поставил игрушку на паузу и пошёл в комнату. Дед жестом указал на свободный стул — присаживайся.

Пауза длилась недолго, Виктор Матвеевич заговорил:

— Никита, не буду скрывать, да тебе, наверное, это известно, что приехал я к вам в основном из-за тебя. По крайней мере, когда я принимал решение, для меня это оказалось главным. Ты вырастешь. Возможно, тебе бывает неудобно задать какие-то вопросы матери, спросить какого-то совета. А отца, так поучилось, больше нет. Я не пытаюсь его заменить, но хочу, чтобы ты знал: ты мой внук, мы с тобой — родные люди. Я не только беспокоюсь, но и несу ответственность за твоё будущее, поэтому решил с тобой поговорить.

Никита молча кивнул. Дед продолжил:

— Обещаю, что наши беседы останутся между нами. Я уже немного осмотрелся, сделал для себя кое-какие заметки. Можно задать тебе несколько вопросов?

— Да, конечно.

— Я заметил, что после школы ты в основном проводишь время за компьютером, это у вас сейчас так организована школьная программа?

— Нет, — улыбнулся Никита. — Это мы так общаемся с ребятами через интернет. Но в основном я играю в игру, Minecraft называется. Там можно самому строить целые миры из кубов. Как говорят сами разработчики, это игра для любителей ставить блоки друг на друга и находить приключения на свою голову.

Дед улыбнулся:

— Так-так-так... А как же футбол или шахматы, наконец?

Никита пожал плечами:

— В футбол мы тоже играем иногда, а шахматы ничем не лучше Minecraft'a, я считаю. Здесь тоже думать нужно. Только фигуры, которыми будешь играть, каждый может создавать сам.

Немного помолчали, и Никита продолжил:

— Ты, наверное, хочешь спросить, почему я много времени провожу за компьютером — так все спрашивают. На самом деле, у меня есть выбор: тратить время на шахматы, например, или на Minecraft. Но в шахматах всегда каждый сам за себя, а тут мы можем объединяться, действовать отрядом, я с друзьями обычно играю в одной команде. Взрослые — обычно не очень сильные пользователи компьютера, поэтому и задают такие вопросы, они плохо представляют, какой это мощный ресурс. С коней же все пересели на машины и тракторы, так и от шахмат пересядут к компьютерам. Кстати, в шахматы и через интернет можно играть, с реальными соперниками, если сильно нужно. Только я не очень понимаю, в чём там удовольствие.

— Хорошо с тобой беседовать, Никита, — дед тронул внука за плечо, — сам вопросы задал, сам на них ответил. Молодец! Я не шучу, мне на самом деле нравится, как ты размышляешь. Вряд ли ты меня сейчас прирастишь к компьютеру, но я и в шахматы, признаться, забыл, когда играл. Вот по молодости — да. Там я и в соревнованиях участвовал, и выигрывал, бывало. Но главное — на эти соревнования можно было выезжать. Я и по краю поездил тогда, и по стране. Ещё в школе когда учился, потом в институте. Всему своё время. Думаю, и ты, когда чем-то ещё увлечёшься, отодвинешь свой компьютер. Главное — глаза не надсади, отдыхай иногда. Нельзя целый день смотреть в экран.

— Хорошо, дед, понял, — Никита, видно было, уже хотел вернуться к прерванной игре. — Я пойду?

Дед кивнул, внук вышел из комнаты.

Глава 6. Настоящий полковник

После Нового года из Красноярска на несколько дней по работе, а заодно и навестить родственников, приехал двоюродный брат Никиты Макс — сын второй дочери Виктора Матвеевича Татьяны.

Максу было уже 35 лет, он был подполковником и служил в достаточно высокой должности в краевой транспортной инспекции, иногда инспектировал районы. В Канске он пробыл три дня. Вначале остановился в какой-то гостинице. Его радушно и хлебосольно встречали местные представители ведомства и чиновники из городской администрации.

Уже вторую ночь Макс решил ночевать в доме Анны. Вечером они с Никитой допоздна зависли за игрой World of Warships, в которую Макс играл уже не первый год, имел собственный флот из более чем 70 кораблей и приближался к 20 тысячам боёв, за что Никита начал звать брата «настоящий полковник».

Вечером третьего дня Никита, Макс и Виктор Матвеевич — представители трёх разных поколений — долго беседовали. В тот день Никита впервые наравне со взрослыми рассуждал о происходящих в стране событиях. Тогда Макс впервые упомянул о российских анархистах, идеологии, а скорее — философии, впоследствии увлекшей Никиту, за которую он и попал в СИЗО.

После ужина мать уехала в центр в парикмахерскую. Мужчины допивали чай. Разговор завязался сам собой.

Виктор Матвеевич спросил, обращаясь к Максусу:

— Как твоя поездка? Всё сделал, что хотел? Доволен?

— В целом, да, — дежурно ответил Макс.

Виктор Матвеевич усмехнулся:

— Спасибо за подробности. Позволь тогда спросить о частностях.

— Как в любом районном центре, — Макс прихлебнул чай, сделав значительную паузу, — не без косяков. Регламенты тем не менее соблюдаются, начальство уважает. Макс улыбнулся. — Я вот думаю: если мне такой почёт и уважение при встрече, как они губернатора встречают? А если президент приедет, представить страшно, что будет.

— Подполковник, большой человек, а глупости говоришь. Всё у них прекрасно регламентировано и расписано. О чужих почестях не мечтай, не достанется, — Виктор Матвеевич, похоже, был настроен подискутировать.

— Да мне и того, что предлагают, не надо. — Макс встал. — Я думаю вот о таких, как он. — последовал жест в сторону Никиты, — Такими темпами они к крепостному праву вернуться. Я второй раз приезжаю, но встречали меня в этот раз как будто впервой. Кто-то же старался, думал, как меня развлечь, как ублажить. Сначала сделали экскурсию по городу. Точно по тем местам, где возили и в прошлый раз. Так всегда будет? Достопримечательностей, между прочим, за восемь месяцев не прибавилось. У главы города в кабинете выпили по бокалу виски, за приезд и чтобы кровь играла. Нравы и обычаи, смотрю, почти американские, уровень жизни вот немного отстаёт...

— Ты не горячись, — перебил дед, — присядь. У нас всё на эмоциях, потому и живём так. Голосуем сердцем, головой надо думать. Остынь, Макс. Продолжай. Ну, выпили по бокалу, что дальше?

— Потом по предприятиям поехали: на ТЭЦ, на «Маяк», в пожарную часть, которая недалеко от автовокзала. О пожарных вообще разговор особый после всех канских пожаров, которых выдалось много за последнее время. А что толку? Бойцы говорят, что хорошо бы иметь специальную помпу, чтобы воду для тушения брать из ближайших водоёмов. Что такое шесть кубов, которые даже в новейших ёмкостях едва помещаются? Представьте пожарных, которые потушили было огонь, а потом вынуждены уезжать водой заправляться. Пока вернёшься, всё по новой.

Макс, помолчав, продолжил.

— Это я, конечно, немного не в свою область заступаю, тут, скорее, МЧСники должны разбираться. Но то, что техника старая используется, — это факт. Всё равно и эти все визиты тоже можно к экскурсии отнести. Показали мне, что нас тут уважают. Мол, работа ведётся. Потом в кафе поехали, итальянское, недалеко от администрации. Фактически этим первый день и закончился. Я не люблю совмещать службу и отдых. Не ожидал, что начнётся разговор про лицензии. В общем, пришлось прямо сказать, что все служебные вопросы переносим на завтра. В семь часов меня отвезли в гостиницу, я сам так захотел. Люди остались ещё доживать. Позже звонили, предлагали в сауну съездить, отдохнуть, так сказать, по полной. Не прямым текстом, но я так понял. Кстати, за ужин мне не дали рассчитаться. Я не стал настаивать. Потом, вечером уже, начал думать: почему так? Приехал по работе, целый день впустую. И, главное, если самокопанием не заняться, то этого и не заметно — так лихо склеено. Высший пилотаж. А ведь возили, кормили, поили, в глаза заглядывали — от этого теперь не отмахнёшься. Вот коготочек и увяз — стал, вроде как, обязан за встречу.

Никита тоже решил поучаствовать в беседе:

— Макс, тебе-то зачем переживать — пусть они переживают. Ты ж с проверкой приехал — может, это тоже часть испытания: будут пытаться тебя купить или нет. Ты ж для них власть, руководитель.

— В том-то и дело, Никита, — отозвался Макс, что я, типа, власть. Я готов при этом быть максимально демократичным в интересах дела. Может быть, потому и позволил себя так встретить, что это была их личная инициатива. Вопрос в границах. С сауной был явный перебор. — Макс снова встал. — Я не говорю, что боялся под камеры попасть, хотя и этого не стоит исключать. Если кто-то захочет, можно, конечно и с видеозаписи в ресторане компромата нарезать: типа, проверяющий в рабочее время с подчиненными в кафе. Я не особо опасаясь. Когда чист, с этим проще. Я о другом говорю: я готов общаться на равных, как с членами одного коллектива, решающими общие важные задачи. Зачем люди прогибаются, когда их об этом не просят? Природа такая? Ведь были и те, кто за идею равенства жизни готовы были отдать, и отдавали. Например, анархисты. Для них всякая власть — это давление на человека. Я о философии, не о методах борьбы. Вижу, в современном обществе анархистов нет — любого начальника готовы в попу целовать и ниц падать, лишь бы он улыбался. Вот это противно.

В разговор вновь вступил Виктор Матвеевич.

— Макс, ты, по-моему, слишком категоричен — правильно Никита говорит. Всё ведь в мире имеет вторую сторону, изнаночную — полную противоположность. Чёрное — белое, добро — зло, правитель — раб, инь — янь у китайцев как мужское и женское начала. А посмотри: всегда есть также какая-то сумма, нечто среднее. Это диалектика, нормальное течение жизни. Это тебе кажется, что в провинции власть отличается от центральной.

Дед тоже встал и подошёл к Максиму, стоящему у окна. Внизу стайка воробьёв терзала полбулки хлеба.

— В реальности всё строится по одним законам. Вон, знакомый у меня, Сергей Зверев, был школьным учителем, а до этого семь лет не мог пед окончить — всё академы брал, трёх ребятишек в общаге умудрился заделать, многодетным папой стать ещё в студенчестве. Богато они точно не жили. Вот и откуда тогда, спрашивается, что берётся? Стал Серёга сельским мэром, главой нескольких деревень, объединенных в один сельсовет, человек триста у него было избирателей в общей сложности. Понятно, что со своей новой зарплатой кое-какие дела он поправил вполне законно: дом купил, печь переложил, крышу перекрыл. Но вот на сохатого он стал выезжать охотиться как барин — его задачей осталось только выстрелить, лося мужики деревенские стали на него выгонять. Думаете, он себя меньшей властью считает, чем президент в Кремле? Это вряд ли. Так что, можно сказать, мерилом власти в России вполне можно считать лося. Имеешь право стрелять — значит, белая кость.

Никита тоже поднялся и подошёл к старшим.

— Главное, чтобы самому не стать лосем. Похоже, мы иногда не понимаем, куда нас гонят — а там охотник, и он решает, что с нами будет дальше и сколько нам осталось.

Дед взял ребят за плечи и развернул к столу.

— Ну, что подскочили, присаживайтесь. Давайте-ка ещё чайку, за лося, как говорится.

Глава 7. Чароит

Никита достал из холодильника банку с земляничным вареньем и щедро вывалил часть содержимого в глубокую тарелку. По кухне распространился ягодный аромат.

— Кстати, в прошлый приезд общение с мэром было совсем другим, — после длительной паузы первым заговорил Макс. — Во-первых, женщина тогда была; во-вторых, она была очень испугана: я в первый раз приехал после больших пожаров, ещё месяца не прошло. Жаль, что её убрали — мне казалось, что она толковая была, болела за город.

— Да, мы тоже с пацанами считаем, что её заставили уйти, хоть и говорят, что по семейным обстоятельствам. Я с внуком её общаюсь, он сказал по секрету, что попросили, — поддержал Никита. — Она строгая, конечно. Собираются судить её. Обещали не строго, если сама уйдёт.

— Ну, этого мы точно не знаем. И ты, Никита, не трепли об этом где попало, чай не Навальный, — вмешался дед. — Время беспокойное наступает, ребятки. Пока ещё между собой открыто обсуждаем всё, что хотим, но на публике уже нужно думать, о чём говорить, а о чём помолчать. Причём молчать советую вне зависимости от собственной точки зрения. Любая правда, до которой мы хотим докопаться на своём уровне, не будет полной, возможности у нас не те. Уже очевидно, что, заявив свои взгляды, на ход событий в стране ты не повлияешь, а вот ход собственной жизни можешь изменить значительно. — Хороша земляничка, как с летней поляны, — похвалил он варенье и продолжил. — На то и существует целая наука — история, — что многое видится на расстоянии. Есть, например, станция московского метро, которая называлась «Завод имени Сталина». Она открылась в 1943 году, и её название у современников не только не вызывало вопросов, но и считалось абсолютно логичным. После смерти Сталина, в 56-м году, название сменили на «Автомобильная». А ведь Сталин умер только в 1953-м. Три года, и уже замена названия и отказ от имени Сталина опять всем показались нужным и логичным. А что в итоге? Остаётся название прежним, люди бы спраши-

вали или вспоминали даже спустя много лет, кто такой Сталин. А «Автозаводская» — обтекаемое, нейтральное имя, с исторической точки зрения не говорящее ни о чём, разве что о том, что завод ЗИЛ рядом был. Так можно станцию и «Три сосны» назвать. Кстати, и то было бы интересней с точки зрения народного творчества. Мол, не заблудись.

— Да, интересно, — сказал Макс. А ведь можно было бы метро так переименовать, чтобы и Сталина не упомянуть, и чтобы не забывали, что это был за человек. Скажем, назвать станцию «Культ личности». Чтобы помнили, к чему чрезмерное прижизненное возвеличивание вождя приводит.

— Можно не возвеличивать, а навечно заклеить через имя или проступок, — подхватил Никита. — «Тридцать серебряников», например, или «Взятка — от двух до пяти». Мне кажется, классно было бы сделать станции «Гитлер-капут» или «Буонапартий». Или улицу, не станцию. Много же улиц ни о чём, как у нас в Канске, больше шестидесяти улиц на числительные начинаются: 1-й, 2-й, 3-й... 4-й, 5-й, 6-й есть.

— Занимательно, но не хотел бы я на улице Гитлер-капут жить или даже Культ личности. Хотя названий в России таких, что говорить иногда стыдно, хоть отбавляй. Парашино, например, деревня, есть и в Московской области, и в Тверской, и в Пермском крае. Помню, улицы смешные искали тоже по карте Москвы. Чароитовая, показалось, забавно звучит и, вроде как, ни о чём. А оказалось, чароит — это камень такой, фиолетового цвета, из которого даже ювелирные украшения делают.

В этот момент вернулась Анна, и разговор стал обычным, будничным: об удорожании продуктов, о выросшем с осени пенсионном возрасте и о фильтрах для воды. Потом вдруг вспомнили футболистов Мамаева и Кокорина⁷, потом ушедших в 18-м году Иосифа Кобзона, Олега Табакова и Николая Караченцова, обсудили погоду на завтра и предстоящий отъезд Макса и отправились спать-отдыхать.

Глава 8. Рыбалка

В мае 2019 года, как раз на те выходные, когда Украина должна была выбрать себе нового президента, Виктор Матвеевич уговорил Никиту съездить на рыбалку на один вечер. Ответственным за мероприятие был давний товарищ деда, милиционер в отставке, бывший начальник гаража Виктор Иванович, которого все от мала до велика уже много лет звали просто Иваныч.

Никита договорился взять с собой одноклассника Дениса Павленко, поэтому ехать решили на «Жигулях», о чём Иваныч после не раз пожалел. Ехали на реку Кан, километров за 70 от Канска, в надежде попасть на поднимающегося хариуса.

Погода была чудесная, всю палило солнце. В такую бы погоду, казалось, не рыбачить, а купаться, но Сибирь спешки не любит — вода в эту пору была мало что холодная, так ещё и мутная, поскольку в Кан стекли растаявшие в горах снега.

Съехав с асфальта, Иваныч ещё около получаса вёл автомобиль по лесной дороге, умело форсируя, то объезжая лужи, которых оказалось неожиданно много. Наконец, машина остановилась. Иваныч вышел из-за руля, прошёл немного вперёд и вдруг скрылся из виду.

⁷ Футболисты, осужденные за драку в московском кафе.

Оказалось, что впереди был глубокий овраг. За Иванычем вышли и остальные. Подошли к оврагу. Иваныч, подобрав длинную палку, замерял глубину лужи, разлившейся в обе стороны насколько хватало глаз.

— Нет, ребята, не будем рисковать, — заключил, наконец, Иваныч и смахнул зажатой в кулаке кепкой комара, намеревавшегося попить иванычевой крови с его лысой головы.

Машину оставили в нескольких метрах от дороги, положив ключи под заднее колесо (вдруг кто-то вернётся раньше других), взяли снаряжение, надели болотные сапоги и двинулись за Иванычем вброд через овраг. Никита оглянулся:

— Ничего, что машину бросаем? Никто не тронет?

Иваныч усмехнулся:

— Эх, молодёжь, не знаете лесных законов. Здесь чужих нет, никто ничего не возьмёт — тайга не велит.

Шли вдоль реки ещё минут пятнадцать. Иваныч огорчённо вздыхал: вода сильно поднялась, и те места, которые он знал и где намеревался рыбачить, оказались под водой далеко от берега. Из воды повсюду торчали подтопленные прибрежные кусты, через которые с шумом прорывался глинистого цвета поток. Остановились в итоге на большой поляне на излучине Кана. Течение было стремительным, но кустов здесь не было. Иваныч прокомментировал: «Летом здесь отмель, в калошах можно гулять, ног не промочишь. Попробуем тут. Хоть кустов нет. Не ехать же назад, даже не разложив удочки».

Виктор Матвеевич первым разобрался со своими снастями, наживил червяка, установил небольшую глубину до поплавка и сделал заброс. Река подхватила и быстро понесла по течению пенопластовый самодельный поплавок. Он два раза качнулся в волнах и исчез под водой. Зацеп, — подумал дед и по инерции не сильно, но хлётко дёрнул удилищем, как бы подсекая рыбу. Поплавок вдруг двинулся против течения. Леска натянулась. Удочка согнулась в дугу. Дед приблизил удилище к воде и потянул по ходу течения. Поплавок был скрыт под водой, и только натянутая леска вдруг понеслась к берегу. В мутной воде блеснула чешуя. Дед глянул на Иваныча: сачок!

Уже через миг Иваныч с сачком в руках встречал рыбину, которую Виктор Матвеевич тянул к берегу. В такие минуты время чудесным образом изменяет свой бег, заметно замедляясь, словно давая участникам с большей силой прочувствовать драматизм момента. Это короткие, но удивительные секунды, когда человек борется с рыбой на её территории, в её стихии, чувствует всю её силу, накопленную в борьбе с течением. Ради этих ощущений вновь возвращаются рыбаки к далёким берегам, покидая домашний уют. Про эти мгновения говорят, что процесс важнее результата. Но в данном случае был и результат — крупный с чёрным отливом хариус под полметра длиной. Потом оказалось, что эта была самая большая рыбина из пойманных в тот вечер.

Рыба-чемпион метнулась к берегу, ведомая дедом, и буквально влетела в сачок, представленный Иванычем. Друзья-пенсионеры ликовали! Впрочем, «пионеры» тоже не отставали. Через несколько минут рыбаки рассредоточились по берегу, и то там, то тут было слышно: сачок! На помощь сначала приходил исключительно Иваныч, но, когда клюнуло у него, орудовать сачком пришлось Никите, и вскоре на завершающей стадии по очереди оказывались то Никита, то Денис как молодые и проворные.

Начало смеркаться, но клёв продолжился и в темноте. Иваныч настоял продолжить ещё немного, мол, серьёзных преград для «Жигулей» на дороге не будет, и правильно, что не стали перебираться на машине через овраг. Наконец, совершенно стемнело. Проявились, а потом засияли огромного размера звёзды. Но и их света было мало, чтобы разглядеть поплавки. Пришлось заканчивать.

Улов оказался очень хорош. Никто и не думал, что удастся поймать так много за один вечер. Возвращаясь к машине, они вспоминали, как Денис, в первый раз взяв сачок, «помог» Иванычу отпустить хариуса, и подтопленные кусты, и первую рыбу-гиганта. Громко говорили, смеялись и, подходя к машине, не сразу заметили, что она стоит без всех четырёх колес.

Нас «разули». К счастью, ключи не тронули. Мало того, их положили на капот, чтобы они не затерялись в траве, когда снимались колёса. Щемящая душу забота. Достали спички, развели костёр, начали обсуждать, что делать.

— Ребятам завтра в школу, их потеряют, предупредить невозможно, связи тут нет, — начал Иваныч.

— Это не самая большая беда, объясним. Вот женщины нас потеряют: Валентина твоя да Анна, дочь, — продолжил Виктор Матвеевич. — Но одних их не отпустишь. Идти всем вместе — тоже не вариант. Может быть, те, кто колёса снял, на это и надеялись. Если уйдем, то аккумулятора потом точно не будет, а может, и двигателя тоже. Одному кому-то оставаться тоже не стоит — мало ли сколько их было.

— Если все вчетвером тут сядем — тоже ничего хорошего. Всё равно с рассветом до деревни ближайшей идти, тут километров двенадцать, так зачем время терять, — вновь подключился Иваныч.

— Хорошо, — дед положил в костёр несколько тонких веток, отчего пламя вспыхнуло, осветив лица незадачливых рыбаков, — Никита покрепче Дениса, пусть идёт с тобой в деревню. С тобой, потому что тебя каждая собака знает, сможешь с колёсами на время решить, пока выберемся. Договаривайся, чтобы взять в деревне колёса (чьи-то зимние или с машины снять) и привезти сюда. Мы доедем до города, обуемся там и всё вернём назад. Отблагодарим, конечно. А может, из деревни в город дозвонишься до кого-нибудь, чтобы нам сразу колёса оттуда привезли. В общем, наделяю тебя, Иваныч, так сказать, всеми полномочиями. Никита, ты уж его подстрахуй.

На том и порешили. Иваныч с Никитой двинулись в путь, а Виктор Матвеевич и Денис остались у костра.

Глава 9. Поиски помощи

В дороге с Никитой и его спутником ничего страшного, да и вообще ничего примечательного, не произошло. Минут через тридцать они вышли на трассу. Полная луна поднялась к этому времени в зенит и освещала дорогу и окрестности так, что идти было легко. Видимость была хорошая.

Иваныч сказал, что, дабы не спровоцировать нападение диких зверей, вести себя нужно шумно и непосредственно, и сразу же последовал своему совету. По натуре словоохотливый, пенсионер за время дороги успел рассказать Никите и про свою первую любовь, и про службу в органах, и про детей, повзрослевших и уехавших в разные регионы России, и про бурную молодость, и про их с Виктором Матвеевичем дружбу.

Выдвинулись в путь в двенадцатом часу, а в деревню вошли около трёх ночи. В окнах одного из домов горел свет. Действительно, хозяин дома узнал Ивана. Уже через 40 минут они сняли колёса с машины шурина Сергея (так звали хозяина дома) и на его Toyota Caldina возвращались к Кану.

Когда подъехали, Виктор Матвеевич и Денис вышли навстречу.

— А я их видел, — начал дед.

— Кого? — не сразу понял, о чём речь, Иваныч.

— Тех, кто колёса наши снял.

— Вот как, — удивился Сергей, — и кто же это?

— Когда вы с Никитой ушли, — продолжил дед, обращаясь к Иванычу, — примерно через час к нам подошёл подвыпивший мужичок. Молодой, лет тридцати пяти. В солдатских штанах, в тельняшке, тощий такой, ружьишко у него ещё было. Он идёт, боится. Ружьё в пузо упёр, дуло вперёд направил, как будто у костра зверь может сидеть. Нас с Денисом разглядел, правда, ствол опустил. Подошёл:

— Привет, — говорит.

— Здоров, — говорю ему.

Он в сторону машины посмотрел, спрашивает:

— Чё, колёса сняли?

— Сняли, — отвечаю.

Сам глянул: машина в траве стоит, издали и не видать, есть колёса там или нет. «Вот он ты, голубчик», — думаю. Потом ещё специально сходил на его место встал — не видно, с колёсами машина или нет. Познакомились, он Сашей назвался.

— Нет, — спрашивает, — соображений или подозрений каких, кто мог бы это сделать?

— Какие соображения, — говорю, — в тайге кого теперь искать? Если кто и снял, так он дома давно, колёса в гараже выгрузил да седьмой сон доглядывает.

Саша подошёл уже к самой машине.

— Вот суки, — говорит, — даже чурочки никакие не подложили, прямо на землю бросили.

Я только руками развёл. Он предложил дойти до их палатки. Я Дениса оставил, а сам дай, думаю, посмотрю схожу, нет ли второго какого ружья. Мужики, как оказалось, приехали позавчера еще — в пятницу, то есть. Вдвоём. Сетушки кинули, спиннинг позабрасывали. Оторвали, говорят, две блесны. Пили крепко два дня, сети даже не вынимали. Предложили виски выпить с ними, я отказался, сказал, что здоровье не позволяет. Второй, Олег, оказался крепким коренастым мужиком, помоложе Саши. Коротко стриженный, в толстой золотой цепи, в хорошем спортивном костюме, в сланцах на босу ногу. Налили они себе виски по полстакана, выпили за знакомство. Я назад к костру стал собираться. Мол, потеряет парень. Дали мне чашку мяса жареного (видать, шашлыки делали), хлеба для меня и для Дениса. Поешьте, мол, проголодались, наверное. Я не стал отказываться, так что мы перекусили немного.

Иваныч посмотрел на деда.

— Уверен, что они?

— Сто процентов, — подтвердил Виктор Матвеевич.

— Тогда так, Виктор, — продолжил Иваныч. Ночью все живы остались, днём, думаю, ничего не произойдет. Мы тогда колёса Серёгины ставить пока не будем, поедem до города, я свои привезу — старый комплект. Заодно ребят с собой прихвачу, оперов. Попробуем по горячим следам раскрыть преступление. Ребят заберу, а ты оставайся, мы часа через три-четыре вернёмся. Согласен?

— Согласен, — подтвердил дед.

— Сергей, ты слышал всё. Съездим с тобой? Я тебе залью полный бак и самогоновки⁸ своей пару литров добавлю. Сможешь?

— Я только до города и сразу обратно, мне на работу, — ответил Сергей. — С операми сами потом сюда добирайтесь. Найдёте, я думаю, машину?

— Да, конечно, — ответил Иваныч. — Никита, Денис, живо по местам. Оставляйте всё, потом соберём. Рыбу заберите. Мне нужно успеть вернуться, пока алкоголики не проснулись.

Дед потом рассказывал, что Иваныч вернулся через несколько часов. Приехал с сыном, который, оказывается, в полиции работает, в розыске. С ними ещё пара ребят. Двое прошли до Саши с Олегом. Те, действительно, ещё спали. Окликнули их, разбудили. Саша к ружью было потянулся, но вопрос услышал, расслабился. Недаром опер. В лоб вопросов задавать не стали, спросили, не видели ли они здесь УАЗик, мол, мужики в субботу куда-то в эту сторону поехали рыбачить и потерялись. Пока зубы заговорили, один ружьишко разрядил на всякий случай. Тут и Виктора Матвеевича позвали, объяснили, чего на самом деле хотят.

Дед свои аргументы высказал — те в отказ. Мол, ни в коем разе, в тайге так не поступают. Разделили их, развели в разные стороны, чтобы каждый по отдельности врал. Олега пытались морально пронять, не очень получалось. Он возмущался: «Вы что, мужики? Зачем мне это нужно? Гляньте на меня — у меня автомастерская своя в Канске, в 4-м военном городке⁹, я б никогда».

Саше в это время меньше повезло, наподдали ему маленько. Он тоже не сознаётся, понимает, что лучше не станет. Давайте, говорит, походим тут посмотрим, вдруг не увезли ваши колёса, а здесь спрятали. Сначала вдоль берега ходили, ничего не нашли. Один из парней этого Сашу за шиворот взял, как толкнёт к реке.

— Ну, — говорит, — видать, нет с тебя толку.

Испугался Саша, заплакал.

— Дайте ещё шанс, — говорит, — я в лесу поищу.

Конечно, дали шанс, ясно же, куда клонит. И действительно повезло: нашёл в лесу все колёса, хоть они и были припрятаны и листвой присыпаны, да ещё и по отдельности. Мало того, даже болты колёсные повезло ему найти — все, кроме одного.

Саша оказался офицером с одной из воинских частей под Канском. Признался потом, что Олег его соблазнил колёса снять — типа, поездку отбить. Обещал больше никогда в жизни так не поступать. Благодарил, что всего лишь тумачов надавали. Знаю, говорит, что убивают в тайге за такие вещи. Хотели ружьё у них забрать, да Саша взмолился, чтобы оставили — мол, чужое. Да все потом подумали: зачем, в принципе, будет нужно оружие без регистрации? А вот цепочку свою Олег Иванычу сам предложил, чтобы тот зла не держал. Иваныч брать не хотел. «Бери, Иваныч, заслужил за свои хлопоты, за растроченные нервы», — настояли опера. Есть теперь у Иваныча такая памятная цепь, то ли трофей, то ли подарок — знак отличия своего рода.

⁸ Так в народе называют самогон.

⁹ 4-й военный городок — микрорайон Канска, где располагалась 23-я гвардейская Орловско-Берлинская Краснознамённая ордена Ленина ракетная дивизия РВСН. В июле 2007 года часть расформировали.

Глава 10. Альфа

Денис начал частенько приходить к Никите после школы. Вскоре к ним присоединился Богдан Алексеев — один из лучших учеников школы, победитель межшкольных олимпиад по химии и математике. Естественно, центром общения был Виктор Матвеевич, который тоже успел втянуться в эти собрания и даже как бы помолодел.

Незыблемым принципом таких вечеров было отсутствие авторитетов, поэтому можно было обсуждать хоть любую новость, хоть книгу, хоть отдельные изречения. Дед иногда просто изумлял своими познаниями в самых различных областях. Будучи воспитанным советской системой, он на удивление хорошо знал Библию. В один из таких дней у них возникла дискуссия вокруг анархии как противопоставления авторитарному и тоталитарному государству.

Разговор, как водится, начался за чашкой чая. В сибирском понимании чаем является просто кипяток или горячая вода, если они чем-то сдобрены, будь то мёд, сгущёнка, варенье, любая трава или соль. Никита и дед разбавили себе малиновое варенье в больших кружках, Денис и Богдан пили чай по-забайкальски — крепкий чёрный чай со сгущённым молоком. Таёжники пьют такой в лесу в конце дня для бодрости, а вернее, для снятия усталости.

Начал в тот раз Богдан:

— Прочитал статью в интернете про группу «Альфа» — это спецподразделение ФСБ по борьбе с терроризмом, сегодня как раз исполняется 45 лет с даты её образования. Интересно, у нас в городе или хотя бы в крае есть такой отряд?

— Я слышал, что их называют москвичами, но, в принципе, в Красноярске они есть. В Канске вряд ли — слишком накладно было бы содержать. Им же нужны постоянные тренировки: со стрельбой, спецснарядами, специальной техникой — целый учебный комплекс, — аккуратно прихлёбывая из кружки горячий чай, продолжил беседу Виктор Матвеевич.

— Вон наша «Альфа» — Виталья Потехин, — весело вмешался Никита. — Хотя, кто знает, иногда он такое про армию рассказывает... Тоже в спецназе служил.

— Чтобы в «Альфу» попасть, я слышал, отбор почище, чем у космонавтов, нужно пройти. Там и физподготовка, и моральные качества. По-моему, даже только с высшим образованием туда берут, то есть голова тоже работать должна. Безупречные люди — полубоги почти, — высказался дед.

— А я как раз читал, что они под видом оперативного мероприятия 130 миллионов рублей из банка похитили, — начал Богдан.

— Вот те раз! — перебил дед, — ты ничего не путаешь?

— Да нет, — Богдан отодвинул свою кружку в сторону. — Там так и написано, что накануне большой даты (29 июля 1974 года — дата создания специального подразделения Центра специального назначения ФСБ России под названием «Группа А») было совершено преступление.

— Да, неожиданно, — заключил Виктор Матвеевич, — Хотя, время, наверное, такое, что всё через деньги решается. Зарплаты, я думаю, у них хорошие, конечно, но это зарплаты. В 90-е эти спецы со своими навыками очень были востребованы на разных мероприятиях: юбилеях, торжественных встречах, дипломатических приёмах — показывали, на что способны. Но денег им за это не платили — всё в рамках показательных выступлений, то есть по приказу командования. Попрыгаешь так перед чиновниками да бизнесменами и начинаешь понимать, сколько стоит твой меткий глаз и тренированные мускулы...

— Может, они для удовольствия выступали? — заговорил Никита. — Есть же бодибилдеры, которые даже соревнования проводят по красоте тела. Думаю, альфовцам тоже есть, что показать.

— Показать — это раз, ну два, чтобы в удовольствие, а когда постоянно, то это уже цирк какой-то. Причём бесплатный. А потом вот банки страдают. Не дай Бог, чтобы человек с такой подготовкой в бандиты пошёл, — высказался в очередной раз дед.

Глава 11. Президент в розовых очках

Тут заговорил Денис, до того, казалось, не особенно интересовавшийся темой (он что-то разглядывал в смартфоне):

— Человек одарённый и целеустремлённый, если и сразу в бандиты пойдёт, тоже не дай Бог. Если, конечно, он не Робин Гуд.

— Да, бывают и разбойники благородные, и полицейские продажные, — вступил Богдан. — Кто знает, куда жизнь приведёт. Школу одну заканчиваем, но кто-то станет военным или полицейским, тогда главным в жизни будут присяга и приказ командования. Кто-то будет врачом, где тоже цена ошибки высокая — тут ответственность за жизнь человека на себя придётся брать. Кто-то политиком может стать — там, наверное, главная задача — оставаться в тренде, то есть вовремя менять точку зрения, чтобы оставаться у власти. Ещё лучше, конечно, сделать политическую карьеру и самому руководить. Власть, правда, говорят, портит человека. Но кто-то и сразу может в тюрьму сесть, со школы.

— Чтобы посадили, нужно стать совершеннолетним, — заговорил опять Денис. — Лучше уж в политику. Политики хорошо сейчас живут. Или в чиновники.

— Не особо мне нравятся чиновники да политики — медленно, на манер кота Матроскина растягивая слова, начал Никита. — самостоятельности у них не больше, чем у военных или полиции. Вон, бабушка у Богдана была мэром, переживала за всех и за всё, ночевала иногда на работе — и что? Собираются её судить за то, в чём её вины нет: МЧСники на пожаре плохо сработали...

— Не каркай, Никита, всё будет хорошо, — перебил Богдан, — обещали ей, что всё обойдется. Я о другом сейчас подумал, что иногда видишь явную несправедливость, как в случае с бабушкой моей, и пожаловаться некому — ни власть, ни полиция не защитят, они работают и думают иначе — у них есть начальство, которое всё за них решило.

— Получается, во всём виновато начальство, то есть руководство, — оживился Никита, — но у каждого начальника есть свой начальник или командир — и так до президента — и по гражданской, и по военной линии, поскольку он же у нас и Верховный Главнокомандующий. Получается, он в ответе за работу всей системы, так, дед?

— В чем-то ты прав, Никита, — ответил Виктор Матвеевич, — от президента многое зависит. Но в наше время вряд ли правитель решает всё единолично. По крайней мере, многое зависит от людей, которые находятся с ним рядом, кому он доверяет. Когда-то нужно услышать другую точку зрения или посоветоваться, а когда-то нужна информация — сводные доклады и отчёты о важнейших событиях в стране, о выполнении указов и законов. Качество предоставляемой аналитики не может не сказаться на качестве правления, ведь чиновничество — это своего рода подзорная труба, через которую президент смотрит на мир. С царских времён повелось, что вокруг кареты правителя деньги горстями в толпу кидали. Сиюминутно это соз-

давало эффект чрезвычайной любви к царской особе. Так и повелось, что чиновники пишут сценарии, а цари в них верят. До тех пор, пока не поймут, что вместо бинокля в руках держат розовые очки. Вот тут начинают задумываться, насколько настоящий глас народа до них доходит. Кстати, через слуховой аппарат, который тоже чиновничество.

Богдан привстал:

— Так ближайшему окружению царя выгодно, чтобы царь народа не слышал! Они ж премии получают, когда всё хорошо, посты свои сохраняют. А если плохо — других призовут, другим министерские зарплаты и пенсии платить будут. Так всё просто. Почему же президент этого не понимает?

— В том-то и дело, Богдан, что понимает, — ответил дед. — Но есть такое слово: делеги-ро-вание. Не сможет же президент один управлять страной и быть на всех должностях. Поэтому встаёт вопрос доверия. А кому доверяешь? Тому, кто, исполняя работу, проблем тебе не создаёт, может разгребать дела без твоего участия. А проблемы откуда? От жалоб. Значит, нет жалоб — нет проблем. Тут, правда, опять к отчётности возвращаемся. А её у нас в России делать умеют. Получается замкнутый круг.

— Так выходит, каким бы ни был президент, управлять страной он не сможет, если чиновники захотят по своим законам жить? — спросил Никита. — Тогда, значит, ничего изменить нельзя, даже если что-то плохо?

— Президент в России не только высокая должность, но и большие полномочия. Решать он может многое, практически всё. Но и президент — тоже человек, — допивая чай, начал Виктор Матвеевич. — Ему ж никто не запрещает использовать разные источники информации, чтобы проверить добросовестность приближённых. Это могут быть спонтанные встречи с народом, общественные институты, пресса; в конце концов, представители других государств, которые видят Россию со стороны. Это не значит, что своим министрам нельзя доверять. Это значит — держать руку на пульсе, контролировать ситуацию. Это большой труд. Кроме того, люди тысячелетиями пытались придумать, как создать лучшие условия для коллективного проживания, как сделать всех и сытыми, и счастливыми. Возьми любую страну, самую развитую — там тоже есть кто-то, кто власть ругает. Всё потому, что ни одно общество пока не готово само собой управлять, как я считаю. Значит, власть и государство приходится терпеть. И анархисты — есть такие люди — всё равно будут требовать разрушения государства и свободного равноправного партнёрства на основе добровольного согласия: идея у них такая, что, мол, любая власть — это давление на человека. Типа, это давление и не даёт людям быть счастливыми. Помните, как древние говорили? Хочешь быть счастливым — просто будь им.

— А кто такие анархисты, Виктор Матвеевич? — спросил Денис.

— Это типа политической партии? — прибавил вслед Богдан, доливая при этом воды в электрический чайник.

— Это, скорее, философия, — ответил Виктор Матвеевич. — Это люди, которые верят в безвластие, которые против любой власти, в том числе и государственной. Они хотят, чтобы люди напрямую могли выбирать, с кем и как сотрудничать и общаться. То есть в основе поступков — личная заинтересованность каждого. Один из основных принципов такой философии — отсутствие принуждения ввиду того, что в мире должны царить взаимопомощь, братство и равенство. Если на личность не давить, она сможет максимально развиваться, — так полагают анархисты.

— Мне это нравится, — перебил деда Никита, — не люблю, когда на меня давят.

— На практике построить анархическое общество вряд ли возможно, — продолжил дед, — поэтому анархисты известны больше как нарушители порядка, нежели как созидатели, хотя сами и называют анархию мамой этого самого порядка. Однако есть в Азии местность, которую некоторые исследователи называют страной Зомией. Её не может контролировать ни одно государство, хотя реально эта огромная территория находится в границах многих стран. Около 100 млн человек живут на площади, которая больше нашего края, а Красноярский край, вы знаете, не маленький. Так вот, там живут разные народности, которые не захотели иметь никакого правительства, соответственно, иерархических связей и институтов власти. А не трогают их, потому что местность гористая и труднодоступная. Не знаю, можно ли этот пример считать иллюстрацией существования анархического общества, но что-то в этом есть.

— А как они себя называют? Зомийцы? — спросил Денис.

— Скорее всего, нет, — ответил дед. — В том-то и дело, что «страна» получилась искусственная. Возможно, они знают, что в горах многие так живут, но вряд ли они считают себя согражданами (государства-то, вроде как, нет). Это скорее как в животном мире — ареал существования. Своего рода территория свободных людей. А свободу дают горы: минимальная высота мест проживания таких людей — 300 метров над уровнем моря. Там по понятным причинам нет больших городов. Зато есть племя качинов, которое прославилось традицией убийства своих вождей, если они становятся слишком авторитарными. Цивилизованный мир, конечно, таких мер не приветствует.

— Да уж, — заметил Никита, — любой вождь, наверное, если у него есть хоть какая-то способность к власти, с годами постарается всю возможную власть прибрать в одни руки. Говорят же, что власть портит. Тут от человека не зависит, его самого от этого должны законы оберегать. Поэтому цивилизованные страны не убивают лидеров, а сменяют, благодаря существующим законам, ограничивающим власть.

— Бывают правители, — вмешался Денис, — которые только пришли, а уже хочется его сменить.

— Тебе откуда об этом знать, Денис? — удивился Богдан, — у тебя всю жизнь один президент.

— А где другого возьмёшь? Любого поставь, он начнёт в первую очередь свои карманы набивать, — продолжал Денис, — ну, я так думаю. Почему-то у нас кто у власти, те и живут богато, не на зарплате же? Там миллиарды крутятся, и все дети в Европе да США, и недвижимость там же. Почему нельзя разобраться с коррупцией, ввести законы какие-то, людей поменять, ведь есть же честные люди, не может не быть...

Глава 12. Воруй-страна

Потом дед рассказал нам притчу.

В одной Стране очень много воровали. Воровали все и всё: повара — продукты, предназначенные для готовки. «Передают вредно», — приговаривали они. И все блюда у них получались постные. Сотрудники фабрик несли домой всё, что по размеру помещалось в карман. «Неси с работы каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость», — как бы объясняли они своё

поведение. Заправщики на автозаправках воровали бензин. «У нас просто нечего больше красть» — оправдывались они. Чиновники воровали деньги из госпроектов. «Тут на всех хватит», — обычно говорили бюрократы в суде.

Нужно сказать, суды были по-настоящему суровы в отношении расхитителей. Уголовные сроки назначались и за кражу булочки в магазине, и за кражу состава с углем. Так вскоре наполнились все тюрьмы. И правительство задумалось: что делать?

История уже не помнит, кто именно предложил ввести всеобщую амнистию, а воровство перестать признавать преступлением. Правительственные психологи доказали, что страсть к хищению подобна клептомании (душевной болезни), потому человек не может ей сопротивляться, а значит, и ответственность нести не должен.

Закон разрешил воровать всем официально. Грабить — то есть воровать на глазах у собственника, отнимать добро — было нельзя. Потому собственник стал обязан просто сам приглядывать за своим добром. В школах стали преподавать уроки фортчного лазанья и карманного воровства, в высших учебных заведениях изучали уроки распила и обогащения за общественный счёт по-джентльменски, то есть по принципу «воровать нужно с прибыли». Седые профессора доказывали, почему так воровать выгоднее. И формулы изучались специальные.

На пожаловавшегося, что его обокрали, предписывалось указывать пальцем и громко смеяться — нельзя же человека оставлять без внимания. А еще появились различные форумы и симпозиумы по воровству, где самые успешные воришки хвастались, как и что им удалось украсть. Страну стали называть Воруи-Страна, или Страна больших возможностей, ведь любой, даже самый бедный человек теперь в одночасье совершенно на законных основаниях мог стать миллионером.

Самое удивительное, что вскоре воровство само собой стало сходить на нет, потому что каждый оказался под угрозой проснувшись, остаться без завтрака — выносить продукты ночью из чужого дома тоже не возбранялось. То, с чем раньше не могла справиться полиция, сошло на нет благодаря общественному порицанию. Люди состоятельные поняли, что вечно друг у друга воровать бессмысленно. В обход всех законов они начали заключать партнёрские соглашения, создавать сообщества, внутри которых друг у друга не воруют. Так постепенно от воровства отвернулись все.

Упавший на землю бумажник мог пролежать на дороге с утра и до вечера — никто его не трогал, и только если вдруг начинался дождь, кошелек могли поднять, чтобы положить в более высокое сухое место. Обронившему бумажник, таким образом, стоило лишь вспомнить путь, по которому он шёл, и повторить его — пропажа возвращалась в руки хозяина.

Но по закону воровать было можно, и этого никто не отменял. Сто лет Страна прожила по таким законам, и стала она процветающей. А когда через сто лет очередной правитель решил вернуть прежние порядки, к которым привык весь остальной мир, он не встретил понимания у своих сограждан.

— Не воруй — это одна из заповедей, оставленных нам Господом, мы должны следовать ей, — говорил правитель.

— Но воровство закон больше не называет воровством, — возражали люди. — Теперь это называется «поправить походя дела» и делается только с согласия владельца. — Другие страны не находят с нами взаимопонимания, все считают наши законы дикими — говорил правитель.

— За сто лет мы стали самой богатой страной в мире, — возражали люди. — Почему мы должны в угоду другим жертвовать собственным счастьем?

Но правитель всё же изменил закон — воровать и расхищать снова стало нельзя. Преподавание воровских дисциплин было свёрнуто. Но дела в стране пошли в упадок, и вскоре она перестала существовать.

— Как вы думаете, почему?

— Да, интересно, — начал Никита, — может быть, этот правитель сознательно хотел разрушить страну? Ведь всё же было хорошо...

— Для чего-то же он начал перемены, хотя все процветали, — поддержал Денис, — может быть, новые законы были прописаны под элиту? Так же тоже бывает...

— Возможно, дело в том, что новый правитель разрушил сложившуюся систему? — высказал своё мнение Богдан. — И дело здесь, скорее всего, даже не в законах, а в отношении людей к жизни, в сформировавшихся традициях или общественном договоре своего рода. Или даже в национальной идее, как это сейчас называют. Было что-то, что сплачивало страну, а правитель это разрушил...

— Молодцы, ребятки, — подключился Виктор Матвеевич, — очень грамотно рассуждаете, любо-дорого, как говорится. Конечно, ситуация смоделирована, поэтому и ответ на мой вопрос может быть на уровне умозаключения... Я просто хочу, чтобы вы учились мыслить, самостоятельно оценивать события и поступки. Для полноты картины можно предположить, что источник разрушения страны вообще находился за её пределами — может быть, страну кто-то завоевал, например.

— Виктор Матвеевич, мы ж с вами с точки зрения современной жизни рассуждаем. Мы ж не в средневековье. Сейчас всё решает политика, не может одна страна завоевать другую, — усмехнулся Богдан.

В этот момент вернулась из парикмахерской Анна, мама Никиты. Друзья стали расходиться по домам. На прощание, у дверей, обнялись и стукнулись кулаками — это был почти незаметный, но очень важный ритуал, который означал очень высокую степень доверия и уважения друг к другу. По понятным причинам Виктор Матвеевич в ритуале не участвовал, но друзья понимали, что он один из них. Все знали: в нужную минуту их старший товарищ будет рядом и не подведёт.

Глава 13. Бабушка

Встречи друзей были регулярными, обсуждали многое, порой громко спорили, но Виктор Матвеевич всегда вовремя сбавлял пыл, говоря: «Правда крик не любит, правду в согласии нужно искать, без лишних эмоций. Правда и так победит, без крика».

В середине августа отметили четырнадцатилетие Никиты. Он получил паспорт гражданина России.

У Дениса и Богдана дни рождения были в октябре с разницей в один день. Богдан предложил объединить праздники и собраться у него, так ему подсказала бабушка, Наталья Николаевна. Он рассказывал ей о встречах с друзьями, о Викторе Матвеевиче, и она тоже очень хотела пообщаться в подобном формате. Она была убеждена, что ей тоже есть, чем поделиться с подростками. 14 октября собрались у Богдана.

Никита, конечно, много раз видел этот новый дом в центре города, но внутри не бывал. Сначала внизу у подъезда нужно было набрать код на домофоне, что тоже было в диковинку — в районе, где жил Никита, двери подъездов замков не имели. Никита набрал код, на вопрос «кто?» ответил «свой», услышал после короткого зуммера: «Девятый этаж», — и пошел к лифту.

Наверху его уже встречали Денис и Богдан. Друзья стукнулись кулаками, коротко обнялись и прошли в квартиру. Богдан принял у Никиты куртку и повесил её на плечики в шкаф. Никита чувствовал себя слегка не в своей тарелке: все эти церемонии ему казались чересчур возвышенными, какими-то ненастоящими. Тем не менее, потом все цепочкой прошли в ванную мыть руки. Никита задержался напротив большой зеркальной двери у коридорного шкафа: раньше он видел себя в полный рост только в театре да в Доме культуры на новогодней ёлке.

Стол был накрыт в просторной кухне. Рядами стояли бокалы, сияли белозной тарелки из французского стекла, в унисон им струилась по столу белоснежная скатерть. В центре, занимающая главную позицию, стояла большая хрустальная ваза с фруктами и виноградом.

Сама кухня тоже казалась нарядной и торжественной. Шкафы были сделаны из какого-то глянцевого вишнево-белого материала, который органично сочетался с черной плитой и духовкой. Рабочие поверхности по виду походили на настоящий белый мрамор. На белом пластиковом подоконнике в вазе стоял пышный ало-багровый букет. От снежно белого натяжного потолка спускались к столу на закрученных в спираль чёрных проводах четыре белых плафона-светильника. Казалось, что в этом доме праздник жил всегда.

Впрочем (Никита проверил), и при закрытых глазах праздник оставался на месте, причиной чему были запахи. Пахло жареным мясом, свежими огурцами, чесноком и одновременно корицей, кофе и цитрусом — целая симфония предвкушений.

Бабушка указала каждому своё место. Кроме неё и подростков за столом были богданова мама Светлана Михайловна и мамина подруга тётя Лена с 13-летней дочерью Настей. Начали разбирать хлеб и салфетки, раскладывать салат.

— Мама, положи мне «цезарь», — обратился Богдан к Светлане Михайловне.

Денис с Никитой переглянулись.

— Почему «цезарь»? — спросил Никита.

— Цезарь его, наверное, любил, — предположил Денис.

Наталья Николаевна, посмотрев на Дениса, строго прервала:

— А вот и нет. Салат назван в честь итальянского повара Цезаря Кардини, который придумал его и включил в меню ресторана в своём отеле «Цезарь».

Богдан бросил короткий взгляд на бабушку и улыбнулся:

— Пробуйте, пацаны, «цезаря» на вкус. Бабушка у меня — ходячая энциклопедия.

Взрослые распечатали шампанское, детям налили в винные бокалы гранатовый сок, который смотрелся как настоящее вино. От этого событие казалось ещё более серьёзным и торжественным. Бабушка положила перед каждым на тарелку смятый лист белой бумаги, а потом сверху выложила по две мидии, запечённых в духовке с сыром и каким-то соусом, каждому предложила по дольке лимона, чтобы сбрызнуть всё это сверху свежим соком. Потом была запеченная телятина с брокколи и стручковой фасолью, отварные креветки и рулетки из баклажанов. Всё было необычайно вкусно. Никита даже тайно позавидовал Богдану, что тот, видимо, лакомится так не впервой.

Беседа за столом особо не клеилась. Говорили дежурные фразы за здоровье именинников, обсуждали погоду, заморский суп буйабес и пирожные макарены, «которые в России правильно делать не умеют».

В четырёхкомнатной квартире у Богдана была своя комната. Туда пошли ребята после праздничного угощения. Из окна было видно половину Канска — Никита долго не мог насмотреться, по-детски радуясь, если удавалось разглядеть какое-то знакомое место. Окна выходили на Кан, поэтому свой дом он увидеть не мог, но Богдан пообещал позже сводить друга и в другие комнаты — оттуда были видны другие районы.

Богдан уже в третьем классе увлёкся просмотром каналов «Галилео» и «Наука»: его дед по отцовской линии, преподававший физику в колледже, с малых лет привил внуку страсть к химическим и физическим опытам и изобретательству. Теперь в шкафу у Богдана при открытии дверей как бы сам собой зажигался свет, а чтобы включить вентилятор, нужно было потянуть за шнуры, висящий у изголовья кровати.

Настя вспомнила, что ей срочно нужно доделать какой-то конспект (было заметно, что ей сложно общаться с тремя мальчиками — в силу возраста она ещё не привыкла находиться в центре внимания). Друзья высказали сожаление, но девочка даже не стала заходить к Богдану в комнату, сославшись на то, что поможет Светлане Михайловне убрать со стола.

Наталья Николаевна зашла в комнату к ребятам часа через полтора, когда женщины вымыли посуду, попили чаю на дорожку, и Настя с мамой ушли. Бабушка попросила уступить ей стул возле окна. Ребята, которые до её прихода что-то оживлённо обсуждали, притихли.

Наталье Николаевне на вид было около 60 лет. В самом её облике было нечто, что заставляло её уважать с первого взгляда. Возможно, прямая осанка, открытое лицо и умение смотреть в глаза собеседнику. В её взгляде не было заискивания или попытки получить расположение — это казалось само собой разумеющимся. Она умела слушать. И вместе с тем умела говорить. Вернее, умела сказать свои слова тогда, когда была полностью уверена, что её услышат. Наталья Николаевна редко повышала голос и делала это, скорее, используя силу голоса как риторический приём. Многие годы работы учителем, потом директором школы, а после и мэром города сделали её превосходным оратором. Казалось, что в её речи идеально сочетаются сила звучания, тембр и прекрасное владение словом — богатая лексика и великолепный синтаксис.

— Не обращайтесь на меня внимания, продолжайте, — промолвила Наталья Николаевна и ненадолго замолчала.

Однако подростки тоже молчали. Потом Богдан сказал, обращаясь к бабушке:

— Ты же хотела с нами поговорить, мы тут обсуждали компьютерную игру — тебе точно будет не интересно...

— Хорошо, — бабушка улыбнулась, — не буду вмешиваться в ваши игры. Я хотела с вами поговорить о диспут-клубе, который вы устроили у Никиты. Вы же у него собираетесь? Виктор Матвеевич — это твой дедушка? — спросила Наталья Николаевна, обращаясь уже к Никите.

— Да, мой, — ответил Никита. — У нас собираемся.

— Я ничего плохого в ваших встречах не вижу, — продолжила бабушка, — но, как вы, наверное, знаете, я не один год работала во власти, не на последней должности. Вы умные, хорошие и честные ребята, это и заставляет меня беспокоиться о вашем будущем. У вас сейчас наступает возраст, который не терпит компромиссов. Возможно, вы полагаете, что уже достаточно взрослые, чтобы давать оценки событиям, людям и поступкам. Я же, как педагог, уверена, что сейчас вас нужно не накручивать. Ненароком ваши словесные изыскания могут послужить вам плохую службу.

— Бабуль, у нас всё хорошо. С нами Виктор Матвеевич. С ним легко, он часто нас сдерживает, если мы начинаем слишком на кого-то нападать и горячиться, — заметил Богдан.

— Я понимаю, Богдан. Но, как мне кажется из твоих рассказов, — продолжала Наталья Николаевна (а Никита с Денисом многозначительно переглянулись), — Виктор Матвеевич учит вас говорить правду, отстаивать свою точку зрения, докапываться до истины.

— Так что же в этом плохого? — задал вопрос Никита.

— Абсолютно ничего. Всё прекрасно. И добро всегда побеждает зло, верно? — Наталья Николаевна улыбнулась, поскольку при этих словах все трое друзей одобрительно закачали головами. — Так вот, а я вам скажу, что в реальной жизни всё намного сложнее. Порой не понять: добро перед тобой или зло, растоптать его нужно или помочь, поддержать. Вот тут важны два принципа. Первый — не поддаваться искушению дать быструю и окончательную оценку. Время иногда многое расставляет по местам, а иногда и меняет местами. Второй — не выказывать посторонним свою точку зрения, а особенно — запас своих сил, степень своей подготовленности и готовности к противостоянию. Лучше пусть вас будут считать более слабыми или даже более глупыми, чем, испугавшись вашей силы и ума, а возможно, для пущей верности, и переоценив ваш ум и силу, по вам нанесут удар, от которого вы не оправитесь. Смотрите на мир, изучайте его, спорьте, хоть деритесь, но внутри своей компании. Повидав нынешних политиков, я могу вам сказать одно: вы даже не представляете, что это за люди. Вы, даже включив всю фантазию, не угадаете, на что они способны. Поэтому я вас прошу: растите, учитесь, копите знания, копите силы. Если в спорте идёт разделение по возрастным группам, то и в политике, и вообще в жизни лучше придерживаться того же принципа: чтобы стать абсолютным чемпионом, нужно быть взрослым. Посмотрите, все боксёры-тяжеловесы возрастные. А вы знаете, скольких молодых ребят сломали, когда тренеры, видя их успехи, пытались собрать руками подростков регалии взрослого спорта? Я знаю, я общалась с такими людьми. Причём в данном случае слово «сломали» можно воспринимать в прямом смысле — если не убили, то сделали инвалидами. Богдан, пообещай мне, и вы, Никита, Денис, что запомните этот разговор. Надеюсь, в другой раз я смогу принять участие и в вашей дискуссии, сегодня уж так получилось, что я одна говорила.

Наталья Николаевна поднялась и вышла из комнаты. Ребята ещё несколько минут молчали, переваривая впечатления. Все знали, что бабушка хотела поучаствовать в разговоре, но никто не предполагал, что беседа будет такой.

На прощание Наталья Николаевна дала Никите и Денису по несколько булочек с маком — угостить домашних. Так закончился вечер. Теперь все три друга вновь стали одного возраста.

Глава 14. Совет ветеранов

Седьмого ноября, в годовщину октябрьской революции, дед настоял, чтобы Никита съездил с ним на встречу ветеранов.

Ветеранами теперь называли не участников Второй Мировой войны, как раньше, и даже не воевавших в Афганистане, а всех пенсионеров со стажем, которые готовы были работать с молодёжью — ездить в знаменательные дни по школам с рассказами о фронтовых подвигах, уже не собственных — своих отцов, родственников или просто земляков. Ветераны имели свой Совет, где планировали мероприятия, и где числились уже немногие оставшиеся в живых фронтовики Великой Отечественной войны. Со стороны это смотрелось так, что участники событий передали эстафету уже умудрённым опытом и наделённым сединами, но ещё активным своим единомышленникам.

В этот раз собрание проходило в столовой одной из воинских частей, куда всех собравшихся увёз автобус, выделенный городской администрацией. Женщины в дороге пытались спеть «Катюшу», но что-то не пошло, после чего все просто замолчали. «Не время ещё», — заметила одна из пассажирок.

По прибытии в часть всех провели в комнату памяти — своеобразный небольшой музей, где были фотографии прошлых лет со множеством незнакомых лиц и голым полом вместо нынешней трёхэтажной казармы. Наконец, все проследовали в здание столовой. Обстановка внутри почти не отличалась от подобных гражданских заведений — также была линия раздачи и ряды прямоугольных столов с пододвинутыми стульями. Женщина в белом халате завершала сервировку.

Гости расселись и начали раскладывать салаты, мясную и рыбную нарезку, овощи, и распечатывать шампанское. Когда бокалы были наполнены, слово взял председатель Канского городского совета ветеранов Евгений Геннадьевич Протасов. Оратор был среднего роста, худощав, лысоват, выражением и живостью лица чем-то напоминал французского актёра Пьера Ришара в молодые годы.

Евгений Геннадьевич был знаменит тем, что когда-то, в пору становления российского частного бизнеса, в 90-е годы, работая заместителем директора одного из деревообрабатывающих предприятий на севере края, сумел договориться с иностранцами о продаже им партии «серого» леса. Лес этот представлял собой брошенные на берегу реки брёвна, которые за много лет, омываемые дождями и таящими снегами, высушиваемые солнцем и ветром, приобрели стальной серый цвет. Следующей стадией такого «хранения» обычно было превращение в труху.

То, что этот предприимчивый человек сумел продать, по сути, брошенные отходы деревообработки — мусор, который очень редко, но, бывало, собирали и сжигали, за короткий срок сделало его известным в крае предпринимателем. Красноярский краевой телеканал сделал тогда передачу об Евгении Геннадьевиче, как человеке, сумевшем построить крупный бизнес с нуля. Одновременно руководителям всех деревообрабатывающих предприятий края было предписано «серый» лес на сторону не продавать. А поскольку выходов на потребителя не было, была поставлена задача весь подобный «мусор» сжечь, чтобы никого нельзя было обвинить в неуважении к природе и в бесхозяйственности.

Бизнесмен Протасов создал тогда первое в Красноярском крае частное деревообрабатывающее предприятие: установил пилорамы, закупил на Ангаре лес, тросами отгородил себе гавань на Енисее, ниже всех предприятий Лесосибирска (города, который некогда называли лесной столицей России), и нанял частных поимщиков с моторными лодками, которые вылавливали в Енисее одиночные брёвна, отбившиеся от плотов, и также доставляли их в гавань. Лес тогда пригнали в гавань и начали настраивать станки.

Так случилось, что разбогатеть Евгений Геннадьевич всё же не сумел, а вот славу свою преумножил, теперь, правда, став автором поучительного примера. Поздно вечером поимщики сообщили, что выше по течению проплывает так называемая «головка» — специальная конструкция из спутанных тросами брёвен, которую используют при сплаве. Как говорили очевидцы, эта «головка» была очень большая и состояла исключительно из кедра. Но госпредприятия один за одним пропускали её мимо, не желая с ней возиться или, точнее, связываться. Протасов же решил, что это шанс — можно было совершенно бесплатно, только лишь за счёт удачно выбранного расположения, в приличном количестве получить высокосортное качественное сырьё.

Поступила команда завести «головку» в гавань. Что и было исполнено. На этом, к сожалению, многообещающий бизнес и закончился, поскольку один из тросов не выдержал нагрузки и порвался. Енисей не стал разбираться, что в гавань пришло заслуженно, а что бла-

годаря предпринимательской ловкости, или жилке, как мы говорим, — весь лес из гавани понесло в Карское море. Напомним, Протасов поставил своё предприятие ниже всех по течению, потому и спасать его было некому. Благодаря этому человеку появилось крылатое выражение «лишь бы гавань выдержала». Так стали говорить, предварительно взвешивая любую нагрузку.

Так вот, теперь уже известный нам Евгений Геннадьевич открывал собрание Совета ветеранов. Он горячо всех поприветствовал, словно и не было до этого совместного переезда в автобусе и посещения комнаты-музея, поблагодарил администрацию Канска в лице присутствующего депутата за средства, выделенные на организацию мероприятия, извинился, что дату проведения торжества пришлось немного откорректировать (согласно отчетности, праздновали День народного единства, который случился на три дня раньше). Потом председатель Совета напомнил, что армия была и остаётся важнейшей частью современного российского общества, потому и место проведения, мол, было выбрано соответствующее.

Глава 15. О времени и о любви

В завершение речи Евгений Геннадьевич выразил надежду, что сегодня не будет скучно и присутствующие будут делиться интересными историями из собственной жизни, анекдотами и занимательными рассказами. Желающих прочесть что-либо поэтическое председатель также просил не стесняться. После чего для примера он вынул из кармана несколько сложенных листков и, немного смущаясь, объявил:

— Я тоже, так сказать, не без греха. Грешу иногда — описываю события из своей жизни, о времени, так сказать, и о любви. Надеюсь, когда-то эти листочки станут книгой. А сегодня объявляю свой авторский дебют. Прошу строго не судить.

— Давай сначала мероприятие официально откроем, потом продолжишь, — предложил кто-то.

Выпили по бокалу. Потом и по второму. А вот за любовь оратор застолбил тост категорически:

— Потерпите. У меня как раз к тосту за любовь пару строк. — Евгений Геннадьевич вынул из кармана очки, не спеша, в тишине ожидания, протёр их носовым платком и водрузил на переносицу. — Комментарии прошу оставить на потом, — предупредил автор, кашлянул и начал читать:

«Были зимние каникулы. Девятый класс. Мы с моим другом Володькой приехали к его бабушке в Базаиху (это под Красноярском). Юность. Молодость. Хочется чего-то. Сама жизнь накидывает варианты.

Рядом находится заповедник «Столбы». С бабушкиного огорода прекрасно виден красавец Такмак — одна из крупных скал заповедника. Естественное юношеское желание при виде манящей цели — достигнуть её. Такмак манил меня своим величием и недоступностью. Я срочно предложил Володьке дойти до Такмака и взобраться на него. Мой друг, привыкший, видимо, к созерцанию этого чуда, заметно удивился, но согласился. Официальных установленных туристических экскурсий туда не было, маршрутов не предлагалось. Да нам и не нужны были путёвки. Лес, отделяющий нас от скалы, мы за преграду не посчитали.

Но зима всё-таки, в наших цивилизных городских ботинках далеко не пойдёшь. Пришлось взять у бабушки две пары валенок, хороших, прошитых и подшитых двумя подошвами. Взяли, конечно, и кое-какую провизию. Вышли за посёлок. Перешли небольшую застывшую во льду речку. До Такмака, казалось, идти километра полтора. Реально получилось километров шесть, да всё в гору. Это был сюрприз номер один. Вторым сюрпризом заключался в том, что к Такмаку вели только „заячьи тропы“, то есть, учитывая окружающую нас Сибирь, идти приходилось по достаточно глубокому снегу. Бывалые таёжники, возможно, только улыбнулись бы этим 15 сантиметрам, но для нас, привыкших к асфальту, казалось, что дороге не будет конца.

Вышли мы до обеда, а у подножия Такмака оказались часам к пяти вечера, когда уже начало смеркаться. Я тогда был влюблен в одну девочку из нашей школы, Лену Воронову. Она об этом ещё не знала. Она была на два года младше. Безумно красивая, на мой тогдашний взгляд. Мы тогда не использовали такие термины, как сексуальная или сексапильная, потому что сама жизнь к этому не располагала, и всей этой лабуды еще не было в наших юных мозгах.

Наши девочки были просто красивы или некрасивы, и да, гормоны уже вполне могли играть! Естественно, что мог сделать влюбленный юноша в диком лесу? Взобраться на ближайшую скалу и заорать во все горло: „Лена, я тебя люблю!“. Ничего глупее юноша в этом возрасте не выдаст из себя. И я выдал. И это был крик юношеской любящей души. Может быть, это, как сказали бы нынешние умные сексопатологи, играли гормоны. Но нет, это был крик души человека, который нашел свою гармоничную, как ему казалось, пару для создания семьи и продолжения гармоничного красивого общества!

Но вокруг был лес, а уже темнело. Пора было домой. Назад, с горы, идти было, конечно, проще, но снег всё так же мешал. Оказалось, что только до тех пор, пока мы не увидели медвежьи следы. Тогда скорость нашего спуска значительно изменилась. Я бежал, совершая какие-то невероятные гигантские прыжки. А Володька неожиданно из пешехода превратился в лыжника и очень ловко скользил по снегу на своих подшитых валенках.

Спуск продолжался около сорока минут, что было быстрее подъёма раз в десять. Не знаю, как бы мы поднимались, если бы условный „медведь“ гнал нас в гору. Но близко к подножию оказалось, что володькины валенки, то есть обе его подшитые подошвы, оказались стёрты до носков. Пришлось замедлиться, да и „медведь“, казалось, далеко отстал. Бабушка Володькина сильно удивлялась потом, как он за один день умудрился „убить“ валенки, которыми до этого лет семь „сносу не было“».

Оратор замолчал. Несколько секунд ещё висела тишина, все ждали продолжения. Виктория Викторовна, бывшая учительница русского языка и бывший директор школы, наконец, спросила:

— Евгений Геннадьевич, это всё?

— Что значит «это всё»? — возмутился Евгений Геннадьевич. — Это просто всё. Я ж не сказал, что роман сочинил. Всего лишь небольшая зарисовка о любви и о моей молодости, как и обещал.

— Геннадьич, ты это сам сочинил? — спросил кто-то из мужчин.

— Конечно, сам, кто ж ещё. Я ж сказал об этом вначале. И вас всех призываю не отставать, — начал уже заводиться председатель.

— А с девушкой, с Леной, кажется, вы подружились всё-таки потом? — спросила для чего-то Виктория Викторовна.

— Нет. С Леной, признаться, у меня отношения закончились, не начавшись, — с грустью сказал председатель. — Через какое-то время я понял, что она слишком юная для меня. Но с Такмака я кричал о любви именно к ней, это я точно запомнил. Ну, как сказать, с Такмака? На вершину мы, конечно, не забрались. Да и вообще, признаться, на Такмак сам и не полезли. Покорили какой-то большой камень у подножия, метра три высотой. Вот там я стоял, словно

на вершине мира. И не думал даже, что рядом Такмак такой огромный. Я ради своей девушки проделал такой путь! Да и на камень тот оказалось не так-то просто взобраться, пришлось помучиться. Но там уж я стоял, как на вершине мира, упоенный своим счастьем и своей любовью. И пишу для того, чтобы ещё раз те минуты пережить.

Тут все заговорили о любви. Перешли опять к тостам. Стало шумно. Общая компания незаметно разделилась на небольшие группы, иногда даже на пары. Говорили, казалось, все одновременно, но каким-то непостижимым образом никто никому не мешал. Никита довольно быстро понял, что он не вписывается в эту какофонию, и пошёл наверх. На втором этаже было совсем скучно, он вернулся к гостям и стал перемещаться от стола к столу, подслушивая взрослые разговоры.

Перед небольшим кружком слушателей выступал депутат. «Да, в моём детстве компьютеров не было, — говорил он. — Чего мы только не творили! И в лес сами ходили, и на велосипедах гоняли, купались, костры жгли! Чего только мы в эти костры не кидали: и баллончики от «Дихлофоса», и капсулы, и даже охотничьи патроны. Как никто не пострадал? Ну, отбежали, конечно, от костра... прятались. А как-то насобирали керамических изоляторов со столбов, когда у нас линию меняли. Не помню, кто тогда первый придумал, я-то тогда классе в седьмом был... Кто-то из ребят постарше догадался их начинять головками от спичек и делать бомбочки. Я головки скоблил, серу собирал. А кто-то конструкцию всю мастерил. Даже будильник старый туда приделали как часовой механизм. Взрывали потом это всё на пустыре за кладбищем. Так в городе потом говорили, что взрывы слышали. Потом, правда, родители это дело вычислили, нагоняю дали такого, что все наши опыты живо прекратились».

Никита, услышав про родительский нагоняй, двинулся дальше: «Ещё, не ровен час, воспитывать возьмутся», — подумал он.

Глава 16. Самоволка

За одним из столиков розовощёкий кругленький дедушка, имени которого Никита не знал, рассказывал, как он когда-то служил в армии.

Армия — она ничем от гражданки не отличается, те же люди. Но вот ответственности, да, больше. Потому я сразу усвоил главный принцип: не создавай проблем другому и не жди дембель — он сам придёт. Когда я это понял, служить стало намного легче. Один раз я сослуживцам рассказал, как я хожу в самоволку — никто не поверил.

А я, действительно, как-то собрался в самоволку — ребята-земляки с продвагона¹⁰ пригласили. А у нас в части заправку убрали, потому что заправщик забыл бензин перекрыть и спать лёг. У нас целое озеро бензиновое было, не знаю, сколько его там тогда вытекло. Так вот, заправку закрыли, а меня (я на ГАЗ-66 служил) приспособили ездить на городскую заправку, потом у меня уже все, кому надо, бензин сливали. Графика таких поездок не было. Представьте, если б меня хватились, а я в самоволке. Другим проще — их никто искать не станет, знали, когда можно было сбежать.

Так вот, собрался я в самоволку. Подхожу на КПП, там дневальный и дежурный по части. Я говорю:

— Товарищ капитан, разрешите сходить в самоволку!

Капитан посмотрел на меня:

¹⁰ Вагон, в котором перевозили продукты в отдаленные и труднодоступные места.

— Ты что, — говорит, — воин, совсем оборзел? (пожестче, правда, спросил).

Я специально по-уставному, вразрез его тону, говорю:

— Никак нет! Разрешите пояснить?

Капитан говорит: «Давай», — а сам смотрит с ухмылкой. Я говорю ему: мол, так и так, никого подставлять не хочется, ответственность понимаю. Но и в самоволку охота.

— Вы ж знаете, — говорю, — что многие ходят в самоволку, и главный принцип самоволки знаете: «не попадайся», но у меня служба такая, что не могу позволить себе рисковать.

В общем, не очень долго мы беседовали в таком духе, отпустил он меня. Договорились, что я пару часиков побуду у земляков на продвагоне, а если вдруг понадобится, патрульный за мной сбегает — продвагон в километре от части стоял.

Так я потом и дальше по этой же схеме свои самоволки продолжил. Но однажды рассказал об этом сослуживцам, и, представь, они не поверили. «Не может быть! — кричат. — Да кто тебя отпустит!». Пришлось доказывать. Полроты тогда за мной следом к КПП крадось, всем хотелось лично увидеть, как я пойду в очередную «самоволку». Благо, было лето, окно на КПП было открыто настежь, и наш разговор был хорошо слышен. Зашёл я вовнутрь, там майор был дежурным в тот день — начальник нашего политотдела. На мой вопрос: «Разрешите в самоволку?» — он только лениво буркнул: «Давай, не допоздна там...». Я вышел на улицу, махнул ребятам рукой на прощанье и вышел за ворота части.

«Когда я вернулся вечером в расположение роты, — продолжал, улыбаясь, крепьши, — вопросов мне никто не задавал. Но и восхищенья сильно никто не высказывал, потому что повторить такой трюк никто не посмел. Так и ходили в самоволку: все через забор, а я через КПП и через главные ворота части».

— За это надо выпить! — крикнул кто-то из гостей.

— А мы и не возражаем! — поддержали его многие за разными столиками.

В какой-то момент случилась смена блюд — принесли чай, конфеты и пирожные. Спиртное и закуски при этом оставили, так что застолье продолжалось.

Виктор Матвеевич, споря о чём-то с Евгением Геннадьевичем, громко сказал:

— А что ж ты хочешь? История, она не меняется. Я ещё в 12-м году сказал, что если министром обороны сделали Шойгу — жди укрепления армии. Это мягко говоря. Ещё бы Рамзана Кадырова поставили на такую должность. А умный народ свою крепкую армию домашними харчами кормить не будет, у умного народа армия на чужих территориях питается, если она чего-то стоит.

— Вы хотите сказать, что Россия готовится кому-то объявить войну? — шумел в ответ председатель. — Да мы столько делаем для того, чтобы был мир во всём мире!

— Понимаешь, Евгений Геннадьевич, я так считаю и тебе своего мнения не навязываю, что любые события, особенно в геополитике, не происходят спонтанно. Тем не менее, всё в мире — и международная политика — подчиняется вполне бытовому закону. Наш нынешний министр обороны — тувинец, то есть представитель одной из самых воинственных национальностей России, не хуже, чем черкес или чеченец. Возможно, ему и место во главе армии, чтобы чужие нас боялись. Но... как бы помягче выразиться... при таком министре обороны должен быть серьёзный противовес — исключительно миролюбивый министр иностранных дел, например. Не менее авторитетный на государственном и международном уровне.

Сергей Кужегетович же, в отличие от нашего Лаврова, входит в первую пятёрку рейтинга политического влияния в государстве. По крайней мере, опросы общественного мнения так оценивают. Хороший воин — он как хороший спортсмен, природа у них такая — им нужны победы. А только учебные маневры всегда проводить — это скучно. Вот, как говорится, делайте выводы».

Так получилось, что этот короткий диалог услышали все. Так иногда бывает, когда шумит непогода, например. В какую-то минуту может стать исключительно тихо: только что завывал ветер, хлестал дождь — и вдруг тишина, только комар звенит, не успев умолкнуть и спрятаться. Потом, как многие знают, буря может разыгаться с новой силой. Так случилось и на том злополучном застолье. Алкоголь уже мешал некоторым выбирать слова, но в то же время побуждал высказаться публично и громко, чтобы запомнили.

— Ты что, дед? Против нашей власти? А то, что ты сейчас выпиваешь и закусываешь за этим столом — тебе не совестно? Нашёл агрессоров! Напился и понёс: мы войны хотим! Да у меня отец фронтовик! — закричала во весь голос какая-то бабуля, по виду — божий одуванчик.

Но сейчас в её словах было столько злобы, что Виктор Матвеевич невольно поставил недопитую рюмку на стол.

— У нас поколение такое, что отцы воевали. Потому и считаю себя вправе сказать о своём отношении к войне... — начал Виктор Матвеевич.

— Виктор Матвеевич, давайте уже закончим этот разговор, — предложила Виктория Викторовна.

Шум, однако, поднялся неимоверный. Теперь уже никто никого не слушал, все старались перекричать остальных. В основном кричали: «Не потерпим!» и «Позор!» — обращая свои эмоции в сторону Виктора Матвеевича.

Глава 17. Миротворец

Глядя на разбушевавшийся вдруг ветеранский совет, Никита подумал, что эти степенные люди за пять минут стали похожи на отъявленных школьных хулиганов, которые норовят поймать где-нибудь в укромном уголке за школой кого-то послабей, чтобы толпой отнять у него деньги или просто докопаться до чего-нибудь.

— Когда вырасту, хочу быть миротворцем, способным остановить войны, — подумал про себя Никита.

Вскоре всех рассадили по автобусам и повезли в город. Никиту вместе с дедом довезли до самого дома, но тут оказалось, что какого-то деда-ветерана забыли в столовой на втором этаже. Дед отправил Никиту домой, а сам решил вернуться, чтобы поддержать товарища. «Я скоро», — Виктор Матвеевич махнул Никите рукой и вернулся в автобус.

Был уже достаточно поздний вечер, поэтому Никита удивился, когда у входа в подъезд его встретила соседка со второго этажа тётя Зина:

— Никита, будь добр, найди минутку, загляни к нам, опять мои шалопаи подрались, всё чего-то не делят. Рассуди их, пожалуйста. Они тебя ждут.

Поскольку Никита всё равно решил дождаться деда, он согласился.

— Сейчас зайду, только мать предупрежу, — ответил он соседке.

У соседей в прихожей Никиту встречала целая ватага — у тётки Зины было шестеро детей. Маленькая Оля сразу уцепилась за руку и поджала ноги: «Никита, покатай». Никита поднял её на руки и прошёл в комнату. В комнате по разным углам, демонстративно отвернувшись друг от друга, сидели братья-погодки Виталя и Рома. Старшему было одиннадцать.

— Привет, мужики! — поздоровался с ними Никита, — кто расскажет, что произошло?

Ребята быстро повыскакивали из своих углов и наперебой стали кричать:

— Я расскажу! Я расскажу!

— Так не пойдёт, — сказал Никита. — Рома, ты рассказывай.

— Почему Рома? — начал было Виталя...

— В прошлый раз ты первый рассказывал, — напомнил Никита. Виталя притих.

Рома начал:

— У нас книжка была, про Карлсона. Мама нам её читала по вечерам. Потом к Витале одноклассник пришёл, Серёга. Он у Виталя эту книгу выпросил. Я Витале говорил, чтобы он не давал, но он всё равно дал, сказал, что на два дня. Уже неделя прошла. Серёжа эту книгу не отдаёт, а Витале говорит, что ничего не брал, типа, у него...

— Да, странно... — заключил Никита. — Виталя, а ты что скажешь?

— Я Серёге говорю, чтобы вернул. А он говорит, что в школу мне эту книгу принёс, хотел отдать. Но на перемене вышел с ней в коридор, пока меня где-то не было, а там старшеклассник какой-то у него эту книгу отнял. Сказал, что отдаст, когда прочитает. А когда он прочитает? Что мне теперь с Серёгой делать? И с Ромой. Роме я объясняю, а он взял меня пнул...

— Во-первых, парни, давайте договоримся, что вы не будете из-за этого ссориться, вы ж одна семья, — начал Никита. — На будущее, Виталя, я считаю, что, если вещь общая и кто-то против, чтобы её отдавать в чужие руки, то лучше этого не делать. Либо уж тогда объяснить, для чего тебе это так сильно нужно. Гостеприимство — это хорошо, но злоупотреблять им тоже нельзя, так что, думаю, человек бы тебя понял.

— Дайте мне сюда ваши правые руки, — Никита взял братьев за руки и вложил одну в другую, — пожмите друг другу руки в знак примирения. Виталя, я к тебе в школе подойду, сходим с тобой и с Серёгой, найдём этого старшеклассника, заберём у него книгу.

Братья пожали друг другу руки и обнялись.

Никита вернулся домой, уже попил чаю и теперь сидел, просто глядя на часы. Был двенадцатый час ночи. Деда всё ещё не было. Вдруг у матери в комнате зазвонил телефон. Она, коротко с кем-то переговорив, вышла из комнаты: «Никита, собирайся, поедem в больницу. У деда инфаркт».

Почти месяц Виктор Матвеевич провел в больнице. Никита приходил к деду каждый день. Сначала всё казалось очень страшно: были какие-то непонятные аппараты и капельницы, дед всё время спал. Виктор Матвеевич сильно похудел, лицо осунулось, нос и подбородок заострились, под глазами появились жёлтые круги. Тем не менее, иногда он разговаривал с Никитой. Сил у деда хватало всего на несколько фраз — спросить «как мать?» и сказать «так-то, брат» и «прорвёмся». Потом попросили приносить Виктору Матвеевичу кисель и куриный бульон, и дед медленно пошёл на поправку. Когда в больнице находится близкий человек, время всегда тянется медленно.

После выписки до старого Нового года дед около месяца провёл дома. Зима в тот год выдалась исключительно холодная, а городские службы, напротив, работали из рук вон плохо: дома было холодно. Поэтому, как только Виктор Матвеевич достаточно окреп, мать настояла, чтобы он на полгода, до полного выздоровления, уехал к родному брату в Ессентуки, и 16 января дед уехал. Никита проводил его до железнодорожного вокзала — самолётом после инфаркта лететь было опасно. Дед обнял внука на прощанье:

— Ну, Никита, не скучай. Даст Бог, свидимся.

— Береги себя, дед, — попросил Никита. — Возвращайся, я буду ждать.

Прошло около месяца. Однажды Никита рассказал друзьям о своей поездке с ветеранами. Когда дошло до самоволки, Богдан неожиданно оживился:

— Помните, Виктор Матвеевич нам про Зомию рассказывал? Страна такая, где люди не подчиняются ни одной власти? — спросил он.

— Да, конечно, помним, — подтвердили друзья.

— Так вот, мне кажется, что твой рассказ про самоволку с той темой перекликается! — Богдан не скрывал восторга от найденного поворота мысли.

— В смысле? — удивился Никита.

— Ну вот, эти люди, анархисты, не признающие власть. Не может быть, чтобы они вообще не признавали никаких законов. То есть они, получается, признают какие-то внутренние, человеческие законы. Типа, как тот дед сказал: «Не создавай проблем другому». Тогда и другой будет относиться к тебе также — не создавать тебе проблем.

— Интересная мысль, — заметил Денис. — Только всё равно, чтобы такое общество создать, какой-то отбор должен быть. Как минимум, должны быть отобраны те, кто будет готов признать такие правила. А вообще, за этой хитрой формулировкой — «не создавай другому проблем» — может скрываться целый свод законов, типа: «не убий», «не укради»...

— Да, — сказал Никита, — а что, если нам попробовать какое-то время пожить по таким законам? В школе, конечно, не получится, но хотя бы после школы. Как вам такой эксперимент? Мы-то друг в друге точно уверены. Я, например, не потому не ворую, что тюрьмы боюсь. Мне об этом неприятно даже думать. Как так, забрать чужое? Тебе радость, а человеку?

— Сначала нужно посмотреть, — сказал Богдан, — какими законами руководствуются анархисты, может быть, их тоже использовать. В интернете, наверное, есть про них информация, давайте пошарим.

Через пару дней разговор продолжился. Начал Никита:

— Почитал я про анархию, одно понял, что народ это лихой, не хотят они тихой жизни. Вернее, личное счастье их не вполне устраивает, они мечтают, чтобы их правила приняло всё общество. А любую власть и государство они считают злом, потому что власть никогда не позволит некоторые законы упразднить. Я, кстати, анархические форумы поискал, зарегистрировался там на одном, просто почитать.

— Ссылку сбрось потом, — попросил Богдан.

Денис просто кивнул: мол, мне тоже.

— Я вот думаю, — продолжил Никита, — может, и нам тоже попробовать что-то изменить? Посмотрите, в какой серости мы живём? Почему все, кто поуспешней, уезжают — кто в Красноярск, кто в Новосибирск, кто в Москву? Чем плох Канск? Я люблю свой город. Я не хочу из него уезжать. Давайте подумаем, как сделать его лучше?

— Как сделать лучше? Взять лопаты и снег расчищать? Или, как тимуровцы, бабушкам дрова колоть? — присоединился Денис. — Только, как мне кажется, я этого не хочу. А если меня начать к этому принуждать, то будет нарушен принцип «не создавай помех».

— Проблем, — поправил Богдан.

— Ну, проблем, — согласился Денис.

— А давайте сходим на митинг, — предложил Никита, — люди собрались идти ругаться с администрацией из-за тепла. Видели листовки?

На том и порешили.

В воскресенье друзья встретились на площади у городской администрации. Было не очень морозно, но дул неприятный пронизывающий ветер. Перед началом выступления появилось несколько флагов партии ЛДПР — последователи Владимира Жириновского умели набирать себе баллы на неприятностях общественности. Импровизированную трибуну для желающих выступить на митинге установили не у здания администрации, а в противоположном углу площади. Получалось, что ораторы отправляли свои воззвания прямо в лицо чиновникам, в то время как основная часть митингующих выражала свой протест, развернувшись к мэрии задом.

Пока первая выступающая возмущалась тарифами и удивлялась, как с расположенным недалеко от черты города целым угольным разрезом Канск остался без угля. На нем работала ТЭЦ биохимзавода, у которой, собственно, и возникли проблемы: уголь просто не был завезен. Тут к ребятам подошла классный руководитель Никиты Софья Павловна.

— А вы зачем здесь? — строго спросила она.

— Мы с народом, — ответил Никита.

— А ну, быстро домой, много вы понимаете...

Ребята хотели было воспротивиться, но Софья Павловна настояла:

— Не заставляйте меня тревожить ваших родителей. Нос ещё не дорос по митингам расхаживать.

Тем не менее друзья были довольны. Внутри кипела радость и гордость — они всё же побывали на митинге и выразили свою гражданскую позицию, хоть и были потом так позорно прогнаны. Первый блин комом, как говорится. Лиха беда начало.

Со временем подростки привыкли называть себя анархистами. Это, конечно, была и своего рода игра, и детский ещё возраст атмосферу таинственности и сплоченности воспринимал как приключение, но было и нечто серьёзное. Прежде всего в том, что приверженность анархизму заставляла ребят пересматривать взгляды на некоторые вещи. В итоге случилось то, чего опасалась бабушка Богдана Наталья Николаевна. Друзья увлеклись, заигрались. Присущий этому возрасту критический взгляд на многие вещи в сочетании с категоричностью действовал, как маховик, всё ускоряя процессы превращения, когда в детских умах переваривалась не очень приглядная действительность.

Если что-то и случилось впоследствии, то часть груза вины стоило бы всё-таки переложить с чаши весов подростков на чашу весов общества, как сказал позже адвокат Богдана **Антон Колосов**. Пока же группа борцов за справедливость укреплялась и развивалась, как губка, насыщаясь всяческой информацией: и толковой, и абсолютно бесполезной, а иногда даже вредной. Виктор Матвеевич, который раньше мог регулировать такие процессы, к сожалению, был далеко.

В конце зимы ребята начали ходить в заброшенную квартиру в одной из покинутых воинских частей и пробовать там поджигать и взрывать различные химические вещества и смеси. Они создали в одной из социальных сетей закрытую группу, которую назвали «Анархический бунд», и к ним присоединился новый знакомый. Звали его Александр. Чувствовалось, что он был значительно старше ребят. Он и задал в чате в ходе обсуждения запрещённой в России «Поваренной книги анархиста» вопрос: «А самим вам слабо попробовать?».

Богдану было за счастье вернуться к разным химическим экспериментам, тем более, его мечтой стало построить ракету. Как он предполагал, на чёрном порохе, но и другое горючее он с удовольствием готов был протестировать. О своих пиротехнических затеях подростки никому не рассказывали. Александр со временем стал своим, поэтому с ним о таких вещах говорили открыто.

Анна была настолько уверена в положительности своего сына, что, увидев в дневнике запись о приглашении на беседу к директору, поначалу даже растерялась. «Анна Викторовна, прошу срочно явиться в школу для беседы о поведении вашего сына!» — ещё раз прочитала она. Да, сомнений не было, Никита что-то натворил. На её вопросы сын отмалчивался. Сказал только: «У меня с ними разные взгляды на устройство общества».

Всё равно явиться нужно было вдвоём, и разговора в деталях было не избежать. «Что, я плохо его воспитала?» — спрашивала Анна саму себя и себе же отвечала: «Уверена, что хорошо и правильно. Буду поддерживать сына», — решила, наконец, она и на этом успокоилась.

Директор школы Дмитрий Анатольевич, когда к нему в кабинет вошли мать и сын, поздоровался и на пару минут замолчал, как бы перебирая бумаги у себя на столе.

— Анна Викторовна, спасибо, что пришли. У нас, можно сказать, ЧП. Рассказал вам Никита?

Анна взглянула на сына:

— Нет, молчит.

— Ну, он и тут особо разговорчивым не был, — продолжил директор, — делами, так сказать, себя показал. И дела эти, знаете ли, на мой взгляд, скверные... О чём вы с сыном дома беседуете... не знаю...

— Так что случилось? — начала терять терпение Анна.

— Случилось то, что ваш мальчик, ваш сын, Никита, — медленно начал Дмитрий Анатольевич, — перед уроком на обозрение всего класса написал на доске, что наш президент, извините, вор. Вот так, вор — ни больше, ни меньше... Что ж он у тебя украл, Никита? Или он у мамы твоей что-то украл? Почему ты так написал? Ты не отвечай. Я даже слушать тебя не хочу. Не имеешь ты права руководителя своего государства, избранного народом, так называть.

— Это моя политическая точка зрения, — начал Никита. — Я придерживаюсь анархических взглядов и считаю, что любая власть — это плохо. Люди должны управлять собой на основе свободного договора. Почему мы так плохо живём, если наша страна так богата ископаемыми, как нам в школе рассказывают? Согласно Конституции, я имею право на свободу своей политической воли, так же как и на критику власти.

— Вот молодец! Умник! — воскликнул директор. — То, значит, за анархию, а когда нужно — тут же Конституцию вспомнил. Критик власти! Вот я, допустим, скажу тебе, что ты дурак — что это будет, критика? Критикуют по существу, а ты оскорбляешь, ярлыки навешиваешь. При этом, замечу, получаешь образование в бесплатной школе. А гарант твоего бесплатного образования — наш президент.

— Я бы просто хотел, чтобы наш президент отвечал... — начал было Никита, но директор его перебил.

— Ты б хотел, чтобы президент отвечал твоим требованиям или перед тобой отвечал, отчитывался по вечерам за каждый прожитый день? Не слишком ли велика честь?

— Дмитрий Анатольевич, я вас попрошу... — вступилась за сына Анна.

— Хорошо, господа. Хо-ро-шо, — директор поднялся и заходил по кабинету из угла в угол, — мне-то вы что предлагаете? Я вот лично против такой критики и против подобного рода выражения своих политических взглядов. А завтра ты что, взрыв в школе устроишь? Анархист! Сообщить бы про твои проказы куда следует, да не хочу сор из избы выносить.

— Помнишь, что дед тебе говорил? — заговорила Анна, глядя на сына. — Иногда лучше промолчать. Жизнь вокруг ты сильно не изменишь, а вот свою судьбу — запросто. Ты не обижайся на Дмитрия Анатольевича, он тебе добра желает. Ты хотя бы пойми, какую ответственность он на себя берёт, замалчивая твою выходку... Его ж тоже за таких учеников по головке никто не погладит.

— Хорошо, мама, я понял, — тихо проговорил Никита. — Я понял вас, спасибо, Дмитрий Анатольевич.

Всю дорогу до дома Никита и Анна шли молча. Уже входя во двор, Анна подала сыну руку: «Никита, будь осторожен. Этот твой анархизм очень меня настораживает. Будь умницей, побереги себя».

Глава 18. Провокатор

Было начало лета 2020 года. Богдан пришёл к Никите, ждали Дениса.

— Я бы хотел обсудить с тобой Александра, нашего нового друга из группы, — обратился Богдан к другу.

— А что такое? — удивился Никита. — Сегодня, наконец, познакомимся.

— Есть у меня сомнения, — продолжал тем временем Богдан.

— В чём именно? — Никита посмотрел на товарища.

— Как-то он уж очень подробно про твою надпись на доске выпытывал и про разговор с директором. Зачем ему это?

— Может быть, любопытно. Или для поддержания разговора, — Никита помахал рукой появившемуся вдалеке Денису.

— Да нет, знаешь, у меня и раньше было чувство, что он нас куда-то ведёт, как будто... — не унимался Богдан.

— Ну так и ладно, мы ж это обсуждали. Приняли то, что он нас старше. Вспомни, сколько разных толковых советов он нам дал? — гнул свою линию Никита.

— Помню я его советы. Один совет: везде, где можно и нельзя, оставлять анархистский знак. Второй совет: заснять на видео все наши пиротехнические опыты и отправить ему. Третий совет: поклеить листовки и начать зачем-то со здания ФСБ... Кстати, Денис уже тут, значит, может быть, всё нормально... — Богдан прервался, чтобы поприветствовать подошедшего Дениса. Стукнулись кулаками.

— Всё норм, ребята, поклеил, — отчитался Денис.

— Ну хорошо, а то мы тут заперевживали немного, — ответил Никита. — Выдвигаемся. Денис, сколько у тебя листовок осталось?

— Ещё штук тридцать есть, ответил Денис. — Я всего и приклеил-то с десяток. Одну, правда, прямо у входа в ФСБ, как договаривались...

Друзья двинулись к автобусной остановке. Сегодня они должны были наконец встретиться с Александром. Накануне он сбросил им листовки с воззванием освободить задержанного в Москве анархиста, аспиранта МГУ. Друзья должны были их распечатать, а клеить договаривались уже вместе. Встретиться решили у магазина спортивных товаров.

К условленному часу Никита, Богдан и Денис были на месте. Александр задерживался. Никита присел на ступеньки у входа в магазин. Вовсю светило солнце. «Может, в тенёк куда-нибудь отойдем», — предложил Денис. Этого сделать друзья не успели. Прямо к ним подъехала тонированная машина, из которой вышли несколько мужчин без формы и кинулись к подросткам: «Стоять! Лицом к стене повернись! Ноги на ширину плеч! Телефон свой дай сюда». Обыскали карманы, забрали листовки, отняли телефоны и отвезли троицу в то самое отделение ФСБ, где Денис недавно приклеил листовку.

Друзей развели по разным комнатам. Очень скоро Денис и Богдан, получив обещания, что их отпустят домой, начали, что называется, сотрудничать со следствием. Уже через полчаса они сознались в участии в террористической группировке и назвали Никиту главным. Никита никакой вины за собой не признал. Допросы в тот день продолжались до глубокой ночи. Спать Денис с Богданом уехали домой. Никиту оставили в СИЗО. Следователь уже объяснила ему, что он будет обвиняться по статье, которая предусматривает лишение свободы до 20 лет.

Глава 19. Арест

Автобус медленно полз по дороге в сторону Канска. За окнами была самая настоящая золотая осень. Сочной желтизной покрылись леса и горы, и тем более яркими казались на этом фоне тёмные зелёные ели, красные осины и клены, багровые рябины и черемухи. У небольшой заправочной станции автобус остановился.

«Перерыв 10 минут!» — скомандовал шофёр. Двинулись, однако, не раньше, чем через полчаса — что-то случилось с освещением, фары реагировали на каждый подъём и спуск, начиная тускнеть, когда двигатель, напрягаясь, тянул автобус в гору, и вспыхивая, когда удавалось разогнаться с горы.

Небо внезапно затянулось тучами и брызнул дождь. Но уже через несколько километров капли дождя начали превращаться в снежинки. А снежинки вскоре превратились в большие снежные хлопья, которые в один миг укрыли собой золото осени. Быстрее чем за час наступила снежная зима, разыгралась вьюга, начался гололёд. Никита, заглядевшись в окно,

казалось, на какое-то время отстранился от реальности. В салоне автобуса стало сумеречно, и он, оглянувшись, чуть ли не с удивлением обнаружил, что в автобусе едет весь класс, включая классного руководителя Софью Павловну.

Автобус притормаживал почти перед каждым спуском, ведь следом, как правило, начинался длинный подъём из тех, которые дальнобойщики называют «тягунами». Останавливаться нужно было, чтобы пропустить лесовозы, везущие длинномерные грузы. Их можно было опознать по включенному дальнему свету фар — так водители опасного транспорта предупреждали едущих навстречу. На одном из спусков двигатель автобуса на несколько секунд заглох. Этого хватило, чтобы автобус дёрнулся, потерял управление и начал разворачиваться поперёк дороги. К счастью, встречных машин не оказалось, но автобус снёс одну из бетонных опор и, ломая кустарник, покатился под гору к лесу. Ветки хлестали по лобовому стеклу, которое, как в замедленной съёмке, постепенно покрывалось трещинами. Автобус подбрасывало на колдобинах, и в салоне всё перевернулось вверх дном. Люди и вещи то взмывали вверх, то приземлялись, сталкиваясь друг с другом и валясь на пол.

Когда автобус наконец остановился, оперевшись в огромный куст, который выдавил-таки лобовое стекло окончательно, двигатель заглох и только по инерции, не оправившись от эмоций, продолжали кричать люди. Раненых не было, не считая нескольких ушибленных боков и пары разбитых носов. Открыли дверь и стали выбираться на улицу. Оказалось, что уже наступил глубокий вечер. Вьюга продолжалась. Через выбитое стекло за несколько минут в салон намело сугроб. Стало очень холодно.

Никто не был готов к такой ситуации — все были одеты ещё по-летнему. Никита в числе других ребят начал взбираться вверх по склону в направлении трассы. Приходилось цепляться за заснеженные холодные кусты. Ветер пронизывал насквозь. На трассе всё затихло, как будто вся проезжающая техника завершила дела этого дня и разъехалась по гаражам. Холод становился невыносимым, ветер не утихал, трасса, которая, казалось, была близко, так и не появлялась. Никита оглянулся вокруг и за снежной бурей уже ничего не увидел: ни дороги, ни автобуса, ни школьных товарищей. Один, в ночи, он почувствовал себя настолько беспомощным, что сжал губы, чтобы не заплакать.

Тут он проснулся. Еще несколько секунд, не оправившись от кошмара, он сжимал руками тёплый шерстяной плед. На глаза опять навернулись слёзы. Тут кровать внезапно накренилась, и Никита понял, что он сидит вовсе не на кровати, а на спине какого-то огромного коня, настолько громадного, что, насколько хватало глаз, здесь же поместились ещё тысячи людей. Какие-то лица Никита узнал, но большинство были незнакомы. Вдруг конь стал выплясывать и подыматься на дыбы. То, что сначала показалось пледом, оказалось конской шерстью, за которую те, кто сумел удержаться, начали цепляться. Вокруг была кромешная тьма, внизу сверкали красные всполохи огня и слышались крики упавших.

Вдруг конь взмахнул крыльями и попытался взлететь. Оказалось, что это и не конь, а гигантский двухголовый орёл, который, развернув одну голову, начал склёвывать со спины некоторых из испуганных оцепеневших людей. Никита ещё сильнее вцепился в перо. Совсем рядом он вдруг увидел огромный желтый глаз и гигантский окровавленный клюв. Осознав опасность, Никита разжал руки и полетел кубарем вниз...

Тут он проснулся окончательно. Волосы были мокрыми от пота, сердце учащенно билось, эхом отдаваясь в висках. Вокруг была ночь. Сквозь окно пробивался лунный луч. На окне были решётки. Никита вспомнил, что находится в СИЗО, и не смог уже заснуть, погружившись в думы. День за днём вспоминались события, предшествовавшие аресту.

Часть II. ДЕТИ-АНАРХИСТЫ

Глава 1. Что такое анархизм

Михаил Бакунин, Петр Кропоткин, Нестор Махно, Пьер Прудон, Макс Штирнер, Ноам Хомский, Лев Толстой, Франц Кафка, Ярослав Гашек. Что объединяет таких разных людей? Анархизм.

Конечно, анархизм не есть погромы, разрушение. Анархизм — это не экстремизм.

«Анархия — мать порядка» — известное высказывание теоретика революции и анархизма Пьера Жозефа Прудона. Что значит эта фраза? Анархисты выступают за порядок, но основанный на самоорганизации и свободе, за такой порядок, который создается снизу, а не насаждается насильно сверху. Анархия должна стать матерью будущего общественного порядка.

Символом анархизма является буква «А» в круге. Это монограмма, которая состоит из заглавной буквы «А», окруженной заглавной буквой «О». Буква «А» происходит от начальной буквы слов «анархия» и «анархизм» в большинстве европейских языков, которая одинаково выглядит как в латинском шрифте, так и в кириллице. Буква «О» означает «порядок» (фр. *ordre*). Вместе они означают «Анархия — мать порядка» — знаменитую фразу Прудона, смысл которой я уже раскрыл.

Об анархизме написано много фундаментальных книг: Колин Вард, «Анархизм. Очень краткое введение»; Пауль Эльдбахер, «Суть анархизма»; Питер Гилдерлоос, «Анархия работает»; Алексей Цветков, «Антология современного анархизма и левого радикализма» и другие.

Для небольшого погружения в тему, для соприкосновения с той материей, с которой так близко познакомились школьники благодаря своим пытливым головам и бунтарскому характеру, я процитирую несколько отрывков из «Анархических писем»¹¹⁾ российского философа, исследователя истории и философии анархизма Петра Владимировича Рябова. Примечательно то, что Рябов является не только исследователем анархизма, но и с 1987 года сам активно участвует в анархическом движении в России.

«Если личность — лишь песчинка, механический атом, соринка в потоке жизни, то она может лишь покорно мчаться вместе с другими к обрыву водопада, не смея роптать и не надеясь ни на что. Но если личность — действительно микрокосм, один из миллиардов центров вселенной, активный, творческий, способный бросить себя на ту или иную чашу весов мироздания, — то, сколь безнадёжной ни казалась бы ситуация, как бы убедительно ни обосновывала наука невозможность борьбы, как бы ни была покорна «масса», как бы единодушно ни звучало общественное мнение — человеку есть что противопоставить всему этому. Тогда бунт личности, её отказ принимать мерзость окружающего, возможен и необходим. Не во внешнем, вне человека находящемся, — будь то вера во всемогущество социальных преобразований или в математическую точность научных расчётов — должен искать современный анархизм свою главную опору. Конечно, чтобы действовать, надо внимательно учитывать все эти факторы, с уважением прислушиваться к мнению науки и брать в расчёт влияние социальных институтов. И всё же — все эти рассуждения, соображения, факторы — лишь фон и подручный материал для творчества личности, черпающей силы в осознании своей собственной самооценности и свободы...»

¹¹ Петр Владимирович Рябов. Анархические письма. — М.: Радикальная теория и практика, 2013. — 196 с.

А что, если зло, насилие, существующие от века и отлившиеся в государство и эксплуатацию, не искоренить никогда? Разве от этого они перестают быть злом и насилием? А что, если, наконец, человечество доживает считанные дни и встающий рассвет увидит не цветущие сады анархии, а выжженную и безлюдную пустыню? Что из этого? Понятно, что в плане общетеоретических, социологических и прочих построений это что-то меняет, и существенно, — но что это меняет для человека, стремящегося в любых условиях сохранить в себе человечность, не оскотиниться, не стать рабом или тираном, овцой или овчаркой? Как пронзительно сказал Достоевский в «Братьях Карамазовых»: «Я согласен, что иначе, то есть без непрерывного поядения друг друга, устроить мир было никак невозможно; я даже согласен допустить, что ничего не понимаю в этом устройстве; но зато вот что я знаю наверно: если уж раз дали мне сознать, что «я есмь», то какое мне дело до того, что мир устроен с ошибками и что иначе он не может стоять?».

Альфа и омега анархического мировоззрения — личность, субъективность, свобода, творчество, бунт против существующего и бесчеловечного во имя должного и человеческого...

После того, как Ницше с болью врача, ставящего смертельный диагноз, констатировал, что «Бог умер», необходимо существенно скорректировать отношение к религии. К религии, говорю я, но не к церкви, не к этому казённому, отвратительному, прогнившему, связанному с государством и благословляющему войны институту чиновников в рясах, — к тому институту, который так усиленно подкармливается и гальванизируется в ельцинской России.

Дело анархизма — освободить (точнее, непрерывно освобождать) личность и не претендовать на «большее», поскольку «большее» неизбежно будет или утопическими иллюзиями, или казарменной регламентацией. Штирнер гениально выразился по этому поводу, когда заметил: не спрашивайте меня, что будет «потом»! Что сделает узник, выпущенный из темницы? Что сделает ребенок, повзрослев? Кто знает! Использует ли он во благо или во зло полученную свободу? Неизвестно. Никто не дает гарантий — кроме тех, кто мечтает о казарме, в которой все ходят строем и на сто лет вперёд знают, что сделает каждый из них (да и то возможны незапланированные побеги или самоубийства). «А бойтесь единственно только того, кто скажет: я знаю, как надо!» (Александр Галич¹², «Поэма о Сталине»).

Анархическая критика существующего общества с позиций последовательного отстаивания прав личности, безусловно, отвергает насилие над личностью, тем более, насилие «упорядоченное», узаконенное и институционализированное: рабство, управление и эксплуатацию во всех известных формах и видах, не идеализируя при этом ни существующего человека, ни общества — нынешнего и будущего...

Осуществим ли анархизм, или это утопия? Если под анархизмом понимать вечное движение, движение не «массы», но личностей, неутоленную жажду свободы, неприятие подлости и рабства существующего, вечный бунт и вечное дерзание — то ответ будет: анархизм не только возможен, но он уже есть, он вечен, он будет, пока хоть в одном человеке будет биться и трепетать искра этого прометеева огня. Пусть кругом темно, но это не означает, что тьму следует признать нормальным явлением. Свобода, личность — есть чудо во тьме вселенной. Посмотрите на костёр. Костёр прекрасен, полезен, он греет и поддерживает нас, но чудо в нём — именно в первой искре, зажигающей свет во мраке, из ничего создающей нечто...

Анархизм для меня — это не секта среди других сект, не партия среди других партий, не идеология среди других идеологий. Это не просто лозунг, не просто политическая программа или социологическое учение (хотя все эти моменты он предполагает и включает в себя). Анархизм, прежде всего, это определенное мировоззрение, это определенное жизненное кредо. И «свобода», «личность» — не пустые слова, не ярлыки для него, — это его сущность.

¹² Александр Аркадьевич Галич — русский поэт, автор и исполнитель собственных песен, драматург, сценарист, прозаик.

Разбирая эти понятия, анархист должен отказываться от «партийной» ревности в отношении других сект, идеологий и партий, должен не цепляться за узкие формулы «измов», но видеть за деревьями пестрых группировок и доктрин лес широкого освободительного движения, выступающего против любого авторитета, любой сегрегации, за освобождение личности в самом полном и широком смысле этого слова...

Свобода навязана личности. Но «бегство от свободы» — диагноз нашего времени.

Вспомним «Одиссею» Гомера. Во время своих долгих странствий Одиссей и его спутники попали на остров волшебницы Цирцеи. Несколько греков, оторвавшись от отряда, зашли на великолепный луг, на котором паслось стадо свиней. К ним, ласково и обольстительно улыбаясь, вышла красавица Цирцея, протянула кубок с волшебным зельем, и, едва путники выпили из кубка, как мигом утратили в себе все человеческое, превратились в свиней и начали весело и беззаботно рыться в траве, ища корм.

Одиссей заставил Цирцею вернуть его товарищам человеческий облик и сознание и побыстрее покинул опасный остров. Но он не спросил у «спасенных» им — хотели ли они такого спасения. Или же они были счастливы — стать свиньями и перестать быть. Быть может, волшебный напиток Цирцеи был тем, что они, подобно многим, искали всю жизнь, к чему жадно стремились. «Молю тебя: будь холоден или горяч, но только не будь просто тепленьким!» — что-то в этом роде говорится в Библии. Пусть люди будут злыми, ленивыми, жадными, раздраженными, разочарованными, ревнивыми — все это нормально, все это — поиски лица. Но только — не ничтожными, только не никакими!

Глава 2. Переписка детей

Подростки активно общались в социальной сети «ВКонтакте» и мессенджере Telegram. В моем распоряжении имеется распечатка переписки ребят, объем которой превышает 1200 листов. Канские школьники, как это и положено четырнадцатилетним пацанам, много шутили, смеялись, подкалывали друг друга, но есть в их детских сообщениях поистине взрослые рассуждения, глубокие взгляды на мир вокруг себя и на себя в этом мире.

Интересно взглянуть, как между собой рассуждали юные анархисты, да и просто живые и пытливые мальчики, впервые делающие попытку доискаться правды, справедливости, цепляющиеся за эту правду и справедливость, не желающие их терять. Такие идеалистические устремления характерны для подростков, вступающих на путь суровой, прагматичной, крайне противоречивой взрослой жизни. Как показал наш судебный процесс взрослых над детьми, канские школьники столкнулись с несправедливостью и ложью взрослых. Мне было стыдно перед детьми за тот мир фальши, притворства и не соблюдаемых никем правил, который мы построили.

2.1. Переписка Дениса

— Митинги нужны, не справедливо, что их запрещают.

Даже дети понимают несправедливость запретов митингов. Хотя ст. 31 Конституции России гарантирует гражданам право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Для подтверждения мыслей Дениса обратимся к статье «Митинги в современной России», опубликованной в «Адвокатской газете» 15 июля 2020 года.

«Российские законы запрещают проводить массовые акции, если они не были согласованы с властями. При этом сроки согласования установлены неудобные: уведомить власти о предстоящем митинге разрешается самое позднее за 10 дней до акции, о пикете — за 3 дня. Без согласования разрешено проводить только одиночные пикеты, и то не любые.

На практике власти используют процедуру согласования для запрета нежелательных акций. Поводы для отказа в согласовании встречаются самые разные, и далеко не всегда законные. Кроме того, процедура согласования акций непрозрачная: путанные правила подачи уведомления, отсутствие открытой статистики по количеству поданных уведомлений и причинам отказов.

Даже если акция проходит мирно, ее „несогласованный“ статус полиция считает достаточным основанием для задержания участников, а суды — для признания их вины. Так, в 2019 г. в Москве на акциях были задержаны 3637 человек, а с 2013 по 2019 гг. в Москве и Санкт-Петербурге — не менее 17079 участников 1426 акций.

Чаще в связи с акциями составляют протоколы о нарушении порядка проведения публичного мероприятия по ст. 20.2 Кодекса об административных правонарушениях. За последние 10 лет эту статью неоднократно редактировали, вводя новые запреты и ужесточая наказание. Количество ее частей выросло за это время с трех до десяти, минимальный штраф для участника — с 1 до 10 тыс. руб., появилось наказание в виде обязательных работ и арестов за участие в несогласованной акции. Самое суровое наказание предусмотрено за повторное нарушение по этой статье: штраф — от 150 до 300 тыс. руб., обязательные работы — от 40 до 200 часов или арест — от 15 до 30 суток.

В 2019 г. российские суды рассмотрели 4974 дела о нарушении порядка проведения акции. Средний штраф составил более 16 тыс. руб., а общая сумма наложенных штрафов достигла почти 58 млн руб. За 2015–2019 гг. суммарный штраф по таким делам составил 168465500 руб.

В 2014 г. в УК РФ появилась ст. 212.1. За участие более чем в трех несогласованных акциях в течение полугода или за другие неоднократные нарушения правил проведения публичного мероприятия возможно наказание до 5 лет лишения свободы. Впервые эту статью применили в декабре 2015 г.: к 3 годам лишения свободы приговорили Ильдара Дадина. В сентябре 2019 г. за пять мирных акций к 4 годам лишения свободы приговорили Константина Котова. В 2017 и 2020 гг. перед Конституционным Судом РФ ставился вопрос о конституционности столь суровой ответственности за участие в мирных акциях, но оба раза статья не была признана противоречащей Конституции.

Участников и организаторов публичных мероприятий привлекают к уголовной ответственности и по другим статьям: за организацию и участие в массовых беспорядках, хулиганство, применение насилия и оскорбления по отношению к полицейским, организацию экстремистского сообщества, публичные призывы к нарушению территориальной целостности РФ. В качестве насильственных действий вменяют прикосновение к шлему сотрудника полиции, бросок в сторону полицейских бумажного стаканчика или пластиковой бутылки. С 2015 г. по май 2020 г. к уголовной ответственности были привлечены десятки человек, которым были назначены наказания в виде лишения свободы или штрафа.

Практикуется и множество других, внесудебных методов давления на участников акций: вызовы на „беседу“ в правоохранительные органы, постановка на профилактический учет, предупреждения, слежка, угрозы отчисления, призыв в армию или лишение родительских прав».

– Родители смотрят пропаганду по новостям. Сказал им: не смотрите, это ложь. А они – сам ты ложь, это – новости...

– Говорю бабушке про то, что Путин в некоторых моментах еб...й. Она спрашивает: «Вот кто после него у власти будет?». Я говорю – мы, люди. И в этот момент свет отключают!

Мы уже подзабыли ч. 2 ст. 81 Конституции России (а Денис нам напоминает), согласно которой Президентом Российской Федерации может быть избран гражданин Российской Федерации не моложе 35 лет. Да, мои сограждане, и у меня, и у вас, достигших 35-летнего возраста, имеется пассивное избирательное право быть избранным Президентом Российской Федерации. Может, кто-то из читающих эту книгу будет избираться или будет избран. Пожелаю вам успехов на пути реализации ст. 81 Конституции России.

– Жак Фреско крутой. Посмотрел много про «Проект Венера». Так-то гениальный проект, вписывается в наши рамки.

Жак Фреско — американский производственный инженер, промышленный дизайнер и футуролог, директор и основатель организации «Проект Венера». Он считал^{13, 14}, что «Проект Венера» является целостной социально-экономической системой, в которой автоматизация и технологии будут разумно интегрированы во все общественные сферы с целью повышения уровня жизни, а не получения прибыли, в отличие от современной системы. Прибыль должна прекратить играть роль критерия при выборе решений. Также, исходя из того, что человек является частью окружающей среды, предлагается новая система ценностей человеческого существования (в соответствии с несущей способностью Земли), которая бы заботилась об окружающей среде и о всех людях, а также соответствовала бы природе человеческих потребностей. Фреско считал эти идеи вполне реализуемыми и практичными.

Целями «Проекта Венера» являются следующие:

- Всемирное признание природных ресурсов Земли достоянием всего человечества;
- Отмена искусственных границ, разделяющих людей;
- Реконструкция городов, транспортных систем, сельскохозяйственных и промышленных предприятий в энергосберегающие, экологически чистые системы, способные удовлетворить потребности всех людей;
- Постепенный полный отказ от таких форм управления, как корпорации и правительства (местные, национальные или транснациональные);
- Взаимообмен технологиями и использование их на благо всех народов;
- Поощрение творческого потенциала и созидательного начала в человеке во всех его проявлениях;
- Избавление от пережитков прошлого (национализм, фанатизм) и предрассудков путём повышения уровня образования населения Земли.

¹³ https://ru.wikipedia.org/wiki/Проект_Венера

¹⁴ Информации взята из «Википедии».

Ребят, тянущихся к справедливости (я часто употреблял и буду употреблять это слово, ведь, по определению древнеримского юриста Публия Ювентия Цельса, право есть наука о добре и справедливости, а выдающийся русский юрист Анатолий Федорович Кони писал, что правосудие не может быть отрешено от справедливости), не могли не увлечь великие, но вполне достижимые в будущем цели масштабного проекта.

— Пусть всё будет на совести и честности, при коммунизме не нужны законы.

Снова подростки обращаются к честности и совести. Причем школьники желают, чтобы общество, взаимоотношения между людьми были тотально пронизаны, пропитаны совестью и честностью, которые зачастую оказываются попораны и забыты во взрослом мире.

Вспомним великих, которые нас возвращали к основам человеческого общежития:

«Да, жалок тот, в ком совесть не чиста...» (А. С. Пушкин);

«Самое главное украшение — чистая совесть» (Цицерон);

«Совесть — лучшая нравоучительная книга из всех, которыми мы обладаем, в нее следует чаще всего заглядывать» (Паскаль);

«Человеческая совесть побуждает человека искать лучшего и помогает ему порой отказываться от старого, уютного, милого, но умирающего и разлагающегося — в пользу нового, сначала неуютного и немилостивого, но обещающего свежую жизнь» (А. Блок);

«Честность ума состоит в том, чтобы не отступать перед правдой. Иметь смелость искать, судить и решать самому. Иметь смелость самостоятельно мыслить» (Р. Роллан).

— Потом страна превратилась в дегенератов, когда за жвачку и джинсы готовы были перед западом на коленях ползать.

Грубо, но верно. Вспоминаются слова из книги «Русская трагедия» выдающегося русского философа, писателя, социолога, публициста Александра Александровича Зиновьева, творчеством которого я увлекался в студенческие годы:

«Я принадлежал к числу таких совков, с молчаливого согласия которых был разрушен Советский Союз и советский социальный строй в России и других частях бывшего Советского Союза. До сегодняшнего дня я боялся признаться себе в этом, разделяя и выдумывая сам всяческие оправдания тому, что произошло у нас в горбачевско-ельцинские годы.

Как ты реагировал на горбачевскую перестройку? Ты приветствовал ее. Как ты реагировал на ельцинскую „революцию“ в августе 1991 года? Ты приветствовал ее. Как ты реагировал на расстрел Верховного Совета в октябре 1993 года? Ты одобрил его. Вот ты и получил то, что тебе и следовало получить за свою глупость, легкомысленность, безответственность, если не сказать нечто большее о твоём поведении, — за предательство и в лучшем случае за попустительство предательству. Что посеешь, то и пожнешь».

И еще из «Русской трагедии»:

«Меня все время мучает одна мысль. Я спрашиваю себя: чем был для меня советский социальный строй, коммунизм? Гарантированное бесплатное образование по выбору, в соответствии со способностями и склонностями.

Любимая работа по профессии, хорошо оплачиваемая, оплачиваемый огромный отпуск. Медицинское обслуживание бесплатное. Путевки в дома отдыха и в санатории. Коллектив. Общение. Совместные мероприятия, вечера, туристические походы. Дружеские отношения по выбору и в изобилии. Формально простая жизнь. Почти никакой бюрократической волокиты. Гарантированное будущее детей. Общая уверенность в будущем. Гарантированная пенсия.

Не так богато, как на Западе. Но основные потребности были удовлетворены. И жизнь непрерывно улучшалась. Были, конечно, минусы. Но такие ли большие на самом деле?! За границу не пускали? Так я и не стремился. Кому-то квартиру лучше дали? Так я своей был доволен. В членкоры не пропустили? Так и без этого жить можно было неплохо. Марксизмом мучили? К чему лицемерить?! Мы к этому относились с юмором. Да к тому же идеология несла просвещение. И идеологическая нагрузка была куда более слабая, чем ранее религия. И никакой „марксистской десятины“ не платили. Одним словом, это был мой социальный строй, мое общество. И ни на какое другое я его менять не собирался. Так почему же я не встал грудью на его защиту, когда нависла угроза потерять его?! Почему?! Конечно, я мог бы сказать: не с кем было вставать на его защиту. Так думал каждый по отдельности. А в результате получилось коллективное предательство. Не встали мы на защиту нашего общественного строя!».

Денис критиковал российскую пропаганду в СМИ, называя ее ложью вслед за философом Зиновьевым:

— Смотрю телевизор. Читаю газеты и журналы. Даже новые книги почитываю. Много, вроде бы, верно. Критика. Разоблачения. Облечения. Ни к чему, вроде, не придерешься. Свобода слова. Свобода творчества. Но в целом возникает смутное ощущение какой-то огромной лжи. В чем тут дело? Я долго ломал голову, ища объяснение этому ощущению. И, кажется, я его нашел. В нашей реальной жизни мечутся уроды, дураки, жулики, шарлатаны, развратники, обманщики, крохоборы, холуи и т. п. ничтожества, червяки, пигмеи. А в том, как это кишение пигмеев изображается в СМИ, это выглядит как высокого уровня театральная драма или трагедия. Как в сумасшедшем доме: бродят ублюдки с бумажными генеральскими погонями, с надписями на лбу «я президент», «я академик», «я гениальный артист», «я гениальный писатель», «я великий убийца», «я великий мафиози» и т. п. Нашей позорной постсоветской истории придают вид великой исторической трагедии. В таком же духе преподносят дореволюционную историю России. И топчут в грязь единственно великий период нашей истории — советский. Пигмеи, чтобы выглядеть великанами, должны унавозить, унижить великанов.

— Я вспомнил, как Путин Бога упомянул.

Никита отреагировал на сообщение друга:

— Эх, Бога жалко.

Целый анекдот Денис сочинил:

— Сидят Троцкий, Нестор Махно, Ленин и Че Гевара: «Ну что, как у вас там?». Им отвечают: «Здесь Навальный, тут Жириновский, во главе Путин». Они думают: да, пи...да! Потом смотрят случайно на маленькую красную часть карты, а там — бац — сборная солянка из их идей. Они такие: «Классные ребята, Канск!».

Российские политические карлики школьников не вдохновляют — им подавай мировых лидеров! Похвала Жириновского для ребят — пустой звук. Вот если Ленин пожмет руку, Махно похлопает по плечу, Че Гевара прогремит свое победное: «Родина или смерть!», то только это станет для юных анархистов настоящим поощрением.

2.2. Переписка Никиты

– Почему же вокруг нас столько нищеты? Откуда этот тяжелый труд, отупляющий народные массы? Откуда даже у рабочего, имеющего порядочный заработок, эта неуверенность в завтрашнем дне, когда кругом накоплено столько богатств, унаследованных от прошлого, и имеются такие могущественные орудия производства, способные дать довольство каждому взамен нескольких часов ежедневного труда?

Да, эти вопросы актуальны и по сей день. Но заданы они не Никитой, точнее, они повторены Никитой, а подняты впервые Петром Алексеевичем Кропоткиным, русским революционером-анархистом, в его известной работе «Хлеб и воля», опубликованной в 1892 году. 130 лет прошло. И мало что изменилось.

Дальше в книге мыслитель дает ответ на свой вопрос:

«Происходит это странное противоречие оттого, что все, что нужно для производства, — земля, угольные копи, машины, пути сообщения, пищевые продукты, дома, воспитание, знание, — все было захвачено в свою пользу небольшой горстью людей в течение той долгой истории, составившейся из грабежей, переселений, войн, невежества и насилий, которую человечество пережilo с тех пор, как стало учиться побеждать силы природы.»

Происходит оно оттого, что, ссылаясь на права, якобы приобретенные ею в прошлом, эта кучка людей присваивает себе по крайней мере две трети продуктов человеческого труда, а затем расточает их самым бессмысленным, самым возмутительным образом; оттого, что они довели народ до такого состояния, когда крестьянину и рабочему нечем бывает прожить даже месяц — часто даже неделю, — если эти господа не позволят ему работать на их земле, копах, заводах, под условием, чтобы львиная доля того, что он вырабатывает, шла бы им, господам; оттого, наконец, что они мешают рабочему производить то, что нужно всем, и заставляют производить не то, что нужно другим, а то, что дает наибольший барыш хозяину».

Красивый слог, убедительная логика, честная и смелая позиция без прикрас и ложных сантиментов.

– Как вам гнилое мясо с кишечной палочкой? А вот в Тольятти этим кормили детей в детсадах. А причина всему этому — капитализм, который в погоне за большей прибылью не гнушается даже гнилья в кормлении детей.

Теперь и Никита вслед за Денисом обличает капиталистическую систему хозяйствования, критикуя ее за чистоган.

Вспомним Томаса Джозефа Даннинга — английского публициста XIX века, которого процитировал позже Карл Маркс:

«Капитал избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это ещё не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты.»

Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10%, и капитал согласен на всякое применение; при 20% он становится оживлённым, при 50% положительно готов сломать себе голову; при 100% он попирает ногами все человеческие законы; при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы».

О чем писал Никита? По информации ИА «Росбалт»¹⁵,

«мясо павших и больных животных поступало в детские сады и школы Тольятти. Оперативники изъяли свыше 50 тонн мяса неизвестного происхождения без документов, с признаками гниения и болезней. Предположительно, в селах и деревнях соседних областей приобреталось мясо павших животных, уже почти разложившееся, которое подлежало захоронению в скотомогильниках. Потом продукция разделялась, вымачивалась в уксусной кислоте, специальных химических растворах и приправах для устранения неприятного запаха, а затем замораживалась для поставки в детские сады и школы Тольятти. Экспертиза выявила в этом мясе наличие трупного яда, кишечной палочки и других опасных инфекций».

Здоровье и жизни детей не преграда на пути к максимизации прибыли. Увы, по правам и интересам детей топчутся в грязных сапогах и толстосумы-капиталисты, и жестокосердные следователи, уверенные в своей безнаказанности.

Никита прочитал в «Новой газете»¹⁶ статью об анархисте, политзаключенном Илье Романове, отсидевшем почти 20 лет, следующего содержания:

«В мордовской тюремной больнице уже несколько месяцев находится прикованный после инсульта к кровати 52-летний анархист Илья Романов. Почти 20 лет жизни Романов провел за решеткой, сейчас он наполовину парализован, не ходит, плохо говорит, страдает от частичной амнезии и может в любой момент умереть из-за развившихся осложнений. Независимая медэкспертиза показала: состояние Романова — результат врачебной ошибки и тюремной медицины. ФСИН отказывается активировать искалеченного человека: медкомиссия выдала заключение об отсутствии у Ильи заболевания, препятствующего содержанию под стражей».

Посмотрим, как Никита отреагировал на прочитанное:

– После прочтения я плакал. Кто хочет акцию солидарности провести? Очень грустно и гневно такое читать. Предлагаю устроить коллективную отправку писем.
.....

Подросток не оправдывает действия анархиста, осужденного и отбывающего наказание. Ребенок лишь проявляет искренние свои чувства, не скрывает их перед другими, честно и открыто делится со своими друзьями, что плакал, не стыдись своих слез, не думая, что может подвергнуться за это осмеянию и порицанию.

Никто его не осмеял, наоборот, ребята поддержали благую и благородную инициативу Никиты. Подростку по-человечески стало жалко обычного больного заключенного, он решил его поддержать хотя бы письмами.

А мы зачастую сами проходим мимо чужой боли, да и на боль родных подчас не обращаем внимания. Потеряли чувство сострадания и человеческой чуткости. А Никита и его друзья не утратили. Не успели в свои 14 лет утратить. В том числе благодаря неравнодушию таких, как Никита, Романова все-таки освободили из заключения по состоянию здоровья.

Не знал тогда еще Никита, не знал Денис, что скоро сами окажутся в застенках, и уже им со всей огромной страны будут слать письма со словами поддержки, как и они много раз делали это по зову детского сердца и не по-детски развитой совести.

Никита прочитал следующую новость ИА «Интерфакс»¹⁷:

«Житель Иркутска Дмитрий Харченко умер после того, как сотрудники патрульно-постовой службы попытались „разбудить“ его, используя электрошокер. Об этом сообщает Интерфакс со ссылкой на депутата гордумы Александра Квасова.

¹⁵ <https://rosbalt.ru/russia/2019/12/21/1819700.html>

¹⁶ <https://novayagazeta.ru/articles/2020/02/03/83735-anarhist-romanov>

¹⁷ <https://www.interfax.ru/russia/696863>

Он рассказал, что это произошло 15 февраля 2020 года между тремя и четырьмя часами ночи. Мужчина ехал в такси и уснул. Водитель не смог его разбудить и обратился за помощью к полицейским, которые решили использовать электрошокер, они его „ударили“, и он умер».

Как отреагировал на совершенное преступление подросток: может, стал призывать к расправе над сотрудниками правоохранительных органов? Или требовать провести акцию возмездия, или начал готовить диверсию со взрывами? Нет! Реакция ребенка была естественна и безобидна:

— Страшно.

— Лимонов умер. Да он вообще крутой дядька был, несистемный. Помог российскому протестному движению.

Эдуард Вениаминович Лимонов — русский писатель, поэт, публицист, политик и в течение ряда лет председатель запрещённой в России Национал-большевистской партии (НБП). Автор концепции, организатор и постоянный участник «Стратегии-31» — гражданских акций протеста на Триумфальной площади Москвы в защиту 31-й статьи Конституции РФ. Той самой статьи Конституции РФ, которая гарантирует гражданам право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации. И которая остается только декларацией на бумаге.

— Интеллигенция и народ — это не одно и то же.

Раскроем мысль Никиты с помощью книги «Народная монархия» писателя, публициста и общественного деятеля Ивана Лукьяновича Солоневича:

«„Оторванность от народа“, „пропасть между народом и интеллигенцией“, „потеря русского гражданства“ и прочее заключается вот в чем: интересы русского народа — такие, какими он сам их понимает, заменены: с одной стороны, интересами народа — такими, какими их понимают творцы и последователи утопических учений, и, с другой стороны, интересами „России“, понимаемыми, преимущественно, как интересы правившего сословия».

— Ну, а ты учишь школьную антисоветчину?

Ребята, родившиеся спустя 15 лет с момента распада СССР, не жившие ни дня в этой стране, так рьяно отстаивают идеалы и ценности ушедшей эпохи, точно выявляя признаки лжи, с помощью которой бессовестные политики пытаются скрыть достижения огромной страны, называя ее (ложь) «антисоветчиной». Я полностью согласен с Президентом России Владимиром Путиным, который в 2005 году в послании Федеральному собранию охарактеризовал распад СССР как крупнейшую геополитическую катастрофу XX века. В фильме «Россия. Новейшая история», показанном на канале «Россия 1», Президент России заявил, что для него распад СССР стал трагедией и «распадом исторической России». Государство утратило 40% территории, производственных мощностей и населения, а также того, «что зарабатывалось в течение тысячи лет».

2.3. Переписка Богдана

— На самом деле, государство само себе подрыв делает. Уже куча народа недовольна. Реформами, поправками и т. д. Революция не за горами.

Никита на эти слова отреагировал:

— Богдан, ты, безусловно, прав.

Александр:

— Все и так об этом знают.

Конечно, то, что «революция не за горами», было поспешным выводом канского подростка-анархиста, сделанным на основании наблюдений за «недовольством народа», но, как мы знаем, такой посылки — одного «недовольства народа» — недостаточно даже для вероятностного суждения о том, что «революция не за горами».

В свое время, глубоко изучая работы В. И. Ленина, я даже написал отдельную статью по книге вождя мирового пролетариата «Государство и революция». Поэтому не понаслышке знаком с его творчеством.

Для революции должна созреть революционная ситуация. Это понятие Ленин впервые сформулировал в работе «Маёвка революционного пролетариата» (1913 год):

«Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для неё требуется ещё, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде».

В. И. Ленин сформулировал и выделил три главных объективных и субъективных признака, описывающих кризисную ситуацию, складывающуюся в обществе накануне революции:

1. Верхи не могут управлять по-старому — невозможность господствующего класса сохранять в неизменном виде своё господство.
2. Низы не хотят жить по-старому — резкое обострение выше обычной нужды и бедствий угнетённых классов и их желание изменений своей жизни в лучшую сторону.
3. Значительное повышение активности масс, привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами» к самостоятельному историческому выступлению.

Как писал В. И. Ленин в статье «Лучше меньше, да лучше» («Правда», № 49, 4 марта 1923 г.), «...нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей...: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться».

Ребятам, ввиду их несовершеннолетия, конечно, не хватало огромной ленинской мудрости, опыта и поистине широкого взгляда на общественные процессы.

— Я затеваю революцию на сервере в Minecraft. Хочу построить там анархо-коммунизм.

Никита отвечает:

— Я ещё с прошлого года об этом грезил.

Подростки в компьютерной игре строили города, затевали революцию, хотели построить анархо-коммунизм. Что в этом плохого? Это же *игра*! Пусть дети лучше так играют, чем кто-то, не наигравшись, начнет претворять свои недоигранные фантазии в жизнь.

— Установим мод на много ВЗРЫВЧАТКИ)))))))))O)O))))) Я шуткую, естественна.

Денис:

— План как взорвать МВД.

Никита написал:

— Но вот если бы ты здание МВД построил, вот это я понимаю.

Богдан:

— Я строил город израильский. По картам. Круто, блин!

Наше дело называют «делом о взрыве здания ФСБ в Minecraft». И неспроста. Ведь данный абзац переписки школьников следователь использовал в качестве доказательства того, что, якобы, ребята в реальности намеревались взорвать здание ФСБ. Для подтверждения такого абсурдного тезиса, не вытекающего никоим образом из дословного текста переписки, следствие привлекло дипломированных экспертов-лингвистов, которые пришли к выводам, что

«несовершеннолетние в контексте темы компьютерной игры обсуждают ситуацию подрыва здания МВД. Денис предлагает план „взорвать МВД“ — транслирует интерес к этой теме, Богдан сообщает о возможности смоделировать эту ситуацию в игре Minecraft. Богдан указывает на необходимость обладания значительным количеством взрывчатки. В высказывании Дениса определена цель использования взрывчатки: „План как взорвать МВД“».

Эксперты, видимо, просто «забыли», что Богдан свое предложение сделал в шутку, пояснив его многократными знаками, символами улыбок в виде скобок, что соответствует современной культуре интернет-общения:

— Установим мод на много ВЗРЫВЧАТКИ)))))))))O)O)))))

Затем Богдан шутливое предложение подтвердил и словесно:

— Я шуткую, естественна.

Кощунственно из-за шутки детей в компьютерной игре взрослым тетям — кандидатам наук, приходится к нелепому умозаключению, что «Денис предлагает план „взорвать МВД“. Богдан сообщает о возможности смоделировать эту ситуацию в игре Minecraft». Из психолого-лингвистической экспертизы следует, что Денис в реальности предлагал взорвать МВД (хотя вменяют ребятам намерение взорвать здание ФСБ), Богдан, соглашаясь с Денисом по-настоящему осуществить взрыв, для подготовки дал совет, прежде чем взрывать здание, смоделировать эту ситуацию в игре Minecraft.

Чувствуете, как можно сконструировать состав преступления, немного добавив «нужного смысла» с помощью именитых специалистов?

Оказывается, выстроить обвинение еще легче, чем построить здание в игре Minecraft. Лучше бы следователи и оперативные работники строили израильские города: пользы, может быть, и не принесли, но вреда уж точно бы никому не причинили!

Здравый смысл никто не отменял, никто не запрещал нам, думающим и анализирующим переписку детей людям, осмысливать ее текст именно буквально, а не в угоду интересам стороны обвинения.

— Надо записать в Библию и Конституцию, чтобы Путин вечно был.

Богдан снова в свойственной ему шуточной манере поднимает проблему «обнуления» президентских сроков В. В. Путина.

11 марта 2020 года Государственная Дума РФ приняла в третьем чтении поправки в Конституцию России. Одна из поправок, предложенная депутатом В. В. Терешковой, гласит:

«Положение части 3 статьи 81 Конституции Российской Федерации, ограничивающее число сроков, в течение которых одно и то же лицо может занимать должность Президента Российской Федерации, применяется к лицу, занимавшему и (или) занимающему должность Президента Российской Федерации, без учёта числа сроков, в течение которых оно занимало и (или) занимает эту должность на момент вступления в силу поправки к Конституции Российской Федерации, вносящей соответствующее ограничение, и не исключает для него возможность занимать должность Президента России в течение сроков, допустимых указанным положением».

Таким образом, после окончательного принятия этого закона второй срок нахождения Владимира Путина на посту президента России был «обнулён», то есть его президентские полномочия до 2024 года стали рассматриваться как «нулевой» срок, что даёт ему возможность участвовать в президентских выборах и 2024-го, и 2030 годов.

История знает множество попыток сохранения лидеров стран у власти за пределами ранее действовавших ограничений. Обнуление исчисления президентских сроков является популярным методом консолидации власти у президентов в ряде стран Африки, в частности, успешно применялось в Бурунди, Гвинее, Камеруне и других.

Так что Россия успешно переняла передовой опыт африканских режимов.

— Я, конечно, против Гитлера. Он пид...с, ган...н. Это понятно! В Эстонии полиция задержала главу международной неонацистской группировки, но не может его арестовать. Потому что это 13-летний школьник.
.....

Действительно, полиция безопасности Эстонии (КАПО) 8 апреля 2020 года задержала основателя и руководителя международной неонацистской группировки Feuerkrieg Division (FKD), которым оказался 13-летний школьник из небольшого эстонского городка, действовавший в интернете под ником Commander, сообщает «РИА Новости»¹⁸.

Все управление FKD происходило онлайн, поэтому «Командиру» было легко скрывать свою личность. Охват был масштабен: США, Великобритания, Канада, Германия, Литва, Польша, Хорватия, Нидерланды, Латвия, Эстония и некоторые другие страны. Согласно данным переписки членов группировки, они считали своими врагами практически всех, предлагая расстрелять полицейских, политиков, евреев, либертарианцев, консерваторов, коммунистов, либералов, негров, гомосексуалистов и транссексуалов.

Прискорбно, но миллионам людей во многих странах до сих пор не понятно то, что очевидно для наших подростков: нацизм, неонацизм и разнообразные их проявления преступны и недопустимы в любом нормальном культурном обществе. В переписке наших школьников и близко нет того, что было установлено у настоящих преступников-неонацистов.

— Уже второй день уговариваю маму про анархизм. Не поддаётся, блин. Не поддерживает.
.....

Представьте себе, 14-тилетний талантливый химик и физик уговаривает свою маму с офицерским званием при погонах, служащую в системе Федеральной службы исполнения наказаний, обратиться в веру анархизма, отрицающую любую власть человека над человеком, субординацию и подчинение!

¹⁸ <https://ria.ru/20200408/1569760315.html>

2.4. Переписка Александра по прозвищу Марксист

— Дело в том, что я пишу небольшую книжечку по чистокапиталистическому обществу и там осуждаю демократию как неэффективную систему. Смотри, есть одна математическая теорема, которая доказывает невозможность демократии.

.....

Вы слышали когда-нибудь о такой теореме? Немного поясню с опорой на доступные разъяснения Надежды Шиховой — автора и переводчика книг по математике (опубликовано на «Яндексе Кью»):

«Эрроу пытался придумать способ справедливо обобщать индивидуальные предпочтения (то есть создать справедливую избирательную систему). Но у него не получилось; причем дело не в том, что он плохо старался, а в том, что это невозможно в сделанных предположениях. Эрроу математически строго сформулировал теорему о том, что именно невозможно. По традиции эта теорема называется теоремой о невозможности демократии, а иногда парадоксом Эрроу.

В рамках теоремы рассматриваются N (больше двух) индивидуумов; скажем, граждане одной страны, жители одного многоквартирного дома или компания друзей. У них есть несколько альтернатив; скажем, кандидаты в президенты, варианты ремонта в доме или способы провести выходной день вместе. Важно, что осуществиться может только одна альтернатива, ее нужно выбрать вместе.

По условию теоремы считается, что каждый индивидуум может упорядочить эти альтернативы по предпочтительности. Допустим, мы собрали списки предпочтения у всех индивидуумов (провели голосование) и хотим по этим спискам построить общий список предпочтений. Иными словами, на основе индивидуальных предпочтений выработать коллективное. Вот Эрроу и попытался это сделать математически строго. Он еще потребовал выполнения некоторых условий, которые представляются вполне разумными.

Универсальность: каждый избиратель предоставляет один и только один список своих предпочтений, и при этом волен упорядочить альтернативы как ему угодно.

Отсутствие диктатора: общий список предпочтений не должен определяться только одним индивидуумом без учета предпочтений всех остальных.

Независимость от посторонних альтернатив. Это свойство можно по-разному формулировать, например, так: если в общем списке предпочтений кандидат A стоит выше кандидата B , а потом в число кандидатов вошел еще X (или наоборот, кого-то вычеркнули), то A все равно останется выше B .

Единогласие: если все избиратели ставят A выше B , то и в общем списке предпочтений A должен стоять выше B .

Далее Эрроу математически доказал, что не существует избирательной системы, которая удовлетворяла бы всем этим требованиям.

Мы теперь знаем, что не вполне рационально действуем, когда делаем выбор. Мы иногда не можем определиться, какой вариант предпочтительнее, не можем сравнить альтернативы. Бывает, что предпочтения есть, но они нетранзитивны: например, я предпочитаю мороженое каше, кашу котлете и котлету мороженому; такие предпочтения нельзя упорядочить. Предпочтения могут быстро меняться. На сытый желудок у меня одни предпочтения, а на голодный — другие».

А ведь это не школьная программа. И даже далеко не во всех вузах изучают теорему Эрроу. Я, как участник трех Всероссийских философских конгрессов, скажу больше: гуманитарной науке в целом не хватает научного подхода для осмысления проблем общества.

Гуманитарии топчутся на месте, занимаясь самолюбованием от изобретения собственных фантазийных теорий, ничего общего с реальностью не имеющих. Будем лелеять робкую надежду, что придут молодые и свежие силы и помогут преодолеть кризис в общественном сознании.

— У нас есть одна серьёзная проблема в продвижении наших идей: русские сами по себе индивидуалисты. Гляньте на наши кладбища и на кладбища в Европе: у нас всё огорожено от остальных, стоят ограды, а у них этого нет. У них просто чистые поля с надгробными плитами без оград.

— Лев Толстой — христианский анархист.

Александр на конкретном примере показывает, что русские не коллективисты, а индивидуалисты. С таким тезисом я согласен. Сошлюсь на оригинального мыслителя Николая Петровича Ильина — доктора физико-математических наук, профессора Санкт-Петербургского политехнического университета, отстаивающего индивидуализм русского человека как необходимое условие раскрытия огромного творческого потенциала в каждом:

«Надо с полной ясностью осознать, что, внушая русскому человеку убеждение в его „врожденном коллективизме“ (соборности, общинности и прочем) и отрицая его право на индивидуальность, наша так называемая „патриотическая элита“ играет подлую или глупую (пусть выбирает сама) роль пособника „элиты“ космополитической, предельно облегчает последней (по крайней мере, в теоретическом плане) борьбу с русским духом, первоисточник которого всегда лежал и лежит в свободной, самостоятельно мыслящей, творческой индивидуальности.»

Наши глубинный (и потому очень часто безотчетный) русский индивидуализм — это данность, которую надо только ясно осознать. Думай, решай и действуй — как это и подобает свободно-разумной личности. Думай трезво, решай твердо и действуй до конца...

Впрочем, один достаточно конкретный совет я все-таки могу дать: если читатель услышит от современных „училок“ о „последней букве в алфавите“ — пусть напомним им наш коренной церковно-славянский алфавит, где местоимение первого лица единственного числа — Аз — стоит на первом месте».

Внимательно всмотритесь в себя, уважаемые читатели — а чего больше в вас: свободного, творческого начала или коллективистского, требующего подчинения воле общества?

Для меня воплощением русского индивидуализма в хорошем смысле слова является Александр Сергеевич Пушкин, который ярко выражен в стихотворении «Из Пиндемонти», написанном незадолго до смерти поэта:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова...
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:

Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.
Никому отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусствами и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...

— Нам для мирной революции не нужны никакие призывы. Просто организуем внесистемные профсоюзы, хотя вряд ли потянем. А вот мини-газету сделать можно: с карикатурами и статьями. И бесплатно её раздавать, и назвать её «Искра».

.....

Ребята не призывают к насильственному свержению строя, если и говорят о революции, то исключительно мирной (бывают и такие, но об этом дальше) или происходящей в компьютерной игре. Следствие демонизировало образ детей, приписав им намерения, которые нельзя вывести из переписки подростков и их общения. Хотя практика показала, что можно, если следователи, хорошо обладающие этим навыком, подключат свою бурную фантазию, отключив логику и совесть.

«Марксист», предлагая делать минигазету, просто копирует название нелегальной революционной газеты, основанной Лениным в 1900 году. Эпиграфом газеты стала фраза «Из искры возгорится пламя», взятая из стихотворения поэта-декабриста А. И. Одоевского «Струн вещей пламенные звуки...»:

...Наш скорбный труд не пропадёт:
Из искры возгорится пламя,
И просвещённый наш народ
Сберётся под святое знамя.

Мечи скуём мы из цепей
И вновь зажжём огонь свободы,
И с нею грянем на царей —
И радостно вздохнут народы.

– Знаешь, нормальный социализм был при Ленине. Дальше всё пошло скатываться в диктатуру бюрократической верхушки. Ленин отошёл от дел очень быстро, ленинский социализм не успел раскрыться. Ленин писал об опасности бюрократии.

В книге «Государство и революция» Ленин утверждал:

«Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, против превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом:

1) не только выборность, но и сменяемость в любое время;

2) плата не выше платы рабочего;

3) переход немедленный к тому, чтобы все исполняли функции контроля и надзора, чтобы все на время становились „бюрократами“ и чтобы поэтому никто не мог стать „бюрократом“».

И сегодняшнюю Россию разъедает чиновничья коррупция. Какие бы комитеты и комиссии по борьбе с этим злом ни создавали, все без толку. А ведь Владимир Ильич давал ответ:

«С ними нужно воевать по всем правилам искусства и привлекать к ответственности партийных товарищей... А к суду за волокиту привлекали? Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз прийти в учреждение, наконец, получает нечто формально правильное, а по сути издевательство? Ведь вы же коммунисты, почему же вы не организуете ловушки этим господам бюрократам и потом не потащите их в народный суд и в тюрьму за эту волокиту? Сколько вы посадили их в тюрьму за волокиту?¹⁹».

– Знаете, если мой сын будет: 1) либералом, 2) декоммунизатором, 3) капиталистом, –то я от него откажусь.

Пишет 14-летний ребенок. Верно говорят, что у детей большие уши и длинные языки. Они могут говорить что угодно: и что здание МВД взорвет в компьютерной игре, и что от сыновей откажутся, и что газету будут издавать. Но от слов до дел дистанция огромна.

– Ох, чую, как сейчас набегут и начнут кричать «так и надо, к черту», а вообще-то Маркс – великий экономист, социолог, философ и человек, который повлиял на мир не только идеей коммунизма. Зайдите в любой учебник экономики, социологии, социально-культурной антропологии и увидите, что он до сих пор там занимает огромное и заслуженное место. Идеи Маркса ничуть не устарели. Они, наоборот, существуют и процветают. Марксизм, как экономику, изучают в вузах.

Согласен с Александром. Я многократно перечитывал «Капитал» Карла Маркса, особенно первую главу, очень сложную для понимания. «Капитал» есть, прежде всего, учебник диалектической логики, учебник мышления.

– Просто немного угарно и одновременно грустно, когда храбрость советских солдат сводят к тому, что из-под палки шёл воевать за Сталина. Вы себя-то послушайте! Не столько за Сталина шли, сколько за близких. Это, в первую очередь, **отечественная** война.
.....

Очень верные слова. А ведь говорят, что новые нарождающиеся поколения не читают о той Великой Отечественной войне, тем более, не могут прочувствовать той боли и горечи, которые война принесла. Неверно: читают о войне и чтят героев!

Переписка школьников не может указывать на их террористические цели, наоборот, раскрывает их наивно-детские души, категорически не принимающие реальность государственно-капиталистической системы, желающие мирного и справедливого переустройства.

Часть III. «ДЕТИ-ТЕРРОРИСТЫ»

Глава 1. Знакомство с Богданом, его мамой, дедушкой и котом

Пятнадцатое июня 2020 года, понедельник. Я, как всегда утром, уже в офисе. Работать дома себя заставить не могу. Нужно было составить исковое заявление о лишении родительских прав нерадивого отца, пьющего горькую. Мог и дома напечатать, но пальцы отбивают юридический текст исключительно в кабинете. Так до сих пор я с ними не договорился об обратном.

Позвонил мой друг-прокурор:

— Здорово, адвокат! К делу. Сейчас к тебе подойдет хороший человек, зовут Анна Владимировна. В отношении ее несовершеннолетнего сына возбуждено уголовное дело по терроризму. Сын не виноват. Это я тебе точно говорю. В общем, выслушай, заключай соглашение и работай. Я знаю, ты сможешь помочь. Поэтому только к тебе и обращаюсь. Давай, пока.

Виталий так всегда по-деловому разговаривал. Работа в прокуратуре научила. Да я и сам конторе благодарен — хорошую школу прошел. Приучила служба меня к дисциплине, понимать с первого раза то, что другие понимают со второго или третьего. Ну и, конечно, активно отстаивать права граждан. Когда мы, бывшие прокурорские, собираемся, ругаем контору на чем свет стоит, но потом достается и адвокатуре. Видимо, так человек устроен — критикует то, что любит.

В прокуратуре я занимался довольно специфическим надзором — за соблюдением прав несовершеннолетних. Курировал школы, детские сады, детские дома, органы опеки и попечительства. Если детей привлекали к уголовной ответственности, то следил за тем, чтобы правоохранительные органы не нарушали прав подозреваемых и обвиняемых. Только теперь я понял, как пригодился мне тот бесценный опыт по отстаиванию законных интересов детей! Ведь в предстоящем мне уголовном деле я делал все, чтобы права ребенка не были нарушены, как и ранее.

Через час ко мне в кабинет вошла миловидная хрупкая женщина с умными грустными глазами. Представилась Анной Владимировной от Виталия. Так и сказала.

Все в этой женщине было гармонично, естественно. Кроме одного. В её глазах поселился страх. Я почувствовал, насколько он бездонен и велик. Я связал такое противоестественное состояние моего будущего доверителя с серьезностью уголовного преследования единственного сына и осознал, насколько труден и сложен будет путь, который предстоит нам вместе пройти.

Анна Владимировна рассказала, что 6 июня 2020 года ее вызвали в отдел полиции города Канска. Задержан был ее 14-летний сын Богдан вместе с одноклассниками Никитой Упоровым и Денисом Николаенко. Как оказалось, ребята расклеивали по городу листовки анархического содержания: «Их роскошь — залог нашей нищеты», «Руки прочь от анархистов». На следующий день Богдана начала допрашивать следователь и делала это два дня с утра до вечера. В ходе допроса подросток рассказал, что они с ребятами делали самодельные бомбочки, петарды, хлопушки. Все это взрывали на пустырях в Канске. Маму это не удивило, так как Богдан еще с 13 лет под ее присмотром мастерил разные приспособления, химичил, одним словом. Показывал маме и дедушке, как это все «бахает» и дымится.

Дедушка — физик по образованию, мама — математик, а Богдан — призер и победитель олимпиад по физике, химии, математике. Я сразу вспомнил свою семью: мама, папа, бабушка и тетя у меня — гуманитарии, я сам до мозга костей гуманитарий. Да, гены, как и факты, вещь упрямая.

«После окончания допроса, — продолжала Анна Владимировна, — следователь вечером 8 июня 2020 года дала мне подписать протокол допроса Богдана. Когда я его подписывала, то увидела фразы: „Я обучался создавать взрывчатые вещества и взрывные устройства с целью совершения террористического акта“. Я сказала следователю, что так на самом деле не было. Следователь мне ответила, что так надо записать, это юридический термин. Я согласилась со следователем, ей ведь видней».

Следователь убедила Анну Владимировну, что спорная фраза не навредит сыну: это обычная формальность, беспокоиться не о чем, ведь Богдан помогает следствию, а следствие обязательно учтет такую признательную и деятельную позицию.

«10 июня 2020 года следователь меня с Богданом опять вызвала и предъявила обвинение по ст. 205.3 УК РФ. Я категорически не согласилась с таким обвинением, ведь Богдан никогда не хотел, у него в мыслях не было совершить теракт. Я в протоколе указала, что не согласна с такой квалификацией действий моего сына».

11 июня 2020 года Богдана поместили под домашний арест. Никиту заключили под стражу и отправили в следственный изолятор, а Денису избрали ту же меру пресечения, что и Богдану.

Также мама мне рассказала, что следователь заставила Богдана признаться на видеокамеру, угрожая ребенку свыше десяти раз, что если он не признается, то вслед за Никитой отправится в СИЗО. А чтобы школьник не сбивался, дала ему собственноручно написанный текст явки с повинной.

«Да, — подумал я, — „грамотно обработала“ следователь маму и сына. Обманула их, получив тем самым доказательства, которые будет трудно „сломать“ в суде. Суд до сих пор верит письменным доказательствам. Кладет в основу обвинительного приговора то, что допрашиваемый говорит следователю в кабинетной тиши, а не то, что в условиях состязательности и открытости стороны доносят до суда напрямую без посредничества следователя и оперуполномоченного».

— А кем вы работаете? — поинтересовался я.

— Работаю в исправительной колонии. Самым большим моим страхом в жизни было то, что когда-нибудь, не дай Бог, сын попадет в те места, в которых я несу службу.

Дело очень серьезное: Богдану по закону могут дать до 10 лет лишения свободы и то только потому, что он несовершеннолетний. Я поверил заплаканной женщине. Сталкиваясь со следователями в свою бытность и прокурором, и адвокатом, я смотрел без иллюзий на методы их работы. Самое главное, я тоже начинал карьеру следователем, но никогда не позволял себе нарушать закон, в том числе работая по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. На следующий день я заключил с мамой соглашение об оказании Богдану юридической помощи, тем самым приняв на себя его защиту.

Через несколько дней я прибыл в Канск и лично познакомился с подзащитным. Когда я зашел в дом Андреевых, первым меня встретил персидский кот Сильвестр. После я много бывал в гостях у этой семьи, где мы готовились к каждому судебному заседанию, и непременно первым меня встречал удивительно красивый кот с выпученными глазами. Вторым всегда выходил дедушка — спокойный, интеллигентный и добрый человек. После каждого судебного заседания он задавал один и тот же вопрос: «Ну, и как суд прошел?». Я энергично отвечал, что хорошо. После такого ответа дедушка уходил в комнату, не говоря ни слова. Было видно, как сильно он переживал. Держал эмоции в себе, не показывал их. Однако его вежливое мол-

чание кричало громче любого ора, кричало о несправедливости, которая совершалась по отношению к пацанам. Зато после того, как я обрадовал деда условным сроком Богдану, он стал говорливей всех: невидимая стокилограммовая тяжесть спала. И маму страх покинул — тот страх, что уродует любого человека, лишая его свободы и подлинной радости жизни. А какая может быть радость, когда твой родной сын при тебе обвинен в страшном преступлении, которого не совершал?

Наконец, ко мне вышел Богдан, протянул свою длинную руку и с теплотой произнес: «Здравствуйте!». Богдан, как и Владимир Ильич Ленин, немного картавил. Но это и недостатком нельзя было назвать вместе с его рассудительностью, сообразительностью, детской наивностью и настоящей человеческой свободой.

Вы когда-нибудь видели свободного человека? Редко такого встретишь, правда? Я за всю жизнь знал и знаю лично только одного — российского философа (как он именует себя, свободного философа) Юрия Леонидовича Дюбенко. Всем советую прочитать его книгу «Духовный капитал», где мыслитель, используя им введенные формулировки, рассуждает о вполне человеке, о человеческом обществе, о духовной революции.

Что отличает такого человека от других? Внутренняя цельность, собранность, преданность мечте. Да-да, мечте. И у Богдана была мечта — поступить в университет «Иннополис» в городе Казань для обучения по программе «Анализ данных и искусственный интеллект». Богдан — одаренный ребенок. Сызмальства постоянно что-то делал своими руками. Есть в кого: дед ведь преподавал технологию. Знаете, что такое «умный дом»? Дом, в котором многие процессы автоматизированы. Так Богдан сам все автоматизировал, своими золотыми руками. Нажмешь кнопку — дверца откроется, нажмешь другую — свет зажжется, третью — вентилятор заработает. Никогда не видел, чтобы все это делал ребенок.

В личной беседе Богдан мне все рассказал. При первом разговоре он плакал, но больше такого себе не позволял. Быстро повзрослел. За год, точнее, за то время, как начался процесс над канскими подростками. Я пришел к крепкому убеждению в том, что ребенок невиновен. У меня пропали все сомнения, правильно ли я сделал, что стал защищать «террориста». С момента нашего первого разговора и по сей день я ни на йоту не усомнился в невиновности Богдана. Да, он наивный анархист. Да, он талантливый химик-экспериментатор. Да, он ребенок, давший слабину под давлением взрослых и оговоривший друга. Но он не террорист. Такое глубоко человеческое убеждение ни разу во мне не поколебалось.

Глава 2. Испытания на прочность канских анархистов

2.1. Испытания Никиты

Шестого июня 2020 года в шестом часу вечера Никита был доставлен в полицию. В холодном помещении ребенку в течение нескольких часов задавали вопросы. Маму к Никите допустили только через три часа с момента задержания. При этом ему не предоставили адвоката, нарушив его конституционное право на защиту. Помните, в американских фильмах при задержании преступников полицейские всегда громко и отчетливо разъясняют право хранить мол-

чание, право на адвоката. У нас тоже, в силу ст. 14 Федерального закона «О полиции», сотрудник полиции обязан разъяснить лицу, подвергнутому задержанию, его право на юридическую помощь, тем более что задержанными явились дети.

Согласно указанной статье сотрудники полиции обязаны предупредить, что лицо вправе отказаться от дачи объяснения. Никите ни одно из его прав не только не было обеспечено, но и озвучено не было. В полиции следователь опросила Никиту, составив протокол объяснения, в котором указала время опроса несовершеннолетнего: с 21:15 до 22:00, хотя фактически он был завершен гораздо позже. Почему в указании времени окончания опроса следователь допустила фальсификацию, почему для нее было принципиально указать время окончания 22:00 и ни минутой позже?

Все очень просто: согласно п. 21 ст. 5 УПК РФ период с 22 до 6 часов по местному времени считается ночным временем. А в силу ч. 3 ст. 164 УПК РФ следственные действия в ночное время не допускаются, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Опрос несовершеннолетнего к таковым не относится, в отличие, например, от осмотра места убийства, где оставлены нож со следами крови и отпечатки пальцев на стакане из-под спиртного. Объяснение у Никиты без ущерба для следствия можно было взять и на следующий день, дав ребенку возможность полноценно выспаться и отдохнуть. Нет, нужно помучить опрашиваемого ночью, а время поставить такое, какое нужно, чтобы формально, для галочки, закон не нарушить.

Сразу поясню, что допросом являются объяснения, которые даются после возбуждения уголовного дела, а опросом — до его возбуждения. Только показания, которые даны после возбуждения уголовного дела и с соблюдением требований закона, являются доказательствами и могут использоваться в процессе доказывания.

Никита честно рассказал, что примерно год назад его стали интересовать проблемы общества и государства. Он проникся идеями анархистов, которые боролись за социальную справедливость. Никита не побоялся заявить: «Мы живем не по справедливости». Дети особенно чутко и явственно чувствуют, где эта самая справедливость попирается, а где утверждается, где за нее нужно бороться и ее отстаивать. Некоторые взрослые сохраняют в себе такое обостренное чувство справедливости и становятся за это гонимы и преследуемы. Они выбирают путь мученичества и подвижничества. Счастливый путь, в отличие от мещанского приспособленчества, ведущего к попиранию правды и добра. Такой путь выбрали Сократ, Иисус Христос, Мартин Лютер Кинг и многие другие. В никитиной детской душе тогда и по сей день живы призывы к борьбе за справедливое дело.

Дальше Никита рассказал следователю, как познакомился с Денисом и Богданом: 23 февраля 2020 года, в День защитника Отечества, на уроке физкультуры нужно было поделиться на команды для соревнований. Денис, Никита и Богдан оказались в одной команде. Никита предложил назвать команду «Нестор Махно²⁰». Богдан поддержал эту идею и улыбнулся в ответ Никите и Денису. Так — уже изначально на анархической нотке — завязалась дружба между ребятами.

Никита сообщил, как в дальнейшем они создали в социальной сети «ВКонтакте» беседу с обсуждением идей анархизма. Как Богдан строил небольшую картонную ракету весом до 200 граммов, которая должна была взлетать с помощью пороха (эту ракету ему припомнят сотрудники ФСБ России, как средство совершения террористического акта, хотя иных целей, кроме научно-практических, Богдан, увлекающийся химией, физикой и программированием, при ее создании не преследовал).

²⁰ Украинский анархист и революционер.

Никита Упоров честно рассказал, что вместе с ребятами расклеивал листовки по городу с целью информировать людей, что государство — это аппарат насилия, познакомить их с анархизмом, привлечь внимание к политическим заключенным. Подросток сообщил, что 5 июня 2020 года к нему домой пришел Денис и ночью, уже 6 июня, они выпрыгнули из окна дома Никиты и пошли на дело распространения идей анархизма в родном городе Канске.

На здание отделения ФСБ России по Красноярскому краю в городе Канске Никита наклеил листовки: «Руки прочь от анархистов! Государство — главный террорист!» (внизу были изображены фигуранты дела «Сети»²¹). На соседнее здание отдела № 10 Управления Федерального казначейства по Красноярскому краю несовершеннолетние наклеили другую листовку с очень глубоким по содержанию текстом: «Их роскошь — залог нашей нищеты!». И здание для листовки выбрали как нельзя подходящее.

На следующий день, 7 июня 2020 года, опрос несовершеннолетнего продолжился. Теперь его опрашивал не полицейский, а следователь следственного отдела по Канскому району Следственного комитета РФ по Красноярскому краю и Республике Хакасия Сергей Паршев, который возбуждал уголовные дела в отношении наших подростков. В этот раз время начала и окончания опроса следователь специально не указал. Почему? Потому, что объяснения с ребенка брали более четырех часов без перерыва в нарушение ч. 1 ст. 425 УПК РФ, согласно которой допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности — более четырех часов в день.

В повторном объяснении Никита уточнил, что с 13 лет начал отчетливо видеть, что наше российское общество поражено коррупцией. Отсюда, в том числе, несправедливость и неравенство. Школьник разъяснил, что он понимает под справедливостью: это прежде всего отсутствие громадной пропасти между богатыми и бедными. В идеале — вообще отсутствие бедных. Люди должны быть равны в правах не на бумаге, а в реальной жизни. Власть действительно должна быть у народа, что и закреплено в Конституции РФ.

Идеи анархизма привлекли Никиту отсутствием посредника во взаимоотношениях между людьми, именующего себя государством. Нам это трудно понять, но истина заключается в том, что государство, как политическая надстройка, было не всегда. Более того, в сравнении с продолжительностью известной истории человеческих обществ существовал незначительный период времени. Согласно концепции анархизма, государство, выражая интересы господствующего класса, потому и является аппаратом насилия к классу угнетенному. Если диалектически, в развитии рассматривать историю человечества, то государство, как явление преходящее, соответствующее определенному этапу развития человечества, перестанет существовать, поэтому и отношения между людьми будут строиться не на власти и подчинении, а на кооперации, сотрудничестве, прямом взаимодействии.

Подросток, проникшись идеями анархизма, решил сделать их достоянием всех жителей города Канска, поэтому стал распространять листовки. Под анархическими идеями, говорил Никита, он понимал идеи свободы и равенства всех людей в обществе, где ни один гражданин не имеет политической власти (да и вообще любой другой) над другим гражданином.

Никита признался, что они с Богданом и Денисом «химичили» — изготавливали бомбочки, дымовухи, петарды, ракеты в домашних условиях. Ребятам было интересно, как «бахают» в безлюдных местах, куда они уединялись, эти вещества, ими самостоятельно изготовленные. Использовать взрывчатку против людей юноши никогда не планировали.

²¹ Дело «Сети», или «Пензенское дело» — дело об организации анархистов и антифашистов под названием «Сеть».

Осенью 2019 года Никита на своей странице во «ВКонтакте» разместил запись:

«Михаил Васильевич Жлобицкий²² умер за нас! Не так давно исполнился год со смерти мученика-анархиста, о котором вы забываете».

Он хотел напомнить людям о том, что Жлобицкий стал жертвой, то есть отдал свою жизнь в знак протеста против пыток со стороны сотрудников ФСБ России. Однако Никита Упоров твердо заявил, что взрывать здание межмуниципального отдела МВД России «Канский» либо здание отделения в г. Канске Управления ФСБ России по Красноярскому краю он не стал бы, так как «мир не черно-белый, и среди сотрудников, безусловно, есть достойные люди».

Как бы долго ни допрашивали Никиту, как бы ему ни угрожали, какие бы посулы ни предлагали, друзей своих подростков не оговорил, сохранил честь свою и товарищей по анархическому братству. Свои первые серьезные испытания в жизни Никита Упоров достойно выдержал.

2.2. Испытания Богдана

Сразу после задержания 6 июня 2020 г. Богдан был опрошен. Он предстает перед нами, как большой интеллект. Юноша учился в 9-м классе с математическим уклоном. Начал знакомство с анархизмом с книги Петра Алексеевича Кропоткина²³ «Хлеб и воля». Он сразу удивил Дениса и Никиту предложением изготовить ракету. Причем для ракеты Богдану потребовались вполне доступные ингредиенты: калиевая селитра²⁴, сорбит²⁵, ПВХ-трубка диаметром 10 мм и кошачий наполнитель для туалета. На форуме пиротехников Богдану стало известно, как создать ракетное топливо. Хотел удивить ребят этим чудо-изобретением.

Богдан расклеивал листовки с одной целью: рассказать, что о политических заключенных до людей доводились ложные сведения. Об этом он рассказал маме и пояснил, что таким способом хотел привлечь внимание людей на существование других политических идеологий, взглядов, на то, что можно жить по-другому, лучше, радостней.

Тайная ночная деятельность ребят по расклеиванию листовок анархического содержания свидетельствует о том, что нельзя насаждать одну идеологию и преследовать все другие. Многообразие мнений и позиций составляет основу гражданского общества. Согласно ч. 1 ст. 13 Конституции РФ в Российской Федерации признается идеологическое многообразие, а в ч. 2 этой статьи говорится: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Мы должны просто соблюдать свою Конституцию, не позволять утвердиться одной обязательной идеологии. Даже дети понимают эту юридическую догму и правду жизни.

Под страхом тюремного заключения Богдан заявил: «Я осознал свою ошибку, я отрекаюсь от своей идеологии!». В дальнейшем такое отступничество, оговор по малодушию своего друга Никиты приведут на скамью подсудимых всех троих.

Расскажу вам, уважаемый читатель, как бралась у Богдана явка с повинной. Согласно ч. 2 ст. 142 УПК РФ, заявление о явке с повинной — это добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении.

²² 17-летний анархист, который совершил самоподжог в УФСБ г. Архангельска, в результате которого погиб на месте.

²³ Русский революционер-анархист.

²⁴ Нитрат калия, применяется как удобрение.

²⁵ Пищевая добавка, также используется как заменитель сахара.

Следователь Наталья Бессовестная пригласила Богдана с мамой к себе в кабинет и сказала (диалог смоделирован):

— *Богдан, тебе надо сделать явку с повинной, это облегчит твоё положение в суде.*

— *А что такое явка с повинной?*

— *Не переживай, Богдан, ничего страшного. Просто ты сознаёшься в преступлении. Явка с повинной в суде будет обстоятельством, смягчающим наказание. Тебе много не дадут. А чтобы ты ничего не перепутал, я тебе напечатаю то, что ты должен будешь сказать на видеореамеру. Тебе надо будет только прочитать текст. Договорились?*

— *Если так надо, вам видней, вы же следователь.*

Богдан доверял всем. Такой доверчивый ребенок. Как признался в суде, он особенно доверял взрослым: они же взрослые, врать не будут. Только вот процесс над подростками показал, что врал как раз взрослые. Причем нагло, многократно и под присягой.

В течение 15 минут следователь напечатала текст, который должен был прочитать Богдан.

— *Держи, прочитай несколько раз. Все запомни и не перепутай, хорошо? Мы тебе зла не хотим. Запомни, что главный злодей — это Никита. Ты начал его избличать. Назад дороги нет, поэтому продолжай.*

Ребенок не спорил со следователем: он предельно ясно понимал реальность угроз о помещении в следственный изолятор.

Богдан нехотя взял листок, прочитал на раз — ему, с отличной памятью, было достаточно.

— *Я готов, включайте камеру, — и Богдан положил лист с текстом себе на колени.*

— *Хороший мальчик, — улыбнулась Бессовестная.*

Следователь начала видеозапись. Богдан стал на память цитировать текст (приведен дословно) в несвойственной ему манере:

«С октября 2019 года я встречался с Никитой Упоровым и Денисом Николаенко в школе. Они рассуждали об анархизме. Так как их идеология совпала с моими взглядами, то я присоединился к ним. Никита добавил меня в беседу во „ВКонтакте“, которая называлась „Анархо-коммунистический бунд“. Там мы обсуждали свои взгляды и судьбу политических осужденных в России. Потом Никита создал Telegram-чат, куда стал скидывать различные книги по созданию взрывчатых веществ. Мы в городе Канске стали расклеивать листовки на тему анархизма и политических заключенных. Затем Никита написал, что хочет совершить диверсию для привлечения внимания и (или) устрашения. В конце мая 2020 года я создал взрывчатое вещество АММОКИСу по указанию Никиты. После подрыва этой бомбы я осознал масштабы и серьезность предстоящего теракта, который Никита хотел устроить. Роли мне не известны».

Конечно, то, что прочитал с листка Богдан, не является явкой с повинной — это не его слова. Стороне защиты очень помогло видео, которое сняла следователь. Я заявил в суде ходатайство о его просмотре, и оно было просмотрено в присутствии судей и всех участников процесса. Я обратил внимание коллегии судей на то, что Богдан постоянно смотрит на свои колени, что свидетельствует о том, что подросток читал текст, составленный ему «добрым следователем», якобы желающим помочь ребенку.

Какая же это явка с повинной, когда её текст читается, а не произносится? Когда речь мальчика сбивчива и непоследовательна? Когда ребенок употребляет те фразы, которые в своей повседневной речи не произносит? Судьи прислушались к моим аргументам и признали явку с повинной недопустимым доказательством.

В главе «Суд» я приведу подробные доводы, благодаря которым удалось исключить явку с повинной из числа обвинительных доказательств.

На следующий день после принудительной явки с повинной Богдан с мамой по требованию следователя Натальи Бессовестной опять явились в здание следственного комитета.

— *Богдан, ты уже дал подробные показания, но в изобличении Никиты Упорова тебе помогала я и оперативные сотрудники. Теперь тебе надо будет подтвердить свои показания в присутствии понятых. Мы поедем на те места, где вы все вместе создавали взрывные устройства и потом их испытывали. Согласен?*

— *Согласен, — понуро ответил Богдан.*

Был уже четвертый день, когда он с утра до ночи отвечал на бесконечные каверзные и наводящие вопросы, выслушивал угрозы от следователя, которая то грозилась отправить его в следственный изолятор, то, получив от ребенка нужный ей ответ, хвалила его, чуть ли не в любви признавалась. Мальчик начал понимать, как ловко следователь вьет паутину, в которой он запутался, уже не разбирая, где правда, а где ложь. А следователю правда была не очень-то и нужна — ей нужно было создать видимость виновности ребят, чтобы направить уголовное дело в прокуратуру и затем в суд.

— *Только давай с тобой договоримся. Когда ты должен будешь сказать про то, что Никита готовил теракт, я махну тебе рукой, подам знак. После этого ты обязательно скажешь, что Никита хотел взорвать ФСБ. Хорошо?*

— *Но ведь понятые и другие люди увидят?*

— *Не увидят. Я буду рядом с тобой, постараюсь знаки делать незаметно. А если и увидят, то ничего страшного. Я ведь следователь — я главная.*

После приготовлений следователь пригласила двух понятых, адвоката, маму Богдана, педагога-психолога и оперативного сотрудника ФСБ. Равнодушного, который снимал на видеокамеру то, что Богдан говорил и показывал. Задачами педагога-психолога являются защита прав несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и создание благоприятной психологической обстановки для него. Все участвующие лица вместе с Богданом выезжали на те места, где ребята создавали бомбочки, дымовухи, петарды и где их испытывали. При этом следователь задавала вопросы Богдану, а тот на них отвечал. После был составлен протокол проверки показаний на месте (так называется документ), в котором все расписались.

Обращаю внимание, что написанное в протоколе не соответствует действительности. Как это удалось доказать? Опять же помогла сама следователь, ведь она фиксировала на видеокамеру процесс проверки показаний Богдана. В суде я попросил исследовать видеозапись и показал те моменты в письменном протоколе, которые были самовольно дописаны следователем.

Кстати, протокол подписан и адвокатом Ириной Недобросовестной, назначенной следователем. Согласно ст. 50 УПК РФ в случае, если у подозреваемого или обвиняемого нет своего адвоката, то следователь постановлением назначает его самостоятельно. На тот момент мама Богдана еще не заключила со мной соглашение, и ребенка с 8 по 18 июня 2020 года «защищала» адвокат Ирина.

В суде адвокат заявляла, что протокол соответствует тому, что говорил Богдан. Нагло врала. Вместо того, чтобы сначала прочесть протокол, она подписала его не глядя — в угоду следователю. Вот такие нерадивые защитники встречаются, к сожалению, в нашем профессиональном сообществе. Причем в суде я прямо взывал к совести коллеги, но тщетно.

Как видите, я критикую все стороны процесса. В этом я объективен. Но в чем я точно субъективен — в отношении к себе. Ведь именно мне не удалось отстоять невиновность Богдана: не был достаточно въедлив, напорист, убедителен, силен в аргументации и т. д. Я до сих пор размышляю над тем, в чем и где именно коллективная сторона защиты не доработала.

В дальнейшем я приведу цитаты из протокола проверки показаний, которые искажают ответы Богдана, а потом его настоящие ответы, зафиксированные на камеру. У вас не останется сомнений насчет методов прямого искажения информации, которые следователь использует в своем арсенале негодных средств.

«Нам необходимо проехать по адресу: город Канск, ул. Эйдемана, д. 96, где мы с Никитой и Денисом изготавливали взрывчатые вещества в целях обучения по указанию Упорова Никиты для осуществления террористической деятельности. Прибыв по адресу, Андреев Богдан рассказал, что здесь он по инициативе Упорова Никиты изготовил взрывчатое вещество под названием „Карамелька“ и триперекись ацетона КИСА²⁶. Способ изготовления КИСы ему известен от Упорова Никиты. После этого они втроем испытали КИСу по инициативе Упорова Никиты у здания заброшенного Сбербанка по ул. Красноярская города Канска. Упоров Никита в феврале 2020 года сообщил Денису и Богдану, что намерен совершить взрыв в здании ФСБ города Канска с целью устрашения представителей власти, дестабилизации деятельности службы в знак мести за политических заключенных — членов сообщества „Сеть“, необоснованно осужденных за пропаганду идеологии анархизма. Богдан и Денис поддерживали Никиту Упорова и соглашались на обучение, так как разделяли его идеологические взгляды.

Далее все приехали к заброшенному зданию бывшего Сбербанка, где Богдан рассказал, как они прикрепили к ручке двери здания взрывчатое вещество триперекись ацетона и взорвали его. Это был испытательный взрыв с целью обучения терроризму.

Участвующие лица приехали к гаражу родителей Дениса, где ребята изготавливали „коктейль Молотова“²⁷ в целях обучения для совершения теракта. Затем поехали к заброшенному зданию, где ребята бросали „коктейль Молотова“ в стену с целью обучения для совершения теракта.

Через некоторое время участники следственного действия переместились на участок местности, где подростки взрывали АММОКИСу. После взрыва АММОКИСу Андреев Богдан, зная, что ранее осуществлял испытания и обучался изготавливать взрывчатые вещества в целях теракта в здании ФСБ города Канска по инициативе Упорова Никиты, осознал возможные негативные последствия, к которым ранее относился безразлично. Вину в содеянном признает полностью».

На видеозаписи же Богдан отчетливо говорит, что опыты со взрывчатыми веществами ему были интересны, как химик, и у него не было цели взрывать ФСБ. Повторял это несколько раз. Следователь просто не вносила в протокол то, что ей было невыгодно.

Поэтому, в каком бы статусе (свидетеля, обвиняемого, понятого, потерпевшего) вы ни столкнулись с правоохранительной системой в лице ее органов, прежде чем подписывать документ, внимательно его прочитайте. Читайте ровно столько, сколько вам надо. Не позволяйте себя торопить. Если следователь записал неправильно, требуйте исправить. Если следователь не вносит исправления, делайте замечания, пишите их собственноручно. Если промолчите, смиритесь с неверно записанными вашими словами, помните: риск беспечности и проявленного малодушия лежит только на вас. Искренне желаю вам участвовать в уголовном процессе только в безобидном качестве понятых.

²⁶ Пероксид ацетона — взрывчатое вещество.

²⁷ Бутылка с зажигательной смесью — общее название простейших жидкостных зажигательных гранат.

Под угрозами помещения в СИЗО и в результате издевательств со стороны следователя путем длительного допроса в ночное время Богдан оговорил своего друга Никиту. Испугался, сдался, соврал, как будет в суде врать следователь, но не по своей злой воле, а по принуждению. Первое взрослое испытание в своей жизни Богдан не прошел. Впрочем, в суде рассказал правду, горой стоял за друга, каялся в слабости, ведь там никто не угрожал подростку тюрьмой, помещением в следственный изолятор, никто не допрашивал по десять часов подряд без еды и отдыха. Этой твердой позицией, я считаю, Богдан искупил вину своей трусости.

2.3. Испытания Дениса

Дениса отличает от сверстников творческая жилка. Он любит заниматься обработкой видео, делает уникальные фотографии, тонко и своеобразно чувствует окружающий мир, преломляя его в создаваемых картинах. Имел успехи и в рукопашном бое, и в каратэ, занимая призовые места на городских соревнованиях. Сочиняет и исполняет простенькие мелодии на гитаре.

Интеллектуальные проблемы анархизма, общественные и политические процессы Дениса особо не волновали, он был от них далек. Что еще по-настоящему его увлекало, так это опыты, которые Богдану удавалось так искусно проводить — петарды и бомбочки начинали дымиться, потом искрились и издавали громкий хлопок. Дениса захватывали яркие эмоции от увиденного: и чувство опасности, и неизвестности, и взрослости, — ведь только взрослым так можно делать.

Следователи и оперативные сотрудники показали, что взрослым можно делать не только это: можно и забирать телефоны, и угрожать СИЗО, и допрашивать ночью, и врать, и изворачиваться, когда тебя уличили.

Те нарушения, которые допускала следователь в отношении Богдана, были допущены и в отношении Дениса. За исключением одного: видеозапись проверки показаний Дениса на месте соответствовала составленному протоколу. Тут следователь Злобина проявила уважение к закону, что не умаляет ее вины в остальных нарушениях.

Ведь подросток говорил под угрозой СИЗО ровно то, что нужно было следователю. За свое «сотрудничество» Денис не был помещен в следственный изолятор. Сначала. Спустя же пять месяцев за уроки игры на гитаре, которые Денис брал у фрилансеров в интернете, ребенка поместили под стражу (глобальной сетью пользоваться ему было нельзя, тут Денис запрет нарушил. Другое дело, насколько именно такое нарушение повредило следствию? Я отвечу: не повредило никак!). Только в суде 17 августа 2021 года Денис вновь обрел свободу, убедившись на собственном опыте, что ценней свободы мало что есть в жизни человека, лично чувствовал и поняв, почему краеугольным камнем анархизма является именно свобода.

Следующая глава будет сложна для прочтения, потому что я приведу дословно то обвинение, которое было предъявлено несовершеннолетним и которое составляло предмет судебного разбирательства. Кратко укажу на недостатки, которыми страдало обвинение. Отмечу, что дальше текст будет содержать юридические термины и юридический анализ — от этого никуда не деться, ведь книга о судебном процессе.

И вообще, каждый должен быть немного юристом, знать хотя бы минимум прав, которыми обладает в силу закона, уметь правами пользоваться и не давать себя обмануть, быть свободным гражданином своего Отечества. Уверен, в любом случае что-то хорошее и полезное вы для себя почерпнете, а когда столкнетесь с уголовным законом на практике (не дай Бог, конечно), сможете отстоять себя и не оговорить другого.

Глава 3. Обвинение

Богдану Андрееву, Никите Упорову и Денису Николаенко 12 марта 2021 года предъявили обвинение в окончательной форме. Обвинения одинаковые. На примере обвинения Богдана я покажу очевидные ошибки, допущенные следователем при составлении данного очень важного процессуального документа, тезисы которого не были подкреплены соответствующими доказательствами.

Несовершеннолетний Богдан Андреев обвинялся в том, что совершил умышленные преступления против общественной безопасности при следующих обстоятельствах.

«Не позднее октября 2019 года, находясь на территории г. Канска Красноярского края, более точные дата, время и место не установлены...»

Фраза «более точные дата, время и место не установлены» упречна в том смысле, что не соответствует стандарту доказанности. Следователь обязан достоверными и допустимыми доказательствами установить и время, и место возникновения преступного умысла, привлечения лиц к совершению преступления, возникновения преступного сговора лиц и т. д. Подобными фразами следствие лишь расписывается в собственной лени, неумелости и нежелании действительно раскрывать преступления и устанавливать все обстоятельства, подлежащие доказыванию. Напомню, что в силу ч. 1 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежит доказыванию событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления).

«...У несовершеннолетнего Упорова Никиты, придерживающегося идеологии анархизма, подразумевающей под собой социально-политическое течение, основным принципом которого является отрицание государства, всякой политической власти вообще, рассматриваемой исключительно как орган насилия...»

Слишком узкое определение дано анархизму...

«...имевшего намерение совершить террористический акт на территории г. Канска Красноярского края, возник преступный умысел, направленный на прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, в том числе приобретение знаний, практических умений и навыков при изучении правил обращения с взрывными устройствами, взрывчатыми веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.»

«Не позднее 25 октября 2019 года, находясь на территории г. Канска Красноярского края, более точные дата, время и место не установлены...»

Следователь неверно установил время знакомства подростков. В действительности ребята познакомились позднее 25 октября 2019 года, а именно — 23 февраля 2020 года на уроке физической культуры в школе.

«...Упоров Никита, достоверно зная, что несовершеннолетние Андреев Богдан и Николаенко Денис придерживаются и разделяют идеологию анархизма, решил привлечь последних к совершению преступления, в связи с чем обратился с просьбой к Николаенко Денису, которую последний исполнил, о создании для общения и обмена информацией группы в социальной сети „ВКонтакте“ информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“ и о включении в последующем в состав участников его (Упорова Никиту), Николаенко Дениса и Андреева Богдана.»

«Реализуя свой преступный умысел, в период с октября по ноябрь 2019 года, находясь на территории г. Канска Красноярского края, более точные даты, время и место не установлены, Упоров Никита приискал на неустановленном следствием Интернет-ресурсе...»

А не много ли в обвинении неустановленного следствием? Если следователь не установил значимые для дела обстоятельства, то как можно обвинять человека в преступлении? Оказывается, можно.

«...видеоматериал, содержащий пошаговую инструкцию по изготовлению предметов, представляющих опасность для окружающих, а именно зажигательной смеси „коктейль Молотова“, который изучил, после чего разместил для обозрения в ранее созданной группе в социальной сети „ВКонтакте“ с целью пробуждения интереса к теме горючих и взрывчатых веществ у участников указанной группы...»

Никакой группы на 25 октября 2019 года не существовало — ребята, повторяю, знакомы друг с другом не были.

«...не осведомленных в тот момент времени о его (Упорова Никиты) преступных намерениях.

Упоров Никита продолжил общение с Андреевым Богданом и Николаенко Денисом, которым не позднее февраля 2020 года, находясь на территории г. Канска Красноярского края, более точные дата, время и место не установлены...»

Следствие вновь не приводит точных дат, времени и места, потому что никакого предложения со стороны Никиты пройти обучение не существовало.

«...предложил пройти обучение в целях осуществления террористической деятельности, в том числе приобрести знания, практические умения и навыки при изучении правил обращения с взрывными устройствами, взрывчатыми веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих, для последующего совместного осуществления террористической деятельности на территории г. Канска Красноярского края, на что Николаенко Денис и Андреев Богдан согласились, вступив тем самым в преступный сговор с Упоровым Никитой на прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности...»

В уголовном деле **нет ни одного доказательства**, которое бы подтверждало, даже косвенно, что Никита предлагал ребятам пройти обучение в целях осуществления террористической деятельности. Между детьми ни разу даже слова не было произнесено о совместной террористической деятельности. Никогда подростки не намеревались вместе осуществлять террористическую деятельность на территории Канска или любого другого города. Ни ребята, ни свидетели не говорили следователю, оперативным сотрудникам об этом. В их многостраничной переписке нет ничего, что могло бы направить правоохранительные органы на след их возможного совместного осуществления террористической деятельности. Если бы даже Никита и предложил им такое, Денис и Богдан не согласились бы, что видно из заключений психолого-психиатрических экспертиз, где личности ребят изучалась самым тщательным образом (на этом подробнее остановлюсь чуть позже). Обращаю внимание, что даже если бы кто-то из обвиняемых себя оговорил, признавшись в том, что проходил обучение в целях осуществления террористической деятельности, такое признание, полученное пусть и в присутствии адвоката, не имело бы решающего значения ввиду действия правила, закрепленного в ч. 2 ст. 77 УПК РФ, согласно которому признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств.

«...Реализуя совместный преступный умысел...»

Следователь очень хитро выстроил текст обвинения. Приписав детям то, что они вместе решили пройти обучение в целях осуществления террористической деятельности, он сделал вывод: теперь действие любого из ребят должно одобряться, поддерживаться, осознаваться другими. По лукавой схеме следователя каждый поступок подростка, написанная им фраза, комментарий охватываются совместным умыслом на осуществление террористической дея-

тельности. Отныне презюмируется, выдается за истину то обстоятельство, что несовершеннолетние свои детские игры и шалости совершают сознательно, целенаправленно, будучи осведомленными о действиях и целях друг друга. Вот такой изуверский прием использует следователь, вводя в заблуждение и прокурора, и суд.

«...в период с февраля 2020 года по 06 июня 2020 года, находясь на территории г. Канска Красноярского края, более точные даты, время и места не установлены...»

Умысел на терроризм и сговор установлены, а вот даты, время и места — нет. Почему так? Очень просто. Так сложилось в порочной юридической практике, что достаточно выдвинуть обвинительный тезис: *«В неустановленное время, в неустановленном месте у гражданина Иванова возник преступный умысел на совершение кражи. Реализуя свой умысел, Иванов вступил также в неустановленное время и неустановленном месте в предварительный сговор с Петровым»*, — как Иванов и Петров уже считаются договорившимися на совершение кражи вдвоем. Не нужно усердно доказывать их умысел, ведь известно, что чужая душа — потемки. В голову другому не залезешь. Поэтому можно выдумывать небылицы и выдавать их за установление объективной (или юридической — кому как угодно) истины.

Не то с объективной стороной. Если следователь в дальнейшем утверждает, что Иванов и Петров похитили велосипед стоимостью 10 000 рублей, то нужно уже добыть и привести доказательства тем фактам, что похищен именно велосипед и стоимость похищенного имущества составляет 10 000 рублей. Хотя и стандарт доказанности обстоятельств объективной стороны оставляет желать лучшего, но это — тема отдельного большого рассуждения.

«...Упоров Никита, Николаенко Денис и Андреев Богдан, действуя совместно и согласованно, группой лиц по предварительному сговору, осознавая общественную опасность и противоправный характер своих действий, предвидя наступление общественно опасных последствий в виде посягательства на общественную безопасность и желая их наступления...»

Это называется «расписать» умысел обвиняемых: *«действовали согласованно, осознавали, предвидели, желали»*. В каждом обвинении присутствуют такие «священные» формулировки, раскрывающие прямой умысел виновного лица.

«...приискали...»

Маленькая поправка. Кто приискал? Назовите фамилию, товарищ следователь.

«...на неустановленных следствием Интернет-ресурсах...»

Жаль, и интернет-ресурсы следователь не установил, что не составляет большого труда в век информационных технологий и всеобщей цифровизации.

«...статьи, видеоматериалы и иные источники...»

Можно поинтересоваться, какие именно? Нет ответа.

«...а также включенные в список экстремистских материалов книги «Азбука домашнего терроризма», „Поваренная книга анархиста“.

Указанную информацию, оправдывающую террористическую деятельность, призывающую к ее осуществлению...»

Продолжаются фантазии следователя, которые опровергаются материалами уголовного дела. Согласно заключению по результатам комплексного психолого-лингвистического исследования материалов уголовного дела от 20 марта 2021 года, эксперты пришли к однозначному выводу, что в представленных на экспертизу материалах полностью отсутствуют лингвистические и психологические признаки публичных призывов к осуществлению деятельности, направленной на совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население. Также материалы, представленные на экспертизу, не содержат лингвистических и психологических признаков публичного оправдания идеологии насилия и практики воздействия

на принятие решения органами местного самоуправления, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Следователь разве не знал о таком допустимом и достоверном доказательстве, как заключение эксперта? Знал, поэтому его вывод о том, что *«приисканная несовершеннолетними информация оправдывает террористическую деятельность, призывает к ее осуществлению»* является наглай ложью.

«...и содержащую пошаговые инструкции по изготовлению различных самодельных взрывных устройств, взрывчатых веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, в том числе взрывчатых веществ триперекись ацетона „КИСА“ (основной компонент самодельных взрывных устройств), „АММОКИСА“ — бризантного и фугасного действия, взрывчатого вещества дымного (черного) пороха — фугасного действия, самодельных взрывных устройств — осколочно-фугасного действия, зажигательной смеси „коктейль Молотова“, с правилами обращения с ними, Упоров Никита, Николаенко Денис и Андреев Богдан разместили...»

Возникает вопрос: а кто именно из ребят разместил такую информацию? Не став устанавливать конкретное лицо, следователь свалил вину на всех троих. Так проще. В суде разберутся. Опять же, порочная юридическая практика складывается таким образом, что не очень-то и разбираются в судах. Поэтому начинать бороться с такими пустыми и неаргументированными обвинениями нужно уже на стадии предварительного расследования. Потом может быть поздно. Мой тезис не отменяет того, что эффективное отстаивание своих прав возможно и в судах, но лучше для борьбы с неправдой и беззаконием использовать все механизмы, предоставленные законом, начиная с доследственной проверки сообщения о преступлении.

«...в ранее созданной группе в социальной сети „ВКонтакте“ и в чате мессенджера “Telegram”, созданном не позднее 01 марта 2020 года Упоровым Никитой для конспирации».

В суде ребята говорили, что действительно создали чат в мессенджере Telegram, но не для конспирации, а по причине удобства для общения и обмена информацией. Придать же скрытный характер деятельности подростков явно в интересах следствия, чтобы подтвердить тот факт, что ребята понимали, что делают плохое, осознавали, что совершают преступление, поэтому и сделали свое общение тайным. Хотя подростки ни от кого не скрывались, переписку не удаляли, не шифровали. Более того, переписку ребят видели и их родители, и посторонние взрослые люди. И мама Богдана, и отец Степана Зацепина знали, о чем общаются школьники. Ничего предосудительного в безобидной переписке друзей родители не выявили.

«Упоров Никита, Николаенко Денис и Андреев Богдан указанную информацию изучили и обсудили как лично при встречах на территории г. Канска Красноярского края, так и посредством общения в группе и чате...»

Отсутствуют доказательства того, что ребята совместно занимались изучением приисканной информации. Так хочется думать следователю, поскольку изучение правил обращения со взрывными устройствами является неотъемлемым признаком состава преступления. Если следователь не будет утверждать (что он и делает голословно), что несовершеннолетние проходили обучение, то просто не сможет направить уголовное дело прокурору для последующей передачи в суд. Вот и приходится переписывать признаки состава преступления из УК РФ без реального подкрепления доказательствами.

«...с целью применения полученных знаний, практических умений и навыков в дальнейшем для изготовления самодельных взрывных устройств, взрывчатых веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, которые намеревались использовать для совместного осуществления террористической деятельности».

Следователь продолжает переписывать УК РФ, но для обвинения человека этого недостаточно. Где деньги (доказательства), Зин? Откуда вы, уважаемый следователь, взяли, что подростки хотели использовать свои знания для совместного осуществления террористической деятельности? Из своей головы светлой?

Сделаю небольшое отступление. Сейчас я расскажу, как удалось добиться прекращения уголовного дела и освобождения из-под стражи лица, которого следователь, осуществляющий расследование по этому делу, незаконно обвинял в совершении убийства. Я подал иск к Министерству финансов РФ о компенсации морального вреда, который был причинен реабилитированному в результате незаконного уголовного преследования. Когда судья назначил денежную компенсацию в размере 200 000 рублей, я спросил у него: а почему именно такую сумму вы присудили? На что тот ответил: «Ну не из головы же я эту сумму взял!», — имея в виду, что кто-то ему посоветовал или предложил взыскать именно 200 000 рублей и ни копейкой больше.

Как раз наоборот, судья должен брать из своей головы справедливую сумму компенсации за горе, причиненное правоохранительной системой. Судья должен действовать по своему внутреннему убеждению, руководствуясь совестью, законом и обстоятельствами уголовного дела (учитывать тяжесть и длительность незаконного ареста, негативные последствия в виде нарушения трудовых, жилищных, личных и иных прав, которые последовали в результате необоснованного обвинения). Именно из своей (а не чьей-то еще) головы судья должен по справедливости определять сумму компенсации. Да и вообще выносить любое решение.

Следователь же не должен выдумывать из головы обстоятельства и фиксировать их самовольно в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого. Следователю надлежит опираться прежде всего на собранные доказательства, которые могут подтвердить каждый его обвинительный тезис. Увы, все с ног на голову перевернуто.

«В целях закрепления полученных теоретических знаний на практике в период с марта 2020 года по 02 июня 2020 года, находясь на территории г. Канска Красноярского края, Упоров Никита, Николаенко Денис и Андреев Богдан, действуя совместно и согласованно, группой лиц по предварительному сговору...»

Обращаю внимание, что следователь пишет о предварительном сговоре именно для совместного осуществления террористической деятельности. Однажды установив в своей голове, что дети сговорились на терроризм, в дальнейшем следователь уже как само собой разумеющееся указывает этот сговор, чтобы создать у суда впечатление, что все действия подростки совершают с одной целью — совместно осуществить террористический акт.

«...самостоятельно изготовили взрывчатые вещества, взрывные устройства и предметы, представляющие опасность для окружающих, в том числе взрывчатые вещества триперекись ацетона „КИСА“ (основной компонент самодельных взрывных устройств), „АММО-КИСА“ — бризантного и фугасного действия, самодельные взрывные устройства — осколочно-фугасного действия, зажигательную смесь „коктейль Молотова“, в том числе:

— в марте 2020 года, более точные дата и время не установлены...»

Впредь не буду обращать внимание на повсеместное неустановление признаков объективной стороны преступления.

«...находясь в помещении гаража, Упоров Никита и Николаенко Денис, действуя группой лиц по предварительному сговору, совместно и согласованно с Андреевым Богданом изготовили...»

Кто изготовил? Андреев Богдан в гараже зажигательную смесь «коктейль Молотова» не изготавливал и не присутствовал при этом. Следователь вменяет подростку данный факт, используя фразу «по предварительному сговору, совместно и согласованно с Андреевым Богданом», то есть, самолично установив, что трое ребят вступили в сговор, действия одного или двоих подростков распространяет на всех, как будто они действуют заодно и неразлучно.

«...не менее 1 предмета, представляющего опасность для окружающих, а именно зажигательную смесь „коктейль Молотова“, и осуществили его поджог на территории г. Канска Красноярского края...»

Следователь указывает и будет указывать, что подростки изготавливали взрывчатые вещества и взрывные устройства с одной целью — совершенствования навыков для совместного осуществления террористической деятельности. В суде ребята непротиворечиво показали, что на самом деле изготавливали дымовухи, петарды и бомбочки, которые «бахали» на полях или в заброшенном здании. Им нравилось наблюдать, как их самодельные устройства дымятся и искрятся — воображение 14-летних подростков такое действие распалило. Они снимали на телефоны свои эксперименты и показывали видео всем одноклассникам, хвастаясь, какие они взрослые.

Когда Александр, свидетель по делу, впервые увидел ребят, первой его реакцией были слова: *«Я и не думал, что вы такие маленькие»*. На такое замечание Денис Николаенко заметил, немного оскорбившись принижением их возраста: *«Не маленькие мы вовсе!»*.

Желание казаться не по годам взрослыми с одной стороны, необходимость получения ярких эмоций — с другой, тяга к научным экспериментам и потребность создать необычное самим (учителя охарактеризовали Богдана как ученика с золотыми руками, который увлекается физикой и химией, делает акцент на практической деятельности, мастерит) и привели ребят на скамью подсудимых. Если бы не обвинительный уклон как деформация правового сознания следствия, то детей бы не осудили: да, пожарили бы, сделали внушение — и достаточно.

«— в апреле 2020 года, более точные дата и время не установлены, находясь в помещении бани, Упоров Никита, Николаенко Денис и Андреев Богдан, действуя группой лиц по предварительному сговору, незаконно изготовили...»

Кто изготовил?

«...взрывчатое вещество триперекись ацетона „КИСА“ (основной компонент самодельных взрывных устройств) бризантного и фугасного действия, после чего Андреев Богдан самостоятельно в тот же период времени и находясь в том же месте на основе указанного взрывчатого вещества незаконно изготовил самодельное взрывное устройство осколочно-фугасного действия с огневым способом инициирования взрыва и осуществил его детонацию на участке местности около дома, произведя его взрыв...»

Действительно, Богдан изготовил взрывчатое вещество триперекись ацетона «КИСА», затем поместил его в пластмассовую колбу и в качестве научного эксперимента произвел взрыв, однако изготовил самостоятельно, причем не для тренировки и обучения террористическому акту, а исключительно в научно-практических целях.

«— после этого, в апреле 2020 года, более точные дата и время не установлены, находясь в помещении этой же бани, Упоров Никита, Николаенко Денис и Андреев Богдан, действуя группой лиц по предварительному сговору, незаконно изготовили...»

Еще раз: кто изготовил?

«...взрывчатое вещество триперекись ацетона „КИСА“ (основной компонент самодельных взрывных устройств) бризантного и фугасного действия, на основе которого незаконно изготовили самодельное взрывное устройство осколочно-фугасного действия с огневым способом инициирования взрыва и осуществили...»

Кто осуществил-то?

«...его детонацию на участке местности около дома;

— в мае 2020 года, более точные дата и время не установлены, находясь в помещении гаража, Упоров Никита, Николаенко Денис и Андреев Богдан, действуя группой лиц по предварительному сговору, изготовили...»

Кто изготовил?

«...не менее 1 предмета, представляющего опасность для окружающих, а именно зажигательную смесь „коктейль Молотова“, и осуществили...»

Стоп, кто осуществил?

«...его поджог в заброшенном здании;

— в мае 2020 года, более точные дата и время не установлены, находясь в помещении бани, Упоров Никита, Николаенко Денис и Андреев Богдан, действуя группой лиц по предварительному сговору, незаконно изготовили...»

Снова задаемся вопросом: кто изготовил?

«...взрывчатое вещество триперекись ацетона «КИСА» (основной компонент самодельных взрывных устройств) бризантного и фугасного действия, на основе которого незаконно изготовили...»

Закономерный вопрос «кто изготовил?» не теряет актуальности.

«...самодельное взрывное устройство осколочно-фугасного действия с огневым способом инициирования взрыва и осуществили его детонацию...»

Кто осуществил на сей раз?

«...на участке местности около здания;

— в период с 28 мая 2020 года по 02 июня 2020 года, более точные дата и время не установлены, находясь в квартире, Упоров Никита, Николаенко Денис и Андреев Богдан, действуя группой лиц по предварительному сговору, незаконно изготовили...»

Кто изготовил? По-прежнему важно.

«...взрывчатое вещество триперекись ацетона „КИСА“ (основной компонент самодельных взрывных устройств) бризантного и фугасного действия, после чего Упоров Никита и Андреев Богдан, действуя группой лиц по предварительному сговору, в тот же период времени и находясь в том же месте, на основе указанного взрывчатого вещества незаконно изготовили взрывчатое вещество „АММОКИСА“ бризантного и фугасного действия, на основе которого незаконно изготовили самодельное взрывное устройство осколочно-фугасного действия с огневым способом инициирования взрыва и осуществили его детонацию на участке местности, имеющем географические координаты 56° 10' 53" северной широты, 95° 41' 27" восточной долготы, произведя его взрыв.

Указанным образом Упоров Никита, Николаенко Денис и Андреев Богдан совершенствовали практические умения и навыки для последующего изготовления более мощных самодельных взрывных устройств, взрывчатых веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, которые намеревались использовать для совместного осуществления террористической деятельности».

Важный абзац. Если поверить в нем написанному, то, безусловно, ребята виноваты, и в такой ситуации им остается только каяться и рассчитывать на милость мудрого суда. Однако суд на то судом и является, что он не верит написанному и сказанному, а требует ему подтверждения достоверными (то есть правдивыми), допустимыми (собранными в соответствии с законом) и достаточными для выводов доказательствами.

Во-первых, ребята не совершенствовали практические умения и навыки. Они не штудировали специальную литературу, ни перед кем не отчитывались о прочитанном и просмотренном. В их опытах — детском баловстве с огнем, дымовухами, петардами и бомбочками — не было никакой системы. Как пояснил Богдан в суде, ему не надо было ничего совершенствовать и узнавать, так как он уже знал, как изготавливаются в домашних условиях эти вещества и как их «бахать». С 13 лет он в присутствии мамы и бабушки проводил подобные опыты в ого-

роде. Мама не запрещала, поскольку предпринимались меры предосторожности, а дедушка, преподававший физику в училище, и вовсе поощрял: вот какой внук растет — с золотыми руками, физикой увлекается, опыты ставит, совсем как я в школе.

Во-вторых, Богдан и подростки не намеревались изготавливать более мощные самодельные взрывчатые вещества и взрывные устройства. «Мощность» веществ и устройств никто не оценивал, так как изъяты они не были, по ним не была проведена взрывотехническая экспертиза.

В-третьих, подростки не намеревались использовать вещества и устройства для совместного осуществления террористической деятельности. Они об этом не договаривались, единолично Богдан такого решения также не принимал, а если бы кто-то его и принял, то, как сказал Андреев еще в ходе проверки его показаний на месте, он сообщил бы об этом маме и в полицию.

«Таким образом, несовершеннолетний Андреев Богдан совершил преступление, предусмотренное ст. 205.3 Уголовного кодекса РФ, — прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности, в том числе приобретение знаний, практических умений и навыков при изучении правил обращения с взрывными устройствами, взрывчатыми веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих».

Бездоказательно выдвинув тезис, что Богдан совершенствовал практические умения и навыки для последующего изготовления более мощных самодельных взрывных устройств, взрывчатых веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, которые намеревался использовать для совместного осуществления террористической деятельности, следователь создал видимость соответствия действий ребенка признакам объективной стороны преступления, которые закреплены в изложенной выше дефиниции статьи УК РФ.

Аналогичные обвинения предъявлены и остальным двум подросткам.

Помимо обвинения ребят в прохождении обучения, заведомо для обучающихся проводимого в целях осуществления террористической деятельности, им были предъявлены обвинения по ч. 2 ст. 223.1 УК РФ (незаконное изготовление взрывчатого вещества, взрывного устройства, совершенное группой лиц по предварительному сговору), ч. 2 ст. 222.1 УК РФ (незаконное хранение взрывчатого вещества, совершенное группой лиц по предварительному сговору), ч. 2 ст. 222.1 УК РФ (незаконное ношение взрывного устройства, совершенное группой лиц по предварительному сговору).

Я разъяснил обвинение, которое было предъявлено следователем подросткам в ходе предварительного расследования и изложено суду государственным обвинителем. Благодарю читателя за усидчивость, терпение и старания вникнуть в юридические хитросплетения.

В следующей главе книги расскажу о несостоявшемся, то есть непредъявленном, обвинении в участии в террористическом сообществе. В отношении детей было возбуждено еще одно уголовное дело — по ч. 2 ст. 205.4 УК РФ. Никита, Богдан и Денис стали подозреваемыми и по нему, но избежали процессуальных статусов обвиняемых, подсудимых и осужденных. Давайте узнаем, почему.

Глава 4. Несостоявшееся обвинение

Заместитель руководителя следственного отдела по Канскому району Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия Сергей Паршев 16 ноября 2020 года возбудил еще одно уголовное дело в отношении несовершеннолетних Никиты Упорова, Дениса Николаенко и Богдана Андреева — по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.4 УК РФ.

Должностное лицо усмотрело в действиях подростков участие в террористическом сообществе. Данное преступление карается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до 500 тысяч рублей.

Паршев, как следует из постановления о возбуждении уголовного дела от 16 ноября 2020 года, установил:

«Не позднее октября 2019 года, находясь на территории г. Канска Красноярского края, точные время и место следствием не установлены, у несовершеннолетнего Упорова Никиты возник преступный умысел²⁸ на создание террористического сообщества, то есть устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности. В указанных целях не позднее октября 2019 года, находясь на территории г. Канска Красноярского края, точные время и место следствием не установлены, Упоров Никита путем совместного личного общения и общения в социальной сети „ВКонтакте“ и мессенджере Telegram предоставил несовершеннолетним Николаенко Денису и Андрееву Богдану информацию об идеях анархизма, изменении существующего в Российской Федерации государственного и политического устройства в виде ликвидации государственных институтов управления и предложил объединиться в группу для последующего совместного осуществления террористической деятельности на территории г. Канска Красноярского края.

В результате этих действий Николаенко Денис и Андреев Богдан стали разделять и поддерживать взгляды и преступные намерения Упорова Никиты, объединились с последним в группу лиц с общими социально-политическими идеями враждебного отношения к государству, идеологией насилия и побуждения к насильственным действиям, имеющую признаки вооруженности и вовлечения в деятельность третьих лиц, то есть в террористическое сообщество, для чего распределили между собой роли участия в террористическом сообществе, согласно которым Упоров Никита взял на себя функции по организации, проведению сборов и координации деятельности участников террористического сообщества, обучению в целях осуществления террористической деятельности, пропаганде и оправданию терроризма, планированию и подготовке к совершению террористического акта на территории г. Канска Красноярского края, а Николаенко Денис и Андреев Богдан взяли на себя функции по обучению в целях осуществления террористической деятельности, оправданию терроризма, подготовке к совершению террористического акта на территории г. Канска Красноярского края.

После этого, в различные дни в период времени с октября 2019 года по 06 июня 2020 года Упоров Никита, Николаенко Денис и Андреев Богдан, находясь в различных местах на территории г. Канска Красноярского края, самостоятельно проходили обучение в целях осуществления террористической деятельности, в том числе приобрели знания, практические умения и навыки по самостоятельному изготовлению и применению (испытанию) взрывных устройств и взрывчатых веществ для подготовки к совершению террористического акта путем подрыва самодельного взрывного устройства в здании межмуниципального отдела Министерства внутренних дел России „Канский“ либо здании отделения в г. Канске Управления Федеральной службы безопасности России по Красноярскому краю в летний

²⁸ Типичная речевая ошибка — неверное использование деепричастного оборота.

период 2020 года, а также изготавливали и расклеивали листовки, содержащие информацию о публичном оправдании терроризма, до момента пресечения их преступной деятельности 06 июня 2020 года».

Должностное лицо делает вывод:

«В действиях несовершеннолетних содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.4 УК РФ, — участие в террористическом сообществе. Принимая во внимание, что имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.4 УК РФ, заместитель руководителя следственного отдела по Канскому району постановил возбудить уголовное дело в отношении несовершеннолетних, уголовное дело принять к своему производству и приступить к его расследованию, копию настоящего постановления направить Канскому межрайонному прокурору Красноярского края и заинтересованным лицам».

Теперь давайте разберем типичные, кочующие из одного уголовного дела в другое нарушения закона, которые допустил следователь.

Следователь указывает, что направил копию постановления о возбуждении уголовного дела заинтересованным лицам. Всегда на следующем листе дела после постановления о его возбуждении находится сопроводительное письмо, якобы подтверждающее факт направления копии этого процессуального документа. В действительности в моей практике никогда ни один следователь и ни один дознаватель не направлял ни адвокату, ни подозреваемому, ни его законному представителю указанное постановление. По настоящему уголовному делу следователь также написал, заверив своей подписью, что направил копию постановления о возбуждении уголовного дела несовершеннолетним Никите Упорову, Денису Николаенко и Богдану Андрееву, их мамам, которые признаны законными представителями, адвокатам. Постановление никто не получил.

Почему следователи и дознаватели редко направляют заинтересованным лицам постановление о возбуждении уголовного дела и насколько важен этот документ для таких лиц?

УПК РФ содержит норму, согласно которой подозреваемый вправе знать, в чем он подозревается, и получить копию постановления о возбуждении уголовного дела (п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ). Подозреваемым же лицо становится именно с момента возбуждения в отношении него уголовного дела, что оформляется постановлением о возбуждении уголовного дела (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ)²⁹.

Следователь может сознательно долгое время не переводить лицо из статуса свидетеля (а на самом деле фактически заподозренного в преступлении) в статус подозреваемого, не вынося в отношении лица постановление о возбуждении уголовного дела. Ведь подозреваемый вправе вовсе отказаться от каких-либо показаний и объяснений, а свидетель показания давать обязан, что на руку недобросовестным следователям.

При этом на практике следователи, как правило, не разъясняют лицу право отказаться свидетельствовать против самого себя, супруга и других близких родственников (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). Наоборот, такому допрашиваемому в ненадлежащем процессуальном статусе они с большим рвением разъясняют, что тот не вправе давать заведомо ложные показания либо отказываться от дачи показаний, что за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний свидетель несет ответственность в соответствии со статьями 307 и 308 УК РФ.

²⁹ В силу ст. 46 УПК РФ подозреваемым становится лицо и в случае задержания в соответствии со ст. 91 и 92 настоящего Кодекса; применения меры пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 настоящего Кодекса; уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 настоящего Кодекса.

Следователю бывает выгодно для получения необходимой информации допрашивать лицо в статусе свидетеля, не разъясняя ему право пользоваться помощью защитника (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). Более того, нередко и в статусе подозреваемых следователи допрашивают без адвоката.

Тем более следователю невыгодно переводить лицо в подозреваемые, поскольку тот прямо наделяется правами заявлять ходатайства и отводы; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя.

Таким образом, очень важно своевременно узнать, что в отношении человека возбуждено уголовное дело и он стал подозреваемым. Ведь орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 91 УПК РФ). Согласно ч. 1 ст. 97 УПК РФ дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения (подписка о невыезде; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; запрет определенных действий; залог; домашний арест; заключение под стражу).

Еще немаловажное обстоятельство, почему следователи не направляют постановления о возбуждении уголовных дел подозреваемым: такое постановление возможно обжаловать в суд. Согласно ч. 1 ст. 125 УПК РФ постановления органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, могут быть обжалованы. Таким образом, суд может признать постановление о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица незаконным и необоснованным, что следователю, безусловно, не нужно.

Вот мы и подошли к моменту, когда можем проанализировать (хотя, по вине следователя, и во внесудебном порядке) постановление о возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетних Никиты Упорова, Дениса Николаенко и Богдана Андреева по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.4 УК РФ, на предмет его законности и обоснованности. Однако предваряю анализ документа ссылками на закон, чтобы приводимые доводы стали более понятными.

Прежде чем принимать решение о возбуждении уголовного дела в силу обязательного указания закона, нужно установить наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. У следователя для установления искомых данных имеется в распоряжении исчерпывающий арсенал средств: он опрашивает заподозренных лиц, пострадавших, очевидцев произошедшего; следователь вправе истребовать любые документы, переписку, вещи, предметы, товары; он может назначить любой вид судебной экспертизы по перечисленным изъятым объектам.

Такой широкий круг полномочий предоставлен следователю в целях установления в ходе следственной проверки данных, указывающих на признаки преступления, то есть в целях выявления, фиксирования обстоятельств выясняемого события. Если в результате проведенной проверки следователь приходит к твердому убеждению, что имело место преступление, то он возбуждает уголовное дело. В обратном случае следователь не вправе возбуждать уголовное дело, тем более в отношении конкретного лица, ставя такое лицо в статус подозреваемого с дальнейшим существенным ограничением его конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность.

Наш следователь никакие документы не исследовал, экспертизы не назначал, а просто возбудил уголовное дело, изложив в соответствующем постановлении недостоверную информацию.

Следователь в постановлении о возбуждении уголовного дела указывает:

«Не позднее октября 2019 года, находясь на территории г. Канска Красноярского края, точные время и место следствием не установлены, у несовершеннолетнего Упорова Никиты возник преступный умысел на создание террористического сообщества».

Возникновение преступного умысла входит в предмет доказывания. Обстоятельства формирования такого умысла, как признака субъективной стороны преступления, должны быть подтверждены. Никто из подростков, включая самого Никиту, не подтвердил, что он хотел создать террористическое сообщество, ни одно тому доказательство получено не было.

Далее следователь пишет:

«Упоров Никита путем совместного личного общения и общения в социальной сети „ВКонтакте“ и мессенджере Telegram предоставил несовершеннолетним Николаенко Денису и Андрееву Богдану информацию об идеях анархизма, изменении существующего в Российской Федерации государственного и политического устройства в виде ликвидации государственных институтов управления, и предложил объединиться в группу для последующего совместного осуществления террористической деятельности на территории г. Канска Красноярского края».

Следователь даже не удосужился изучить упомянутую переписку между подростками, хотя обязан был это сделать до возбуждения уголовного дела в рамках ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Ни в одном своем сообщении Никита не предлагал ликвидировать государственные институты управления или объединиться в группу для совместного осуществления террористической деятельности на территории г. Канска. Следователь свои домыслы выдает за установленные факты.

Любой документ следователя после слова «установил» нужно очень внимательно прочитывать и отличать, что действительно установлено им как объективный факт, а что выдуманно, искажено, домыслено, то есть не соответствует реальной картине.

И вот апофеоз обличительной фантазии следователя:

«В результате указанных действий Николаенко Денис и Андреев Богдан стали разделять и поддерживать взгляды и преступные намерения Упорова Никиты, объединились с последним в группу лиц с общими социально-политическими идеями враждебного отношения к государству, идеологией насилия и побуждения к насильственным действиям, имеющую признаки вооруженности и вовлечения в деятельность третьих лиц, то есть в террористическое сообщество, для чего распределили между собой роли участия в террористическом сообществе, согласно которым Упоров Никита взял на себя функции по организации, проведению сборов и координации деятельности участников террористического сообщества, обучению в целях осуществления террористической деятельности, пропаганде и оправданию терроризма, планированию и подготовке к совершению террористического акта на территории г. Канска Красноярского края, а Николаенко Денис и Андреев Богдан взяли на себя функции по обучению в целях осуществления террористической деятельности, оправданию терроризма, подготовке к совершению террористического акта на территории г. Канска Красноярского края».

Я уже показал, что намерений создать и участвовать в преступном сообществе у Никиты не было. Следовательно, Денису и Богдану попросту нечего было разделять и поддерживать. Следователь не указывает, когда именно и где подростки объединились в группу лиц, в чем выражалась идеология насилия, в каких конкретно фразах, кто и кому такие фразы адресовывал. Следователь акцентирует внимание на вооруженности группы подростков, но чем они были

вооружены, где хранилось оружие, кто им пользовался и когда, умалчивает. И правильно делает — нельзя предъявить того, чего нет. Ни одной единицы оружия не изъято, не осмотрено, не проведено экспертизы на предмет отнесения объекта к оружию — это все выдумки, которые недопустимы в уголовном процессе, где решаются судьбы живых людей.

Следователь утверждает, что установил факты вовлечения в деятельность террористического сообщества третьих лиц. Позвольте, кто эти лица? Ни одно третье лицо не было установлено и опрошено. Хорошо прикрываться абстрактной категорией «третьих лиц», но доказательства должны быть конкретными и достоверными. Очень часто в составляемых правоохранительными органами документах такой конкретики и достоверности не хватает.

Допрошенные ребята непротиворечиво показали, что роли никто не распределял. Следователя это не устроило, и он по личному усмотрению распределил роли в группе подростков, возложив функции по организации на Никиту. Если какой-то факт реальной действительности не устраивает следователя, то он или его игнорирует, или измышляет свой «факт», который ложится в следственную картину произошедшего. Только такое полотно является фальшивкой, что должен выявить специалист уголовного процесса с выработанным нюхом на ложь: адвокат, прокурор, судья.

Следователь в своем постановлении считает установленным, что

«Упоров Никита, Николаенко Денис и Андреев Богдан приобрели знания, практические умения и навыки по самостоятельному изготовлению и применению (испытанию) взрывных устройств и взрывчатых веществ для подготовки к совершению террористического акта путем подрыва самодельного взрывного устройства в здании межмуниципального отдела Министерства внутренних дел России „Канский“ либо здании отделения в г. Канске Управления Федеральной службы безопасности России по Красноярскому краю в летний период 2020 года».

Так что же установил следователь? Что подростки хотели произвести взрыв в здании межмуниципального отдела Министерства внутренних дел России «Канский» либо здании отделения в г. Канске Управления Федеральной службы безопасности России по Красноярскому краю? Получается, ничего он не установил: такое альтернативное «установление» является лишь предположением. Следователь приводит различные версии предполагаемых им самим мест взрывов, которые выдает за установленный факт. Факт может быть только один, версий — много. Своими гипотезами следователь подменяет фактические обстоятельства.

Он утверждает, что *«подростки изготавливали и расклеивали листовки, содержащие информацию о публичном оправдании терроризма».* В самом деле, у ребят были изъяты листовки, но ни одна из них не оправдывала терроризм. Для вывода о публичном оправдании терроризма необходимо назначать комплексную психолого-лингвистическую экспертизу. Следователь такую не назначил, посчитав, что его правовых знаний хватит для оценки содержания листовок. Что ему мешало назначить экспертизу, привлечь специалистов, получить их заключения и уже тогда считать установленным факт публичного оправдания терроризма? Я скажу, что мешало: лень, нежелание кропотливо собирать доказательства и сомнение: «сам разберусь в очевидном деле».

Исходя из изложенного, следователь сделал неверный вывод, что Никита Упоров, Денис Николаенко и Богдан Андреев участвовали в террористическом сообществе.

В соответствии с ч. 1 ст. 205.4 УК РФ террористическое сообщество представляет собой устойчивую группу лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма.

Из ч. 3 ст. 35 Уголовного Кодекса РФ следует, что преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Чтобы сделать вывод о том, что подростки участвовали в террористическом сообществе, необходимо доказать фактически их организованную преступную группу. Законодатель не дал определения понятию устойчивости группы лиц, но ее признаки можно выявить, анализируя разъяснения Верховного Суда РФ.

В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 года № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» Верховный Суд РФ постановил, что об устойчивости банды могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений. В постановлении Пленума ВС РФ № 1 от 27 января 1999 года «О судебной практике по делам об убийстве» сказано, что «*организованная группа, как правило, тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет роли между участниками группы*». Согласно п. 16 постановления Пленума ВС РФ от 9 июля 2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» организованная группа характеризуется устойчивостью, высокой степенью организованности, распределением ролей, наличием организатора и (или) руководителя.

Ни один из признаков организованной преступной группы следователь не раскрыл и даже не привел в постановлении о возбуждении уголовного дела. Ни один из признаков следователь не доказал.

Направив в обязательном порядке копию вынесенного постановления Канскому межрайонному прокурору Красноярского края, следователь успокоился. Как и прокурор, позабывший об обязанности требовать от следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве предварительного следствия (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

В силу ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ по мотивированному письменному запросу прокурора ему предоставляется возможность ознакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела. Прокуроры крайне редко внимательно изучают постановления о возбуждении уголовных дел, выявляя их незаконность и необоснованность. Еще реже требуют от следователей предоставить материалы, подтверждающие обоснованность возбуждения уголовного дела. Такой формализм в работе следователей и прокуроров приводит к плачевному результату: незаконно возбуждаются уголовные дела, невинные лица становятся подозреваемыми, в отношении них инициируется уголовное преследование, их права на свободу и личную неприкосновенность ущемляются, из полноправных граждан России они становятся подозреваемыми в тех преступлениях, которых не совершали.

Каков итог незаконных действий следователя и бездействия прокурора? 24 февраля 2021 г., спустя более трех месяцев с момента возбуждения уголовного дела в отношении детей по ч. 2 ст. 205.4 УК РФ, этот же следователь вынес постановление о прекращении уголовного дела и уголовного преследования за якобы участие подростков в террористическом сообществе. Причем уголовное преследование было прекращено в отношении всех ребят по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (в связи с отсутствием в действиях подростков состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.4 УК РФ), то есть по реабилитирующему основанию. К реабилитирующим основаниям относятся: отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления, непричастность подозреваемого или обвиняемого

к совершению преступления. Право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Это значит, что ребята имеют право на реабилитацию и возмещение вреда, связанного с незаконным уголовным преследованием. Как гласит ч. 1 ст. 133 УПК РФ, вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда. Что значит «вред возмещается государством независимо от вины следователя»? Неважно, применил следователь меру пресечения в отношении подозреваемого, предъявил ему обвинение, направил дело в суд, понимая, что лицо невиновно, или действовал, добросовестно заблуждаясь в виновности обвиняемого: все равно государство в полном объеме возмещает вред, причиненный лицу действиями следователя.

В моей практике неоднократно удавалось добиваться прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям. Никогда прокурор не извинялся. Для них принести извинение лицу, которое подверглось незаконному уголовному преследованию, — значит переступить через себя. Увы, в России отсутствует культура подлинного принесения извинений и настоящего искреннего прощения. Даже указание Генпрокуратуры России от 03 июля 2013 № 267/12 «О порядке реализации положений ч. 1 ст. 136 УПК РФ», которым Генеральный прокурор Российской Федерации обязал прокуроров приносить официальное извинение в письменной форме в возможно короткий срок, но не позднее одного месяца со дня вынесения дознавателем либо следователем постановления о прекращении уголовного преследования подозреваемых или обвиняемых по основаниям, предусмотренным пп. 1, 2, 5 и 6 ч. 1 ст. 24 или пп. 1 и 4–6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, либо вступления в законную силу оправдательного приговора, постановления о прекращении уголовного преследования в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения и (или) по иным реабилитирующим основаниям, не может на практике заставить прокуроров извиняться по каждому случаю незаконного уголовного преследования. Указаниями глубоко личному делу покаяния не поможешь.

Вынося постановление о прекращении уголовного дела и уголовного преследования, следователь указал:

«В ходе расследования уголовного дела установлено, что степень организованности группы не обладает необходимой структурированностью, не имеется подразделений, четкого распределения функций между участниками, поэтому расценивать группу как террористическое сообщество не представляется возможным».

Так-то оно так, но почему в постановлении о возбуждении уголовного дела следователь считает установленным, что подростки совершили тяжкое преступление, участвовали в террористическом сообществе, а спустя три месяца приходит к противоположному выводу?

Ответ простой: волюнтаризм³⁰. Захотел следователь и при попустительстве прокуратуры возбудил уголовное дело, признал подростков подозреваемыми и начал их уголовное преследование в отсутствие на то оснований. Когда кавалерийской атакой не удалось добиться от ребят признательных показаний, за неимением каких-либо доказательств он был вынужден прекратить уголовное преследование. Конечно, не по доброй воле, скрипя зубами, тайно, без извещения адвокатов, подростков и их законных представителей следователь в кабинетной тиши вынес законное постановление о прекращении уголовного дела, направив его прокурору, который положил документ под сукно, не дав ему огласки, не направив извинений детям.

³⁰ Стремление реализовать желаемые цели без учёта объективных обстоятельств и возможных последствий.

Глава 5. Опровергнутое обвинение

Теперь я расскажу о том, как следователь, инициировавший незаконное уголовное преследование детей, в процессуальной схватке со мной уже однажды потерпел поражение. Это произошло за 10 лет до дела канских подростков.

Следователь Рыков направил в суд уголовное дело по убийству. Я защищал того, кого незаконно обвиняли в умышленном причинении смерти другому лицу. В ходе судебного разбирательства мне удалось доказать, что мой подзащитный не убивал. В дальнейшем уголовное преследование невиновного лица было прекращено, мой доверитель был освобожден из-под стражи после более 10 месяцев заключения в следственном изоляторе, из казны государства Российского мы в судебном порядке взыскали компенсацию морального вреда.

Спустя 10 лет судьба вновь свела меня со следователем Рыковым, который не перестал, а продолжил творить беззакония, теперь уже в отношении детей. Впрочем, обо всем по порядку.

В апреле 2010 г. мне поступил звонок. Приятный голос пожилого мужчины рассказал, что его племянника (назовем его Ивановым) держат в следственном изоляторе, обвиняют в убийстве, но он невиновен. Я взялся защищать Иванова. Пришел к нему в СИЗО, поговорил наедине и выяснил для себя, что Иванов действительно не убивал. Вечером в квартире с двумя своими товарищами они решили распить спиртное. Сообразили, как говорят, на троих. Во время распития горячительных напитков между Ивановым и одним из собеседников возникла словесная перепалка. Обычная история. Дальше словесный конфликт перерос в драку. Мужчина начал бить Иванова по телу и голове, а он, защищаясь, схватил со стола кухонный нож и нанес сопернику удар в область груди.

Удар, к счастью, был неглубокий, несерьезный — пострадавший даже не придал ему значения. Перепалка между мужчинами не стала препятствием для их дальнейшей беседы и продолжения алкогольного возлияния. Через некоторое время потерпевший начал конфликтовать со вторым мужчиной, и скандалисты удалились в соседнюю комнату. Что там происходило, Иванов не видел, а когда зашел в комнату, то обнаружил зачинщика спора бездыханно лежащим на полу.

Иванов вызвал полицию. Приехала на место происшествия оперативно-следственная группа, обнаружила труп с колото-резаным ранением, нож со следами крови. Пятна крови были и на самом Иванове. Все понятно стало для следователя Рыкова: Иванов убил мужчину. На трупе зияет рана рядом с сердцем, на кухне сидит Иванов, одежда которого запачкана кровью потерпевшего, на столе лежит кровавый нож, которым Иванов и нанес роковой удар спорщику.

Объяснения Иванова, что он никого не убивал, а все события, непосредственно предшествующие смерти, происходили в соседней комнате, следователя не устроили. В его голове пазл сложился — осталось лишь оформить дело и направить в суд.

Только вот незадача: Иванов не признается. Значит, надо сломить его волю. В камеру к Иванову посадили осужденного (так называемого «прессовщика»), который по указанию следственно-оперативных органов собирался силой выбить признательные показания, но не тут-то было. Мой подзащитный оказался детиной под два метра ростом, жилистым, некогда изучавшим боевые восточные искусства. В общем, в обиду себя не дал. Не признался в том, чего не делал. Явку с повинной выбить не удалось.

Доказательств вины нет, а Иванов содержится в следственном изоляторе (обращаю внимание: по решению независимого, объективного и справедливого суда), следователь Рыков предъявил ему обвинение в убийстве. Через два месяца с момента задержания дело слушалось в суде. Я принял на себя защиту Иванова на стадии судебного разбирательства.

Председательствующим была очень опытная судья — женщина в годах, спокойная и вдумчивая. По ее понимающему взгляду мне стало предельно ясно, что она по-настоящему разберется в деле, не осудит невиновного, находящегося на скамье подсудимых.

В суде я обратил пристальное внимание судьи на заключение судебно-медицинской экспертизы трупа. Эксперт пришел к выводу, что смерть наступила не от колото-резаного ранения ножом, а от механической асфиксии, то есть в результате сдавления шеи рукой.

Я лично обеспечил в суд явку свидетелей, которые находились в квартире с тремя пьющими и ругающимися мужчинами (это их женщины). Они подтвердили, что Иванов потерпевшего не душил, вообще никаких удушающих приемов к нему не применял. Тот, кто действительно совершил данное преступление, взяв на душу тяжкий грех, сам через месяц был убит — получил по заслугам за свое злодеяние.

После окончания судебного следствия, после представления непротиворечивых показаний свидетелей, подтвердивших невиновность Иванова, выступил с речью государственный обвинитель — молодая девушка, только что из юридического вуза. Казалось бы, она еще не испорчена правоохранительной системой, в ней еще не угасло желание содействовать утверждению справедливости, пытаться найти истину, не допустить, чтобы невиновный был осужден. Нет, видимо, такие качества юному прокурору вовсе известны не были. После произнесения безликой речи — без анализа доказательств и опровержения показаний свидетелей — она попросила суд признать Иванова виновным в убийстве, назначить ему наказание в виде 8 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Теперь настала моя очередь. То было моё первое дело после получения статуса адвоката. Сказать, что я волновался — значит ничего не сказать. Поэтому мое выступление было очень эмоциональным, но, прежде всего, я выступил ярко (как мне показалось), потому что был искренне убежден в невиновности своего подзащитного. Именно понимание того, что твое дело правое, влияет на внутреннее убеждение суда. Суд вчитывается в документы, всматривается в личность подсудимого, начинает тщательно изучать обстоятельства уголовного дела. От формального подхода к отправлению правосудия и обвинительного уклона не остается и следа.

Конечно, только убеждения защитника в невиновности подзащитного недостаточно для успеха дела. Нужна кропотливая работа с доказательствами: как обвинительными, так и оправдательными — вот залог спасения для невиновного. Ибо доказывание есть корневая система всего судебного разбирательства, фундамент процесса. Только на крепком и прочном фундаменте доказательств можно возвести здание справедливого оправдания, которое не разрушат ни ветра будущих обжалований, ни бури обвинительного уклона, бушующие в деформированном правовом сознании судей и прокуроров.

Я просил оправдать Иванова. Суд ушел в совещательную комнату. В голове моего подзащитного как барабанная дробь звучали только одни слова: 8 лет строгого режима, 8 лет строгого режима. Впервые после почти семи месяцев заключения и борьбы за свою свободу он отчаялся, силы покинули его. Жалкое зрелище: наблюдать человека, в котором умерла надежда.

На следующий день утром мы опять прибыли в зал судебного заседания, Иванов был доставлен конвоем. Суд принял решение вернуть уголовное дело прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в связи с тем, что обвинительное заключение составлено с нарушением требований настоящего Кодекса, что исключает возможность постановления судом при-

говора. Суд не стал брать на себя грех осуждения невиновного, но и не проявил смелости постановить оправдательный приговор. Вынес половинчатое решение. Однако в своем постановлении изложил установленные судом обстоятельства и перечислил допущенные следователем нарушения таким образом, что мне стало понятно: после возвращения уголовного дела прокурору тот больше дело в суд не направит. У такого наспех, поверхностно расследованного уголовного дела вовсе нет судебной перспективы.

Через месяц следователь (новый, Рыков был уволен) вынес постановление, которым уголовное преследование Иванова прекратил по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием в действиях Иванова состава преступления, то есть по реабилитирующему основанию, что по правовым последствиям тождественно постановлению оправдательного приговора.

Следователь вынес постановление об освобождении Иванова из-под стражи. Я явился в изолятор временного содержания, у сотрудников полиции уже находилось переданное им ранее следователем постановление об освобождении Иванова. И у сотрудников полиции, и у меня, тем более у Иванова было приподнятое настроение, мы шутили и рассказывали анекдоты. Люди в погонах радовались вместе с нами, что человек, невиновность которого была доказана, справедливо получил свободу и возвращается к нормальной жизни. Видимо, для них этот случай стал уроком, что каждый, в том числе и сами сотрудники, может стать невольной жертвой судебно-следственной ошибки, но если не сломаться, бороться, профессионально собирать доказательства своей невиновности, то результат в виде долгожданной свободы будет достигнут. Иванов ждал свободы 312 долгих дней. Мы вдвоем с ним вышли из душного подвала с железными решетками. Чувство победы и завоеванной справедливости во мне живет и по сей день.

И вот, спустя более чем десять лет я снова встретился со следователем Рыковым, который после увольнения повторно пришел работать следователем. Да, он несколько не изменился — все то же самодовольное лицо без тени интеллекта. Рыков продолжил неправое дело по незаконному привлечению к уголовной ответственности — теперь уже канских подростков.

Именно с его руки возникло второе уголовное дело в отношении несовершеннолетних Никиты Упорова, Дениса Николаенко и Богдана Андреева по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.4 УК РФ. Так, 16 ноября 2020 г. следователь направил рапорт на имя своего начальника, согласно которому Рыков установил:

«У несовершеннолетнего Упорова Никиты возник преступный умысел на создание террористического сообщества, то есть устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности, а равно на руководство таким террористическим сообществом, его частью и входящими в такое сообщество структурными подразделениями. После создания сообщества Упоров Никита привлек в его состав Николаенко Дениса и Андреева Богдана».

Вместо того, чтобы проверить доводы нерадивого следователя Рыкова, которые он изложил в своем рапорте, выяснить, а действительно ли 14-летний ребенок создал террористическое сообщество, принял руководство им на себя, вовлек в данное сообщество иных лиц, создал структурные подразделения, руководство следователя Рыкова поверило ему на слово, и в этот же день было возбуждено уголовное дело в отношении детей.

Безусловно, потом разобрались, установили, что никакого террористического сообщества создано не было, как и его структурных подразделений. Подростков в этой части реабилитировали.

Почему же наши прокуроры и начальники так доверяют каждому слову следователя без предоставления последним каких-либо вразумительных доказательств своих слов? Почему считают, что подозреваемые, обвиняемые лгут и пытаются ввести в заблуждение, а следо-

ватели непорочны, и их слова надо принимать за чистую монету? Суды тоже зачастую грешат таким идеализмом по отношению к правоохранительным органам. Стандарт доказанности выдвигаемых доводов должен распространяться на всех участников уголовного судопроизводства. Хочешь добиться устраивающего тебя процессуального решения — докажи свою позицию вне всяких разумных сомнений, сделай ее законной и обоснованной в глазах твоих процессуальных оппонентов. Такая позиция, как заслуживающая доверия, будет воспринята всеми.

Вот так, дорогие читатели, смелость и несгибаемость моих взрослых и маленьких подзащитных уличили следователя Рыкова во лжи, которая непозволительна любому человеку, а тем более следователю, от решений которого зависят судьбы людей.

Следующая глава будет особенно интересна адвокатам, практикующим в сфере уголовного права и судопроизводства. Я постарался сохранить конкретность в изложении фактов и сделать текст доступным для рядового читателя, не попадавшего в жернова уголовно-правовой государственной машины.

Замечу: если у кого-то из коллег-адвокатов в производстве будут находиться аналогичные дела, пишите мне смело — будем обогащать друг друга идеями, эффективными практиками противодействия недобросовестным действиям следователей.

Глава 6. Некоторые нарушения закона в ходе следствия

6.1. Необоснованное возбуждение уголовного дела по ст. 205.3 УК РФ по факту прохождения подростками обучения, заведомо для обучающихся проводимого в целях осуществления террористической деятельности. Неоднократные продления сроков предварительного следствия и как с этим бороться

Восьмого июня 2020 года старшим следователем следственного отдела по Канскому району Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия Сергеем Паршевым возбуждено первое уголовное дело в отношении несовершеннолетних Никиты Упорова, Дениса Николаенко и Богдана Андреева по признакам преступления, предусмотренного ст. 205.3 УК РФ, по факту прохождения подростками обучения, заведомо для обучающихся проводимого в целях осуществления террористической деятельности, в том числе приобретение знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов совершения указанных преступлений, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.

Как следует из постановления о возбуждении уголовного дела, следователь направил его копию прокурору и заинтересованным лицам в 11 ч. 40 мин. 8 июня 2020 г. Ни защитники, ни подозреваемые несовершеннолетние, ни их законные представители это постановле-

ние не получали. Первое очевидное право подозреваемого — знать, в чем он подозревается. С самого начала официального уголовного преследования прав подозреваемого для следователя не существует, а раз так, то и соблюдать эти права не нужно.

Что же явилось основанием для возбуждения уголовного дела в отношении детей? Оказывается, следователь установил, что «*несовершеннолетние желали изменить государственное и политическое устройство России, ликвидировать государственные институты управления*». Вот какие коварные 14-летние подростки — возжелали тысячелетнее государство уничтожить. Никаким грозным завоевателям, включая Наполеона и Гитлера, не удавалось сокрушить Русь-матушку, не боялась Отчизна никого, а тут трусливые следователи с прокурорами детей испугались. Да так испугались, что приписали им цель, достойную великих правителей и вождей: изменить государственное и политическое устройство России.

В том, что государственное устройство России необходимо изменить, с ребятами я солидарен. Большинство граждан страны, уверен, со мной согласятся — государственную надстройку нужно развернуть лицом к трудящимся, заставить служить государевых людей не своему карману, а во благо многонационального народа огромной страны.

Далее в постановлении о возбуждении уголовного дела следователь пишет:

«Подростки проходили обучение в целях осуществления террористической деятельности. Они намеревались совершить террористический акт путем подрыва самодельного взрывного устройства в здании межмуниципального отдела Министерства внутренних дел России „Канский“ либо здании отделения в г. Канске Управления Федеральной службы безопасности России по Красноярскому краю».

Так где же все-таки подростки планировали совершить террористический акт с целью изменения государственного устройства России, в каком конкретно здании: полиции или ФСБ? А может, в здании прокуратуры, в здании Следственного комитета, в здании суда? Следователь, не выяснив место предстоящего теракта, начал делать предположения, выдавая их за факты, что недопустимо в уголовном процессе.

В уголовном деле нет ни одного допустимого доказательства, подтверждающего намерение детей совершить подрыв, кроме предложения смоделировать взрыв в здании МВД в компьютерной игре Minecraft (об этом случае, иначе не назовешь, я расскажу ниже).

Обращу внимание читателя вот еще на какое систематическое нарушение, которое допускается следователями по подавляющему числу уголовных дел. Следователи не только своевременно не знакомят с постановлениями о возбуждении уголовного дела, но и с постановлениями, на основании которых продлеваются сроки предварительного следствия. Эти постановления являются очень интересными документами.

Согласно ч. 1 ст. 162 УПК РФ предварительное следствие по уголовному делу должно быть закончено в срок, не превышающий двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела. Предварительное следствие — это стадия уголовного процесса, следующая за стадией возбуждения уголовного дела. На этой стадии следователь собирает и проверяет доказательства по всем обстоятельствам, имеющим значение для правильного разрешения дела. Однако по отношению к судебному разбирательству предварительное следствие имеет вспомогательный характер (поэтому и называется предварительным), так как признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему наказание вправе только суд.

Конечно, за два месяца при повсеместно распространенной волоките при расследовании уголовных дел следователю обычно не удастся закончить следствие. Ведь ему необходимо допросить лиц, которые могут проживать за тысячи километров от места проведения расследования, назначить экспертизы по делу, производство которых занимает месяцы, выявить и истребовать документы, которые будут подтверждать виновность или доказывать неви-

новность фигуранта, и так далее. Поэтому следователь сначала продлевает срок предварительного следствия до трех месяцев у руководителя соответствующего следственного органа. Затем следователь продлевает срок предварительного следствия до 12 месяцев у руководителя следственного органа по субъекту Российской Федерации и иных приравненных к нему руководителей следственного органа, а также их заместителей. Дальнейшее продление срока предварительного следствия возможно только в исключительных случаях Председателем Следственного комитета РФ, руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и их заместителями. Как правило, следователи стараются не продлевать срок предварительного следствия свыше одного года — заканчивают расследование, уголовное дело направляют прокурору для утверждения обвинительного заключения.

В документе, которым продлевается срок предварительного следствия, указывается, какие следственные действия проведены и какие планируются. Для стороны защиты важно знать не только то, что следователь сделал, но и что планирует делать. Ведь до окончания предварительного следствия следователь не знакомит защитника с материалами уголовного дела (за исключением ряда процессуальных документов), не ставит его в известность о проведенных следственных действиях и тем более не раскрывает перед стороной защиты свои планы. Защитнику же в целях выработки взвешенной правовой и фактической позиции, которая как минимум не навредит подзащитному, необходимо понимать, какие свидетели допрошены, какие объекты осмотрены, с кем проведены очные ставки.

Следователи не желают раньше времени раскрывать карты перед адвокатами и их доверителями. Они заинтересованы, чтобы адвокаты с подозреваемыми, обвиняемыми двигались наощупь, совершали ошибки, давали противоречивые и непоследовательные показания, выбирая неверную линию защиты. Чтобы выйти из информационного вакуума, необходимо требовать у следователя оперативно предоставлять стороне защиты постановления, которыми продлевается срок следствия.

Конечно, в соответствии с ч. 8 ст. 162 УПК РФ следователь в письменном виде уведомляет обвиняемого и его защитника, а также потерпевшего и его представителя о продлении срока предварительного следствия. В законе не закреплена обязанность следователя знакомить сторону защиты с самим постановлением — он должен лишь сообщать о факте и сроке продления предварительного следствия.

Однако есть несколько законных способов ознакомиться с таким постановлением. Если лицо находится под стражей или под домашним арестом, то суд периодически продлевает их срок на основании ходатайства следователя, которое направляется следователем. К ходатайству о продлении меры пресечения следователь обязан приложить постановление о продлении срока предварительного расследования, чтобы суд знал, насколько продлен срок следствия, и мера пресечения, таким образом, не выходила за эту дату. Поэтому до рассмотрения судом по существу материала, полученного от следователя, адвокат на основании письменного заявления знакомится со всеми документами, представленными следователем, в том числе с искомым постановлением о продлении срока следствия.

Если же лицу не избрана мера пресечения, которую вправе избрать и продлить исключительно суд, то механизм получения постановления состоит в его судебном обжаловании в порядке ст. 125 УПК РФ. Тогда суд обязывает следователя представить постановление, с которым сторона защиты также вправе ознакомиться. В жалобе необходимо сослаться на определение Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2003 года № 429-О. Конституционный Суд РФ определил, что положения ст. 47, 53, ч. 8 ст. 162 УПК РФ по их конституционно-правовому смыслу не препятствуют обвиняемым, права которых затрагиваются решениями органов предварительного следствия о продлении сроков предварительного расследования, и их защитни-

кам в ознакомлении с такими решениями, а также не исключают необходимость представления названным участникам судопроизводства данных об обстоятельствах, значимых для обжалования этих решений. Органы, осуществляющие предварительное расследование, во всяком случае обязаны, обеспечивая обвиняемому и его защитнику право на обжалование в суд постановления о продлении срока предварительного расследования, ознакомить их с содержанием данного постановления.

Следователь, ходатайствуя перед вышестоящим руководителем о продлении срока предварительного расследования, обосновывает (о чем я уже говорил) это необходимостью проведения следственных действий, для которых и нужно дополнительное время. Некоторые нерадивые следователи вводят своих начальников в заблуждение, а то и попросту обманывают. Срок следствия руководители продлевают, а следователи следственные действия, которые являются основанием для продления срока следствия, не проводят. А зачем? Срок-то начальник уже продлил.

Так и в нашем случае: следователь обосновывал продление срока необходимостью проведения очных ставок между несовершеннолетними обвиняемыми, направления запросов в Управление Федеральной службы безопасности России по Воронежской области для допроса свидетелей (по месту жительства лиц, которые переписывались со школьниками), назначения и проведения дополнительных амбулаторных комплексных психолого-психиатрических экспертиз в отношении обвиняемых несовершеннолетних. Ни одно из этих следственных действий не выполнено. Необходимость проведения следственных действий, от которых следователь в дальнейшем с легкостью отказался, оказалась ширмой, поводом для затягивания предварительного следствия.

Более того, следователь обосновывал необходимость продления срока следствия тем, что несовершеннолетние Никита Упоров, Денис Николаенко и Богдан Андреев совершили преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 205.4 УК РФ, то есть участвовали в террористическом сообществе, изготавливали и расклеивали листовки, содержащие информацию о публичном оправдании терроризма.

Эти эпизоды их преступной деятельности нужно тщательно изучить, поэтому дайте мне, глубокоуважаемый начальник, еще несколько месяцев, а дети пусть побудут в следственном изоляторе и под домашним арестом. Срок у детей идет, нахождение в местах лишения свободы им зачтется в наказание, которое все равно будет реальным — их обязательно посадят, как виновных в террористических преступлениях. Вот такая логика у горе-следователей, когда они, искусственно создавая новые эпизоды преступной деятельности детей, обманывая начальника насчет необходимости проведения дополнительных следственных действий, допуская волокиту по делу, действуя нерасторопно, многократно продлевали срок следствия, нарушали право несовершеннолетних обвиняемых на разумный срок уголовного судопроизводства, предусмотренный ст. 6.1 УПК РФ.

В результате следствие длилось год. Никита провел под стражей, в застенках следственного изолятора, 12 месяцев, Денис — более 6 месяцев, Богдан — 12 месяцев под домашним арестом. Дети были лишены права на полноценное получение образования, гарантированное им Конституцией РФ.

6.2. Липовые справки сотрудников Федеральной службы безопасности России

В нашей стране всем известна Федеральная служба безопасности России, которая, согласно ст. 1 Федерального закона от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», представляет собой единую централизованную систему органов федеральной службы безопасности, осуществляющую решение в пределах своих полномочий задач по обеспечению безопасности Российской Федерации. Одним из основных направлений деятельности органов федеральной службы безопасности является борьба с терроризмом. Как гласит ст. 9.1 указанного закона, органы по борьбе с терроризмом осуществляют свою деятельность в соответствии с законодательством об оперативно-розыскной деятельности, уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, настоящим Федеральным законом и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации. Таким образом, деятельность органов ФСБ не является произвольной, а основана на строгом соблюдении закона.

Оперативно-розыскные мероприятия, которые проводились сотрудниками Управления ФСБ России по Красноярскому краю, не во всем соответствовали этому закону.

Так, с 6 по 7 июня 2020 года у подростков были изъяты компьютеры, сотовые телефоны, листовки. Изъятые предметы осматривались сотрудниками Управления ФСБ России по Красноярскому краю. Оперативным уполномоченным отделения в г. Канске Управления ФСБ России по Красноярскому краю старшим лейтенантом Равнодушным по результатам осмотра личных вещей подростков составлена справка.

Как следует из ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», при осуществлении оперативно-розыскной деятельности проводятся следующие оперативно-розыскные мероприятия: опрос, наведение справок, исследование предметов и документов, получение компьютерной информации. Как указал в своей справке оперативный уполномоченный, именно эти оперативно-розыскные мероприятия он проводил.

Однако вместо дословного приведения текста переписки, которая сохранилась в компьютере и телефонах, оперуполномоченный Равнодушный делает собственные умозаключения и выводы, которые не следуют из буквального ее прочтения. Тем самым сотрудник Федеральной службы безопасности России выходит за пределы проводимых им оперативно-розыскных мероприятий и своих полномочий, предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

Должностное лицо без достаточных правовых оснований, не обладая специальными лингвистическими знаниями, делает в своей справке необоснованный вывод:

«Упоров Никита размещал видеоролики и статьи, оправдывающие деятельность террористической организации „Сеть“, разжигающие ненависть к сотрудникам правоохранительных органов, а также оправдывающие необходимость реализации планов террористической организации. Активисты сообщества проводили анализ наиболее подходящего корпуса и детонатора самодельного взрывного устройства в целях реализации акций прямого действия для уничтожения органов власти. В качестве основной цели участниками террористического сообщества рассматривалось здание Министерства внутренних дел. В гараже родителей Николаенко Дениса хранились предметы, которые планировалось использовать в качестве средств поражения (болты, гвозди, саморезы). Участниками террористического сообщества активно обсуждается возможность совершения террористического акта в отношении государственных органов в лице сотрудников Министерства внутренних дел. Целью террористического акта является устрашение власти, месть за соратников (анархистов из числа террористической организации „Сеть“). Подготовка участников заключа-

ется в приобретении элементов, необходимых для сбора самодельного взрывного устройства, ракеты (является одним из средств совершения террористического акта согласно переписке), а также в моделировании подрыва при помощи компьютерной игры Minecraft. Функции по сбору компонентов для самодельного взрывного устройства и ракеты были возложены на Андреева Богдана. Таким образом, Упоровым Никитой создана организация с целью осуществления террористической деятельности для совершения преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.2, 205.3 УК РФ».

Оперуполномоченный Равнодушный даже не потрудился назначить психолого-лингвистическое исследование или получить справку от специалиста, чтобы достоверно определить, действительно ли видеоролики и статьи, которые размещал Никита, оправдывают деятельность террористической организации. Ребята в переписке обсуждали конструкцию самодельного взрывного устройства исключительно в познавательных целях, но никак не для акций прямого действия — уничтожения органов власти. Задачи такого масштаба в голову 14-летним школьникам не приходили. Равнодушный приписывает детям цели, которые выгодны только одному лицу — оперативному уполномоченному. Здание Министерства внутренних дел подростки не рассматривали как цель террористического акта. Болты, гвозди, саморезы наши подзащитные не намеревались использовать как поражающие элементы в самодельных взрывных устройствах. Никакую ракету как средство совершения террористического акта ребята не собирали. Тем более не создавали террористическое сообщество. Ни один из тезисов сотрудника Федеральной службы безопасности России не нашел своего подтверждения в суде. Ни один!

Более того, ряд измышлений оперативного уполномоченного был прямо опровергнут экспертным путем. Так, согласно заключению комплексного психолого-лингвистического исследования от 20 марта 2021 года, которое назначено постановлением следователя (я на него уже ссылался), эксперты пришли к однозначному выводу, что в материалах листовок отсутствуют лингвистические и психологические признаки публичных призывов к осуществлению деятельности, направленной на совершение взрыва, поджога, или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий либо выражение угрозы совершения указанных действий в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций, либо воздействия на принятие ими решений. Кроме того, материалы, представленные на экспертизу, не содержат лингвистических и психологических признаков публичного оправдания идеологии насилия и практики воздействия на принятие решений органами местного самоуправления или международными организациями, связанных с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Большинство сотрудников сильнейшей «силовой» структуры России являются людьми чистой совести, честными и порядочными. Я уверен, что и в других правоохранительных органах их также большинство. Увы, по делу канских подростков работали не такие. Только анализ одной справки, составленной сотрудником ФСБ, показывает, сколько лжи — наглой и неприкрытой — она вмещает в себя.

Согласно п. 9 Инструкции «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», зарегистрированной в Министерстве юстиции России 5 декабря 2013 года за № 30544, представление результатов оперативно-розыскной деятельности уполномоченным должностным лицам (органам) для осуществления проверки и принятия процессуального решения в порядке ст. 144 и 145 УПК РФ, а также для приобщения к уголовному делу осуществляется только на основании постановления руководителя органа (подразделения), осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (начальника или его заместителя). Аналогичная норма, в соответствии с которой представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд осуществляется на основании постановления руководителя органа,

осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами, содержится в ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Результаты оперативно-розыскных мероприятий: опроса, наведения справок, исследования предметов и документов, получения компьютерной информации, — представлены следователю без постановления, что юридически обесценило всю работу сотрудника Равнодушного. Видимо, он просто забыл об обязательном вынесении такого постановления ввиду юридической безграмотности. В прениях сторон я обратил внимание суда на допущенные нарушения закона и ложные сведения, закрепленные в справке. Суд справедливо отверг справку как доказательство стороны обвинения.

Позволю себе небольшое отступление. Впервые с оперативным сотрудником Равнодушным я познакомился, когда только приехал в Канск для защиты Богдана. Я зашел в кабинет следователя, представился, предъявил удостоверение адвоката и заявил, что вину Андреев признавать не будет: он не совершал тех действий, которые вы ему вменяете. В служебный кабинет к следователю вихрем ворвался молодой человек (как я позже узнал, это и был Равнодушный) и начал в присутствии Богдана, его законного представителя — мамы — кричать, что я ломаю судьбу ребенка, что я не адвокат, а вредитель. А вот они, представители силовых и следственных органов, наоборот, всячески пытаются подростку помочь. Видимо, сотрудник Федеральной службы безопасности России не знал, что нельзя самовольно вмешиваться в разговор двух взрослых мужчин, нельзя без разрешения входить в служебный кабинет, недопустимо безосновательно порочить работу адвоката в присутствии его доверителя. Культуре общения сотрудника ФСБ России никто не обучал.

Я поставил на место зарвавшегося горлопана, спокойно пояснив, что это он обвиняет ребенка в том, чего тот не делал. Никакой Богдан не террорист. Я уже был в этом твердо убежден, много часов беседуя с ребенком, который был так напуган желающими ему «искренне помочь» сотрудниками органов, что едва мог сдерживаться от слез, а чаще всего, давая волю горестным эмоциям, плакал.

Если уж взрослого человека, прошедшего хорошую следственную и прокурорскую школу, они решили взять нахрапом, то что говорить про детей, которых допрашивали долгие часы в ночное время без отдыха и сна.

6.3. Об одном хитром ходе следователя, попытавшегося легализовать (сделать доказательствами) результаты оперативно-розыскной деятельности сотрудников ФСБ России

Оперативный сотрудник Равнодушный составил справку, которой попытался разоблачить детей, незаконно обвинить их в страшных преступлениях террористической направленности. Подобные справки, аналогичные по содержанию, также были составлены его коллегами. Анализировать их и утомлять вас я не стану, поскольку они несут на себе печать многих уже вскрытых мной юридических и фактических пороков.

Вместе со справками оперативные сотрудники ФСБ России направили следователю объяснения несовершеннолетних, которые ребята дали сотрудникам службы. Обращаю внимание, что объяснения подростки давали без адвокатов, а в силу п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ к недопустимым доказательствам относятся показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника.

Примечательно, что составленные оперативными сотрудниками ФСБ России справки сами по себе тоже не могут использоваться в процессе доказывания, поскольку содержащаяся в них информация должна быть проверена следственным путем в результате проведенных следственных действий: допросов, осмотров предметов и т. д. Только результаты собственно следственных действий и могут быть положены в основу судебного решения.

Следователь, конечно, понимал, что ни объяснения подростков, ни справки сотрудников ФСБ России доказательствами виновности несовершеннолетних не являются. Что делать? В результате он выносит постановление, которым признает справки, объяснения вещественными доказательствами — вот на какую хитрость пошел следователь. Указанное постановление вынесено незаконно, вопреки требованиям ст. 81 УПК РФ.

В силу ч. 1 ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются любые предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления; на которые были направлены преступные действия.

Материалы оперативно-розыскной деятельности, справки, объяснения не являются предметами, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления, и не сохранили на себе следы преступления; на них не были направлены преступные действия.

Содержание вещественных доказательств образуют те свойства и состояния предметов, которые неотделимы от них и доступны непосредственному восприятию органов чувств человека при осмотре. Сведения о вещественных доказательствах отражаются в протоколе осмотра предмета. На сохранение в неизменном виде указанных свойств и состояний и направлено вынесение постановления о признании предметов вещественными доказательствами и их приобщении к уголовному делу.

Вынесение же следователем постановления о признании справок и объяснений вещественными доказательствами направлено не на сохранение в неизменном виде их свойств, а на искусственное создание еще одного вида доказательств (вещественных), что не предусмотрено ст. 81 УПК РФ.

И еще. Помните п. 9 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) органу дознания, следователю или в суд, согласно которому представление результатов ОРД осуществляется только уполномоченным должностным лицам (органам) на основании постановления руководителя органа (подразделения), осуществляющего ОРД? Так вот, заместитель начальника Управления ФСБ России по Красноярскому краю своим постановлением представил ряд результатов оперативно-розыскной деятельности начальнику отдела полиции. На самом деле материалы были направлены из ФСБ не в полицию, а в совершенно другой орган — следственный отдел по Канскому району Следственного комитета РФ по Красноярскому краю и Республике Хакасия, и уже заместитель руководителя данного органа признал результаты оперативно-розыскной деятельности вещественными доказательствами и приобщил их к уголовному делу.

Работает с секретной информацией (результатами ОРД Управления ФСБ России), осматривает их, легализует должностное лицо, которому данные материалы не предназначались, то есть не уполномоченное на это. Вот такая неразбериха царит во взаимоотношениях между нашими правоохранительными органами.

6.4. Взрывотехнические экспертизы

Сотрудниками экспертного подразделения Управления ФСБ России по Красноярскому краю Иваном Чуровым и Николаем Поповым по делу были проведены четыре взрывотехнические экспертизы.

Каких-либо материальных объектов, предметов экспертам предоставлено не было — исследовались только показания обвиняемых, зафиксированные в протоколах допросов и проверки показаний на месте.

В то же время, согласно протоколам осмотров мест происшествий (помещения гаража родителей Дениса Николаенко, заброшенного здания, где подростки метали «коктейли Молотова», участка местности, где подростки испытывали дымовухи, заброшенной квартиры, где самостоятельно готовили взрывные устройства), следователем были изъяты три стеклянные бутылки, воронка, ацетон, банка с подшипниками, древесный уголь, стекла, соскоб вещества темного цвета с южной стены, грунт, соскоб вещества темного цвета с северной стены, соскоб вещества темного цвета со стены, полимерный фрагмент с внешней стороны замка, эмалированная чашка, полимерная бутылка с бесцветной жидкостью объемом один литр с крышкой коричневого цвета, стеклянная банка с закручивающейся крышкой, пустая стеклянная бутылка с полимерной крышкой и этикеткой с надписью «Ацетон», емкость из полимерного материала с крышкой желтого цвета и этикеткой с надписью «Для кислотных аккумуляторов. Электролит», фрагменты бумажных упаковок с надписью «Гидроперит» в количестве 17 штук, парафиновая свеча, три прищепки из полимерного материала синего цвета, множественные фрагменты спичек, прибор для измерения силы тока, трехлитровая банка с остатками вещества светлого цвета.

Я специально привел полный список изъятых предметов, чтобы у читателя сложилось верное представление о тщательной работе следователя в этой части. Их изучение могло бы позволить объективно ответить на вопрос,

«можно ли из предметов и веществ, изъятых в ходе проведения обыска в квартире, изготовить иницирующее бризантное³¹ взрывчатое вещество триперекись ацетона «КИСА» и самодельное взрывное устройство?».

Именно этот вопрос и был поставлен перед экспертами, которые ответили на него положительно, не исследовав ни один из изъятых предметов. Также положительно они ответили на вопрос,

«являются ли разрушения, повреждения и следы, обнаруженные на местах происшествия: на металлической двери одноэтажного здания, в заброшенном помещении, на участке местности, — следами взрывного воздействия и горения; могли ли данные следы быть образованы при взрыве взрывчатых веществ и взрывного устройства, при горении зажигательной смеси „коктейль Молотова“?».

При этом изъятые предметы не были истребованы и исследованы. Так же категорично эксперты заявили, что

«при взрыве взрывчатых веществ и взрывного устройства, а также в момент применения (горения) зажигательной смеси в вышеуказанных помещениях людям, находящимся в непосредственной близости, могли быть причинены телесные повреждения различной степени тяжести вплоть до летального исхода».

Взрывотехническая экспертиза выражает собой комплексное исследование, включающее специально разработанные методики в области взрывного дела, судебной медицины, физико-химических исследований и ряда других областей знаний. Однако в заключениях экспертов

³¹ Бризантность — мера способности взрывчатого вещества к местному дробящему воздействию.

не указаны специальные методы и методики в области взрывного дела, которыми они пользовались, в нарушение п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, который гласит, что в заключении эксперта обязательно указываются содержание и результаты исследований с указанием примененных методик. Не приведен ни один источник специализированной литературы, которой пользовались эксперты.

Экспертам были предоставлены оптические диски с видеозаписями проверок показаний на месте несовершеннолетних Богдана Андреева и Дениса Николаенко, а также фотографиями осмотров мест происшествия, которые доказательствами не являются. Это лишь приложения к протоколу проверки показаний на месте и протоколу осмотра места происшествия соответственно. Согласно же ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств допускаются протоколы следственных и судебных действий, а не фотографии или видеозаписи. Сами протоколы следственных действий эксперты не изучали.

Согласно п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», в силу ч. 2 ст. 207 УПК РФ при возникновении сомнений в обоснованности заключения эксперта или при наличии противоречий в выводах экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза у другого эксперта.

Я просил назначить повторные взрывотехнические экспертизы, указывая на существенные нарушения, просил поручить их проведение не экспертному подразделению, подведомственному Управлению ФСБ России по Красноярскому краю (где были проведены все экспертизы, а эксперты являлись сотрудниками ФСБ), а независимому Федеральному бюджетному учреждению «Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации», предоставить в распоряжение экспертов все изъятые объекты, не предоставленные экспертам ранее. Глас вопиющего в пустыне остался не услышанным.

«Новая газета» иронично высказалась³² об этих экспертизах, выйдя на широкие обобщения:

«Поскольку даже взрывотехники ФСБ ничего толком не пояснили о мощи бомб канских анархистов и от этой пиротехники никто не пострадал, аккуратно беру слово „взрыв“ в кавычки. Когда нас гробит государство — тем, что гоняет до полного износа какую-нибудь турбину, разрешает бизнесу досуха выжимать советский, сталинский еще ресурс, — это хлопок, не взрыв, жесткая посадка, а не крушение. Подтопление, не потоп. Задымление. Тон меняется, когда государство говорит не о себе, а о людях. Это к вопросу даже не о двойных стандартах, это о том самом „колониальном режиме“».

6.5. Психолого-психиатрические экспертизы

10 июля 2020 года следователь вынес постановления о назначении подросткам амбулаторных комплексных психолого-психиатрических экспертиз. Экспертизы проводились в Красноярском краевом психоневрологическом диспансере № 1. С ребятами беседовали врачи-психиатры, изучали их школьные характеристики и материалы уголовного дела, непосредственно осматривали подэкспертных, исследовали их умственную работоспособность, мышление, прогностические способности, уровень агрессии и так далее. В установочной части постановления следователь указал, что несовершеннолетние совершили преступление, предусмотренное ст. 205.3 УК РФ, то есть проходили обучение, заведомо для обучающихся проводимое в целях осуществления террористической деятельности.

³² <https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/25/89365-relsotron-zhahnul>

Следователь поставил перед экспертами такие вопросы:

«Страдали ли подростки в момент совершения ими инкриминируемого деяния, предусмотренного ст. 205.3 УК РФ, каким-либо расстройством психики? Лишало ли подростков это заболевание способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий? Способны ли подростки по уровню своего психического развития осознавать фактический характер своих общественно-опасных действий и руководить ими?».

Эксперты заявили:

«Действия подростков, которые им вменяются, носили целенаправленный и последовательный характер, подростки способны в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, руководить ими во время инкриминируемого им деяния».

Однако после проведения экспертиз ребятам вменили дополнительные составы преступлений. По новым фактическим обстоятельствам обвинений несовершеннолетним следователь был обязан также назначить экспертизы в целях выяснения вопросов, страдали ли подростки в момент совершения ими инкриминируемых деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 222.1, ч. 2 ст. 223.1 УК РФ (незаконное хранение, ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств, совершенные группой лиц по предварительному сговору; незаконное изготовление взрывчатых веществ, совершенные группой лиц по предварительному сговору), каким-либо хроническим психическим расстройством, заболеванием либо временным психическим расстройством, иным болезненным состоянием психики; способны ли подростки по уровню своего психического развития осознавать фактический характер этих своих общественно-опасных действий и руководить ими.

Следователь этого не сделал, хотя в основание продления сроков предварительного следствия он закладывал необходимость назначения повторных амбулаторных комплексных психолого-психиатрических экспертиз, поскольку несовершеннолетним вменены новые составы преступлений и нужно выяснить психическое отношение ребят к совершаемым ими действиям. Иначе говоря, понимали ли несовершеннолетние на тот момент, когда им исполнилось 14 лет, тот факт, что имеют дело с взрывчатыми веществами и взрывными устройствами. Причем в суде все трое заявили, что не осознавали того обстоятельства, что «химичат» с взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, не относились к данным веществам и устройствам как к таковым. Доводы школьников не опровергнуты надлежащим образом путем проведения полноценной экспертизы. Следователь, вводя своего начальника в заблуждение указанием на необходимость назначить и провести экспертизу, потом просто поленился это сделать, недобросовестно отнесшись к исполнению своих прямых обязанностей по доказыванию виновности подростков.

В подтверждение сказанному могу сослаться на вывод эксперта-психолога, который, исследовав личность Богдана, заключил, что тот

«не критичен в возрастном плане. Его жизненный опыт ограничен. Отмечается недостаточная личностная зрелость: наивность в суждениях, недооценка жизненных ситуаций».

Изложенное свидетельствует, что подросток мог не понимать (не до конца понимать), что изготавливает и обращается именно со взрывчатыми веществами. Без такого понимания и осознания квалифицировать действия Богдана как преступные нельзя ввиду отсутствия субъективной стороны преступления.

«Уровень агрессии умеренный», —

выявил эксперт. Если это так, ребенок не является агрессивным, патологически злым. Следовательно, ему не присущ тип личности, нацеленный именно на совершение преступлений террористической направленности, взрывов, поджогов.

6.6. Показания понятых, которые участвовали в проверке показаний Богдана

Семен Петров, будучи допрошенным следователем, показал, что после окончания проверки показаний Богдана все участники следственного действия явились в следственный отдел, где им была продемонстрирована его видеозапись. Затем был предъявлен письменный протокол проверки показаний на месте. Петров протокол прочитал. В протоколе все соответствовало действительности, то есть было отражено так, как происходило на самом деле, как рассказывал Богдан.

Вместе с тем мы уже поняли ранее, что это ложь. В протоколе содержится та информация, которая выгодна исключительно следователю. Он ее выдумал. Понятой подтверждает ложность информации. Второй понятой Станислав Бутский полностью подтвердил показания первого, расписавшись совместно с ним в лжесвидетельстве. Причем показания Петрова совпадают слово в слово с показаниями Бутского, хотя в суде мы убедились, что они совершенно разные люди: и по уровню развития интеллекта, и по жизненному опыту, и по способности воспроизводить реальность. В главе «Суд» я тщательно проанализирую показания понятых. Кроме того, детально продемонстрирую нарушения, которые были допущены при проверке показаний Богдана на месте и при явке с повинной.

6.7. Меры пресечения подросткам

9 июня 2020 года следователь Сергей Паршев ходатайствовал перед Канским городским судом об избрании Никите меры пресечения в виде заключения под стражу до 9 августа 2020 года. Следователь обосновал это тем, что Никита обвиняется в совершении особо тяжкого преступления, за которое возможно пожизненное лишение свободы. Он указал, что Упоров может продолжить заниматься преступной деятельностью, так как планировал совершить взрыв в здании ФСБ. Инспектором по делам несовершеннолетних Виляйкиным Упоров характеризуется отрицательно, на проводимые с ним беседы реагирует агрессивно, исправляться не желает. Мама в полной мере контроль за поведением сына не осуществляет. Упоров может угрожать участникам уголовного судопроизводства с целью заставить их изменить показания, оказать психологическое и иное воздействие. Может иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Упоров может скрыться от органов предварительного следствия и суда. Николаенко и Андреев опасаются Упорова.

10 июня 2020 года Канский городской суд заключил Никиту под стражу. Суд сделал вывод, что Упоров может продолжить заниматься преступной деятельностью, оказать воздействие на соучастников преступления, предпринять действия по сокрытию следов преступления.

5 августа 2020 года суд продлил Никите срок содержания под стражей до 8 октября 2020 года. Продлевая самую строгую меру пресечения, суд вновь указал, что Никита обвиняется в совершении особо тяжкого преступления, характеризуется отрицательно. Может угрожать участникам судопроизводства с целью заставить их изменить показания, оказать психологическое и иное воздействие на них, иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Может предпринять действия по сокрытию следов преступления. Упоров может скрыться от органов предварительного следствия и суда.

8 октября 2020 года суд вновь продлил Никите срок содержания под стражей до 8 декабря 2020 года. Постановление слово в слово совпадает с предыдущим. 4 декабря 2020 года этот же судья Канского городского суда продлил подростку срок содержания под стражей до 8 февраля 2021 года — в очередном постановлении изменены только даты.

Согласно ч. 1 ст. 97 УПК РФ суд вправе избрать обвиняемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Как видите, суд, избирая Никите меру пресечения в виде заключения под стражу, ссылался на перечисленные основания. Суды, принимая решение об аресте обвиняемого, всегда указывают эти основания. Достаточно ли просто их поименовать и включить в постановление? Недостаточно.

Как гласит ч. 1 ст. 108 УПК РФ, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение. Важнейшее правило, которое игнорируется повсеместно. На практике суды в постановлениях переписывают, как заклинания, лишь основания, закрепленные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, «забывая» о «конкретных, фактических обстоятельствах». Поэтому не удивительно, что 9 из 10 обвиняемых заключаются под стражу по ходатайству следователей.

Таким образом, обвиняемые заключаются под стражу безосновательно. Яркий пример тому — арест Никиты, который через несколько месяцев был отпущен судом. И Никита, и Богдан, и Денис обвинялись по одним и тем же статьям УК РФ. Только первоначально Богдан и Денис сознались под давлением следователей, а Никита выстоял. Как результат, Никита в СИЗО, а его друзья под домашним арестом.

В СИЗО к Никите постоянно приходили сотрудники ФСБ, предлагали сознаться, настраивали подростка против мамы. Парень не сознался в том, чего не совершал, не предал ни маму, ни друзей, ни себя. Все давление на школьника в СИЗО оказалось тщетным. Ребенка выпустили. Я задаю себе и вам вопрос: так для чего же арестовали Никиту, который отрицал свою причастность к преступлениям? Не для того ли, чтобы в застенках за колючей проволокой сломить волю ребенка?

Еще обращу внимание, что, обосновывая необходимость продления меры пресечения, следователь сослался на факт возбуждения в отношении Никиты уголовного дела по ч. 2 ст. 205.4 УК РФ (участие в террористическом сообществе). 24 февраля 2021 г., спустя более трех месяцев с момента возбуждения нового дела в отношении детей, следователь вынес постановление о прекращении уголовного дела и уголовного преследования за якобы участие подростков в террористическом сообществе. Я рассказывал об этом. Факт незаконно возбужденного уголовного дела следователь не преминул использовать в своих целях как основание для продления меры пресечения Никите. Суды не вникали, не проверяли законность и обоснованность привлечения детей по ч. 2 ст. 205.4 УК РФ, они просто продлевали из месяца в месяц самую строгую меру пресечения, копируя доводы и вставляя их в очередное свое постановление.

Теперь к Денису. 11 июня 2020 года Николаенко избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. 26 ноября 2020 года следователь Сергей Паршев ходатайствовал об изменении Денису меры пресечения с домашнего ареста на заключение под стражу. В нем следователь также сослался на факт возбуждения 16 ноября 2020 года — за 10 дней до настоящего ходатайства — в отношении Дениса уголовного дела по ч. 2 ст. 205.4 УК РФ. Следователь для пушшего

убеждения суда в необходимости изменения Денису меры пресечения сослался на обстоятельства, которые вовсе не нашли подтверждения. Впрочем, как мы уже поняли, суды в вопросе обоснованности и доказанности подозрения и обвинения особо не разбираются, доверяя правоохранительным органам.

Просил следователь взять ребенка под стражу и потому, что Денис пользовался сотовым телефоном, а это было ему запрещено по условиям домашнего ареста. Подросток выходил в интернет, чтобы научиться играть на гитаре. По существу нарушение несерьезное, никак не воспрепятствовавшее расследованию по делу. Да и что было делать Денису под домашним арестом, ведь суд не разрешил ему даже на улицу выходить? Самая настоящая изоляция.

Канский городской суд 27 ноября 2020 года, конечно же, согласился с требованием следователя, в зале суда на Дениса надели наручники и направили для содержания в СИЗО. Суд сослался и на возбуждение уголовного дела по ч. 2 ст. 205.4 УК РФ. Единственное, что суд не принял во внимание копии (никем не заверенные, непонятно, откуда взявшиеся), которые следователь просил приобщить как доказательство выхода Дениса в интернет.

Жестокосердность суда очевидна. С 27 ноября 2020 года по 17 августа 2021 года Денис пробыл в следственном изоляторе. В итоге по приговору суда ребенка не лишили свободы. Тогда, скажите, для чего Дениса держали почти 9 месяцев за решеткой? Не по той же причине, что и Никиту?

Суд мотивировал заключение под стражу тем, что Денис, находясь на свободе, в том числе под домашним арестом (а он был под этой мерой пресечения с 11 июня 2020 года), может оказать давление на свидетелей с целью изменения ими показаний, продолжить заниматься преступной деятельностью. Пять месяцев, будучи под домашним арестом, школьник ничего подобного не делал. Так с чего суд вдруг решил, что теперь-то ребенок начнет заниматься противодействием следствию? Ведь никогда не противодействовал. Формулировки суда абсолютно бездоказательные. С такими доводами суд мог взять под стражу Дениса сразу, еще 11 июня 2020 года. Да и любого можно так арестовать, если стандарт доказанности фактов серьезно снижен. Безосновательное заключение под стражу обвиняемых есть системная и давняя проблема российских судов.

Не только ребенок был несправедливо наказан за свой интерес к музыке, но и его мама. Следователь отстранил ее от участия в уголовном деле в качестве законного представителя. С 27 ноября 2020 года по 17 августа 2021 года Светлана Николаенко не увидит своего сына. Даже в зал судебного заседания ее никогда не пускали, а единожды, когда она все-таки зашла, выгнали.

11 июня 2020 года Канский городской суд избрал Богдану меру пресечения в виде домашнего ареста. Суд всегда обязан рассмотреть вопрос о передаче несовершеннолетнего под присмотр родителей, то есть дать ребенку возможность не быть изолированным от общества. Однако в нашем случае суд полагал невозможным в силу требований ст. 423 УПК РФ передать Богдана под присмотр мамы. Суд принял во внимание характеристику инспектора по делам несовершеннолетних Виляйкина, в которой содержалось лишь одно предложение о том, что мама не может в полной мере контролировать поведение Богдана. В суде я доказал, что характеристика, данная инспектором, является недостоверной. Характеристика именно такого содержания была дана специально, чтобы Богдана арестовать. С 11 июня 2020 года по 17 августа 2021 года Богдан незаконно провел под домашним арестом, который был отменен после того, как я с помощью его мамы Анны Андреевой установил, что характеристика матери и сына является необъективной.

Уверен, когда суд увидел самого инспектора Виляйкина, не способного ничем подтвердить свои вымыслы, у судей возникло стойкое внутреннее убеждение в необходимости Богдана освободить, что и было сделано через несколько дней. Данная фраза (мама *«не может в полной мере контролировать поведение Богдана»*) сыграла свою роковую роль, которая ей была уготована изначально. Однако справедливость все равно восторжествовала.

Конечно, в судах много формализма, присутствуют и бездушие, и безволие. Встречаются, впрочем, и вдумчивые, человеческие судьи. Наши судьи, хотя я и критикую вынесенные ими решения, обладали такими положительными качествами. В суде лучшие качества в человеке приходится активировать, настойчиво взывать к ним, добиваться их проявления. Как? В том числе активной защитой. Правда: судьи умеют слушать и слышать. Стучите — и откроется вам!

10 августа 2020 года суд продлил Богдану домашний арест. Единственное, чего мне удалось добиться — это ежедневных прогулок для него. Мою позицию поддержал прокурор Павел Бондаренко, возможно, памятуя о том, что мы вместе учились когда-то в Институте Генеральной прокуратуры РФ.

27 августа 2020 года суд снова продлил Богдану домашний арест. На этот раз нам удалось добиться разрешения дистанционно обучаться в школе. Не буду повторять, что доводы суда, обосновывающие необходимость продления меры пресечения Богдану, просто перепечатывались без аргументации. Таков порочный правовой обычай, иначе его не назовешь. Как видите, мы, адвокаты, по мере своих сил и возможностей преодолеваем совместно косность и неповоротливость судебной машины, помогаем умным и независимым судьям вершить справедливое правосудие.

6.8. Отказы следователя в ходатайствах

Мама Богдана подавала заявление на имя следователя с просьбой ознакомить ее с видеозаписью проверки показаний сына и предоставить возможность снять с нее копию. Также просила ознакомить с протоколами допросов Богдана и постановлением о привлечении его в качестве обвиняемого. Следователь полностью отказал Анне Андреевой, сославшись на то, что копия постановления о привлечении Богдана в качестве обвиняемого ему вручена. В единичных случаях следователи вручают данные документы. Причем обвиняемые пишут, что «получили копию», а в действительности им ничего не вручается. Так было и в случае с Богданом. За это и зацепился следователь. Раз расписался ребенок — значит получил. А то, что подростка обманули, следователь еще и в свою пользу обращает, рассматривая запись в протоколе «получил копию» как основание для отказа маме в ее законной просьбе. На ходатайство предоставить копии протоколов допросов и копию видеозаписи следователь ответил, что ст. 426 УПК РФ такого права не предусматривает.

Аналогичное ходатайство заявлял адвокат Никиты. Суть сводилась к тому, что на психолого-лингвистическую экспертизу переписки ребят был направлен диск с файлами. С содержимым диска сторона защиты перед назначением экспертизы ознакомлена не была. Поэтому и просил защитник предоставить возможность с диском ознакомиться. Следователь немотивированно отказал, несмотря на то, что был обязан ознакомить адвоката со всеми объектами, направленными на экспертизу — это вытекает из позиции, сформулированной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 года.

Анализируя надлежащее право обвиняемого, Конституционный Суд РФ делает вывод, что положения ст. 47, 53, ч. 8 ст. 162 и ч. 1 ст. 195 УПК РФ — по их конституционно-правовому смыслу — не препятствуют обвиняемым, права которых затрагиваются решениями орга-

нов предварительного следствия о назначении судебной экспертизы, в ознакомлении с такими решениями, а также не исключают необходимость представления названным участникам судопроизводства данных об обстоятельствах, значимых для обжалования этих решений.

6.9. Отказы следователя в свиданиях с сыном

Мама, бабушка, тетя Никиты многократно обращались к следователю с просьбой предоставить им свидание в соответствии с требованиями ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Следователь отказывал со ссылкой на «интересы предварительного следствия». Родственники ребенка ни разу не получили ответ на свои заявления. Адвокат Владимир Васин был вынужден обратиться с ходатайством к следователю по этому поводу с просьбой разъяснения — вразумительного ответа от следствия не последовало.

Следователь, видимо, не знает, что согласно определению Конституционного Суда РФ от 17 июля 2012 года № 1334-О норма, предоставляющая

«обвиняемому (подозреваемому) на основании письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело... не может быть истолкована как дающая такому лицу или органу возможность отказывать обвиняемому (подозреваемому) в осуществлении его права на свидание с родственниками или иными лицами без достаточно веских оснований, связанных с необходимостью обеспечения прав и свобод других лиц, а также интересов правосудия по уголовным делам».

Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, Европейские тюремные правила 1987 года подчеркивают необходимость уважения статуса заключенного под стражу как лица, которое должно считаться невиновным, в отсутствие конкретной причины, требующей противоположного, при этом внимание акцентируется на том, что неосужденные должны пользоваться правом на свидания и иметь возможность коммуникации с родственниками и иными лицами в том же порядке, что и осужденные.

Как указывает Ирина Добросельская в статье³³, опубликованной в «Адвокатской газете»,

«институт „разрешения свиданий“ является мощнейшим средством морально-психологического давления и воздействия на лиц, заключенных под стражу, используемым правоохранительными органами для придания их действиям ощущения „всемогущества“, с одной стороны, и для унижения человеческого достоинства, внушения подозреваемым и обвиняемым чувства собственной неполноценности и беспомощности — с другой, с целью сломить их моральное сопротивление, понудить к самооговору, сделке с правосудием».

³³ <https://www.advgazeta.ru/mneniya/institut-razresheniya-svidaniy-kak-instrument-davleniya-na-zaklyuchennykh-pod-strazhu>

Глава 7. Свидетели на предварительном следствии

7.1. Показания заинтересованного ключевого свидетеля

Студент II курса профессионального училища по специальности «газоэлектросварщик» Артем Подольский в мае 2020 года познакомился с Никитой в чате мессенджера Telegram под названием «Революционная альтернатива». Подростков сблизил приверженность идеям анархизма. Артем показал, что, исходя из полученной от Никиты информации, он достоверно понимал, что тот проходит обучение, а также изготавливает взрывчатые и огнеопасные вещества для достижения целей анархистов, фактически совершает преступление, а именно проходит обучение, тренировки в целях осуществления террористической деятельности, в том числе приобретает знания, практические умения и навыки при обращении со взрывными устройствами и взрывчатыми веществами. Кроме того, примерно в июне 2020 года в переписке Никита сообщил ему, что время испытаний закончилось и он (Никита Упоров) планирует осуществить взрыв в здании полиции или ФСБ с человеческими жертвами. В ходе переписки Никита также сообщал ему, что планирует совершать различные акции и диверсии в отношении правоохранительных органов, подыскивать для этого людей, а также обмениваться впоследствии информацией по совершению таких акций и диверсий.

Свидетель заявил, что удалял сообщения, поэтому они не сохранились. Говорит по памяти. Извините! Показания свидетеля, коль он ссылается на переписку, должны подкрепляться этой самой перепиской. Иначе можно такого наговорить... Вот оно и наговорено. Точнее, человек оговорен в совершении особо тяжкого преступления. Я не случайно употребляю слово «оговор». В суде свидетель свои показания не подтвердил — посмотрите, как он ответил на мой прямой вопрос:

— *Говорил ли вам однозначно Никита, что хотел подорвать здание МВД, сообщал ли о своей цели?*

— *Нет, не говорил.*

Подольский давал показания против Никиты на предварительном следствии по одной причине: в отношении него самого было возбуждено уголовное дело, и он был осужден. Вот как об этом, опираясь на факты, интересно и профессионально писала³⁴ «Новая газета»:

«...Алтайский свидетель (Подольский) уже несет наказание за „несообщение о преступлении“ (ст. 205.6 Уголовного кодекса РФ — несообщение в органы власти о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило преступление, предусмотренное ст. 205.3 Уголовного кодекса РФ): осужден за то, что знал, чем занимаются ребята в Канске, но в органы о том не донес — „о прохождении обучения в целях осуществления террористической деятельности“. Суд по недоносительству уроженца Алтая состоялся до того, как военный суд в Канске начал свою работу.

То есть алтайские суды (Благовещенский районный и затем Барнаульский, где рассматривалась апелляция), забежав вперед паровоза, на расстоянии поняли все про то, что происходило и происходит в Канске. Вероятно, суды теперь ориентируются не на Конституцию, не на свод законов, а исключительно на Росфинмониторинг, просто включивший подростков в список террористов, не дожидаясь никого и ничего. А разве может Росфинмониторинг быть не прав?

³⁴ <https://novayagazeta.ru/articles/2021/12/18/pervyi-poshel>

Что это, если не игнорирование процедуры, пренебрежение даже формальной логикой и смыслом судебных разбирательств? Не прямое ли свидетельство предопределенности? Если эти предположения не верны, остается одно — ключевого свидетеля намеренно осудили заранее, посадили на короткий поводок, дабы он в дальнейшем давал „верные показания“.

Он и дал.

А если канских подростков оправдают? Что делать тогда с парнем алтайским?

Никита Упоров на допросах подтвердил факт переписки. „Но переписку о каких-либо взрывах я точно не вспомню. Если она и была, то не всерьез. Я никогда не хотел взрывать правоохранительный орган, а если где-то и выразился с подобным смыслом, то сказал так потому, что хотел казаться взрослее и увереннее“. Никита подчеркивает, что алтайский собеседник сначала давал другие показания, а потом что-то изменилось: „Думаю, это связано с тем, что он сам оказался под уголовным делом, в зависимости от следствия. Более того, его обвинение производно от моего уголовного дела. Ввиду данных обстоятельств он может быть необъективен, но зла на него не держу».

Вот примеры их переписки за две недели до задержаний в Канске. Никита Упоров — Н., ключевой свидетель с Алтая — А. Орфография и пунктуация сохранены. Обратите внимание, кто именно что говорит. Кто о чем мечтает, кто кого от чего отговаривает, и кто задает резонные вопросы.

Н.: «А для какой цели ты их [коктейли Молотова] делал? попрактиковаться?» А.: «Мож поле подожгу) В селе фермер есть, буржуй местный, немножко убытков ему нанесу А сначала делал для тестдрайва». Н.: «Лучше не надо поля жечь Нужно подобные операция более продуманно проводить наверн» [постит картинку с зайчатами «Не жгите сухую траву! Еще спят первые зайчата. Поделись, чтобы все узнали»]. А.: «Про них даже не думал как-то, но вряд ли они на полях именно живут». Н.: «Там всё равно могут быть всякие мышки и тому подобные грызуны. Нужно узнать побольше про буржую». А.: «Я хоть и безжалостная тварь, но.. действительно жалко ЁЖИКОВ например *** можно было бы технику какую ему спалить, но по периметру фермы камеры Не так серьёзно, как поле, но тоже убыток Хотя если комбайн спалить, миллионов за 12, то уже 1/4 поля где-то)».

Н.: «Почему ты его так не взлюбил?» А.: «Хее Мой батя на него 17 лет ***[вкалывал] А когда батя начинал свой бизнес, в том же селе, он мешал всячески. Не получилось построить бизнеса Так вот я решил немножко поровнять нас». Н.: «Хм, а как он мешал?» А.: «Вот такая вот история Ментов привлекал, у него же связи, любой нелегальный, даже самый незначительный шаг, сразу штрафы в десятки тысяч и т.д.». Н.: «Ну да, это похоже на жадного буржую». А.: «Сливал конкретно». Н.: «А чем он вообще занимается?» А.: «Фермерское хозяйство, небольшое, но прибыльное, качественно работают на него. 5.000га земли, новая техника. Но работа тяжелая, за такую плату. Я так считаю. В селе батя хотел жить всегда, а тут вот так.. теперь в город поедет, в будущем может в другое село, это его стихия :)».

Н.: «А сколько зарплата?» А.: «По сезонам, зимой можно сказать вообще нихера. За потравку 80.000 в месяц, а это таксичные вещества, того не стоят, здоровье уже не вернешь бати». Н.: «ну бати конечно пожелаем удачи А буржую ***[фатальные неприятности] Кароч нужно будит пофотать поснимать его хоромы Его паля и технику Камеры прочекать Все такое» А.: «Камер достаточно ***[много], даже в посадках на полях. Если только все правильно подстроить. И у меня есть план. Приехать в село, подготовить молотовых, выехать из села

в степь, поставить полатку, дожждаться ночи. Пешком двинуть в сторону базы, а там уже выбрать что сжечь. Балаклаву на лицо На руки перчатки И вперед Чтобы по камерам было видно, что человек не из села, для этого выезжать Откуда-то прибыл». Н.: «Окейс Уверен что там ежейков нет? Всяких там». А.: «В технике ? Аэаэахах». Н.: «Ну на полях)». А.: «Хочу какой-то дорогой комбайн спалить». Н.: «Хм Это можно». А.: «Или можно камеры из строя вывести Из воздушки какой нидь. У меня есть, пневмат и воздушка кста. Похер пойду в открытую, на базе 1 чел дежурит максимум. Ночью, в балаклаве, нет шансов узнать». Н.: «А ты с ним общался ранее?» А.: «Следы на земле еще, там можно без протектора обувь натянуть и без проблем ходит. И расположение собак мне не известно. У бати спрашивать не стану, начнёт злиться, отговаривать... ну и отговорит Анархиздом я не для того рождался :) Чтобы просто сидеть». Н.: «Хахах, это да». А.: «Нам бы объединяться.. анархистам, мутить дела как-то элегантнее.. А тут вон как приходится».

Такие разговоры в Сети. Капитализм у нас (и со второго захода) также не получился, как социализм. Деревянное ярмо поменяли на железное, а иных перемен нет, поэтому — хотим мы того или нет, хорошо это или плохо — мальчики будут вступать в такие обсуждения неизбежно, искать справедливости, это свойство молодости и вообще человеческое свойство. Это типические характеры и ситуации, они вновь востребованы и неизбежны.

Ну и далее, 6 июня прошлого года, через несколько дней после этой и других подобных переписок, в Канске берут самых юных в России (тогда им было по 14 лет) „террористов“. Уголовное преследование по статье „участие в террористическом сообществе“ в марте прекратили за отсутствием в действиях всех троих состава преступления, однако осталась обвинение в „прохождении обучения в целях осуществления террористической деятельности“. Эта статья 205.3 — до пожизненного взрослым, а подросткам светит максимум до 10 лет. Помимо того, им вменяют три преступления по ч. 2 ст. 222.1 (хранение и ношение взрывчатых веществ и взрывных устройств, совершенное группой лиц по предварительному сговору) и четыре преступления по ч. 2 ст. 223.1 (изготовление взрывчатых веществ и взрывных устройств — тоже группой, по сговору).

*А в марте в Канск пришло поручение о допросе Никиты от алтайского Следственного Комитета. И посмотрите на формулировки: „В ходе предварительного следствия установлено, что * [ключевой свидетель] в период времени с 13.05.2020 по 08.06.2020 [то есть как раз в тот момент, когда он вступил в переписку с Никитой и делился с ним своими планами поджечь поле или пострелять из пневматики по камерам слежения в поле], находясь на территории Алтайского края Суевского района, обладал достоверной информацией о том, что Упоров Н. А. придерживается идеологии анархизма и имеет цель изменения существующего в РФ государственного и политического устройства“ и т. д. — перечисляются мыслимые и немыслимые преступления, приписываемые Упорову, о чем его собеседник, по мнению СК, „достоверно“ знал. И далее из того же документа с сохранением орфографии и стилистики органов: „Осознавая негативные последствия в виде невозможности принятия уполномоченными органами власти мер, направленных на пресечения совершения Упоровым Н. А. преступления, предусмотренного ст. 205.3 УК РФ, * [ключевой свидетель] не сообщил в органы власти“.*

Еще раз (следите за руками): 6 июня канских ребят задержали. После получения первичной информации 8 июня возбудили дело. А алтайский подросток (исходя из текста отдельного поручения) все это время — когда еще канские следователи не знали, что шить, какую статью, — уже обладал достоверным знанием, что это именно 205.3 УК РФ. И — не донес».

7.2. Отступничество первого близкого друга

С ребятами клеил листовки и кидал коктейль Молотова в заброшенном здании Илья Гузенков, который был их ближайшим другом и товарищем. Товарищем идейным, поддерживающим ребят в распространении их взглядов в небольшом городе Канске. Не выдержала дружба и приверженность идеям анархизма проверка страхом уголовного преследования — слаб оказался Гузенков. Все его отступничество видно в показаниях, данных следователю. Ниже я привожу текст, сохраняя орфографию и пунктуацию. Читателю все будет понятно без лишних комментариев.

«Николаенко Денис является моим родственником. Я познакомился с ребятами Богданом Андреевым и Никитой Упоровым. Вместе мы гуляли, а ребята клеили какие-то листовки, что это были за листовки, я пояснить не могу. Помню, что на листовке было написано одно слово „свободу“, но кому свободу, я не знаю. Меня ребята брали с собой просто погулять, так как дома было скучно. Ребята брали меня и в заброшенный дом, где мой родственник Денис предложил мне бросить коктейль Молотова. Я бросил об стену, бутылка разбилась и стена загорелась. Когда все потухло, то мы ушли. Один раз в поле ребята проверяли, как дымит „дымовуха“. Я в социальной сети Вконтакте вступил в группу анархистов. Но что такое анархизм, я не знаю, что это за люди и чем они занимаются мне не известно».

Илья закончил свои показания словами:

«Я заметил, что Никита Упоров любит командовать, Богдан и Денис его слушались, все идеи и предложения исходили от Упорова Никиты».

Это единственное, что заметил Илья. Следователь от удовольствия потирал руки. Это и не удивительно, ведь он изначально поставил задачу сделать из Никиты злодея.

7.3. Отступничество второго близкого друга

Александр, переписку которого я приводил, также был дружен с ребятами, идеологически стоял с ними на одной платформе, отстаивал интересы трудового народа, писал работы на тему защиты прав трудящихся: «Машина прогресса», «Марксизм и современная диалектика».

Он обсуждал те же темы, что и остальные школьники, так же критиковал власть. Однако остался свидетелем, категорически отмежевавшись от своих соратников, заявив, что

«действия участников анархокоммунистического бунда не поддерживал, изначально воспринимал действия ребят как детские игры».

Органы же из детских игр настоящее уголовное дело сделали!

Александр далее говорит следователю:

«Их действия не носили террористического характера, были всего лишь детской шалостью. Однако я все равно отмечал глупость, бессмысленность и неправильность действий школьников, всячески осуждал их, склонял на сторону изучения теории и трудов классиков, например, Л. Н. Толстого».

Примечательно, что когда Александр впервые увидел ребят, то первой его реакцией были слова:

«Я и не думал, что вы такие маленькие».

В ходе переписки до реальной встречи с подростками у Александра сложилось впечатление, что так серьезно рассуждать о судьбах Родины, о будущем человечества, об анархизме, марксизме могут взрослые люди, а не четырнадцатилетние подростки. Как он ошибся! Если наши дети, подрастающее поколение имеет способность к мышлению, не сковано парадигмами, скрепами, не одурманено пропагандой — есть, значит, будущее у нашей страны.

7.4. Воинствующие одноклассники

Не получив допустимых и достоверных доказательств вины Никиты Упорова, следователь подключил к доказыванию этой вины его одноклассников. Они не были очевидцами ни одного события, которое бы входило в предмет доказывания по делу. Зато одноклассники были допрошены следователем в таком тоне (сразу скажу, абсолютно не объективном), что у суда сформировалось предубеждение к личности подростка. Прочтите показания девочки Галины Хренковой:

«У Упорова плохое поведение в школе, он не подчиняется общепринятым нормам поведения, он обзывает меня буржуйкой (к слову, девочка из богатой семьи) и моего отца обзывает буржуем. Постоянно рассказывает об анархизме, практически на всех уроках. Упоров и Николаенко Денису помог увлечься темой анархизма. На уроках в школе Никита неоднократно оскорблял личность Президента РФ Владимира Путина, писал на доске мелом фразы «Путин — вор». Упоров говорил, что хочет совершить революцию в России, чтобы у власти были простые люди».

Невооруженным глазом видно, что следователь сам вложил в уста девочке фразу «он не подчиняется общепринятым нормам поведения». Не свойственно детям так говорить — это, очевидно, казенная и канцелярская фраза. То, как относится Никита к Президенту России, в предмет доказывания по делу не входит. Тем не менее в суде очень тщательно, в мельчайших подробностях выяснялось, как же Никита Упоров не любит Президента РФ Владимира Путина.

7.5. Воинствующие учителя и контрольно-надзорные органы

Допрошенный инспектор по делам несовершеннолетних Владимир Виляйкин, который ранее не видел и не знал Никиту, не общался с ним и, соответственно, не имел к нему претензий, когда подростка поместили в следственный изолятор, дал ему очень нелестную и одновременно ложную характеристику:

«Упоров Никита характеризуется исключительно с отрицательной стороны, у него отсутствует учебная мотивация, часто конфликтует с одноклассниками, на проводимые беседы реагирует агрессивно, неоднократно рассматривался на советах профилактики школы».

Школьная учительница изобразительного искусства Любовь Зыскина описала Никиту как «скрытного, с внутренней агрессией» подростка:

«Упоров Никита выражал свою точку зрения в области политики, оскорблял личность Президента РФ Владимира Путина, высказывал протестную позицию по отношению к действующей власти».

Да, Президента РФ оскорблять нельзя — так же, как и Президент РФ не имеет права оскорблять свой народ. Но, позвольте заметить, при чем здесь это?

В суде выяснилось, что педагог не видела и не слышала, чтобы Никита каким-либо образом оскорблял личность Президента РФ Владимира Путина. Слова об оскорблении, внесенные в протокол, свидетель не подтвердила. Следователь неверно, мягко говоря, изложил ее показания, пытаясь таким недобросовестным способом сформировать дополнительное негативное впечатление о Никите, однако в итоге создал предубеждение лишь в отношении себя.

В следственных допросах вообще много проблем. Главная из них — низкая степень достоверности информации, которая фиксируется в протоколах, где не отражаются все сведения, сообщаемые, например, свидетелями, либо данные излагаются искаженно. Почему так происходит?

Следователь, являясь стороной обвинения, то есть заинтересованным лицом, пристрастен. Он знает, что следует писать в протокол, а что можно и утаить. Следователь самовольно формирует содержимое протокола. Конечно, возразите вы, подписывает документ тот, кто дал показания, после прочтения. Допрашиваемый под текстом своих показаний собственноручно делает запись:

«С моих слов записано верно, мною прочитано».

Как правило, полностью стенограмму допроса никто не читает — в лучшем случае бегло пролистают протокол и подписывают, доверяя следователю и рассчитывая, что тот верно все отразит. Доверяй, но проверяй!

В суде мне сотни раз приходилось слышать изумленные возражения свидетелей: *«Я такого следователю не говорил!»*. Как же, уважаемый, не говорили — тут и подписи под текстом ваши стоят, и вы собственноручно написали: *«С моих слов записано верно, мною прочитано»?*

Вернемся к нашему свидетелю. Учительница сообщила следователю, что ребята встретились ей на митинге по проблемам теплоснабжения города Канска, которые часто случаются по причине бездействия местных властей. Была холодная зима, а тепло еле-еле поступало в дома жителей. Людмила Зыскина спросила ребят: *«Вы что тут делаете в такой мороз?»*. Они ответили, что *«участвуют в митинге, так как всегда с народом»*. Разве не этот поступок вместо пустых и холодных характеристик должен подлинно раскрывать характер подростков?

Единственным, кто хорошо отзывался о Никите Упорове, был учитель английского языка, тонко подметивший важную черту ребенка:

«Мне он показался странным человеком, был всегда задумчив, мыслями находился не на уроке, а где-то далеко».

Действительно, рамки темы урока стесняли широкую душу подростка, его тянуло на митинги, на борьбу с несправедливостью.

Преподаватель информатики и физики Дмитрий Будник, будучи допрошенным 18 ноября 2020 года, показал, что Никита Упоров критиковал деятельность Президента РФ Владимира Путина, в том числе на Украине, предрекал военные действия там. Смею заметить, 24 февраля 2022 года Россия начала специальную военную операцию на Украине.

Учитель обществознания Татьяна Зарубицкая, на уроках которой и обсуждаются политические, социально-экономические проблемы общества, раскрыла личность Никиты как *«человека серьезного, который лишние разговоры вести не будет»*. Такая характеристика скорее положительна, но она не будет принята во внимание ни следователем, ни судом. Предубеждение в отношении подростка уже сформировано.

Поразило, сколь верно охарактеризовала подростков самая опытная и старшая среди педагогов — учитель математики Светлана Меркушкина:

«Николаенко Денис — очень хороший товарищ, имеет обостренное чувство справедливости. У Упорова Никиты есть свой стержень, у Никиты очень обостренное чувство справедливости. Ученики в классе всегда прислушивались к его мнению. Андреев Богдан — очень способный ученик, у него прекрасная память, очень ответственный, всегда просился на первую парту, очень любил математику, любознательный».

Вспомним, как ребята с ностальгией говорили о Советском Союзе, о его более справедливом общественном устройстве по сравнению с капитализмом; как школьники в мороз отстаивали права жителей Канска на элементарное тепло в квартирах; как ратовали за человека труда в своей продолжительной и объемной переписке. Разве не «обостренным чувством справедливости» такое можно объяснить? Подростки живо интересовались Жаком Фреско, Лениным, Карлом Марксом, Бакуниным, Че Геварой, Троцким — такая любознательность не многим взрослым присуща.

7.6. Смелая женщина, не побоявшаяся рассказать правду

Получив от следователя копию протокола допроса Богдана Андреева, я понял, что показания ребенка записаны неверно. Богдан, безусловно, никакой террористический акт совершать не намеревался. Они вместе со своей мамой сразу рассказали мне об этом. Также они сообщили, что допрос велся два дня подряд с утра и до ночи непрерывно. Следователь не давала возможности отдохнуть, поесть, сходить в туалет. Постоянно угрожала отправить Богдана в следственный изолятор, если тот не будет «сотрудничать» с правоохранительными органами (перевожу на русский: если не оговорит себя и Никиту Упорова). Допрос проводился в холодном помещении. Ребенок плакал, был в стрессе, усталый и измученный.

В русском языке есть пословица: «Что написано пером, того не вырубишь топором». Она означает, что написанное трудно оспорить, сложно доказать обратное. Даже такое мощное орудие, как топор, против написанного не справляется. Все это верно. Только слепо верить написанному тоже нельзя. В правоприменительной практике встречаются показания, данные под пытками, принуждением, угрозами. В данных случаях воля и волеизъявление, как говорят юристы, не совпадают.

УПК РФ позволяет опровергнуть письменные показания, данные подозреваемым и обвиняемым, не принимать их, отнестись к ним критически. Этому способствуют несколько правил. В силу ч. 2 ст. 77 УПК РФ признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. Согласно ч. 4 ст. 88 УПК РФ суд вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон или по собственной инициативе. В соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства путем опроса лиц с их согласия.

Памятуя о таком серьезном правовом ресурсе, я решил опросить педагога-психолога школы, в которой обучался Богдан, Ольгу Трубчик. Именно она присутствовала при даче объяснений и показаний подростком, участвовала в проведении проверки его показаний на месте.

Я позвонил Ольге Трубчик, предложил ее опросить. Она согласилась. Я приехал в школу 27 августа 2020 года. Зашел в просторный светлый кабинет. Обстановка располагала к честному и открытому разговору.

После разъяснения прав опрашиваемого лица я получил такую информацию, благодаря которой уже никогда не сомневался в невиновности ребят, в том, что на них было оказано незаконное давление и показания Богдана получены под пытками.

Вот что рассказала педагог-психолог:

«Я участвовала в качестве педагога при допросе Богдана Андреева, который проводила следователь Бессовестная Наталья в воскресенье 7 июня 2020 года. Адвокат при допросе не присутствовал. Допрос был окончен в 00:30 уже 8 июня 2020 года. На следующий день к 11 часам я снова приехала в следственный отдел для продолжения допроса. Допрос был окончательно завершён в 22:30. Был составлен единый протокол допроса. Перерыв был только на один час».

Двухдневный изнуряющий допрос — это уже нарушение, ведь согласно ч. 1 ст. 425 УПК РФ допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности — более четырех часов в день.

В силу п. 21 ст. 5 УПК РФ ночное время — промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени. Как гласит ч. 3 ст. 164 УПК РФ, производство следственного действия в это время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Никакой необходимости допрашивать два дня подряд подростка с утра и до ночи не было. Точнее, была необходимость, но законной ее назвать никак нельзя: следователю нужно было во что бы то ни стало получить от детей признательные показания. Под пытками двое детей признались. Грош цена таким признаниям.

Трубчик сообщила, что, когда присутствовала два дня на допросе Богдана, одновременно переписывалась в мессенджерах Viber и WhatsApp со своей коллегой. Я с разрешения Ольги прочитал переписку и обнаружил, что Трубчик, общаясь с педагогом-психологом Еленой Валовой, объективно описала состояние ребенка, характер допроса и действительное время его проведения.

Теперь вскрывалась вся ложь следователя. Наталья Бессовестная утверждала, что допрос несовершеннолетнего Богдана проведен без каких-либо нарушений: в кабинет никто из посторонних не заходил, в процесс допроса не вмешивался, не задавал наводящих вопросов, не давил, не применял запрещенных методов ведения допроса, сам допрос длился всего лишь три часа. Переписка полностью опровергала каждый довод следователя.

Что нужно делать в подобной ситуации? Ольге Трубчик необходимо было в соответствии с законом обратиться к следователю и предоставить ему свой телефон. Следователь должен допросить Трубчик, выяснить, при каких обстоятельствах происходила переписка и с кем. Затем следователь изымает телефон у свидетеля, составляет протокол выемки, осматривает предмет. Для проверки того, не вносились ли в переписку какие-либо изменения, не подвергалось ли ее содержание самовольному искажению, следователь назначает компьютерную экспертизу. Телефон направляется эксперту, который профессионально и компетентно отвечает на поставленные перед ним вопросы. После аппарат возвращается экспертом следователю, который хранит его у себя как вещественное доказательство по уголовному делу.

Конечно, пойдя мы по такому пути, Ольга Трубчик фактически лишилась бы телефона, ей пришлось бы неоднократно являться к следователю, который, мягко говоря, не очень корректно общался бы с таким свидетелем, понимая, что переписка разрушает обвинительную деятельность правоохранительных органов.

Честно говоря, не этого я по-настоящему опасался. Много лет работая адвокатом, проведя не одну сотню дел, я встречался на практике с тем, что очень важные доказательства стороны защиты просто «терялись». Следователь не утруждал себя поиском «пропавших» оправ-

дательных доказательств, а приобщал к материалам уголовного дела справку о том, что доказательство утрачено. Проверка утраты заканчивалась такой казенной фразой без выяснения причин, сторона защиты оставалась без весомого доказательства по вине следователя.

Обоснованно опасаясь утраты телефона и переписки, я попросил Ольгу Трубчик обратиться к нотариусу, минуя следователя. Нотариус осмотрел мобильный телефон, принадлежащий Трубчик. Она указала нотариусу, что телефон больше никому не передавала.

Нотариус обнаружил в телефоне следующую текстовую информацию в мессенджере Viber за 7 июня 2020 года (перед кавычками будет указываться время отправки сообщения).

21:52 «я до сих пор сижу в следственном... с четырех часов»

Время отправки сообщений подтверждает, что допрос велся до позднего вечера и ночи, а из содержания переписки следует, что начался допрос с участием педагога с 16 часов.

21:53 «мы сидим на допросе... ни поесть, ни попить»

Голодным был не только Богдан, но и сама Ольга, которой следователь за весь период допроса не давал возможности элементарно попить воды.

21:54 Ольге задан вопрос: «Их допрашивают?», она отвечает: «да... с двух часов... уже десять вечера»

Здесь Трубчик уточняет, что сам допрос начался в 14 часов, а она явилась только к 16 часам. Таким образом, в течение двух часов допрос несовершеннолетнего проходил без педагога-психолога в нарушение ч. 3 ст. 425 УПК РФ, согласно которой в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет, участие педагога или психолога обязательно.

21:56 «а мы просто присутствуем на допросе... бедный ребенок»

И законный представитель Богдана — его мама, и педагог-психолог, и адвокат, по меткому замечанию, «просто присутствовали» на допросе. «Присутствовали» вместо того, чтобы защищать ребенка, активно и квалифицированно представлять его интересы, настойчиво и оперативно реагировать на любые факты нарушения прав подростка, которые неоднократно допускал следователь. Конечно, такой, оставшийся один, фактически брошенный всеми ребенок заслуживает только сожаления — «бедный ребенок».

21:57 «у меня Андреев тут Богдан... плачет тут... что жестко беседуют... я даже не знаю, что должна сделать... жествят... мама тут»

Ольга подтверждает, что Богдан доведен до такого состояния, когда уже не в силах сдерживать слезы. Педагог-психолог не только фиксирует прискорбный факт, но и находит ему объяснение: ребенок потому стал плакать, что следователь с ним жестко беседует. Обращаю внимание на фразу «жестко беседуют». Не только следователь позволяла себе такое поведение, но и оперативные сотрудники ФСБ, о чем и говорил Богдан. Его показания в этой части, не осознавая того, подтвердила Трубчик, волею судьбы фиксировавшая происходящее посредством переписки со своей коллегой.

Конечно, видя, как следователь издевается над ребенком, доводя его до слез, педагог должна была потребовать прервать допрос, как минимум — сделать следователю замечание. В суде Ольга Трубчик призналась, что доверяла следователю и не знала о возможности прервать незаконный допрос несовершеннолетнего. Хотя по моему, как бывшего следователя, глубоко убеждению причина робости и соглашательства одна: страх перед человеком в погонах. Если же следователя поддерживает сотрудник ФСБ, то устоять перед таким напором и взрослый мужчина, выдавший виды, не сможет.

21:58 «а детишки топят друг друга... и следователи ходят туда-сюда... без конца новые детали всплывают»

Очень характерная фраза, оброненная педагогом-психологом: со слов следователя Ольге стало известно, что Денис Николаенко и Никита Упоров изобличают Богдана. Такая ложная информация специально была доведена до участвующих лиц в целях незаконного на них воздействия. Напротив, Денису и Никите следователем было сказано, что Богдан их полностью уличает в преступной деятельности. Трубочик снова подтверждает, что «следователи ходят туда-сюда». Только это не следователи, а оперативные сотрудники ФСБ, незаконно вмешивающиеся в процедуру допроса несовершеннолетнего.

21:59 «поэтому никак закончить не можем», —

с недовольством пишет Ольга. Виноват в этом следователь, который обязан прекратить допрашивать ребенка, если продолжительность допроса превысила четыре часа.

22:00 «вчера до трех часов ночи они тут сидели»

Трубочик пишет о том, что 6 июня 2020 года детей в вечернее время задержали и отпустили для сна только в три часа ночи уже 7 июня 2020 года. Утром вновь начали допрашивать. Пишет она это ровно в 22 часа, что, согласно УПК РФ, является ночным временем.

22:01 написано для Трубочик: «они же дети, и спать тоже надо»

Хорошо, что хоть педагоги понимают прописную истину. Да и следователь это знал, но нарушал права детей с молчаливого согласия взрослых.

22:03 «Николаенко и Андреев боятся»

Как педагог-психолог, Трубочик верно определила психическое состояние детей. Богдан действительно боялся, для чего были серьезные основания. Как говорил подросток, более 10 раз следователь Наталья Бессовестная угрожала ему: «Если ты не скажешь, что обучались с целью совершения террористического акта, то поедешь в следственный изолятор». Показания в состоянии страха, вызванном угрозами и шантажом, не могут расцениваться как добровольные и правдивые.

22:21 «страшно мне»

Даже взрослому специалисту педагогу-психологу было страшно, что уж говорить про детей.

22:22 «тут холодно... я сижу и дрожу»

Холодно было не только Ольге Трубочик, но и ребенку, который находился в страхе в холодном помещении в течение двух дней с утра до вечера.

23:00 написано для Трубочик: «мне думается это такая у них методика... довести всех до состояния, чтоб все рассказали»

Коллега Трубочик правильно думает — именно эту нехитрую методику и опробовали на детях. Заключается она в том, чтобы допрашивать с утра до ночи без перерывов, угрозами заставить сказать то, что нужно следователю, оказывать давление путем задавания вопросов, создающих ложную видимость признания вины другими обвиняемыми.

23:01 «Богдан тут уже все готов рассказать... вначале одно говорил, теперь другое»

Да, Богдан изначально говорил о том, что вместе с ребятами создавали «дымовушки», бомбочки с развлекательными и научно-познавательными целями, но не для совершения террористического акта в будущем. В конце допроса он заявлял обратное именно потому, что «следователь более 10 раз угрожала Богдану, что если так не скажешь, то поедешь в следственный изолятор».

В судебном заседании Трубчик подробно объяснила каждую фразу.

Протокол осмотра письменного доказательства нотариусом является допустимым и достоверным доказательством, зафиксировавшим время допроса, участвующих лиц, ход допроса несовершеннолетнего подозреваемого. Данный протокол составлен надлежащим лицом с соблюдением правил, предусмотренных ст. 102, 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 года № 4462-1 (далее — Основы).

Так, согласно ст. 102 Основ по просьбе заинтересованных лиц нотариус обеспечивает доказательства, необходимые в случае возникновения дела в суде или административном органе, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным.

Глава 8. Суд

8.1. День первый

Суд прилетел — в прямом смысле этого слова — в Канск 4 августа 2021 года. На самолете из Хабаровска в Красноярск и оттуда чуть более 200 километров на автомобиле до Канска. Дело подростков рассматривал 1-й Восточный окружной военный суд в составе председательствующего судьи Дмитрия Владимировича Бутусова (судья с 2013 года, член судебной коллегии по уголовным делам), судей Сергея Витальевича Лисова (судья с 2011 года, председатель судебного состава судебной коллегии по уголовным делам) и Виктора Петровича Молчанова (судья с 2019 года, состоит в судебной коллегии по административным делам). Сам суд фактически расположен в Хабаровске. Военный трибунал Дальневосточного военного округа приступил к своей работе 1 июня 1953 года — это день образования 1-го Восточного окружного военного суда.

В соответствии с Федеральным законом от 7 июня 2017 года № 115-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ» юрисдикция 1-го Восточного окружного военного суда по рассмотрению уголовных дел террористической направленности распространилась на всю территорию Сибири и Дальнего Востока — от Омской области до Камчатского края и Чукотского автономного округа. Поскольку же ребят обвиняли в прохождении обучения в целях совершения террористического акта, судить их мог только этот суд.

Как пишет «Новая газета»,

«...этой привилегии (суда присяжных) у нас удостаиваются упыри и душегубы, организаторы крупнейших в России преступных сообществ, а вот этим детям суд присяжных не положен — из его компетенции дела о терроризме с 2008 года изъяли».

Это в Соединенных Штатах право гражданина на суд присяжных является центральным элементом Конституции, основополагающим принципом американской правовой системы. В США каждый человек, обвиняемый в преступлении, наказуемом лишением свободы на срок более шести месяцев, имеет конституционное право на суд присяжных. У нас же менее 5% всех составов преступлений подлежат рассмотрению судом присяжных.

Как неоднократно участник отправления правосудия присяжными заседателями, могу сказать: несмотря на то, что присяжные не являются профессиональными судьями, их вердикты о виновности или невиновности подсудимых являются более справедливыми, чем приговоры судей. Обычные граждане, избранные в коллегию присяжных заседателей, не испорчены обвинительным уклоном, им чужд формализм и видение в каждом представшем перед судом преступника, заслуживающего максимально сурового наказания. Обычные люди честно и добросовестно вникают в обстоятельства дела, руководствуясь здравым смыслом и совестью, вершат подлинное правосудие.

Что собой представляют судьи — а судьи кто? Правил бал в процессе отнюдь не председательствующий, а самый опытный судья Сергей Витальевич Лисов. Именно его слово было наиболее авторитетным и решающим при обсуждении судебной коллегией тех или иных процессуальных вопросов. Именно он задавал большинство вопросов, причем таких вопросов, которые лили воду на мельницу прокурора. Все перепалки, споры с судом возникали с участием Лисова.

Скажу так: от этого судьи исходила бóльшая опасность, нежели от прокурора, на парирование его вопросов я тратил значительное количество умственной энергии. Я (ценитель шахмат) относился к Сергею Витальевичу как к опасному и сильному противнику, но не давал себя одолеть, поскольку за мной стоял невиновный в террористической деятельности ребенок. Тем не менее, я без гнева и обид вспоминаю наши пикировки, своеобразную процессуальную борьбу, которая только закаляет характер соперников.

Дмитрий Владимирович Бутусов, хотя и являлся председательствующим, не играл первой скрипки. Да, руководил процессом, но его управление сводилось больше к оформлению решений, которые были приняты Сергеем Витальевичем Лисовым. Нужно отдать должное и председательствующему. Он обеспечил достойное ведение процесса, освободил суд от поспешности в исследовании доказательств, хамства и пренебрежительного отношения к участникам процесса, чем грешат многие российские суды. За дисциплину и уважение, царившее в течение судебного разбирательства, в прениях сторон я публично поблагодарил суд, высказав свое искреннее уважение.

Виктор Петрович Молчанов был среди судей самым старшим и самым молчаливым. За двадцать пять дней судебных баталий он лишь несколько раз (не более пяти) задал вопросы участникам процесса. Адвокаты называли его молчуном. Причем впервые голос судьи мы услышали только через семь дней с начала рассмотрения дела. Когда судья заговорил, ко мне с выпученными глазами, возбужденный (по-настоящему, не наигранно) подбежал адвокат Владимир Васин и с удивлением произнес: «А он-то живой!». Просто надо было видеть ту яркую мимику и живую интонацию защитника.

Слово есть великое благо, да и словом Бог творил мир. Однако не в бездействии я желаю уличить судью. Не подумайте превратно. Виктор Петрович очень внимательно слушал участников суда. Казалось, в его мудрой голове происходят вселенские процессы, всем и вся дается оценка, тщательно взвешиваются доказательства, сопоставляются. И все это продельвается ежесекундно с одной целью — получить истину, постановить справедливый приговор. Исключительно так мной воспринималась внешне бездеятельная работа этого судьи.

Ну и, конечно, какой суд без секретаря. А секретарем была милая женщина (российским судам везет на женственных секретарей — не потому, что эти должности замещают представительницы прекрасного пола, а потому, что они молоды, привносят глоток свежести в затхлую атмосферу царства формального закона) по имени Алена. Она фиксировала ход процесса, напечатав более тысячи страниц протокола судебного заседания. Очень добросовестно сделала свою работу, по существу отразив все детали дела. Я также публично поблагодарил за титанический труд красавицу Алену, кстати, ранее работавшую следователем, где она и приобрела необходимые навыки, которые пригождаются человеку в дальнейшем на любом его общественном поприще. Я, как бывший следователь прокуратуры, знаю, что следственная работа коренным образом меняет человека, закаляет характер — это своего рода военная служба, позволяющая повзрослеть, снять розовые очки, сделать шаг к по-настоящему взрослому, то есть ответственному отношению к жизни.

Теперь перейдем к адвокатам. Дениса Николаенко защищал Владимир Ильков, адвокат с большим стажем работы в правоохранительных органах. Позволю себе некоторое отступление на тему. В свое время я активно занимался с помощниками и стажерами, обучал их основам адвокатского ремесла. Многих подготовил к сдаче экзамена на присвоение статуса адвоката. Те, кто стали адвокатами и активно отстаивают права граждан, поддерживают со мной связь, в том числе глубоко человеческую и дружескую. Когда меня спрашивают: сразу же после окончания университета нужно становиться адвокатом или лучше для начала поработать в органах, я отвечаю:

«Выбор, безусловно, за вами. Я сначала поработал следователем, расследуя уголовные дела, затем помощником прокурора, поддерживая государственное обвинение в судах по тем делам, по которым работал ранее в качестве следователя, собирая доказательственную базу. То есть я знаю, как расследовать дело, как добиваться обвинительного приговора, какие есть неформальные, неписанные правила работы правоохранительной системы, поэтому и могу защищать, обходя с доверителем острые углы, не попадая в капканы обвинительного уклона».

Для того, чтобы прийти к пониманию принципов и нюансов работы правоохранительных органов, мне понадобились годы. Мой путь, может быть, и не универсален: кто-то силою своего интеллекта, интуитивно, то есть прямым усмотрением истины, сможет постичь и усвоить правила игры. И хорошо. Лишь бы во благо подзащитного, лишь бы не навредить ему своим шапкозакидательством и наивным оправдательным уклоном — той деформацией правового сознания, которая свойственна не окрепшим в боях коллегам-адвокатам.

Владимир Ильков был далек от правового идеализма. Он изначально понимал, что детей не оправдают. В принципе скептически относился к идее справедливого судебного решения. При этом добросовестно выполнил возложенную на него Конституцией России функцию защиты от обвинения.

Владимира Васина, который защищал Никиту Упорова, могу охарактеризовать как оригинального адвоката. Если одним словом — певец свободы. По своему внутреннему мироощущению защитник был свободным человеком, тяготился тем, что живет в недемократической стране, что суды не являются независимыми. Поэтому любил Нью-Йорк, в котором бывал неоднократно, и весь западный мир. Одевался предельно раскованно (джинсы, кроссовки, длинные распущенные волосы) и говорил то, что думает, поэтому наибольшее число замечаний от суда получил именно он. Неоднократно суд пытался усадить на место зарвавшегося адвоката, но сделать это было не так легко, ведь Владимир Васин в запальчивости продолжал отстаивать свою независимую позицию. Процесс с таким неординарным адвокатом был эмоционально насыщен, и если бы он транслировался по телевидению, то такое шоу смотрели бы сотни тысяч зрителей именно из-за эмоционального накала, создаваемого адвокатом.

Государственным обвинителем выступала сотрудник прокуратуры Красноярского края Анна Добросовестная. Как я назвал ее в прениях сторон, трудяга-прокурор. Почему? Она действительно добросовестно выполнила свою функцию обвинения. В спокойной манере, без излишней стервозности, ненависти к подсудимым представила доказательства стороны обвинения. Ни разу не позволила себе высказать оскорбительные слова в чьей-либо адрес. Всегда была сдержана и учтива. Мы понимали, что прокурор делает свою работу. Поэтому суд не сделал ни одного замечания прокурору. Единственное, в чем по-человечески я никак не мог с ней согласиться — размер наказания, которое прокурор истребовал для Никиты Упорова: 9 лет лишения свободы. Эта позиция незаконна и антигуманна по отношению к ребенку. Уверен, что если бы прокурор был волен самостоятельно, независимо от требования своего начальника высказывать позицию по наказанию, то Анна Добросовестная, как еще не испорченный и не огрубевший в системе человек, запросила бы гораздо меньший срок для Никиты и других ребят, которым, кстати, она просила назначить по 5 лет лишения свободы.

Если уж я начал давать характеристики участникам процесса, то позволю себе упомянуть еще об одном лице, которое, хоть и не является собственно участником процесса, но своей несуразностью произвело неизгладимое впечатление на меня и на Богдана. Это сотрудник уголовно-исполнительной инспекции, который привозил моего подзащитного в суд на служебной автомашине, поскольку подростку была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста и он не мог самостоятельно передвигаться. Перед судом мы с ребенком вырабатывали позицию, разбирали доводы сторон, изыскивали ресурсы для эффективной защиты. Пытались продолжать это делать и в автомобиле, на котором нас доставлял в суд исполнительный инспектор. Не удавалось. Каждый раз, когда мы начинали беседовать с Богданом, молодой инспектор нас бесцеремонно перебивал, высказывал свое, как ему казалось, авторитетное мнение. На наши замечания о доверительной беседе между подзащитным и защитником инспектор не реагировал. Вот такой настойчивый, говорливый и неглупый попался нам сотрудник. Было понятно, что человек находится не на своем месте: он выполняет рутинную функцию доставки в суд лиц, которым избрана мера пресечения, затем возвращает их обратно. Ему бы с юридическим образованием идти в адвокаты, где бойцовский характер, помноженный на ум и трудолюбие, дадут благодатные плоды, а не делать ежедневно конвейерную работу. Вот так люди зарывают талант в землю, не реализуют данное им природой или Богом (кому как угодно).

Судебное разбирательство началось с разъяснения прав всем участникам. Это не формальная, рядовая процедура, как к ней относятся многие, включая судей, а очень важная и обязательная.

Я уже рассказывал, что когда допрашивали Богдана в качестве подозреваемого, следователь никаких прав ему не разъяснял. Отбирая у ребенка явку с повинной, следователь вновь проигнорировал требования закона. Конечно, недобросовестный правоприменитель сделал это умышленно, специально не рассказав Богдану, что тот имеет право хранить молчание, имеет право пригласить адвоката, имеет право на конфиденциальную личную консультацию со своим защитником. Легче работать с бесправным существом, не знающим своих прав. Тогда перед тобой будет объект, с которым можно делать все, что придет в дурную голову недобросовестному следователю. После надлежащего разъяснения прав перед тобой уже полноправный субъект, который волен самостоятельно решать, воспользоваться ему гарантированными правами или нет. Хотя во многих случаях следователь обязан обеспечить права подозреваемому независимо от его волеизъявления, что предусмотрено УПК РФ.

Болезнью правового нигилизма страдают и отдельные судьи. У меня в практике были уголовные дела, когда суд не разъяснял никаких прав подсудимому — заседание начиналось с оглашения обвинения моему подзащитному, сразу за которым следовало представление доказательств стороной обвинения. Конечно, в дальнейшем такой приговор по моей апелляции

онной жалобе был отменен, но это свидетельствует об определенном обвинительном уклоне суда. Суды неоднократно забывали разъяснить права моим подзащитным, но при этом никогда не забывали, например, предоставить прокурору возможность огласить обвинение.

Прав подсудимый имеет много, вот они: подсудимый праве знать, в чем он обвиняется; возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний; представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы; пользоваться помощью переводчика бесплатно; пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренных УПК РФ; знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, ставить вопросы эксперту и знакомиться с заключением эксперта; снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения суда и принимать участие в их рассмотрении судом; участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций, а также в рассмотрении судом вопроса об избрании в отношении его меры пресечения; знакомиться с протоколом и аудиозаписью судебного заседания и подавать замечания на них; обжаловать приговор, определение, постановление суда и получать копии обжалуемых решений; получать копии принесенных по уголовному делу жалоб и представлений и подавать возражения на эти жалобы и представления; участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора; защищаться иными средствами и способами, не запрещенными УПК РФ.

Это не исчерпывающий перечень. Каждая формулировка должна быть не просто зачитана, а именно разъяснена, поскольку, как гласит ч. 1 ст. 11 УПК РФ, суд обязан разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. Причем за каждой формулировкой стоит еще больший объем вполне конкретных прав, которые никоим образом не могут умаляться.

Впрочем, настоящая проблема состоит даже не в неразъяснении прав, а в том, что на практике эти права не реализуются надлежащим образом, искажаются в угоду стороне обвинения.

Суд разъяснил участникам процесса их право заявлять отводы. Никто отводов суду не заявил. Их крайне редко заявляют ввиду процессуальной неэффективности. Так, в силу ст. 61 УПК РФ судья не может участвовать в производстве по уголовному делу в случаях, если имеются обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе данного дела. На практике почти невозможно опровергнуть презумпцию доверия к суду, достоверно доказать, что судья лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе дела. Причем трудность состоит не в отсутствии у сторон доказательств — сам механизм разрешения отводов является несовершенным. Согласно ч. 4 ст. 65 УПК РФ отвод, заявленный судье, разрешается этим же судьей. Вряд ли судья без веских на то оснований будет удовлетворять заявленный ему отвод и тем самым компрометировать себя.

Так как у нас не было оснований не доверять судьям, прилетевшим издалека, отводов мы не заявляли.

Наступила стадия заявления ходатайств, или просьб к суду. Первым к суду обратился Никита Упоров. Он попросил сделать разбирательство открытым, чтобы каждый человек, которому данное дело интересно, мог свободно прийти в суд и присутствовать в зале судебного заседания в качестве слушателя, чтобы любое средство массовой информации могло осуществлять трансляцию и фиксацию хода судебного разбирательства.

Суд вынес первое определение об отказе в удовлетворении ходатайства (таких отказов в удовлетворении ходатайств стороны защиты будет очень много), сославшись на ч. 2 ст. 241 УПК РФ, согласно которой закрытое судебное разбирательство допускается

на основании определения или постановления суда в случаях, когда рассматриваются уголовные дела о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста шестнадцати лет. Ни один из подростков указанного возраста не достиг — исключительно по такому формальному основанию процесс проходил за закрытыми дверями, в условиях тайны и домыслов по поводу происходящего.

Вообще суд не любит, когда даже в те процессы, которые не закрыты, приходят слушатели. Приходят или родственники подсудимых, или стажеры прокурора, адвоката, которым необходимо освоить азы работы в суде. Судьи всегда с неохотой, плохо скрываемой или нескрываемой (я это лично наблюдал), дают разрешение на присутствие посторонних лиц. Судьи относятся к слушателям как к потенциальным нарушителям спокойствия, громко, отчетливо, с раздражением предупреждая явившихся лиц о том, что если они будут нарушать порядок, то их присутствие в зале судебного заседания станет невозможным. Не готово пока наше общество к подлинной открытости судов.

После неудачной попытки Никиты с ходатайством к суду обратился адвокат Дениса Владимир Ильков. Он попросил изготавливать протокол судебного заседания после каждого заседания. Остановимся для некоторых объяснений целесообразности заявленного ходатайства.

Дело в том, что в ходе каждого судебного заседания ведется протокол (ст. 259 УПК РФ). Протокол является важным документом, поскольку в нем указываются действия суда в том порядке, в каком они имели место в ходе заседания: заявления, возражения и ходатайства участвующих в уголовном деле лиц; определения и постановления, вынесенные судом без удаления и с удалением в совещательную комнату; подробное содержание показаний; вопросы, заданные допрашиваемым, и их ответы; результаты произведенных в судебном заседании осмотров и других действий по исследованию доказательств; обстоятельства, которые участники уголовного судопроизводства просят занести в протокол; основное содержание выступлений сторон в судебных прениях и последнего слова подсудимого.

Так как судебный процесс включает несколько заседаний, для выработки тактики защиты подчас необходимо тщательно проанализировать показания допрошенных лиц, изучить доводы сторон, перечисленные в их ходатайствах, выяснить, на какие вопросы какие даны ответы. Причем все изложенные обстоятельства содержатся именно в протоколе судебного заседания.

Из ч. 6 ст. 259 УПК РФ следует, что протокол должен быть изготовлен и подписан в течение трех суток со дня окончания судебного заседания его председательствующим и секретарем. Протокол в ходе судебного заседания может изготавливаться по частям, которые, как и протокол в целом, подписываются председательствующим и секретарем. По ходатайству сторон им может быть предоставлена возможность ознакомиться с частями протокола по мере их изготовления.

Например, суд длится десять дней. По общему правилу протокол изготавливается в течение трех суток со дня окончания последнего судебного заседания, то есть после десяти дней разбирательств. На практике протокол изготавливается гораздо дольше, так как в нем необходимо отразить все, что происходило в суде — в отдельных случаях документ может готовиться неделями. Стороны лишены возможности оперативно обратиться непосредственно к тексту протокола.

Статья, однако, гласит, что суд вправе, но не обязан изготовить протокол по частям. Например, 10 января прошло первое судебное заседание. Следующее назначено на 10 февраля, через месяц. Третье — на 10 марта. После каждого заседания суд изготавливает протокол и предоставляет сторонам возможность ознакомиться с ним и подать замечания. Это, я считаю, разумно и правильно.

Я поддержал коллегу, дополнив, что целесообразно изготовить протокол по частям с возможностью ознакомления с текстом ввиду необходимости оказания квалифицированной юридической помощи несовершеннолетним, которые обвиняются в тяжких и особо тяжких преступлениях. Нужно учитывать правовую и фактическую сложность многоэпизодного дела, потребность оперативного анализа доказательств стороны обвинения.

Суд нас не услышал, вынес определение об изготовлении протокола только в самом конце разбирательства, мотивировав свое решение тем, что «не усматривает законных оснований для изготовления протокола судебного заседания по частям».

Решение с такой мотивировкой нельзя признать законным. Суд в любом случае обязан объяснить, почему он пришел к тому или иному выводу, мотивировать свое решение таким образом, чтобы оно стало понятным всем, чтобы каждый с ним согласился, точнее, не мог не согласиться. Только такое решение будет признано подлинно правосудным, укрепит авторитет судебной власти, вызовет доверие и потребность людей разрешать конфликты, обращаясь к арбитру, который рассудит. Есть поговорка: «Суд не на осуд, а на рассуд», — то есть суд должен рассудить, разрешить конфликт, объяснив сторонам свое справедливое решение.

Российские суды не утруждают себя разъяснением принятого решения, хотя в соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ определения суда и постановления судьи должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Ну не может считаться обоснованным и мотивированным решение, вся мотивировка которого сводится к тезису «суд не усматривает законных оснований для...» (далее подставляйте любое решение суда, принятое по тому или иному вопросу).

Решение суда об отказе в изготовлении протокола судебного заседания по частям порочно не только по причине отсутствия надлежащей мотивировки, но и потому, что противоречит Определению Конституционного Суда РФ от 8 июля 2021 года № 1370-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Штина Дмитрия Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 29 и частью шестой статьи 259 УПК РФ». В этом Определении Конституционный Суд четко определил:

«Исходя из конституционного смысла УПК РФ, составление протокола процессуального действия — в целях обеспечения его объективности — должно осуществляться незамедлительно, а существенная задержка в изготовлении протокола умаляет значение процессуальной формы как таковой. В случае рассмотрения уголовного дела в закрытом судебном заседании (как это имело место в деле заявителя и в нашем деле), когда отсутствует аудиопроколирование, а участники процесса не вправе вести аудиозапись заседания, судья, принимая решение о порядке составления протокола, не может не учитывать, что при продолжительности судебного разбирательства в несколько недель, а в отдельных случаях — и месяцев, восстановление по памяти не только второстепенных, но и существенных деталей заседания может оказаться затруднительным и даже невозможным, что способно привести к ограничению законного права участников процесса опираться на протокол как на доказательство, в том числе при обжаловании приговора».

Суд отказал нам, безусловно, действуя по инерции. В дальнейшем, несмотря на официальный отказ, секретарь (поминаем ее добрым словом) не только предоставляла нам возможность ознакомиться с протоколом всякий раз, когда суд прилетал в г. Канск (что случилось три раза), но и вручала каждому адвокату прошитый протокол судебного заседания (а всего — три протокола) — объем каждого составлял более 300 листов. Бывает и такое, когда формальный отказ суда создает исчерпывающие привилегии стороне защиты, значительно облегчает ее работу.

Снова слово взял адвокат Владимир Ильков. Он попросил суд не держать 15-летнего подростка Дениса в металлической клетке в зале судебного заседания (Николаенко была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу), а посадить рядом с собой:

«На момент рассмотрения настоящего дела Денису исполнилось 15 лет. До возбуждения уголовного дела мальчик в поле зрения правоохранительных органов не попадал, к уголовной и административной ответственности не привлекался, каких-либо дисциплинарных взысканий не имел. Особо обращаю внимание суда на то обстоятельство, что начиная с 2014 года Европейский Суд по правам человека последовательно придерживается позиции, согласно которой содержание заявителей в зале суда в месте, огороженном металлическими прутьями с перекрытием из проволоки, является недопустимым, унижает человеческое достоинство и нарушает ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. С 2018 по 2020 годы включительно в Европейском Суде по правам человека было рассмотрено более 50 жалоб из России на содержание в металлических клетках в зале суда, всем заявителям выплачена компенсации по 7500 евро».

Действительно, согласно практике Европейского Суда по правам человека нахождение подсудимых на скамье, окруженной клеткой из металлических прутьев, нарушает ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ввиду отсутствия данных, дающих веские основания для опасения по поводу создания угрозы порядку и безопасности в зале судебных заседаний. В ведущем Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (Svinarenko and Slyadnev v. Russia) и в ведущем Постановлении Европейского Суда по делу «Воронцов и другие против Российской Федерации» (Vorontsov and Others v. Russia) Суд рассматривал вопрос использования металлических клеток в залах судов и установил, что такая практика сама по себе являлась оскорблением человеческого достоинства и унижающим достоинство обращением.

Стандартные минимальные правила обращения с заключенными, принятые 1-м Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с преступниками, состоявшимся в Женеве в 1955 году, и утвержденные Экономическим и социальным советом в Резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года, включают следующие руководящие принципы относительно средств усмирения:

«33. В качестве наказания никогда не следует пользоваться такими средствами усмирения, как наручники, кандалы, смирительные рубашки или цепи. Кроме того, кандалами и цепями вообще нельзя пользоваться как средством усмирения. Другими средствами усмирения можно пользоваться только в следующих случаях:

а) для предотвращения побегов во время транспортировки при условии, что заключенные освобождаются от пут, как только они предстают перед судебными или административными органами...».

Руководство по обеспечению справедливого судебного разбирательства (Fair Trials Manual) организации «Международная амнистия» (Amnesty International) предусматривает следующее:

«15.3. Процедуры, противоречащие презумпции невиновности

...Особое внимание следует уделять тому, чтобы обвиняемый не имел на себе никаких внешних признаков его виновности во время судебного процесса, что могло бы повлиять на презумпцию невиновности. К этим признакам могут относиться содержание обвиняемого в клетке в зале суда...».

Несмотря на устоявшуюся общеевропейскую практику, согласно которой недопустимо подсудимого содержать в клетке во время судебного разбирательства, суд отказал в удовлетворении ходатайства. Решение суда снова является немотивированным. Точнее, суд придал своему решению видимость мотивировки, указав, что

«нахождение Николаенко Дениса в металлической клетке не нарушает права на его защиту, поскольку защитник имеет право с ним общаться без ограничения во времени».

Так речь же не о том, имеет ли защитник возможность общаться с подзащитным или нет (еще бы он такого права не имел!), а о том, что 15-летний ребенок, который характеризуется положительно, условий содержания под стражей не нарушавший, не признанный виновным, не может находиться в клетке как лицо, признанное виновным. Содержание человека под стражей в металлической клетке во время судебного разбирательства само по себе — ввиду его объективно унижающей достоинство природы, несовместимой со стандартами цивилизованного поведения, служащими приметой демократического общества — является оскорблением человеческого достоинства в нарушение статьи 3 Конвенции (Европейский Суд по правам человека постоянно на это указывает в своих решениях).

Европейский Суд не находит убедительных доводов в пользу того, что содержание под судимого в клетке во время судебного разбирательства составляет необходимое средство его физического ограничения, препятствующее его побегу, буйному или агрессивному поведению или защищающее его от агрессии извне. Продолжение подобной практики едва ли можно понять иначе, чем как средство унижения и умаления достоинства содержащегося в клетке лица. Цель унижения и оскорбления лица, содержащегося в клетке во время судебного разбирательства, таким образом, является очевидной («Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации») (Svinarenko and Slyadnev v. Russia).

Суд, отказав адвокату в просьбе освободить Дениса на время его нахождения в зале судебного заседания, в дальнейшем освободил школьника из-под стражи. Вообще освободил, без каких-либо условий. Так парадоксально складывается жизнь. Никогда не надо сдаваться, даже если решение не в вашу пользу. Всегда нужно настаивать на своих доводах, если они имеют законную и разумную основу. Суд рано или поздно прислушается к вашим доводам, и вы будете за свою последовательность и настойчивость вознаграждены.

Настала моя очередь заявлять ходатайства. На 35 листах я заявил 10 отдельных ходатайств о признании доказательств недопустимыми — разберу их доводы ниже. Здесь лишь замечу, что для подобного рода ходатайств об исключении доказательств, которые получены с нарушением закона, существует отдельная стадия судебного разбирательства, которая именуется предварительными слушаниями.

Предварительные слушания проводятся до начала судебного следствия, до представления доказательств сторонами. На этой стадии обвиняемые еще не перешли в статус подсудимых. Предварительные слушания являются своеобразным фильтром, призванным не допустить в судебный процесс доказательства, которые являются недопустимыми.

Как указано в ст. 234 УПК РФ, предварительное слушание проводится судьей единолично в закрытом судебном заседании с участием сторон. Согласно ст. 23 УПК РФ стороны вправе заявить ходатайство об исключении из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве, любого доказательства. При рассмотрении ходатайства об исключении доказательства, заявленного стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований уголовно-процессуального кодекса, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре. Если суд принял решение об исключении доказательства, то данное доказательство теряет юридическую силу и не может быть положено в основу приговора или иного судебного решения, а также исследоваться и использоваться в ходе судебного разбирательства.

Однако, обращаю внимание, институт предварительных слушаний на практике не работает. Когда сторона защиты просит не назначать судебное заседание, а в предварительном слушании рассмотреть вопрос о недопустимости ряда доказательств стороны обвинения, суд

предварительные слушания не назначает. Если же в редких случаях сторона защиты добьется своего, то по существу ее ходатайства не рассматриваются со ссылкой на то, что «в дальнейшем в ходе судебного следствия доводам стороны защиты будет дана надлежащая оценка».

Так, после ознакомления с материалами дела все защитники, наши подзащитные, мамы детей заявили ходатайства о проведении предварительного слушания по делу в целях признания доказательств недопустимыми. Мы перечислили все обвинительные доказательства, которые просили исключить, привели конкретные доводы, на которых основывали свою просьбу. Однако суд к нам не прислушался. 11 июня 2021 года председательствующий вынес постановление, которым отказал в проведении предварительного слушания по делу, сославшись на то, что «ходатайства должным образом не мотивированы».

После оглашения моих десяти ходатайств суд удалился в совещательную комнату.

Первый день судебных баталий закончился. Всем стало ясно, что битва за свободу детей будет настоящей, бескомпромиссной и затяжной.

8.2. День второй

5 августа 2021 года мы продолжили работу. Суд отказал в удовлетворении моих ходатайств на том основании, что доказательства стороной обвинения предъявлены не были, оставил за мной право заявить их повторно, когда прокурор закончит предъявлять свои доказательства. Решение было предсказуемым, но мне нужно было заявить о серьезности намерений стороны защиты. Я хотел показать и суду, и прокурору, что сдаваться мы не намерены. Уже с самого начала мы будем критиковать каждый шаг прокурора, выявлять все его ошибки, будем открыто говорить о тех нарушениях закона, которые допускал следователь, будем возражать против действий суда, если суд будет нарушать закон (что мы и делали).

Изначально я с коллегами-адвокатами занял активную позицию защиты, мы ничего не скрывали друг от друга и суда. На нашей стороне была правда. Поэтому, может быть, удалось добиться того, что двое ребят остались на свободе, несмотря на требование прокурора назначить каждому по пять лет лишения свободы, а третьему (Никите) назначено пять лет лишения свободы вместо девяти. Конечно, мы боролись за оправдание детей. Ставили максимальную цель. Всеми силами ее добивались.

Отмечу, что адвокаты оказались настоящими бойцами. Мы изначально выработали единую позицию защиты и придерживались ее до конца. Никакого предательства общих интересов не допускали, любые сложные процессуальные вопросы решали вместе. В судебных прениях я выразил искреннее восхищение работой коллег, поставив их защиту по групповому преступлению в пример другим.

Прокурор огласил обвинение подсудимым. Именно то обвинение, которое я подверг подробной критике выше. Согласно ст. 273 УПК РФ судебное следствие начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения. Председательствующий опрашивает подсудимого: понятно ли ему обвинение, признает ли он себя виновным и желает ли он или его защитник выразить свое отношение к предъявленному обвинению.

После оглашения обвинения ни адвокат, ни подсудимые в подавляющем числе случаев не утруждают себя высказать отношение к предъявленному обвинению. А зря. Если прокурор выдвигает обвинительный тезис, то и сторона защиты должна противопоставить оправдательный тезис, снабдив его аргументами и указав на те доказательства, которые представит, чтобы не быть голословной. Первым высказал отношение к обвинению Никита Упоров, заявив:

«Я никогда не совершал и не думал совершить то, в чем меня обвиняют. Двое моих друзей, которых я до сих пор считаю друзьями, оговорили себя и меня, так как им было страшно. Когда придет время моих показаний, я подробно расскажу, что я думал и чего в голове у меня не было, но, как выяснилось, было в голове у сотрудников ФСБ. Я расскажу о нашей переписке, постараюсь объяснить, зачем мы химичили в гараже, расскажу о листовках и зачем их клеил, расскажу обо всем, что вспомню. Но не смогу суду рассказать о том самом терроризме, в котором меня обвинили следователи, тогда как его в моей голове и мыслях не было. Я ребенок, который наговорил глупостей в чате и забыл о них, который хотел казаться взрослее своих сверстников и друзей. Я ребенок, который хотел дружить и общаться с друзьями. Я не террорист».

За Богдана Андреева отношение к обвинению высказал я, зафиксировав его на шести листах, дал юридический анализ несостоятельности обвинения, но без подробного анализа доказательств. В прениях сторон ряд доводов я освещу.

Адвокат Владимир Ильков был солидарен со мной в отношении несостоятельности обвинения.

Выслушав сторону защиты, прокурор приступил к представлению доказательств. Согласно ч. 2 ст. 274 УПК РФ первой представляет доказательства сторона обвинения. После исследования доказательств, представленных стороной обвинения, исследуются доказательства, представленные стороной защиты. В силу ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы.

Как правило, представление доказательств начинается с оглашения прокурором письменных доказательств стороны обвинения. Изначально доказательства собирает следователь путем проведения следственных действий. Прокурор их только оглашает, то есть читает документы, которые следователь составил или получил путем запросов и направления поручений. Стороны, как правило, сидят и скучают. Почему? Да потому, что и судьи, и прокурор, и сторона защиты перед судом уже полностью ознакомлены с материалами дела. Когда следователь по окончании предварительного расследования предоставляет мне материалы дела, я их все в обязательном порядке фотографирую. Обращаю внимание, все листы всех томов, поскольку в процессе неожиданно может пригодиться любой лист, даже самый, казалось бы, незначительный: сопроводительное письмо, отдельное поручение следователя, протокол ознакомления с экспертизой.

К суду нужно готовиться тщательно. В голове должна быть цельная картина сильных и слабых сторон позиции как прокурора, так и своей. Я стараюсь распечатывать важные документы и иметь их перед собой в судебном заседании. Привычка читать бумагу, а не с экрана цифрового устройства. Люблю взять распечатанный документ в руки, карандашом или ручкой выделить отдельные моменты, сделать над текстом пометки, ведь свежие мысли рождаются часто — им нельзя дать улететь и исчезнуть. Да и вообще, когда держу в руках документ, он как бы становится частью меня. Память цепко удерживает образ документа. А если я этот документ еще немного в руках помну, потреплю, так он почти личным становится. С детства приучен к бумажным книгам и вряд ли уже перестроюсь.

8.3. День третий

6 августа 2021 года суд начался с очень некрасивой ситуации. В качестве слушателя пришла мама Дениса. Просто поприсутствовать в суде, увидеть сына, с которым не встречалась больше полугода.

Суд: *Встаньте, пожалуйста, мы вас не знаем, кто вы?*

Мама Николаенко: *Николаенко Светлана Юрьевна.*

Суд: *Кем вы являетесь?*

Мама Николаенко: *Мама Николаенко Дениса Сергеевича.*

Суд: *У нас судебное заседание закрытое. Ваш процессуальный статус какой?*

Мама Николаенко: *Процессуальный статус свой не знаю. В качестве родителя пришла.*

Суд: *У подсудимого Николаенко Дениса Сергеевича сейчас в качестве законного представителя присутствует представитель опеки и попечительства. А сейчас вы пришли сюда зачем?*

Мама Николаенко: *Поддержать, побыть рядом с сыном родным.*

Суд: *Зал покиньте. Государственный обвинитель, продолжайте.*

Затем мама Дениса была всего лишь единожды приглашена для допроса в качестве свидетеля.

Прокурор продолжил оглашать письменные материалы. Как я уже говорил, скучнейшая стадия, когда прокурор монотонно зачитывает всем известные материалы. Не раз наблюдал, как участники процесса засыпали и даже храпели. Однако это не означает, что можно терять бдительность. За тем, что оглашает прокурор, нужно следить предельно внимательно, поскольку доказательства, которые оглашены перед судом, тот обязан оценить на предмет их относимости, достоверности и допустимости. Согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела.

Оглашая материалы дела, прокурор своим грозным голосом «освещает» документы, после чего они становятся в процессуальном смысле полноценными доказательствами, официально введенными в уголовный процесс. Несмотря на то, что следователь провел огромную и кропотливую работу по сбору, формированию и оформлению доказательств, собрал их воедино, пронумеровав каждый том уголовного дела, для суда эти доказательства являются неприкосновенными — он не может их использовать для подтверждения или опровержения обвинения, не может сослаться на них в приговоре. Для суда уголовное дело, хоть оно и лежит перед глазами судей, является черным ящиком. Неизвестно, какие доказательства огласит прокурор, на какие сошлется — это определяет исключительно государственный обвинитель. Не все доказательства позволено исследовать прокурору, а суду — класть в основу приговора. Нельзя обосновывать вину лица недопустимыми доказательствами.

В соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. К таковым относятся, гласит статья далее, показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде; показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может

указать источник своей осведомленности; иные доказательства, полученные с нарушением требований УПК. Ключевая статья для стороны защиты — мы постоянно на нее ссылаемся и упоминаем.

Прокурор же, вопреки требованиям статьи, многократно обращался к доказательствам, которые были получены с нарушением требований УПК РФ.

Существует еще одна проблема. Нельзя оглашать перед судом показания подсудимого, которые он дал в ходе предварительного следствия, произвольно — их можно огласить и тем самым ввести в процесс в строго определенных случаях. В соответствии со ст. 276 УПК РФ оглашение показаний подсудимого, данных при производстве предварительного расследования, а также воспроизведение приложенных к протоколу допроса материалов фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки его показаний могут иметь место по ходатайству сторон в следующих случаях: при наличии существенных противоречий между показаниями, данными подсудимым в ходе предварительного расследования и в суде; отказа от дачи показаний.

Причем оглашать показания подсудимого можно лишь тогда, когда он дал их в суде либо отказался давать вообще. Богдан Андреев после оглашения ему обвинения заявил, что показания готов дать в конце судебного следствия. Это его право. Вот после того, как Богдан даст показания, прокурор при наличии к тому оснований может просить суд огласить показания подсудимого, которые он давал в ходе предварительного расследования в статусе подозреваемого, обвиняемого. Разновидности показаний составляют явка с повинной и протокол проверки показаний на месте.

В соответствии со ст. 142 УПК РФ заявление о явке с повинной — добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении.

Согласно ст. 194 УПК РФ проверка показаний на месте заключается в том, что ранее допрошенное лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события, указывает на предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, демонстрирует определенные действия.

По сути и явка с повинной, и протокол проверки показаний на месте являются разновидностью допроса, следовательно, оглашать их можно лишь тогда, когда подсудимый даст показания, которые будут противоречить ранее данным показаниям, либо вовсе откажется от дачи показаний.

Прокурор же заявил ходатайство об оглашении протокола проверки показаний Богдана и Дениса до их допроса, на что я возражал, приведя указанные доводы. Суд не внял моей позиции, позволив прокурору преждевременно огласить важные документы, в том числе явки с повинной несовершеннолетних, без предварительного заслушивания самих подсудимых, что расценивается как создание предубеждения у суда в виновности детей. Такое оглашение документов нарушает принцип устности, лишает возможности прежде подсудимым дать показания, самостоятельно донести до суда значимую информацию.

После действий прокурора и суда, позволившего огласить документы, я реализовал право, закрепленное в ст. 243 УПК РФ, которое позволяет принести возражения против действий председательствующего. Я встал и в лицо сказал судьям, что они поступили незаконно, позволив прокурору огласить документы. Сослался на практику вышестоящих судов и Европейского Суда по правам человека, которые расценивают действия суда как нарушение. Зачем я так поступил? Ведь суд уже принял решение. Для того, чтобы обозначить непримиримость стороны защиты не только к допущенным нарушениям, но и к будущим. Это своего рода демонстрация позиции по неприятию следования суда исключительно линии прокурора.

Прокурор огласил характеристики на ребят. Никите была дана отрицательная характеристика. Мы помним, что такая характеристика написана с одной целью — заключить ребенка под стражу.

Никита опроверг недостоверную информацию о себе:

— На самом деле мы общались с одноклассниками дружно, встречались. На замечания учителей я реагировал адекватно. Неверно указано, что свободное время я люблю проводить в заброшенных местах. Это не так. Большую часть времени я провожу дома.

Суд задал маме Никиты вопрос: «Согласна ли она с характеристикой на сына?». Анна Упорова не согласилась с той ложью, которая была озвучена:

— Отношения с ребенком в семье у нас хорошие. Я воспитываю сына одна, без мужчины. В школе с Никитой никогда проблем не было. Он не хулиган, никого не обижал.

Действительно, и Никита, и Богдан, и Денис воспитывались только мамами. Отцы покинули свои семьи, когда мальчики были слишком маленькими — им было чуть больше двух лет. Это не случайность, а закономерность: многие дети в России воспитываются в неполных семьях. Дети не видят перед собой настоящих мужчин, не впитывают, не развивают в себе мужское начало, папы не объясняют, что такое хорошо и что такое плохо. Помните стихотворение В. В. Маяковского?

Крошка сын
к отцу пришел,
и спросила кроха:

— Что такое
хорошо
и что такое
плохо? —
У меня
секретов нет, —
слушайте, детишки, —

папы этого
ответ
помещаю
в книжке.

— Если ветер
крыши рвет,
если
град загрохал, —
каждый знает —

это вот

для прогулок
плохо.

Дождь покапал
и прошел.

Солнце
в целом свете.

Это —
очень хорошо
и большим
и детям.

Если
сын
чернее ночи,
грязь лежит
на рожице, —
ясно,
это
плохо очень
для ребячьей кожицы.

Если
мальчик
любит мыло
и зубной порошок,
этот мальчик
очень милый,
поступает хорошо.

Если бьет
дрянной драчун
слабого мальчишку,

я такого
не хочу
даже
вставить в книжку.

Этот вот кричит:
— Не трожь
тех,
кто меньше ростом! —
Этот мальчик
так хорош,
загляденье просто!

Если ты
порвал подряд
книжицу
и мячик,
октябрюта говорят:

плоховатый мальчик.

Если мальчик
любит труд,
тычет
в книжку
пальчик,
про такого
пишут тут:
он
хороший мальчик.

Элементарные вещи, но их нужно объяснять. Папы нет, мама на работе с утра и до вечера. Или на двух работах. Такова российская действительность.

Никита добавил:

— Инспектора по делам несовершеннолетних из полиции я ни разу не видел, мы с ним не встречались, так как же он может меня негативно характеризовать? Инспектор пишет, что был у нас в квартире. Не был никогда, я не знаю, кто этот человек.

Судья Сергей Лисов задал вопрос маме Никиты:

— Прокурор огласил акт обследования семейно-бытовых условий вашей семьи от 7 июня 2020 года. Составлялся такой акт по результатам обследования?

Анна Упорова ответила:

— Никто к нам домой не приходил, акт не составлял, условия жизни нашей семьи не проверял. Тем более, инспектора и вообще сотрудника полиции в нашем доме не было.

Работая в прокуратуре, я в том числе надзирал за органами опеки и попечительства. Часто сталкивался с тем, что акты обследования жилищно-бытовых условий не соответствуют реальному положению дел. Например, органы опеки и попечительства, желая лишить мать родительских прав, указывали в актах, что родитель не заботится о ребенке, дома грязно и холодильник пустой. Дальше эти органы заявляли иск в суд о лишении родительских прав. Участвуя в таком процессе в качестве прокурора, я часто устанавливал, допрашивая свидетелей, что в актах содержится недостоверная информация. Просил в связи с этим суд не идти на крайние меры и не лишать отцов и матерей родительских прав. Выявляя такие нарушения, принимал меры прокурорского реагирования. Так я научился понимать документы.

Денис Николаенко вслед за Никитой тоже возражал против той ложной информации, которая содержалась в характеристике на него:

— Я никогда не относился к труду безразлично, контроль со стороны мамы не был утрачен, у нас всегда были очень доверительные отношения.

Богдан пояснил, что не видел инспектора по делам несовершеннолетних из полиции. Его мама подтвердила, что никто из сотрудников к ним не приходил:

— Я сама являюсь сотрудником Федеральной службы исполнения наказаний России. Сотрудником честным и добросовестным. Никогда не вру. Всегда говорю правду. Инспектор Виляйкин к нам в дом не приходил. Смысла врать мне нет. Я уже пять лет не езжу в командировки, возвращаюсь домой к семи вечера, занимаюсь воспитанием сына, контролирую его, отношения у нас очень доверительные.

Прокурор попросил огласить показания неявившихся в суд свидетелей. Что это значит? Согласно ч. 1 ст. 281 УПК РФ оглашение показаний потерпевшего и свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, а также демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки допросов допускаются с согласия сторон в случае неявки потерпевшего или свидетеля.

В ходе предварительного расследования человека допрашивает следователь. Составляет протокол допроса. Затем этого же уже допрошенного свидетеля вызывают в суд, чтобы снова допросить. Это и правильно: в суде свидетеля видят все участники, они могут задать ему вопросы, суд задает вопросы. В результате становится понятно, говорит свидетель правду или лжет. Непосредственное восприятие речи допрашиваемого, как и самого допрашиваемого, позволяет оценить достоверность, правдивость сказанного. А в тиши следственного кабинета можно дать и ложные показания, и немного слукавить, и приврать, и недоговорить. Все стерпит протокол.

Следователь может незаконно надавить на свидетеля, чтобы тот сказал нужное следователю. Следователь может самовольно внести информацию, которую свидетель не сообщал, как это было в нашем деле, когда ребята дали признательные показания под пытками в результате изнурительного двухдневного допроса.

Конечно, в суде мы слышим очень много лжи, но, по крайней мере, законодатель создал некоторые барьеры, чтобы ложь не лилась обильным потоком из уст грешников. Поэтому я в редких случаях соглашаюсь на зачитывание показаний тех свидетелей, которых никогда не видел и не слышал лично. А ведь для суда, в силу закона, показания оглашенные и заслушанные непосредственно имеют одинаковую юридическую силу. Да и суды при согласии сторон с радостью оглашают показания неявившихся свидетелей. Ведь так гораздо проще — зачитал показания и записал их в приговоре. Не нужно тратить время на вызов свидетелей, разъяснение им прав, выслушивание вопросов сторон. А вдруг свидетель даст иные показания, которые не угодны прокурору? Тогда нужно в приговоре объяснять, почему суд доверяет показаниям, которые даны следователю, и не доверяет показаниям, данным в суде. Это дополнитель-

ное время на мотивировку. А если свидетель, который будет говорить в пользу подсудимого, не позволит постановить обвинительный приговор или существенно затруднит это? Да и адвокат зацепится за показания свидетеля, будет ссылаться на них в своей апелляционной жалобе. В общем, одни проблемы. Легче огласить.

Мы настаивали на вызове всех ключевых свидетелей. Мы искренне надеялись, что свидетели не будут врать в суде, но надежды оказались тщетны. Люди лгали, не краснея. Причем по реакции суда было понятно, что судьи разобрались, кто им врет, а кто говорит правду, но в приговоре сами наглуго ложь выдали за истину. Такое решение на совести суда. Хотя совесть — понятие не юридическое, а сугубо человеческое, она должна пронизывать любое судебное решение.

8.4. День четвертый

10 августа 2021 года.

В судебное заседание прибыл первый свидетель — 25-летний житель города Канска, который работает государственным инспектором по лесной охране. В силу ст. 56 УПК РФ свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела. Согласно ст. 278 УПК РФ первой задает вопросы свидетелю та сторона, по ходатайству которой он вызван в судебное заседание (как правило, первый задает вопросы прокурор, потом — сторона защиты). Судья задает вопросы свидетелю после его допроса сторонами. Свидетель был приглашен в качестве понятого для осмотра компьютера Никиты сотрудником ФСБ. Свидетель показал, что сотрудник ФСБ обнаружил в нем файлы с информацией про взрывы и изготовление взрывчатых веществ.

Согласно ч. 1 ст. 60 УПК РФ понятой — это не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия. Ключевое слово — не заинтересованное. В действительности следователи подчас приглашают *своих* понятых, которые подтвердят в суде все, что те им скажут. Понятых в следственном действии участвует двое. Приглашает их следователь, он же в дальнейшем допрашивает в качестве свидетелей. Причем, как правило, показания понятых совпадают друг с другом на 80–90%. На практике я сталкивался с тем, что следователь составлял протокол допроса понятых, вписывая сведения, которые считал нужными, а перед судом сам следователь или, по его поручению, оперативный сотрудник просто давали понятому протокол его допроса с требованием повторить в суде все, что там написано.

Полагаю, институт понятых уже и не нужен. Во-первых, по изложенным причинам он себя скомпрометировал. Во-вторых, лучший надзиратель за законностью действий следователя (а именно из такого посыла исходил законодатель, вводя институт понятых) — это видеозапись, которая фиксирует ход и результаты следственных действий. Забегая вперед, скажу, что именно видеозапись помогла мне признать явку с повинной недопустимым доказательством. Если бы для явки с повинной Богдана следователь пригласил понятых, то они сообщили бы суду, что никаких нарушений прав ребенка допущено не было и он добровольно сообщил о преступлении. Видеозапись же обмануть нельзя. Можно только приветствовать инициативу законодателя, который внес изменения в ст. 170 УПК РФ, дополнив ее нормой о том, что если в определенных случаях по решению следователя понятые в следственных действиях не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия является обязательным.

Вернемся к нашему понятому, который на деле оказался никаким не случайным незаинтересованным лицом.

Адвокат Владимир Ильков:

— *Вам сотрудник ФСБ лично знаком?*

Ответ свидетеля:

— *Знаком. Мы с ним находимся в рабочих отношениях.*

А кем у нас работает понятой? Государственным инспектором по лесной охране. Не мудрено, что свидетель поддерживает тесные контакты с сотрудником ФСБ, ведь именно данный орган вместе с Федеральным агентством лесного хозяйства очень внимательно курирует проблемную отрасль. При непосредственном содействии государственных инспекторов по лесной охране раскрываются и пресекаются преступления в этой коррупциогенной сфере.

Следующий свидетель, которого представил прокурор — это 16-тилетний Степан Зацепин.

Со слов Степана мы впервые узнали о игре Minecraft, которая сыграет роковую роль в судьбе наших подзащитных.

Суд: *Совместно с Упоровым и Николаенко в сетевые игры играли?*

Зацепин: *Да, в Minecraft.*

Суд: *А сейчас играете с Николаенко и Упоровым?*

Зацепин: *Нет, я редко играю в эту игру.*

Прокурору посредством Степана, который ходил с ребятами в один детский сад, был их одноклассником, то есть очень хорошо знал подсудимых, необходимо было уличить детей в неблагонадежных политических взглядах. Посмотрите, с какой настойчивостью это делал прокурор, задавая одни и те же вопросы.

Прокурор: *Вам известно что-либо о политических взглядах Никиты и Дениса? Вы разговаривали на такие темы?*

Зацепин: *На такие темы мы не разговаривали, мне это было не интересно.*

Ответ был дан предельно конкретный и однозначный, который прокурора, конечно, не устроил — он пытается получить иной ответ, повторно задавая тот же вопрос.

Прокурор: *Никогда не разговаривали об этом? Ни с Денисом, ни с Никитой?*

Зацепин: *Не разговаривали.*

Прокурор снова давит на несовершеннолетнего свидетеля:

— *Вам известно, какие у ребят были политические взгляды, обсуждался этот вопрос между вами?*

Свидетель в третий раз отвечает, что про политические взгляды речи не шло.

Прокурор продолжал:

— *То есть с Никитой вы никогда на эту тему (политики) не разговаривали?*

В очередной раз отвечает свидетель, что не разговаривали.

— *И с Денисом? — ехидно спрашивает государственный обвинитель.*

— *Да, и с Денисом, — уставший от однообразия вопросов, отвечает Степан Зацепин.*

Потерпев фиаско, прокурор решает переформулировать вопрос:

— *А разговоры про действующую власть у вас были?*

— *Не было.*

Снова ответ предельно конкретный. Прокурору этого мало:

— *То есть вы об этом не разговаривали?*

— *Нет.*

Поняв, что свидетель непреклонен, прокурор сменил тактику, перейдя с вопросов о беседах на политические темы на вопросы о политической переписке, но и здесь от него счастье ускользнуло:

— *Была ли у вас переписка с ребятами на политические темы?*

— *Нет, не было.*

Повторно, злоупотребляя своим правом, прокурор задает вопрос, на который уже получил ответ:

— *Упоров Никита что-либо писал о своих политических взглядах?*

— *Я не замечал.*

«Что это за свидетель?!» — разозлился не на шутку прокурор. На политические темы не разговаривал, не переписывался. Зайду с неожиданной стороны:

— *А вы вместе посещали какие-нибудь митинги, шествия, демонстрации?*

Ответ обескуражил прокурора:

— *Нет, такого не было.*

— *Может, Упоров Никита вам угрожал? — гнул свою линию прокурор.*

— *Угрозы были, но, может, это были шутки, я точно не могу сказать.*

— *Что за угрозы были?*

— *Один раз было, что «коктейль Молотова» могли закинуть, но это было не всерьез.*

— *Почему вы так считаете?*

— *Они не могли этого сделать.*

— *Из-за чего Упоров сказал, что кинет «коктейль Молотова»?*

— *Точно не могу вспомнить, но это, скорее всего, было не всерьез.*

Я задал уточняющий вопрос свидетелю:

— *Почему вы сказали, что «это было не всерьез»?*

— *Потому что Никита шутил.*

— *В настоящее время вы воспринимаете данную угрозу как шутку?*

— *Да.*

— *Точно?*

— *Да.*

Судью Сергея Витальевича Лисова не устроили такие ответы свидетеля, он начал задавать свои вопросы шестнадцатилетнему подростку:

— *Вы заявляете, что фразу Никиты о том, что он «кинет „коктейль Молотова“», вы воспринимали не всерьез, верно я вас понял?*

— *Да.*

Как видите, прокурору было выгодно представить дело так, что Никита по-настоящему угрожал своему однокласснику, с которым дружил с детского сада. Недобросовестный следователь, допрашивавший свидетеля, не указал в протоколе допроса, что Никита шутил, а Степан шутку одноклассника воспринял не серьезно. Поэтому при прочтении протокола допроса Степана Зацепина могло сложиться превратное мнение, что один подросток угрожал другому, чего в реальности не было.

Надо было видеть лица прокурора и суда, когда ребенок многократно и определенно говорил, что отнесся к словам Никиты как к шутке! Потому что не надо притягивать за уши, высасывать из пальца. В русском языке не зря существует много выражений, свидетельствующих о частой и порочной практике выдать желаемое за действительное.

В ходе предварительного расследования показания были получены следователем с существенными нарушениями закона. Так, согласно ч. 1 ст. 191 УПК РФ при проведении допроса с участием несовершеннолетнего свидетеля, не достигшего возраста 16 лет, участие педагога или психолога обязательно. Однако, как оказалось, данная императивная норма для следователя совсем не обязательна — он не обеспечил участие педагога. А зачем лишние люди, которые не позволят записать то, что нужно следователю? Зачем те участники, которые будут пресекать незаконные действия следователя да еще и отстаивать законные права и интересы несовершеннолетнего свидетеля? Правильно, незачем. Поэтому следователь специально не пригласил для участия в допросе педагога. Данное обстоятельство выяснил и удостоверил адвокат Владимир Ильков:

— *Скажите, когда вас допрашивал следователь, кто еще присутствовал в кабинете?*

— *Только мама и я, — ответил свидетель.*

— *А еще кто-нибудь был?*

— *Нет.*

— *Вы хорошо помните?*

— *Да.*

Снова прокурор вернулся к политике. На этот раз его интересовало отношение к Президенту России Владимиру Путину:

— *Скажите, действующего Президента России Никита с Денисом обсуждали?*

— *Может, и обсуждали, я на это не реагировал.*

— *А в каком контексте они это обсуждали?*

— *Не могу вспомнить.*

Строго говоря, взгляды подростков на Президента России Владимира Путина не имеют никакого отношения к предмету доказывания по настоящему делу. В каком бы контексте ни обсуждали дети деятельность Президента — это их личное дело, как и вообще личное дело каждого гражданина России. Нет, прокурор пытается за уши притянуть разрозненные факты, создав из них полотно обвинения.

На вопрос председательствующего Степан Зацепин ответил, что Никита убеждал одноклассников в том, что России нужна свобода.

Не только России нужна свобода, но, прежде всего, каждому отдельному человеку. Много ещё в нас рабского и лакейского. Мы должны по капле выдавливать из себя раба. Другого пути у человечества нет.

Наше дело канских подростков еще называют «делом Minecraft'a», потому что доказательством вины детей в терроризме сторона обвинения считает моделирование взрыва здания МВД в этой компьютерной игре. Это само по себе абсурдно. Более того, в действительности никакого моделирования не было. Председательствующий начинает подходить к выяснению обстоятельств игры Minecraft через свидетеля:

— *Вы в какие-нибудь игры играете?*

— *Конечно.*

А что еще может ответить ребенок? И хорошо, ведь благодаря игре происходит развитие.

«Самое страшное — это когда ребёнок не умеет играть. Такой ребёнок похож на маленького скучного старичка, из которого со временем вырастает взрослый старец, лишённый, однако, основного преимущества старости — мудрости, ведь ей неоткуда взяться, когда в человеке не развиты фантазия и благородство, а значит, нет ни смелых идей, ни глубоких мыслей, ни чувств».

Эти точные слова принадлежат великой шведской писательнице Астрид Линдгрен — автору ряда всемирно известных книг для детей, в том числе трилогии о Малыше и Карлсоне и трилогии про Пеппи Длинный чулок.

— *А с Денисом и Никитой в сетевые игры играли?*

— *Да, в Minecraft.*

— *Вам Упоров Никита и Николаенко Денис о своих планах рассказывали?*

— *Нет.*

Такой ответ явно не понравился самому опытному судье Сергею Витальевичу Лисову, и он сразу бросился в наступление на свидетеля:

— *Вы честный человек? Честность является вашим кредо? Вы всегда или не всегда говорите правду? А сегодня вы говорите правду? Когда вас допрашивал следователь, вы ему правду говорили или вралли?*

Такие вопросы как из рога изобилия посыпались на бедного несовершеннолетнего, стоящего за трибуной. Надо было видеть тот напор, с которым задавал вопросы судья. Почему он так эмоционально реагировал на речь ребенка? Да потому что Степан Зацепин ничего плохого о ребятах не говорил.

К чести Степана, он выстоял и не смутился явно провокационных вопросов. Ответил, что в суде говорит правду, ему нечего скрывать. Степан стал первым честным человеком, выступающим в суде, который не оговорил подсудимых. Судья Лисов продолжал попытки добиться от свидетеля изобличающих Никиту показаний:

— *Упоров Никита вам что-нибудь рассказывал о своих намерениях совершить поджоги, разрушения зданий?*

— *Нет, про это он не говорил.*

Надо было видеть взгляд судьи! Что это за свидетеля такого представил прокурор? Свидетель обвинения не оговаривает Никиту — главного террориста! Как у этого маленького свидетеля хватает наглости за трибуной не подтверждать обвинение, которое предъявлено подсудимым? Тогда судья решил перейти на личность самого свидетеля. Может, свидетель просто запуган, может, на него оказали незаконное воздействие?

— Скажите, вы сейчас чего-то боитесь?

— Нет, я ничего не боюсь и говорю правду.

Тогда в ответ на помощь, которую пытался суд оказать прокурору, тот сам решил помочь суду. Прокурор заявил ходатайство об оглашении показаний Степана Зацепина, которые были даны в ходе предварительного следствия следователю. В силу ч. 3 ст. 281 УПК РФ по ходатайству стороны суд вправе принять решение об оглашении показаний свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования либо в суде, при наличии существенных противоречий между ранее данными показаниями и показаниями, данными в суде.

К сожалению, как я уже говорил, суды кладут в основу приговора не показания, данные публично и открыто в суде, а те показания, которые следователь брал наедине со свидетелем в ходе следствия. Это огромная проблема, являющаяся серьезным препятствием на пути к установлению истины и вынесению справедливого приговора.

После допроса Степана в качестве свидетеля прокурором сразу же была допрошена его мама. Она в категоричной форме подтвердила, что никакого педагога при допросе сына следователем не было. Фактически свидетель подтвердил то нарушение прав ребенка, которое по изложенным причинам допустил следователь.

Суд понял, что показания Степана, которые он дал следователю, не могут считаться допустимыми, ведь они получены с нарушением закона. Согласно ч. 3 ст. 7 УПК РФ нарушение норм кодекса судом, прокурором, следователем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств. Если доказательство исключать, признавать его недопустимым, как того требует закон, то чем же доказывать вину этих подростков? На ринг снова вышел тяжеловес — судья Лисов:

— В ходе допроса следователем ваш сын давал показания самостоятельно? Добровольно? Никто не воздействовал на него?

Мама ответила, что сын все рассказал сам.

Понятно, судья пытался получить от мамы ответы, что сын давал показания добровольно, самостоятельно, без какого-либо воздействия. Сторона обвинения и судьи всякий раз задают эту священную триаду вопросов, чтобы порочные, полученные с нарушением закона доказательства не выкидывать из приговора, а использовать их для обоснования виновности подсудимых. Не важно, что при получении доказательств нарушен закон, не важно, что закон императивно требует такие доказательства признавать недопустимыми. Важно, чтобы кто-то сказал, что свидетель давал их добровольно. Тогда для чего выработаны подробнейшие правила собирания доказательств, их оформления и закрепления? Я отвечаю: для того, чтобы не было у недобросовестных правоприменителей соблазна, обойдя правила, незаконно сформировать свои (обвинительные) доказательства, не отражающие истину, содержащие ложное начало, которое, если дать ему прорасти, может погубить невиновного человека.

Суд должен прежде всего стоять на страже закона, не давать и намека на возможность ввести в уголовно-процессуальный оборот порочные доказательства. Нарушение процедуры получения доказательств всегда ведет к искажению их истинности. Иными словами, недопустимость доказательства влечет его недостоверность.

Следующий свидетель, Илья Гузенков, был самым маленьким — ему недавно исполнилось 13 лет. Он рассказал о том, что ребята все вместе клеили листовки в Канске. Также он говорил, что Денис с Никитой делали «коктейль Молотова», поджигали его, кидали в стену, бутылка разбивалась, стена воспламенялась, но огонь не был сильным. В суде у меня с Ильей произошел важный диалог:

- *Андреев Богдан с вами вместе что-нибудь изготавливал?*
- *Только в своем доме эксперименты проводил.*
- *Откуда вам известно, что он проводил эксперименты?*
- *Мы зашли к нему в гости, и он там проводил эксперименты.*

Следствие обвиняло Богдана и других ребят в том, что они создавали взрывчатые вещества в целях совершения теракта. Богдан же в суде последовательно утверждал, что он, хотя и изготавливал взрывчатые вещества, делал это не в целях теракта, а для экспериментов. Ему было интересно наблюдать химические реакции. Богдан занимал призовые места в олимпиадах по физике и химии, его пылкий ум требовал претворения прочитанного на практике. И до знакомства с ребятами Богдан в присутствии мамы и бабушки уже с 13 лет ставил такие опыты. Дед — физик по образованию, мама получила математическое образование. Сыну ничего не оставалось, как идти по их стопам. Да и эксперименты ему наскучили — его влекли уже самодельные ракеты, которые он намеревался построить, если бы не был задержан.

Само по себе изготовление взрывчатых веществ преступным не является. Таковым оно становится тогда, когда лицо изготавливает их с прямым умыслом, то есть относится к созданному как к взрывчатым веществам, осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления.

Илья подтвердил, что Богдан проводил именно эксперименты, которые не имели террористической направленности, а следовательно, не могли квалифицироваться по ст. 205.3 УК РФ.

Илья Гузенков вслед за Степаном Зацепиным сказал, что его допрашивал следователь без участия педагога. Папа Илья, как законный представитель ребенка, подтвердил это в суде.

Судью Сергея Витальевича Лисова не устроил ответ законного представителя, ведь доказательства в виде показаний ребенка в ходе предварительного следствия без обязательного участия педагога становятся недопустимыми. Судья в свойственной ему манере начал задавать вопросы свидетелю — и это при том, что тот дважды утвердительно сказал, что никакого педагога при допросе сына не было, хотя в протоколе допроса, составленном следователем, был указан педагог в качестве участвующего лица:

— *Государственный обвинитель оглашал протокол допроса вашего сына. В протоколе указано, что в допросе принимала участие педагог Курочкина, что можете пояснить по этому поводу?*

Свидетель уже пояснял, но суд добивается иного ответа и не получает нужного для себя и прокурора результата:

- *Был только я, мой сын и следователь. Если бы был четвертый человек, то я бы его увидел.*
- *Вы категорически утверждаете, что вас в кабинете было трое, или вы допускаете, что кто-то мог находиться в кабинете?*

Свидетель уже дал категоричный ответ, но судья, повысив голос, суровым тоном требует иного:

- *Я педагога не видел.*
- *Так все-таки, вы можете утверждать категорически, что вас при допросе сына было только трое?*

Третий вопрос об одном и том же звучит просто издевательски:

— Да.

— Иных лиц не было?

Суд задает вопрос в четвертый раз, уже многократно получив ответ.

Тут не выдержал адвокат Васин (защитник Никиты Упорова), вскочил со своего места и натуральным образом закричал:

— *Уважаемый суд! Я возражаю против повторных вопросов, свидетель уже пять раз ответил, в том числе и вам три раза, что никакого педагога при допросе его сына не было!*

Адвокат действовал в рамках ст. 243 УПК РФ, согласно которой защитник вправе подать возражения против действий председательствующего. Последний вместо того, чтобы остановить зарвавшегося коллегу, сделал Владимиру Васину замечание о недопустимом поведении. Замечание занесено в протокол судебного заседания. Верно ли поступил суд? Конечно, неверно, поскольку в силу ст. 258 УПК РФ замечание делается, только если участник нарушает порядок в судебном заседании, не подчиняется распоряжениям председательствующего. Адвокат Васин порядок не нарушал, неподчинения распоряжениям председательствующего не высказывал (никаких распоряжений и не поступало), наоборот, коллега активно пресек действия одного из судей, который задавал одни и те же вопросы.

Да, адвокат получил замечание, но сразу же все вопросы и давление на свидетеля прекратились. Свидетель через несколько секунд был освобожден от дальнейшего участия в судебном заседании. Возражения адвоката возымели действие, а замечание — это награда за оперативное вмешательство ради ограничения свидетеля от влияния суда.

Следующий свидетель обвинения — учительница Любовь Зыскина. Именно она с первого класса учила наших подзащитных. Она пояснила, что Никита публично рассуждал о том, что в России много проблем, был не согласен с решениями власти. Говорил, что людей сознательно делают несвободными. Про Богдана она высказалась правдиво и очень и эмоционально:

— *Когда я узнала, что Богдана привлекают к ответственности, то для меня это было трагедией. Богдан — высокоинтеллектуальный и одаренный ребенок, участник и призер научно-практических конференций и олимпиад. У него должно было быть хорошее научное будущее. Это воспитанный парень, всегда прислушивался к взрослым, пользовался уважением у одноклассников. Круг общения Богдана составляли такие же высокоодаренные ребята, которые окончили школу с аттестатом особого образца.*

Я спросил:

— *По каким предметам особенно успевал Богдан?*

— *В основном точные науки: химия, физика, математика. Это талантливый парень. Даже находясь под домашним арестом, не имея доступа к интернету, Богдан написал научный проект самостоятельно без какой-либо помощи. Даже находясь в изоляции, он самостоятельно изготовил антенну к спутниковому телевизору. У ребенка могло быть хорошее научное будущее.*

В прениях сторон я согласился со сказанным учителем. Только в одном ее поправил, заявив, что у Богдана не «могло быть хорошее научное будущее», а обязательно случится — для того и работает сторона защиты, чтобы не дать воплотиться планам прокурора, требующего назначить ребятам большие сроки реального лишения свободы.

Свидетель Илья Гузенков подтвердил, что был очевидцем экспериментов Богдана. Данное обстоятельство, подтверждающее отсутствие у ребенка умысла на совершение террористического акта, я решил выяснить и у учителя подсудимых:

— *Есть ли у Богдана склонность к научным экспериментам?*

— *Да.*

— *Можете свой ответ конкретизировать?*

— *Знаете, научно-практические конференции, в которых принимал участие ребенок, уже предполагают проведение экспериментов, которые дети проводят. Богдан склонен к практической деятельности.*

— *Как можете охарактеризовать Богдана?*

— *Воспитанный ребенок, никогда и никаких проблем с ним не было, всегда прислушивался к мнению педагогов.*

Прокурор задал вопрос свидетелю:

— *Может, вы видели ребят на митинге или как они листовки клеили?*

— *Да. На митинге я их однажды видела. Это была встреча жителей города с представителями администрации. Дело было зимой. Стояли очень сильные морозы, а в квартирах было холодно. Вот возмущенные и замерзшие люди и вышли на улицу, чтобы быть услышанными властью. Тут я увидела ребят, спросила, что они тут делают. Ребята ответили, что они всегда с народом.*

Такой ответ как нельзя лучше характеризует канских школьников.

Сторона обвинения всячески пыталась доказать, что Никита оскорблял Президента России Владимира Путина, а именно написал на школьной доске оскорбление его личности. Посмотрим, было ли такое обвинение Никиты состоятельным. Вот что ответил учитель, который стал очевидцем произошедшего, адвокату Владимиру Васину:

— *Мой подзащитный Никита Упоров оскорблял Президента России Владимира Путина?*

— *Такого я сказать не могу. Я видела на школьной доске надпись о Президенте, я просто стерла эту запись, я не спрашивала, кто ее написал и зачем. Я не могу утверждать, что Никита надпись сделал.*

Теперь вы и сами без труда угадаете, кто начал задавать вопросы и какого они были качества. Конечно, судья Сергей Витальевич Лисов.

— *Я не понял ситуацию, что там произошло с оскорблением Президента России Владимира Путина?*

— *Я зашла на урок, и на доске было нехорошее высказывание.*

— *То есть была какая-то запись на стене?*

— *Да.*

— *Какого характера была запись?*

— *Оскорбительная.*

— *В адрес Президента России Владимира Путина?*

— *Да.*

Судья снова повторно задает одни и те же вопросы, как будто от повторения приятных его слуху слов об оскорбительной фразе в отношении Президента России Владимира Путина Никите будет хуже. Не будет, ведь учитель не подтвердила, что надпись на доске сделана именно Упоровым.

— *А какое отношение Упоров Никита имеет отношение к фразе, написанной на доске?*

Типичный прием судьи. Услышав, что учитель не видела, кто писал фразу, и не выясняла этого, Лисов желает получить иной ответ, устраивающий его и прокурора, пытается добиться от свидетеля, что именно Никита — автор оскорбительной фразы.

— *Я не утверждаю, что Никита написал. Я просто стерла надпись с доски, не стала выяснять, кто это сделал.*

Лицо судьи стало красным от недовольства. Обращаю внимание, что ни один свидетель не менял показаний после повторных вопросов судьи. Почему? Потому, что свидетели говорили правду, и их было не сбить ни повышенным тоном, ни наводящими вопросами.

— *А что было дальше?*

На вопрос судьи учительница ответила по-настоящему мудро:

— *У меня тоже есть очень много вопросов к власти, но я взрослая. У меня есть образование. А они дети и должны учиться. Если они считают, что все плохо, то пусть получают образование и доказывают, что они правы. Пусть исправляют плохое.*

Правильно. Прежде знания — потом действия. Митинги, шествия, участие в таких мероприятиях малоэффективно. Только глубокое погружение в реальность, видение тенденций будущего, создание крепкой партии, укорененной в живой действительности, могут послужить факторами будущего преобразования. Для этого нужны мыслящие люди, вооруженные знаниями, которые, по меткому выражению Фрэнсиса Бэкона, и есть сила.

8.5. День пятый

11 августа 2021 года в судебное заседание вызвана свидетель Кристина Тураева, которая участвовала в проверке показаний Дениса Николаенко в качестве понятой. Напомню, в силу ч. 2 ст. 194 УПК РФ проверка показаний на месте заключается в том, что ранее допрошенное лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события, указывает на предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, демонстрирует определенные действия. Какое-либо постороннее вмешательство в ход проверки и наводящие вопросы недопустимы. Следователь не может определять очередность мест, куда необходимо прибыть для проверки показаний лица. Посмотрим, были ли соблюдены указанные правила при проверке показаний Дениса Николаенко.

Председательствующий задал вопрос Тураевой:

— *Скажите, следователь определял очередность мест, куда нужно прибывать ребенку для проверки его показаний, или подсудимый сам говорил, куда нужно проехать?*

— *Следователь определял, куда ехать.*

Итак, следователь самовольно вмешивался в ход следственного действия, определял за ребенка, куда нужно ехать. Такой ответ свидетеля позволял признать проверку показаний Дениса на месте недопустимым доказательством, исключив тем самым из числа доказательств стороны обвинения.

Разве можно было суду такое допустить? Ни в коем случае. Поэтому суд, получив конкретный ответ свидетеля, решил данный ответ опорочить — подвергнуть сомнению. Вдруг свидетель что-то забыл, запямятовал. А вдруг свидетель засомневается в своих словах и ответит по-другому:

— *Вы точно это помните?*

— *Да, точно.*

Свидетель «забетонировал» допущенное следователем нарушение. Теперь все вопросы по этому поводу отпали.

В зал судебного заседания был приглашен свидетель Станислав Бутский, который участвовал в качестве понятого в ходе проверки показаний моего подзащитного Богдана Андреева.

Государственный обвинитель спросила свидетеля:

— *В ходе проверки показаний на месте проводилась видеосъемка?*

— *Да, проводилась.*

— *Вы просматривали видеозапись после окончания следственного действия?*

— *Нет.*

— *Вы читали протокол проверки показаний на месте, который был составлен после окончания следственного действия?*

— *Не читал, мне его прочитал следователь, и я протокол в этот же день подписал, после чего уехал домой.*

Мне было важно зафиксировать, когда именно был подписан протокол, поэтому задал свидетелю уточняющий вопрос:

— *Когда именно вы подписали протокол проверки показаний Андреева Богдана?*

— *Мы подождали примерно 40 минут или час, после чего подписали протокол.*

Еще один немаловажный штрих, неумолимо подтверждающий факт ненужности института понятых. Ведь понятые могут что-то забыть, неверно воспринять или вообще не запомнить, не обратить внимание на юридический или фактический момент. Для объективной фиксации происходящего в арсенале любого следователя есть видеозапись. Ее не обманешь, она не забудет и не соврет — это надежнейший свидетель. Если же недобросовестный следователь решит прибегнуть к монтажу и фальсификации, то данный обман можно выявить путем проведения компьютерной экспертизы.

Я задал вопрос Станиславу:

— *Говорил ли Богдан, что хочет взорвать здание?*

— *Да, говорил. Я точно это помню.*

Забегая вперед, скажу, что я заявлял ходатайство о просмотре видеозаписи проверки показаний на месте. При ее просмотре в судебном заседании было достоверно установлено, что Богдан никогда не говорил о желании взорвать здание — у него и мысли такой не было.

А понятой с легкостью оговаривает моего подзащитного. Поэтому, чтобы в судах не возникало двусмысленных ситуаций, институт понятых следует заменить обязательным и повсеместным применением видеозаписи при проведении следственных действий.

Мама Богдана спросила Станислава:

— *Когда Богдан давал свои показания, объяснения, было ли видно, что ребенок нервничает?*

— *Да, он переживал, паниковал.*

— *Как Богдан отвечал на вопросы?*

— *Отвечал Богдан боязно, у него тряслись руки.*

Несомненно, любой следователь, действующий в соответствии с законом, видя, что ребенок (обращая внимание на несовершеннолетие обвиняемого) паникует, трясется, должен как минимум приостановить проведение следственного действия, чтобы дать ему возможность успокоиться, прийти в себя, поговорить с мамой, педагогом. Ничего такого и близко не было сделано. Следователь, напротив, использовал подавленное, испуганное состояние Богдана, чтобы тот изобличил, оговорил себя. Это жестоко по отношению к ребенку, что и подтвердила педагог-психолог Ольга Трубчик. Такое незаконное давление на ребенка расценивается как пытка.

Судья Сергей Витальевич Лисов (что уже не вызывает у читателя удивления) решил повторно задать понятному вопросы, ведь под угрозой целая проверка показаний, которую так усердно «создавал» следователь:

— *Вы пояснили, что у Богдана было волнительное состояние, так ли это?*

Суд предельно смягчил состояние ребенка, самовольно назвав его «волнительным». Не волнительным поименовал такое состояние понятый, а паническим. Однако простим суду такую вольность, какую он позволял себе неоднократно.

— *Да, Богдан все очень боязно рассказывал.*

Свидетель прямо говорит, что ребенок был напуган. А разве можно проводить следственные действия с испуганным ребенком? Можно, когда у следователя есть цель — получить от несовершеннолетнего признательные показания любой ценой, в том числе путем угроз, пыток и психического насилия.

— *Были ли признаки заученности текста у Андреева или он все рассказывал самостоятельно?*

Судья надеялся, что свидетель подтвердит добровольность показаний, но просчитался:

— *Богдан давал показания под давлением, потому что если бы он самостоятельно давал показания, то не дрожал бы и не боялся.*

Вот достойный ответ честного человека. Свидетель дает показания безбоязненно, стоит на своем, то есть на правде. Приняв участие в допросах не одной сотни свидетелей, могу с уверенностью сказать, что большинство дающих показания в суде говорят правду. Да, волнуются, да, переживают, но не искажают факты действительности. В целом наши граждане — честные и порядочные люди.

Снова и снова суд пытается свидетеля:

— *То есть вы полагаете, что ребенок давал показания под давлением?*

— *Да. Под давлением.*

Суд не унимался и продолжал:

— *Так все-таки, он рассказывал все самостоятельно?*

— *Богдан боялся. У него был страх. Богдан дрожал.*

Прокурор представил следующего свидетеля — педагога Наталью Курочкину. Ту самую Курочкину, которая якобы присутствовала при допросе несовершеннолетних свидетелей Степана Зацепина и Ильи Гузенкова. Перед допросом ей были даны для прочтения протоколы допросов следователем перечисленных подростков.

Прокурор задала вопрос свидетелю:

— *Вы участвовали в допросах детей?*

— *Если моя подпись стоит, значит, участвовала.*

Заметили, как ответила Курочкина? Она не подтвердила прямо свое участие в следственных действиях, а сослалась на наличие подписей в протоколах допроса. Подпись можно поставить и позже, что и было сделано свидетелем в нашем деле. Фактически она не участвовала в допросах детей, как педагог, не защищала их права, не предпринимала никаких мер, чтобы отвести незаконные и наводящие вопросы следователя. Поставив свою подпись о якобы участии, придала составленным и фактически сфальсифицированным следователем протоколам подобие законных документов. В этом-то и состоит порок письменных доказательств, которые формирует и представляет в суд следователь. Суд не был на месте проведения, например, допроса, следовательно, лишен возможности вынести истинное суждение о том, принимал ли конкретный человек участие в этом допросе. Если же в протоколе стоят подписи тех лиц, которые на самом деле участия не принимали, суд сделает вывод, что никакого нарушения закона не было.

Такой формальный подход царит в наших судах. Выхолащивается дух закона. Суд слепо следует его букве, не желая добираться до существа нарушения. Даже если сами допрашиваемые говорят, что педагог не участвовал, суд закрывает уши на их слова и глаза — на допущенные нарушения.

Получается, подпись педагога Натальи Курочкиной стала священной. Своим автографом она сделала незаконное следственное действие законным. Воистину, перо творит чудеса.

Каждый свидетель перед допросом предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Курочкина нагло соврала под присягой о своем участии в допросах детей. Она и раньше позволяла себе нарушать закон и права детей — от ее статуса педагога остались одни слова. Однако следствие устраивал такой стоворчивый и лживый человек, ведь его можно использовать в своих целях, что следователи постоянно и делали.

— *Вы вообще помните обстоятельства дела?*

— *Допросы все однотипные, у меня сотни детей проходит, я их просто не запоминаю.*

Предельно бесчеловечный ответ. Для Курочкиной все допросы одинаковы. Обращаю внимание, что не может быть двух идентичных допросов не только по причине индивидуальности каждого, но и ввиду того, что каждый допрашиваемый воспринимает свои уникальные обстоятельства, о которых и дает показания. Глаз педагога, как говорят, замылился, она напрочь утратила профессиональные качества. Призналась честно, что детей просто не запоминает, они у нее «сотнями проходят», как на конвейере.

Самое страшное, что в этой утрате человечности и профессионализма могут признаться многие следователи, судьи, адвокаты.

— *Вы несовершеннолетнего Гузенкова Илью помните?*

— *Их было много, не помню.*

Я помню каждого своего подзащитного, доверителя, которых у меня было больше, чем детей у Курочкиной. Причем с допроса Ильи, на котором как будто присутствовал педагог, не прошло и года. Оно и понятно, почему память свидетеля вдруг стала так слаба: не было ее на допросе, сказать Наталье Курочкиной попросту нечего — остается сослаться на склероз и врать.

Слово в слово Курочкина ответила на вопросы прокурора и насчет своего «участия» в допросе Степана Зацепина.

Опытный адвокат Владимир Ильков придумал, как разоблачить горе-свидетеля. Он задал ей совершенно безобидные вопросы:

— Во время допросов детей у вас с собой был телефон?

— Да, был.

— Можете назвать номер телефона, которым пользовались на тот момент?

Свидетель продиктовала номер телефона, подтвердив, что и СИМ-карта зарегистрирована на нее. Получив ответы, адвокат заявил ходатайство об истребовании у оператора связи сведений о местонахождении сотового телефона, который принадлежит свидетельнице Курочкиной. Наличие мобильного телефона, который можно считать радиомаяком, зачастую позволяет определить как текущее местоположение его владельца, так и проследить его предыдущие перемещения в пространстве.

В случае, если абонент пользуется услугами сотовой связи (совершает или принимает звонки, отправляет текстовые сообщения, пользуется мобильным интернетом), информация о его действиях сохраняется в виде файла в памяти сервера биллинга. Он содержит разнобразную служебную информацию: номер СИМ-карты абонента, время совершения и продолжительность вызова, номер базовой станции и ее сектора (если имеются сектора).

Этот метод восстановления картины перемещений абонента широко применяется правоохранительными структурами при расследованиях, поскольку дает возможность с точностью до минут установить, где был подозреваемый, с кем встречался (если второй человек также пользовался сотовым телефоном), как долго происходила встреча, или был ли подозреваемый поблизости от места преступления в момент его совершения.

Прежде чем удовлетворить ходатайство коллеги, суд решил помочь свидетельнице выйти из щекотливой ситуации, ведь при получении сведений о местонахождении телефона свидетельницы ее ложь была бы объективно доказана.

Вот тут-то мы впервые услышали судью Молчанова, который весь процесс молчал и вдруг начал активное участие в процессе с помощью лжесвидетельницы:

— Вы конкретно можете сказать, был телефон у вас с собой или нет?

Суд определенно подталкивал свидетельницу к очевидному и безопасному для нее ответу, хотя ранее, отвечая на вопрос адвоката Владимира Илькова, госпожа Курочкина четко произнесла, что телефон при допросах был при ней. Теперь же, когда заявлено ходатайство, с помощью которого можно было бы достоверно установить местоположение свидетельницы во время допросов ребят, при наводящем вопросе суда Курочкина сориентировалась и дала совершенно иной ответ:

— Я не могу сказать, был ли у меня телефон во время допроса с собой или нет.

На лице Молчанова появилась улыбка — он помог Курочкиной выйти из крайне щекотливой ситуации.

После явно ложного ответа Курочкиной адвокат Ильков вскочил со стула и закаленным в боях голосом прогремел, что несколько минут назад свидетельница показала, что телефон у него был с собой. Нельзя за минуту менять показания, пытаюсь прикрыть свою ложь.

Секретарь добросовестно заносила все (или почти все за небольшим исключением) в протокол судебного заседания, что и позволяет мне воспроизводить происходившее в зале суда.

После окончания этого судебного заседания ко мне подошел Владимир Васин и с округленными от изумления глазами прошептал: «Он живой! Он живой!». Я сначала не понял, о чем речь — кто живой? Неужели кто-то подвергался опасности? Потом до меня дошло: адвокат так удивленно говорил про судью Молчанова, который столько дней молчал, а тут впервые задал вопрос, помогая прокурору.

Мы немного отвлеклись. Допрос свидетеля Курочкиной был окончен. Адвокат Васин попросил допросить ее в присутствии ранее допрошенных несовершеннолетних свидетелей Гузенкова и Зацепина, которые находились в здании суда, но не в зале судебного заседания, то есть явка всех свидетелей была обеспечена. Такого рода допрос мог снять противоречия, ведь свидетелям пришлось бы сказать друг другу глаза в глаза, кто из них присутствовал в ходе допроса у следователя, а кого не было. Такой способ устранения противоречий не запрещен законом и направлен на скорейшее выяснение истины, ведь врать в глаза труднее. Хотя отъявленным лжецам, к которым относилась Курочкина, не привыкать врать кому угодно, когда угодно и при каких угодно обстоятельствах.

Суд имел полное право произвести допрос свидетелей одновременно, постаравшись установить истину, чем он и должен заниматься, но нет, судья Лисов с ухмылкой спросил: «Вы хотите провести очную ставку?», — намекая на то, что очная ставка не предусмотрена в ходе судебного следствия, в то время как в рамках предварительного ее вполне можно провести. В итоге суд отказал в допросе Курочкиной в присутствии несовершеннолетних свидетелей.

Вспомнился еще один эпизод с педагогом Курочкиной, характеризующий и ее, и следователя. 8 июня 2020 года Никита был задержан и помещен в изолятор временного содержания. В тот же день вечером он был допрошен в качестве подозреваемого в присутствии адвоката Натальи Рыдченко. В протоколе допроса указано, что ребенок допрошен в присутствии педагога Курочкиной. Адвокат принесла замечания на протокол в связи с тем, что фактически Курочкина в допросе не участвовала (она уже давно привыкла к роли невидимки). Несмотря на отсутствие лица, участие которого в допросе обязательно, на письменные замечания адвоката, следователь в нарушение закона допросил несовершеннолетнего.

Свою позицию следователь зафиксировал в справке: «Курочкина прибыла для участия в допросе, но потом убыла, мной было принято решение о проведении допроса без участия последней». Значит, знал, что нарушает закон, но принял волюнтаристское решение. Закон для канских правоохранителей не писан. Они не право охраняют, а свою свободу от любых пут и обязательств, которые на них может возложить закон. И ведь не стесняются писать о своих нарушениях официально черным по белому!

Следующим свидетелем, выступавшим со стороны обвинения, была следователь полиции Юлия Бескомпромиссная. Именно она составила и подписала протокол осмотра жилища Богдана Андреева от 6 июня 2020 года, которым якобы изъята у него сотовый телефон. Протокол составлен в 19:30, а телефоны у ребят были незаконно изъяты ранее, еще при их задержании сотрудниками ФСБ. Чтобы придать изъятию видимость законности, было принято решение в ходе осмотра жилища положить телефон на стол и оформить его изъятие протоколом осмотра места происшествия, как будто Богдан дома, взяв телефон со стола, добровольно выдал его полиции. Вот такой фальсификацией занимаются (причем неоднократно, как я показал) правоохранительные органы.

Прокурор задала вопрос следователю:

- *Что было изъято в ходе осмотра?*
- *Сотовый телефон*, — соврала следователь.
- *Он упаковывался?*
- *Нет.*

Следователь снова допустила нарушение — в данном случае ч. 3 ст. 177 УПК РФ, согласно которой, если для производства осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднен, то предметы должны быть изъяты, упакованы, опечатаны, заверены под-

письму следователя на месте осмотра. Столь прямое игнорирование правил изъятия предметов в дальнейшем привело к незаконной загрузке файла в неупакованный телефон Богдана, что было мной доказано с помощью компьютерно-технической экспертизы.

Эта же следователь изъяла у Никиты Упорова системный блок компьютера и тоже его не упаковала. Прокурор:

— *Системный блок упаковывался?*

— *Нет, потому что не было возможности найти упаковку для него.*

Поразительно лживый ответ. С таким же успехом следователь мог ответить на вопрос, разъяснял ли он обвиняемым права: «Нет, не было возможности их разъяснить», — или пригласил ли для оказания квалифицированной помощи подозреваемым адвоката: «Нет, не было возможности пригласить».

Если закон требует упаковывать изъятые предметы, разъяснять права, приглашать адвоката, то следователь обязан исполнять императивную норму. Эти правила введены не зря — они направлены против злоупотребления следователем своими полномочиями, на обеспечение прав заподозренного в преступлении.

Опять нарушение закона. Кого даже не надо звать — он придет тушить пожар беззакония, скрывать следы допущенных нарушений? Вы правильно догадались: всегда на страже ошибок следствия судья Сергей Витальевич Лисов.

— *Какие-либо заводские наклейки на системном блоке имелись?*

— *Имелись, были указаны модель, номер.*

— *Можно ли было снять крышку системного блока, не повреждая наклейку?*

Суд подталкивает следователя сказать, что крышку системного блока снять было нельзя, не повредив наклейку. Протягивает горе-следователю палочку-выручалочку. Следователь, разумеется, уцепился:

— *Наклейка была посажена на клей, поэтому крышку системного блока снять было нельзя, не повредив наклейку.*

Следователь просто повторил слова суда, тут же выдумав историю про клей. Вообще, когда нужно оправдать любую глупость или нарушение закона выдать за техническую ошибку, следователи становятся очень сообразительными. Держат нос по ветру с надеждой выяснить, с какой же стороны придет помощь. Они знают, что чаще всего помощь приходит именно со стороны суда. Виртуозную способность выбираться из собственного капкана беззакония я покажу на примере следователя Бессовестной, которая вопиющие и грубейшие нарушения прав ребенка объясняла игрой на гитаре и внезапным отключением электричества.

Чтобы закрепить свою версию произошедшего, суд в вопросе следователю сформулировал ее целиком. Следователю лишь оставалось поддакнуть, что она с удовольствием и сделала.

— *Я правильно понимаю, что эта наклейка как раз и была нанесена заводом-изготовителем для того, чтобы препятствовать доступу внутрь системного блока?*

— *Да.*

— *Вопросов нет.*

Суд, создав нелепую версию про наклейку, посаженную на клей заводом-изготовителем для того, чтобы препятствовать доступу к системному блоку, сам поверил в эту сказку. Но только не сторона защиты. При просмотре фотографий системного блока никакой наклейки не было. Попытался суд создать хорошую мину при плохой игре, однако плохую игру (как и некачественную работу следователей) не скрыть.

8.6. День шестой

13 августа допрашивали свидетеля Артема Подольского, который переписывался с Никитой Упоровым. Артем пояснил, что Никита скидывал ему видео о тестировании «коктейля Молотова», дымовой бомбы, подрыве бетонного столба. Такие действия сами по себе не являются преступными. Чтобы квалифицировать их как преступление террористической направленности, Упоров должен был бы иметь умысел на совершение теракта в будущем.

Поэтому прокурор и задает Подольскому такие вопросы, при положительном ответе на которые Никиту можно было бы уличить в преступлениях — опять же, при наличии совокупности иных доказательств.

— *Какую Упоров преследовал цель, когда скидывал вам видео?*

— *Не знаю, он просто демонстрировал мне видео.*

Прокурора не устроил такой ответ. Вообще, когда государственного обвинителя или судей не устраивал ответ какого-либо свидетеля, они многократно его переспрашивали, создавали давление в надежде услышать иное. Со следователями этот трюк удавался, как и с отъявленным лжесвидетелем Курочкиной, которая и внешне производила крайне неприятное впечатление: глазки бегали, руки не находили себе места, голос дрожал. Однако даже при столь очевидных признаках неуверенности лжесвидетель отвечала на вопросы по-хамски, свысока, с явным пренебрежением к допрашивающим. Действительно, душевная организация человека объективирует себя через внешность и поведение. Свидетели, которые вралы, извивались как ужи на сковородке и в прямом, и в переносном смысле.

— *Можете пояснить: вам Никита сообщал, зачем он снимает видео?*

— *Он просто скидывал видео и просил их оценить.*

Затем свидетель произнес очень важную фразу:

— *Взрывчатые вещества Никите нужны были для подрыва здания МВД, для диверсий.*

Чтобы подтвердить слова свидетеля, прокурор задал ему вопрос:

— *Вы переписку сохраняли?*

— *Да, — ответил свидетель. — Я точно ничего не удалял.*

Для выяснения обстоятельств переписки адвокат Владимир Васин начал допрос свидетеля:

— *Где у вас сохранилась переписка?*

— *В телефоне.*

— *А где телефон?*

— *Изъят сотрудниками ФСБ.*

— *Где сейчас телефон?*

— *В следственном комитете.*

— *У вас имеется копия переписки?*

— *Нет у меня ничего.*

Таким образом, подтвердить свои слова документально свидетель не смог.

Обращаю внимание, что в подготовке диверсий, подрыва здания МВД Никита Упоров не обвинялся.

Также Владимир Васин выяснил, что Подольский осужден по ст. 205.6 УК РФ — несообщение в органы власти о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило преступление, предусмотренное ст. 205.3 УК РФ. Кроме того, на момент дачи показаний являлся обвиняемым. Этот свидетель зависел от правоохранительных органов, значит, к его показаниям необходимо отнести критически.

Я понимал, что Никита Упоров не мог говорить или писать Подольскому о намерении совершать диверсии, подорвать здание МВД, поэтому пошел ва-банк — решил задать свидетелю предельно конкретные вопросы, но предварительно изучил психологический облик Артёма, дав возможность другим участникам процесса допросить его до меня. Конечно, я рисковал, но расчет подсказывал, что не ошибусь. Итак:

— Говорил ли вам однозначно Никита, что хотел подорвать здание МВД, сообщал ли о своей цели?

— Нет, не говорил.

Я получил желаемый ответ: оказывается, ничего подобного Никита Упоров не говорил. Теперь мне нужно было подвергнуть критике предыдущий ответ свидетеля, добиться того, чтобы он объяснил сторонам и суду, почему прокурору ответил иначе, чем мне. Я сформулировал вопрос таким образом, чтобы получить удовлетворяющий меня ответ, а также чтобы свидетель, отвечая, сохранил лицо и не был уличен во лжи. Вот как этот вопрос звучал:

— Скажите, ранее вы пояснили, что Упоров Никита изготавливал взрывчатые вещества для подрыва здания МВД, для диверсий. Это ваше мнение или Никита вам об этом лично говорил?

— Нет, не говорил. Я сам сделал такой вывод.

Больше вопросов ему я не задавал. Несколькими вопросами я полностью нейтрализовал свидетеля стороны обвинения. Без цели совершить теракт, без подтверждения такой цели, которую якобы имел Никита, все показания Подольского становились юридически нейтральными, не подтверждающими факт преступной деятельности ребят.

Суд приступил к допросу эксперта Николая Попова, который проводил взрывотехнические экспертизы совместно с Иваном Чуровым. Еще в начале судебного разбирательства я заявлял ходатайство о признании заключений экспертов недопустимыми доказательствами, просил назначить повторные экспертизы. Свою позицию я объяснял тем, что при проведении исследований эксперты не сослались ни на одну методику, которой руководствовались, не привели список литературы, которая была ими использована. Теперь приведу пример, как эксперт выкручивался, придумывая причины, по которым допустил существенные нарушения закона.

Вопрос прокурора:

— Скажите, какая литература вами использовалась, отражена ли она в заключении?

— В заключении мы никакую литературу не отразили, но я подготовился и принес список той литературы, которая использовалась при проведении экспертизы.

Вот так, значит, можно. Провести исследование, не указав в заключении ни одного источника литературы, а потом принести в суд никем не подписанный и не заверенный, даже не поименованный напечатанный текст и выдать его именно за тот перечень литературных источников, которые использовались при исследовании, и при отсутствии которых само исследование было бы невозможно.

Эксперт, что называется, был заранее подготовлен прокурором, который потребовал от того найти выход из щекотливой ситуации, в которой адвокат Колосов требует признать все заключения взрывотехнических экспертиз недопустимыми доказательствами.

— *А почему вы не отразили данную литературу в самих заключениях?*

— *Получилась какая-то накладка.*

Всегда, когда выявляют брак в работе следователя или эксперта, который ведет к признанию собранных доказательств недопустимыми, данные лица ссылаются на наклейки, сбои в работе компьютера, технические ошибки. Никто еще за мою практику не встал и честно не признался, что виноват, допустил нарушение прав, не знал закона или знал, но сознательно пошел на подлог. Все валят вину на сверхъестественные обстоятельства, что выглядит комично и неубедительно, но суды принимают такие фантастические объяснения, считают их разумными. Эксперт проводил экспертизу только со слов ребят, ни один реальный объект исследован не был. Подробнее о нарушениях я расскажу далее.

Обращу внимание, что эксперт, отвечая на вопросы прокурора, заявил: подростки изготавливали самодельное взрывное устройство, у них были готовы поражающие элементы в виде саморезов, найденных в квартире. Эксперт ввел всех участников судебного разбирательства в заблуждение: никакие саморезы в качестве поражающих элементов не использовались, таких элементов не было вовсе. Богдан и другие участники показали, что саморезы были нужны исключительно для ремонта.

Почему эксперты позволяют себе нарушать закон, делать необоснованные обвинительные высказывания? Видимо, потому что они не являются в полном смысле независимыми, а состоят в штате ФСБ России, как в нашем случае, и прохождение службы в данном ведомстве негативно сказывается на их способности делать по-настоящему научные и обоснованные выводы.

Я задал эксперту вопросы:

— *Почему вы не указывали методы в своем заключении, которые использовали?*

— *Мы никакие инструментальные методы не применяли.*

— *Так почему не указали методы?*

— *Упущение.*

Разве может судья Лисов позволить, чтобы допущенные экспертом нарушения были зафиксированы адвокатом? Конечно, не может. Поэтому служитель Фемиды примчался на помощь:

— *Можете ответить, какую методику вы использовали при проведении экспертизы, что делали?*

— *Мы анализировали материал, полученный нами, и научную литературу.*

— *То есть можем ли мы сделать вывод, что вами применялся сравнительный анализ?*

Суд сам сформулировал наименование метода, которое эксперту осталось лишь подтвердить, что он с облегчением и сделал:

— *Да, можно сделать вывод, что нами применялся метод сравнительного анализа.*

Далее судья Лисов просит эксперта предоставить список литературы, который у него имеется, на что тот возражает, поясняя, что список литературы никем не заверен. Суд это не волнует — он берет у эксперта список и приобщает к материалам дела, даже не выяснив у стороны защиты, возражает ли она против такого приобщения. Суд перешел уже к самовольным и односторонним действиям.

Следующий свидетель — семнадцатилетний подросток Александр.

Помните, я рассказывал о том, что сотрудники ФСБ забрали у ребят сотовые телефоны в момент задержания, а потом при осмотре квартиры Богдана положили телефон на стол, чтобы придать изъятию видимость законности? Подростки в один голос поясняли в суде, что телефоны у них забрали и просматривали без разрешения, но им никто не верил.

Действительно, у сотрудников ФСБ (да и не только данного ведомства) есть такая практика — действовать с позиции силы, а не закона. Действовать нагло, бесцеремонно, а затем создавать вид, что закон не был нарушен: Богдан, мол, добровольно отдал телефон в ходе осмотра. Их разоблачил, сам того не ведая, свидетель Александр, отвечая на вопрос прокурора:

— *В марте 2020 года какой у вас находился в пользовании телефон?*

— *Не помню, его у меня забрали.*

— *Кто забрал и при каких обстоятельствах?*

— *В момент задержания сотрудники сразу же забрали у меня телефон.*

— *Какие именно сотрудники?*

— *Сотрудники ФСБ.*

По аналогичной схеме действовали сотрудники ФСБ и в отношении заподозренных лиц. «Силовики» знали, что действовали незаконно, когда забрали у Александра телефон при его задержании, поэтому в объяснении, которое тот дал позднее, сотрудник ФСБ формально указал: «свидетель добровольно передает свой сотовый телефон». Теперь понятно, что грош цена объяснениям, допросам, показаниям, которые берутся вне состязательной судебной процедуры. Где присутствует только следователь, оперативный сотрудник и допрашиваемое лицо — там можно записать все, что угодно. Бумага все стерпит. К сожалению, наше дело — тому подтверждение. Поэтому любой протокол допроса, объяснение должны подвергаться тщательной проверке в суде, то есть в обязательном порядке должны вызываться ранее допрошенные лица и публично, без страха, открыто давать показания, отвечая на вопросы всех сторон. Никогда нельзя соглашаться на оглашение протоколов допроса свидетелей, ведь в ходе предварительного следствия на них могли надавить, запугать, да и просто неправильно записать показания. Надо быть начеку. В суде тоже могут врать, но вероятность того снижается кратно.

Александр сказал, что встречался с ребятами, и то, с какой целью подростки встречались, характеризует их крайне положительно. Вот что он рассказал:

«Мы обсуждали благотворительную акцию, которая носила характер антимилитаристской. Акция была направлена на кормление бездомных, ее целью было обратить внимание общества, что не нужно тратить деньги на оружие, а нужно бороться с голодом».

Благотворительная акция называлась «Еда вместо бомб», призывала к отказу от войны.

Как актуально звучат слова детей, особенно в период специальной военной операции в Украине.

Однако ребят никто не слышал и не понимал. Помните, как они в мороз пришли на митинг жителей Канска в связи с тем, что в квартирах невозможно было жить из-за низких температур — печального следствия безобразной и халатной работы ЖКХ? Что же плохого делали дети? Ничего. Что сделала учитель, которая увидела их зимой на митинге? Попросту прогнала с мероприятия, отправила домой. Когда подростки встретились и обсуждали мирную акцию, что с ними сделали? Задержали, отобрали телефоны, а Никиту приставляли к стене и сдавливали шею рукой. Так лучшие порывы наших детей с ранних лет губит общество, выкорчевывая напрочь, тем самым губя и себя.

Прокурор попытался получить компрометирующий ребят материал с помощью свидетеля, но у него ничего не вышло:

— *В ходе общения вы видели какие-либо негативные высказывания в сторону правоохранительных органов, действующей власти?*

— *Да, но это были кухонные разговоры, ничего серьезного.*

— *А почему вы так решили?*

— *Это ведь дети.*

Устами младенца глаголет истина — это пословица, в основе которой лежит представление о непредвзятости слов маленького ребенка. Несовершеннолетний Александр заявил взрослым, что даже он, ребенок, не относился серьезно к своим почти сверстникам. Тем более эти дети не могли сделать ничего плохого взрослому сообществу.

Были оглашены показания Александра, которые он давал следователю. В них речь шла о подготовке ребятами диверсии. Посмотрим, как в суде этот ложный тезис не выдержал испытания на прочность.

— *Скажите, что вы имели ввиду, когда говорили про диверсию, при каких обстоятельствах вам о ней сообщили?* — спросил прокурор.

— *Мне этого не сообщалось, я так сказал, но толком не понимал, что сказал.*

Так же, как и с Подольским, я задаю Александру аналогичный по конструкции вопрос:

— *Скажите, вам ребята говорили, что готовят диверсию, или вы сами сделали такой вывод, исходя из контекста прочитанного?*

— *Это был мой вывод. Мне не было понятно, что они хотели сделать, что они под этим подразумевали.*

Таким образом, ни Александр, ни Подольский не подтвердили, что подростки намеревались совершить диверсию либо теракт.

Находясь с подростками в постоянной переписке, Александр, тем не менее, сообщил следователю:

— *«Мне ничего не известно о том, что готовился какой-то террористический акт, если бы я об этом узнал, то сразу же сообщил бы в правоохранительные органы. Ничего подозрительного и радикального в их действиях, суждениях не было. Ребята не высказывали намерений применять насилие по отношению к сотрудникам правоохранительных органов и ФСБ.»*

После окончания допроса свидетелей суд огласил назначение компьютерно-технической экспертизы. Такое решение было продиктовано моими ходатайствами, где я просил исключить из числа доказательств системный блок компьютера, изъятый у Никиты и неупакованный, а также телефон Богдана, который также не был упакован. Сам факт ненадлежащего изъятия предметов уже свидетельствовал о нарушении закона, что в силу ст. 75 УПК РФ влечет признание доказательств, полученных с нарушением требований УПК, недопустимыми.

Суд в очередной раз решил помочь следствию, выяснив, вносились ли в файлы после изъятия цифровых носителей какие-либо изменения. Экспертиза была назначена в системе МВД, хотя сторона защиты просила, помня о нарушениях, допущенных экспертами из ФСБ, провести исследование в Центре судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ, то есть в учреждении, которое максимально дистанцировано от правоохранительных органов. Суд проигнорировал просьбу стороны защиты, что привело в будущем к существенным недостаткам экспертизы.

Перед проведением экспертизы мы просили исследовать сами вещественные доказательства: телефон Богдана и системный блок Никиты. Изучить те самые наклейки, о которых говорила следователь Бескомпромиссная. Да и вообще, изучить все файлы, которые содержатся в телефоне и системном блоке. Суд нас не услышал — без предоставления возможности изучить спорные объекты сразу направил их в экспертно-криминалистический центр при ГУ МВД России по Красноярскому краю.

8.7. День седьмой

16 августа 2021 года был допрошен Иван Лапшин, который общался с ребятами, переписывался с ними. Прокурор поинтересовался у Лапшина, при каких обстоятельствах его задержали.

— Я решил познакомиться с ребятами вживую. Мы впервые встретились, прошли несколько метров. Я задал, увидев их, лишь один вопрос: почему они такие маленькие? Мы прошли еще немного и нас задержали.

В своих показаниях в ходе предварительного следствия Лапшин сообщает: ему стало известно о том, что ребята расклеили листовки анархического содержания. Затем кто-то из них предложил встретиться. Лапшин с подростками встретился, после чего всех задержали сотрудники ФСБ.

Беда в том, что свидетель Лапшин лукавит — на самом деле он попался на крючок сотрудников ФСБ и действовал по их указаниям. Секрет специальной операции раскрыл сам оперативный сотрудник ФСБ Равнодушный (в дальнейшем я более подробно привожу его показания):

«Сотрудники через свои возможности провели оперативно-поисковые мероприятия в сети интернет, по результатам которых был выявлен пользователь, подписанный на группы анархической направленности, студент Канского техникума отраслевых технологий и сельского хозяйства Лапшин (через социальные сети мы его установили). Так как у меня имелись контакты всех директоров образовательных учреждений, мы вышли на руководство техникума, где обучался Лапшин. Учебное заведение вычислили по фотографии, которая была размещена на его странице в социальной сети. После того, как мы связались с руководством техникума, через классного руководителя позвонили родителям Лапшина и попросили явиться к учебному заведению.

Лапшин прибыл в сопровождении отца и матери. Мы представились, объяснили суть происходящего и предложили проследовать в отделение для проведения дальнейших мероприятий. В ходе опроса Лапшин сообщил, что состоит в закрытой беседе в социальной сети „ВКонтакте“, куда его пригласили за два-три месяца до описанных событий. Пользователь, которого он в лицо не знал, сообщил о том, что интересуется тематикой анархизма и проживает на территории г. Канска. В дальнейшем была установлена переписка с ребятами, с которыми он давно намеревался встретиться, но не было случая.

С ведома сотрудников ФСБ [не по своей инициативе] Лапшин написал сообщение ребятам о том, что он проходил мимо здания ФСБ России, увидел много сотрудников полиции, какую-то листовку и спросил, их ли это работа [на самом деле это легенда: Лапшин, как вы уже догадались, никаких листовок не видел]. В ответ поступило сообщение о том, что да, это были мы, развесили сегодня ночью. В процессе разговора Лапшиным было озвучено предложение провести встречу [не ребята предложили встретиться, а Лапшин, выполняя указания сотрудников ФСБ]. Встречу назначили в вечернее время на предмостной площади г. Канска (предположительно, именно на том месте, где произошла первая высадка казаков на берег Кана)».

Помните, Александр пояснил, что не относился к ребятам серьезно, так как они еще дети? На Ивана Лапшина подростки также произвели впечатление маленьких. Это действительно так: на момент задержания им было лишь по 14 лет. Вся моя книга о том и есть — как из обычных детей, интересных, талантливых, воспринимающих жизнь близко, непосредственно реагирующих на все ее проявления, сделали преступников-террористов.

Да, Лапшин вслед за Александром подтвердил, что у него тоже изъяли телефон при задержании. Никакого соблюдения прав несовершеннолетних, учета их возраста при допросах изначально не предполагалось.

Суд перешел к допросу Семена Петрова, который вместе с Бутским (его показания я уже анализировал) участвовал в качестве понятого при проверке показаний Богдана. Так как Петров был призван на военную службу и не мог непосредственно присутствовать в суде, его допрашивали с использованием системы видео-конференц-связи. Сам свидетель находился в Челябинском гарнизонном военном суде, а мы — в суде в Канске. С помощью видеосвязи наблюдали друг друга непосредственно (наподобие того, как люди общаются по скайпу и зуму). Согласно ст. 278.1 УПК РФ суд, рассматривающий уголовное дело, при необходимости может вынести решение о проведении допроса свидетеля путем использования систем видео-конференц-связи. Суд, рассматривающий уголовное дело, поручает суду по месту нахождения свидетеля организовать проведение допроса свидетеля путем использования систем видео-конференц-связи. Таким образом, законодательная база для такого дистанционного допроса подготовлена еще с 2011 года.

Прокурор задала вопрос:

— *Сообщал ли Богдан, для чего он делал взрывчатые вещества?*

— *Да, несовершеннолетний сказал, что ему это было интересно, как химику.*

Остальные свидетели также в один голос подтверждали, что Богдан был одаренным самоучкой, проводил эксперименты, так как увлекался химией, физикой, математикой. Свидетели говорили правду — врал только следователи, которые силой, пытками и угрозами помещения в следственный изолятор создавали из подростков опасных для общества террористов.

Для конкретизации ответа Петрова я задал ему уточняющий вопрос:

— *Вы сказали, что Богдану смешивание ингредиентов было интересно, как химику. Откуда вы это узнали?*

— *Богдан сам сказал про это.*

— *Вы можете вспомнить, что именно вам говорил несовершеннолетний?*

— *Он говорил, что ему были интересны эксперименты химические, что он не из злых побуждений все делал, он просто интересовался опытами.*

— *Богдан увлекался химией?*

— *Да. Увлекался.*

— *Откуда вам это известно?*

— *Со слов Богдана.*

Такие ответы в совокупности с ответами других свидетелей, безусловно, показывают отсутствие у Богдана и других подростков умысла на совершение теракта в будущем, в чем их незаконно обвиняли.

Я на свои вопросы, если вы заметили, получал удовлетворительные ответы, причем такие, которые напрочь разрушали обвинительную позицию прокурора. Прежде чем задать вопрос, нужно несколько раз подумать, получишь ли полезные сведения, не ухудшит ли новая информация положение подзащитного. Как говорят опытные адвокаты, лучший вопрос — это незадаанный вопрос. Действительно, постановка вопросов, да и вообще допрос в суде — особое искусство. Мы, адвокаты, задавая вопросы, допрашивая лиц, подобны саперам на минном поле. Действовать нужно предельно аккуратно, точно и вдумчиво.

Прокурора категорически не устроил ответ понятого, что Богдан относился к своим опытам, как химик, поэтому гособвинитель предоставил свидетелю протокол проверки показаний Богдана на месте, составленный следователем. Следователь же внес в документ искаженную информацию — вложил в уста ребенка фразы, которые тот не произносил, и проигнорировал сказанное им в действительности. Благо, все сказанное Богданом фиксировалось на видеокамеру, благодаря чему в суде мне удалось достоверно продемонстрировать допущенную следователем фальсификацию протокола проверки показаний на месте.

Зная, что данные протокола проверки показаний не соответствуют ответам Богдана, прокурор все равно ссылался на порочный протокол, отстаивая, как следствие, порочную позицию стороны обвинения.

— *Цели Андреева Богдана были отражены в протоколе, который вам предъявлен и который вы подписали* [прокурор недвусмысленно указывает свидетелю на необходимость подтвердить протокол]. *Когда вы протокол изучили, в нем верно все было изложено?*

Даже если бы свидетель подтвердил написанное в протоколе, это не имело бы никакого юридического значения, поскольку протокол, который не отражает истинных показаний, несет в себе ложную информацию, недопустим в доказывании.

После попытки прокурора опровергнуть ответы, которые были даны свидетелем на мои вопросы, я снова задаю понятому вопрос, чтобы позиция защиты не была ослаблена. Каждая попытка прокурора выгадать для себя преимущества из допроса должна пресекаться, а результаты таких попыток — максимально нивелироваться.

— *Спустя более года вы действительно помните, что Андреев Богдан преследовал цель при изготовлении взрывчатых веществ только проводить опыты? Подтверждаете ли вы то, что Андреев проводил опыты ради любопытства?*

— *Да, я это подтверждаю.*

Понятой подтвердил, что протокол проверки показаний на месте был подписан после окончания следственного действия. Причем, вслед за Бутским Петров повторил, что никакой видеозаписи ему следователь не демонстрировал. Будем пока держать в голове его ответ в этой части.

После окончания допроса свидетеля я заявил ходатайство:

— *Прошу свидетелю Петрову предоставить диск с видеозаписью проверки показаний на месте. Во-первых, свидетель показал, что видеозапись не просматривал, а видеозапись фиксирует, в отличие от протокола, все те вопросы и ответы, которые имели место на самом деле. Во-вторых, прокурор воспользовался правом предоставить свидетелю неверный протокол, и сторона защиты также имеет право, с учетом принципа состязательности, предоставить понятому видеозапись. В-третьих, согласно ч. 8 ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса РФ к протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи. То есть видеозапись является неотъемлемой частью самого протокола и должна исследоваться, предоставляться свидетелю для ознакомления вместе с протоколом.*

Судья Сергей Витальевич Лисов как-то устало и равнодушно спросил меня:

— *Каким образом мы можем сделать это?*

Ответ на этот вопрос суд знал, но решил услышать от меня:

— *Секретарь скопирует информацию с диска и отправит в суд, с которым у нас организована связь. Ведь таким образом суд уже отправил протокол.*

Суд мне отказал. К отказам я привык. Хорошо, тем больше апелляционных доводов будет заложено мной в жалобе на приговор.

Адвокат Владимир Ильков заявил ходатайство о вызове в суд второго эксперта по фамилии Чуров, который также проходил службу в органах ФСБ. Дело в том, что в одном из заключений взрывотехнической экспертизы отсутствовала подпись допрошенного эксперта Попова. После проведения экспертизы адвокат сфотографировал данное заключение. Действительно — и суд в этом убедился — на письменном заключении не было подписи эксперта. Притом заключение, которое находилось в материалах уголовного дела, содержало подпись эксперта. Как такое могло случиться? Очень просто. Следовательно, направляя дело в прокуратуру и суд, обнаружил, что эксперт попросту забыл расписаться в заключении. Вызвал эксперта к себе, и тот учинил подпись. Второй эксперт Чуров мог пролить свет на эту почти детективную историю чудесного появления подписи.

Чтобы иметь возможность что-либо доказать в суде, каждый документ, который я получаю от суда или следователя (или отдаю им), я обязательно аккуратно фотографирую. Во-первых, чтобы доказать факт его получения или передачи (бывали случаи, что суд или следователь теряли документы). Во-вторых, чтобы не допустить фальсификации документов, как это имело место в нашем случае.

Адвокат Владимир Ильков, как только следователь ознакомил его с заключением эксперта, сделал копию этого документа, а теперь представил ее в суд. На ней не было подписей эксперта Попова. Только документально фиксируя каждое нарушение, допускаемое следователем, прокурором, судом, можно говорить об эффективной защите. Каждый факт нарушений нужно фиксировать, вскрывать, не пропускать, акцентировать на нем пристальное внимание. Накопленная критическая масса процессуальных и фактических нарушений в итоге позволит доказать несостоятельность обвинения, некомпетентность следствия, отстоять законные права подзащитных.

8.8. День восьмой

17 августа 2021 года в судебное заседание явился Евгений Безразличный, работающий начальником отдела уголовного розыска канской полиции. Данное должностное лицо незаконно изъяло телефон у Никиты Упорова. Я заявил ходатайство, обосновывающее незаконность действий Безразличного.

Прокурор специально вызвал этого полицейского для допроса в суде, хотя изначально он не заявлялся для допроса в качестве свидетеля. Для чего это было проделано? Чтобы сотрудник сообщил, что изъял телефон законно. Должностное лицо так и сказала, нагло соврав под присягой. На самом деле, как мы уже выяснили благодаря свидетелям Александру и Лапшину, телефоны у всех ребят были незаконно отобраны еще при задержании. Чтобы придать изъятию видимость законности, следователь Бескомпромиссная положила телефон

Богдану на стол и изъяла снова путем составления протокола осмотра места происшествия. Телефон Никиты в действительности также был у него забран в момент задержания сотрудником ФСБ, а оформлено изъятие позднее — актом, составленным Безразличным.

В силу ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе изымать предметы и документы в порядке, установленном кодексом.

УПК РФ не предусматривает такого отдельного следственного действия, как изъятие. Процессуальный закон допускает изъятие предметов только при производстве осмотра, обыска и выемки. Изъятие телефона у Никиты Упорова оформлено не предусмотренным действующим законодательством протоколом изъятия, составленным в ходе процессуального действия, которое отсутствует в УПК РФ.

Если бы телефон изымался в надлежащем процессуальном порядке, будь то осмотр, обыск или выемка, был бы, согласно ст. 166 УПК РФ, составлен протокол. В протоколе следственных действий в обязательном порядке должны указываться фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в следственном действии (п. 3 ч. 3 ст. 166 УПК РФ), технические средства, примененные при производстве следственного действия, условия и порядок их использования (ч. 5 ст. 166 УПК РФ), протокол обязательно предъявляется для ознакомления всем лицам, участвовавшим в следственном действии. При этом указанным лицам разъясняется их право делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении (ч. 6 ст. 166 УПК РФ). Протокол также должен содержать запись о разъяснении участникам следственных действий в соответствии с уголовно-процессуальным законом их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, которая удостоверяется подписями участников следственных действий (ч. 10 ст. 166 УПК РФ).

В протоколе изъятия от 6 июня 2020 года не указано, что при изъятии телефона присутствовал законный представитель Никиты Упорова — мама Анна Леонидовна Упорова, законный представитель не допущен к участию в процессуальном действии, ему не разъяснены права, обязанности, ответственность и порядок производства процессуального действия. В протоколе не указано, какие технические средства применялись начальником отделения уголовного розыска Безразличным. В протоколе отсутствует запись, что он предъявлялся законному представителю Никиты Упорова, и фактически Анне Упоровой документ не предъявлялся. В протоколе отсутствует запись о разъяснении участвующим лицам права делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении. Такие права ни Никите, ни Анне Упоровым не разъяснялись. Как видно из протокола, участвующим лицам вообще не разъяснялись права, обязанности, ответственность и порядок производства процессуального действия.

В протоколе изъятия указано, что от подписи Упорова отказалась. В соответствии с ч. 2 ст. 167 УПК РФ лицу, отказавшемуся подписать протокол, должна быть предоставлена возможность дать объяснение причин отказа, которое заносится в данный протокол. Упоровой такая возможность не предоставлена, ей не разъяснено право дать объяснение причины отказа от подписания протокола.

Как следует из ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 кодекса.

Часть 1 ст. 75 УПК РФ гласит, что доказательства, полученные с нарушением требований кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения.

Начальник отделения уголовного розыска Безразличный изъял у Никиты Упорова телефон без участия понятых, указав, что применяется фотофиксация. Согласно ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ при осмотре и выемке понятые принимают участие в следственных действиях по усмотрению следователя. Если в указанных случаях по решению следователя понятые в следственных действиях не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия является обязательным.

На листах 154–158 тома 2 уголовного дела имеются фотографии изъятого телефона и чехла, однако обязательная фиксация хода следственного действия отсутствует, что является прямым нарушением ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ.

Упоров и его законный представитель показали в суде, что протоколом изъятия телефон не изымался, телефон у Упорова был изъят при задержании, так же, как и у остальных подсудимых.

Таковы обстоятельства, изложенные мной в заявленном ходатайстве. Послушаем теперь, что сказал Безразличный в суде:

— Никита телефон выдал добровольно, мать несовершеннолетнего присутствовала при изъятии, но расписываться отказалась.

Мамы Никиты при изъятии телефона не было. Безразличный под присягой, будучи предупрежден об уголовной ответственности за заведомо ложные показания, как раз и дал ложные показания.

Теперь — самое интересное, что произошло в этот день. Суд поставил на обсуждение сторон вопрос об изменении меры пресечения Богдану Андрееву и Денису Николаенко.

Государственный обвинитель, конечно, возражал, просил Дениса оставить под стражей, а Богдана — под домашним арестом. Защитник Дениса Владимир Ильков стал убеждать суд в том, что прокурор не представил доказательств того, что имеются основания для продления самой суровой меры пресечения. Просил суд изменить Денису меру пресечения на более мягкую.

Я также просил суд избрать Богдану более мягкую меру пресечения, чтобы подросток смог закончить 9-й класс и получить аттестат, поступить дальше в 10-й класс. Для Богдана это очень важно: он ведь только и знает в своей жизни, что отлично учиться ради поступления в престижный университет. Для подтверждения своих доводов я приобщил подписанную директором школы справку о том, что Богдан допущен к государственной итоговой аттестации, что ученик должен присутствовать на ней только лично. Ввиду домашнего ареста Богдан лишен возможности явиться на данную аттестацию, которая назначена через две недели. Если Богдан не будет аттестован, это означает оставление его в девятом классе на второй год.

Богдан заявил: «Я очень хочу доучиться, без учебы я не представляю свою жизнь».

Ни разу в течение года Богдан не нарушил меру пресечения, всегда вовремя являлся с мамой, никогда не опаздывал в суд, на следственные действия.

И вот первая победа — Денис Николаенко освобожден из-под стражи в зале суда, Богдан освобожден из-под домашнего ареста. Благодаря настойчивости адвокатов, ответственному и гуманному отношению суда к ребятам, все подсудимые смогли окончить школу и перешли в 10-й класс.

В отдельном письменном определении, которым освободил Богдана, суд указал:

«С учетом данных о поведении Андреева в ходе предварительного следствия и судебного заседания, необходимости получения им образования, следует прийти к выводу о целесообразности изменения ранее избранной в отношении Андреева меры пресечения».

С тождественной формулировкой освобожден из-под стражи и Денис Николаенко.

Обращаю внимание, что этот же суд ранее, 7 июня 2021 года, не изменил мер пресечения в отношении подростков, хотя мы приводили аналогичные доводы. Да и с 7 июня по 17 августа 2021 года никаких новых обстоятельств не возникло. Так почему же через два с небольшим месяца дети были освобождены? Видимо, сыграло роль так называемое внутреннее убеждение судьи. Судьи увидели подростков лично, убедились в том, что подсудимые не станут препятствовать производству по делу. Плюс последовательная и аргументированная позиция адвокатов, которые с документами на руках убеждали суд в отсутствии опасности подзащитных с точки зрения целей правосудия. Убедить удалось. Повторяю вновь и вновь: никогда нельзя сдаваться, идти только до конца. Справедливость добывается в борьбе.

В своей заключительной речи я отдельно поблагодарил всех судей за участливое отношение к судьбе детей. Больше года мы шли к отмене меры пресечения, обжаловали каждое постановление, которым эта мера продлевалась. Данный пример показывает, что бороться надо до конца — рано или поздно доводы будут услышаны, права доверителей будут защищены и восстановлены, как в нашем случае были восстановлены права детей на свободу и получение образования. Суд был отложен до 9 ноября 2021 года (не так просто согласовать удобное для трех судей, трех адвокатов и прокурора время, не занятое другими процессами), все участники судебного заседания разъехались. Остались в Канске только дети со своими мамами.

8.9. День девятый

9 ноября 2021 года суд начался с просьбы адвоката Владимира Илькова вернуть маму Дениса. Дело в том, что когда Денису была изменена мера пресечения на заключение под стражу за выход в интернет из-под домашнего ареста, его мама Светлана Юрьевна была отстранена от защиты прав сына в качестве законного представителя, вместо нее был назначен представитель органа опеки и попечительства. Маму не пускали ни в одно судебное заседание даже в качестве слушателя. Она часами сидела в коридоре, сильно волнуясь за своего единственного ребенка. Когда мы выходили из зала, она подбегала к нам и первой получала всю информацию о результатах прошедшего судебного дня.

Согласитесь, ситуация просто абсурдная: мама сидит в коридоре, а законным представителем назначен не знакомый никому, включая Дениса, представитель опеки. Представители, во-первых, в связи с занятостью по другим делам менялись, во-вторых, лишь имитировали защиту прав ребенка, не задав ни одного вопроса, не сделав ни одного возражения, не заявив ни одного ходатайства. Опираясь на личный опыт, скажу, что ни разу не видел представителя органа опеки и попечительства, который бы по-настоящему отстаивал права и законные интересы представляемого в уголовном процессе.

Поэтому защитник и просил суд вернуть маму в процесс. Никита сидел рядом с мамой. Богдан сидел рядом с мамой. Рядом с Денисом никого не было. Владимир Ильков напомнил суду, что согласно ст. 54 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) ребенок имеет права на воспитание своими родителями, образование, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства. В соответствии со ст. 56 СК РФ ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов, которая осуществляется родителями. В силу ст. 64 СК РФ защита прав и интересов детей возлагается на их родителей. Родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий.

Вполне разумная просьба, основанная прежде всего на нормах действующего законодательства. Сам представитель органа опеки и попечительства просил суд заменить его на маму Дениса.

Суд отказал. Мама до конца судебного разбирательства осталась сидеть в коридоре. Более того, я вам поведаю и о бесчеловечном отношении к ней сотрудников суда. Светлана Юрьевна сидела на деревянной скамье с утра до вечера каждый день, пока шли слушания. В один совсем не прекрасный момент ей запретили сидеть на этой единственной скамье, которую впоследствии убрали вовсе. Слов нет, чтобы дать определение такому отношению к людям.

Был допрошен одноклассник ребят Данил Овчинников. Он рассказал, что ребята придерживались анархических взглядов, критически относились к действующей власти. Обращаю внимание, что это не является наказуемым и свидетельствует лишь об интеллектуальном багаже маленьких граждан свободной России.

— *Никита и Денис расклеивали листовки, какого содержания листовки, пояснить не могу, не знаю.*

Я спросил свидетеля, как он может охарактеризовать Богдана. Ответ полностью совпал с характеристиками, данными ранее другими людьми, в том числе взрослыми, что свидетельствует о правдивости, достоверности таких показаний:

— *Мне нравится Богдан.*

— *Чем он вам импонирует?*

— *Своим отношением к учебе, поведением. Я не вижу в нем ничего плохого.*

— *А что видите хорошего?*

— *Хорошее у него поведение в школе, отношение к одноклассникам, учителям.*

— *Какие предметы любит Богдан?*

— *Точные.*

— *Можете их назвать?*

— *Математика, физика, информатика.*

Разве может такой человек быть особо опасным преступником, замышляющим теракт? Извините, но думать так просто абсурдно.

Был приглашен Виктор Бойчиков, второй одноклассник. Он некоторое время переписывался с подсудимыми и свидетелем Александром, являлся участником группы «Анархокоммунистический бунд» в социальной сети «ВКонтакте». Бойчиков показал, что в группе ребята распространяли листовки в поддержку политических заключенных, на которых были изображены люди за колючей проволокой.

Этим самым наши подзащитные протестовали в целом против такого явления, как политические заключенные. В суде Богдан пояснил:

— *«Я считаю, что нельзя людей лишать свободы за их политические взгляды. Надо наказывать за преступления — за убийства, кражи».*

Да, вроде, ребенок, а рассуждает как взрослый, причем не всякий взрослый способен так рассуждать.

На вопросы прокурора Бойчиков ответил, что подростки писали о политике. Мне нужно было установить, звучали ли со стороны Богдана какие-либо призывы политического характера, поскольку важно было показать суду и доказать всем, что ребенка интересовали только опыты, эксперименты.

— В чем заключалось участие в группе Богдана?

— Он общался с участниками группы.

— Со стороны Богдана были ли какие-то призывы, требования политического характера, в том числе обращенные к вам?

— Нет, такого не было.

Я добился своего. Очередной свидетель подтвердил, что политика Богдану была не интересна. Никаких призывов в переписке Богдан не делал.

Для меня Бойчиков оказался интересен потому, что в студенчестве я сам изучал марксизм, причем очень серьезно: многократно перечитывал от корки до корки «Капитал» Карла Маркса, на шестом Всероссийском философском конгрессе выступал с докладом «Свободное время у Карла Маркса», — а тут школьники увлеклись наследием классика.

Кстати, и Александр изучал «Капитал». Как пояснил свидетель, его «любимой настольной книгой, благодаря которой он стал вникать в гуманитарные науки, является „Капитал“». Уважаю. Этот ребенок уже написал несколько работ: «Машина прогресса», «Марксизм и современная диалектика», — которые я с интересом прочел. Статьи начинаются с критического осмысления реальности: «Не секрет ни для кого, что Россия испытывает глубокий политический кризис». В своих работах автор раскрывает «Проект Венера» американского футуролога Жака Фреско, развенчивает миф о том, что революция обязательно сопровождается кровью, приводя примеры «революции гвоздик» в Лиссабоне, индийской революции против британского владычества (1920–1947), в основании которых лежало ненасильственное сопротивление.

Александр полагает, что век капитализма и капиталистической организации труда прошел, так как технологические изменения опередили социальное устройство, вследствие чего система терпит крах и многочисленные кризисы. Человек в капиталистической формации не свободен. Социализм проблему свободы человека тоже не решил. К слову, этим вопросом предельно серьезно и плодотворно занимается оригинальный российский философ Юрий Леонидович Дюбенюк, с которым я дружу уже свыше 20 лет.

Вернемся к нашему свидетелю и послушаем Виктора Бойчикова:

— Я с Александром стал активно обсуждать марксизм, расклейку листовок, агитацию коммунизма в школе и окрестностях. Александр хотел создать агитационную группу в интернете в целях распространения идей марксизма и рекрутирования новых сторонников. Я писал Александру, что нам нужна революция, а то мы будем только кричать, как Навальный. Я был сторонником создания газеты с названием «Искра», в которой должны публиковаться слова, мысли и суждения самих рабочих. В группу нужно прежде всего подростков привлекать, так как они энергичны и не зашорены.

8.10. День десятый

10 ноября 2021 года в суд явился Иван Чуров — эксперт экспертного подразделения ФСБ России, который совместно с Николаем Поповым проводил взрывотехнические экспертизы.

Адвокат Владимир Васин задал вопрос Чурову:

— Какими вы пользовались методиками при проведении экспертиз?

— В каждой экспертизе написана использованная литература.

После чего эксперт зачитал список литературы, которым они (эксперты) пользовались и который был напечатан у него в заключениях. Однако, как мы помним из предыдущих судебных заседаний, список литературы в заключениях экспертов отсутствовал. Поэтому я задал ряд уточняющих вопросов:

— *Вы пояснили, что при проведении экспертизы использовали перечисленные вами научно-практические источники, а почему вы не сослались на них в своих экспертных заключениях?*

— *Ссылался, вот передо мной копии заключений лежат, тут использованная литература указана. Однако при направлении заключений следователю в них не оказалось списка использованной литературы. Видимо, при распечатывании произошел технический сбой, и список просто не распечатался.*

Вот до какого фантастического объяснения додумался эксперт. Его напарник Николай Попов в суде просто сказал, что забыл включить список литературы в заключения, принес лист бумаги, на котором его напечатал, пояснив, что фактически пользовался этими источниками. Такое объяснение на бытовом уровне еще можно принять, пусть даже запоздалым предоставлением списка спасти порочное заключение невозможно. Эксперт с двумя годами стажа экспертной работы нашел приемлемым именно такой выход из ситуации.

Теперь даёт показания эксперт с семью годами стажа, поэтому и выдумка его более изощренная. Чудесным образом куда-то делся, испарился исключительно список использованной литературы, причем иной текст смещен не был. Нумерация и рубрикация нарушена также не была. Я продолжаю:

— *В тех экземплярах, которые вы представляли следователю, список использованной литературы имеется или нет?*

— *Я не могу вам подсказать, потому что у меня нет оригиналов, которые направлялись инициатору, они находятся в городе Красноярске, у меня просто электронные версии заключений.*

— *Заключение эксперта в скольких экземплярах изготавливается?*

— *В двух экземплярах. Первый направляется инициатору, второй подшивается в дело.*

— *Экземпляры эти тождественны или нет?*

— *Должны быть тождественны.*

Что и требовалось доказать. Все экземпляры должны совпадать. В нашем же случае они различаются исключительно в том аспекте, на который я обратил свое внимание, требуя признать все заключения взрывотехнических экспертиз недопустимыми доказательствами.

Далее, изучая заключения ряда взрывотехнических экспертиз, я обнаружил, что экспертам не было представлено ни одного протокола следственного действия, только приложения к ним, что является нарушением. Именно протоколы являются доказательствами и должны исследоваться экспертами, а различные диски, видеозаписи являются лишь приложениями к протоколам, которые как раз и были утаены следователем. Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств допускаются протоколы следственных и судебных действий, а в соответствии с упоминавшейся ч. 8 ст. 166 УПК РФ фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи прилагаются к протоколу, то есть самостоятельного значения не имеют.

Я решил проверить, будет ли отпираться эксперт, и узнать, что он выдумает на этот раз.

— *Давайте для примера возьмем выборочно заключение № 70В, на руках у вас? Второй лист откройте. Указано, что представлены вам только оптические диски, верно?*

— *Да, верно.*

— *То есть никаких протоколов к этим дискам вам представлено не было? Так?*

Тут эксперт понял, что попался, осознал, что следователь не предоставил ему протоколы, а он не истребовал документы, хотя мог это сделать.

— *Представлены они были, в комплексе рассматривалось все. Там были еще другие заключения.*

Эксперт от волнения переключился на другие заключения. Я вернул его к предмету своего вопроса:

— *Меня интересует только заключение № 70В. Еще раз повторяю вопрос: кроме тех объектов, которые указаны в заключении, иные объекты вам представлялись? То есть кроме оптических дисков не было ничего дополнительно представлено для проведения экспертизы, правильно?*

— *Ну, по идее, да, предоставлены только диски.*

Врать нелегко. Очень трудно. Поэтому лжецов нужно выводить на чистую воду дополнительными вопросами.

В ходатайстве о признании экспертиз недопустимыми доказательствами я указывал на то, что ни один из изъятых материальных объектов не был предоставлен эксперту. Поэтому прокурор задала Чурову вопрос:

— *Для ответа на вопросы следователя вам нужно было предоставлять взрывчатое вещество? Его составные части? Взрывное устройство?*

— *Желательно, но не обязательно.*

Столь лаконичный ответ не несет в себе значимой информации, которую можно использовать для дальнейшей критики полученных экспертных заключений, поэтому я задал уточняющий вопрос:

— *Вы на вопросы прокурора ответили, что желательно предоставление реальных объектов, следов взрыва, например. Почему вы такой вывод делаете, что желательно все-таки вам получить объекты?*

— *Желательно видеть непосредственно объект вживую. Конечно, объекты лучше вживую и непосредственно исследовать.*

Этого экспертом как раз сделано не было.

Суд перешел к допросу специалиста Ирины Педешевой, которая предоставила сведения по биллингу телефона свидетеля Курочкиной.

Допрос изобилует многочисленными техническими подробностями, которые я опускаю. Главное, что категорично заявил специалист: телефон Курочкиной во время допросов несовершеннолетних, в которых та якобы участвовала, обслуживался базовыми станциями, расположенными за многие километры от места проведения этих следственных действий. Курочкина на самом деле не участвовала в допросах ребят, а находилась по своим личным делам в районе, где дислоцируется коммерческая организация, учредителем которой является «честный и добросовестный» педагог. Также было установлено, что во время допроса свидетелей с телефона Курочкиной делались звонки (ей звонили, она звонила), отправлялись сообщения.

Предвидя возможные способы выкрутиться, ввести суд в заблуждение, адвокат Владимир Васин задал специалисту вопрос:

— *По каким признакам можно сделать вывод, что телефон не только лежит на тумбочке и автоматически обновляется, а с ним происходят действия со стороны пользователя?*

— Если вы делаете исходящий вызов, значит, нажимаете кнопки, если устанавливаете соединение с интернетом, значит, проводите какие-то действия. То есть вы пользуетесь телефоном лично.

Десятый день суда оказался плодотворным: мы выяснили, что фактически эксперты, проводя взрывотехнические экспертизы, не пользовались научно-практическими источниками, не применяли специальные методы исследования, не изучали протоколы следственных действий. Пытаясь себя оправдать, выпутываясь, эксперты «изготовили» разные экземпляры заключений, чем еще больше себя уличили. Ну и, конечно, мы полностью разоблачили лже-свидетеля Курочкину, доказав, что в допросе несовершеннолетних она «участвовала» только на бумаге.

8.11. День одиннадцатый

В суд был вызван инспектор по делам несовершеннолетних Владимир Виляйкин. Именно он дал недостоверные характеристики Богдану и его маме. Любая характеристика несет в себе информацию, которую лицо, ее составившее, непосредственно воспринимало. Именно благодаря этому и возникает возможность описать конкретного человека, осветить некоторые стороны его личности.

Я сразу спросил инспектора:

— Вы характеристику составляли на Андреева?

— Да.

— Во втором абзаце вы пишете: «Контроль со стороны матери за поведением и учебной успеваемостью осуществляется не в полной мере в связи с постоянным нахождением матери на работе. Воспитанием в основном занимается бабушка». Откуда у вас такая информация и на чем она основана?

— До задержания Богдана, то есть до 6 июня 2020 года, я с Андреевым личную профилактическую работу не осуществлял, то есть в поле зрения подразделения по делам несовершеннолетних данный подросток не попадал. Характеристика основана на данных, предоставленных образовательным учреждением, то есть школой. С матерью беседа в устной форме проводилась 6 июня 2020 года по месту жительства. Я посещал дом Андреевых. Мать пояснила, что работает, что именно бабушка осуществляет контроль за ребенком.

Какие выводы можно сделать? Андреев действительно не попадал в поле зрения правоохранительных органов, ни в чем предосудительном замечен не был. Его мама, как она пояснила позднее, никогда не общалась с Виляйкиным, никогда его не видела. Более того, в опровержение слов инспектора мама Богдана представила трудовой договор и распорядок рабочего дня, из которых следовало, что работать она заканчивалась в 18 часов, то есть каждый вечер примерно в 19 часов была дома. Суббота и воскресенье были ее выходными днями. В командировки Анна Богданова не ездила. Письменными документами была опровергнута ложь инспектора о том, что «контроль со стороны матери за поведением и учебной успеваемостью осуществляется не в полной мере в связи с постоянным нахождением матери на работе».

— И с матерью была беседа, да?

— Да, когда я был по месту жительства ребенка.

— Что вам сказала мама? Как часто она в командировках находится? Как часто сын остается один и надолго ли?

— По поводу периодичности, сроков я не разговаривал. Работа занимает бóльшую часть времени, специфика такая работы.

Ни длительность, ни сам факт командировок Анны Богдановой инспектор не установил, зато позволил себе рассуждения о специфике ее работы. Эти умозаключения были подвергнуты критике перечисленными официальными документами, полученными от работодателя. Трюк не прошел. Я продолжаю:

— Вы пишете в характеристике, что «контроль со стороны матери за поведением и учебной успеваемостью осуществляется не в полной мере». Чем все-таки ваши слова подтверждаются?

— Это сформулированная моя точка зрения.

Точка зрения инспектора выдавалась за достоверный факт и являлась основанием для изоляции ребенка на протяжении года. Точка зрения! У следствия также была сформирована точка зрения на то, что подростки совершили преступление террористической направленности. Не слишком ли много у правоохранительных органов точек зрения, которые опровергаются фактами? Не слишком ли суды близоруки и интеллектуально слабы, чтобы отличить факты от мнений и субъективных точек зрения?

Я продолжаю выявлять ложь в показаниях свидетеля — прежде всего для того, чтобы суд убедился в порочности характеристики. Важно было представить суду личность Богдана в истинном свете, а не через призму кривых зеркал псевдохарактеристик. Не нужно забывать, что согласно ст. 421 УПК РФ при производстве судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, в обязательном порядке устанавливаются условия его жизни и воспитания, уровень психического развития и иные особенности личности.

— Фраза «контроль со стороны матери ослаблен» на чем основана?

— Этот вывод сделан мной потому, что она много времени на работе проводит.

— Мы все работаем, являясь мамами и папами, но это ведь не значит, что контроль над детьми ослаблен из-за работы. Мне хочется понять, почему вы такой вывод сделали, что контроль ослаблен со стороны матери?

Для меня было предельно важно доказать суду, что мама не утратила контроль над сыном, что у них хорошие, дружеские отношения. Установление этого обстоятельства наряду с другими линиями защиты — оспаривание квалификации, признание доказательств стороны обвинения недопустимыми — позволяло добиться того, чтобы Богдан не был лишен свободы по результату окончания судебного разбирательства, что в итоге и произошло.

— Потому что она работает в исправительной колонии.

Ответ свидетельствует о домысле Виляйкина: неважно, где человек работает — важно, какой у него график работы.

— Она ночью тоже работает там?

— Как мне на тот момент из беседы показалось, да.

Инспектор потерял почву, как говорят, «поплыл». Стал апеллировать к тому, что ему показалось. Когда кажется, креститься надо! В силу ст. 75 УПК РФ к недопустимым доказательствам относятся показания свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности.

Я решил «забетонировать» ответ инспектора:

— Вам показалось или Анна Андреева вам это сказала?

— Сейчас я не могу сказать, что она так говорила.

— *А говорила ли она, что у неё командировки могут быть?*

— *Про командировки не могу сказать.*

— *Говорила ли вам мама Богдана, что она может работать в ночное время?*

— *Я не могу сказать сейчас конкретно, что мне это говорили и кто это говорил.*

— *Правильно ли я понял, что ваш вывод о том, что «контроль со стороны матери ослаблен», сделан вами только исходя из факта работы мамы?*

— *Да, верно.*

Больше вопросов я не задавал. Всем стало ясно, что перед нами находится просто большой фантазер, которому многое что кажется и который любит сам делать выводы, выдавая их за факты.

Я объясню, зачем инспектор составил такую характеристику. Когда еще год назад в суде решался вопрос об избрании Богдану меры пресечения в виде домашнего ареста, тогда и появилась эта характеристика. Она стала основанием для вывода суда о том, что Богдану необходимо избрать домашний арест ввиду отсутствия контроля за поведением и учебной успеваемостью сына со стороны матери. Характеристика, содержащая недостоверную информацию, составлялась исключительно под арест несовершеннолетнего. Суд же не дал ей критической оценки — просто перепечатал в постановлении об избрании меры пресечения слова инспектора. Из-за лжи этого недобросовестного сотрудника правоохранительного органа и по вине судов, крайне поверхностно изучавших личность ребенка, безоговорочно идущих на поводу следователя, Богдан больше года был изолирован, не ходил в школу. Только благодаря своему личному рвению и силе характера он за год освоил школьную программу и смог перейти в следующий класс.

— *Были замечания к Андрееву со стороны школы, как к ученику?*

— *Не было.*

Инспектор своими показаниями опроверг то, что неверно указал в характеристике («контроль со стороны матери за учебной успеваемостью сына осуществляется не в полной мере»).

Владимир Васин также попросил охарактеризовать Никиту Упорова:

— *Нарушений Никита не допускал, не привлекался к ответственности никогда, со стороны образовательной организации характеризуется удовлетворительно. Отрицательных моментов нет.*

Допрос инспектора продолжил суд:

— *Вам что-нибудь известно о применении насилия со стороны Упорова в отношении одноклассников?*

— *Таких материалов в полицию не поступало.*

— *Как вы можете характеризовать в целом семейно-бытовые условия проживания подростка?*

— *Квартира благоустроенная, на маму жалоб не было, как ученик Никита всегда обеспечен, контроль осуществляется за ним, он ходит на учёбу. Жалоб со стороны соседей на семью не поступало никогда.*

В итоге было установлено, что дети учатся, родители их воспитывают, контролируют, доверительные отношения не утрачены. Следовательно, даже если предположить, что подростки в чем-то виновны, то с учетом их несовершеннолетнего возраста и семейных обстоятельств оснований для реального лишения свободы не имеется. Это и доказала сторона защиты, допрашивая инспектора по делам несовершеннолетних.

За свидетельскую трибуну была вызвана следователь Наталья Бессовестная. Та самая, которая два дня подряд без перерыва допрашивала Богдана, которая напечатала ему явку с повинной и дала прочитать с коленок, которая угрожала ребенку, что если он не будет оговаривать Никиту, то «поедет в следственный изолятор», которая при проверке показаний Богдана руками делала ему жесты, показывая тем самым, как нужно отвечать на вопросы, которая сфальсифицировала протокол проверки показаний на месте, внося туда недостоверные сведения.

Я приступил к допросу следователя, точнее, к допросу очередного лжесвидетеля:

— *Вы объяснение брали у Богдана?*

— *Да.*

— *В протоколе опроса не указано время. Расскажите, когда начали опрос и когда закончили?*

— *Начали, скорее всего, в дневное время, от 12 до 15 часов.*

— *Закончили когда?*

— *Примерно 1–2 часа я опрашивала его, так как не более двух часов мы опрашиваем несовершеннолетних.*

Вот и первая ложь. Объяснение было составлено на 17 листах мелким шрифтом. Чтобы его напечатать, необходимо минимум восемь часов. Богдан пояснил, что опрос производился с 10 часов утра и до 0 часов 30 минут следующих суток, то есть был окончен уже ночью.

— *Скажите, кто участвовал при проведении опроса?*

— *Законный представитель Андреева Богдана — его мать, педагог-психолог Трубчик Ольга, иных лиц не было.*

— *То есть в опросе несовершеннолетнего принимали участие только те лица, которые указаны в протоколе?*

— *Да.*

Снова ложь. Как пояснили и Богдан, и его мама, и педагог-психолог Ольга Трубчик, периодически в кабинет заходили иные лица и задавали Богдану вопросы, он на эти вопросы отвечал. То, что такие лица общались с подростком, Ольга Трубчик отразила в своей переписке по Viber, которую вела с коллегой. В этой же переписке указано реальное время начала и окончания опроса ребенка, которое составило гораздо больше двух часов, заявленных следователем.

— *В связи с чем вы данные объяснения брали?*

— *В связи с проведением процессуальной проверки по данному факту.*

— *То есть Богдан был фактически заподозрен в чем-то?*

— *Фактически на тот момент было件ятно, что Богдан причастен к совершению преступления, было необходимо выяснить обстоятельства этого преступления, совершенного Богданом.*

Я выяснил, что Богдан опрашивался в связи с тем, что был заподозренным в преступлении лицом, а значит, его нужно было обеспечить защитой адвоката, что следователь не сделала, чем снова допустила нарушение прав ребенка.

— *Вы почему не обеспечили защитником несовершеннолетнего?*

— *Богдан на тот момент не имел процессуального статуса подозреваемого, то есть объяснение было получено до возбуждения уголовного дела. Не предусмотрено законом предоставление защитника в этом случае. Участники сами не требовали защитника, если бы такие требования были, я обязательно допустила бы защитника.*

Да, следователь опрашивала Богдана до возбуждения уголовного дела, но опрос происходил в связи с подозрением в преступлении, о чем следователь недвусмысленно заявила. Согласно практике Конституционного Суда РФ в таком случае фактически заподозренное в совершении преступления лицо обеспечивается адвокатом. По крайней мере ему должно быть разъяснено право на адвоката, что следователем сделано не было. В то же время следователь подтвердила право Богдана на адвоката: «Если бы такие требования были, я обязательно допустила бы защитника». Следовательно, подросток имел право на адвоката, иначе зачем его просьбу об этом в обязательном порядке удовлетворять?

— *К 5 часам вечера вы уже могли закончить опрос, да?*

— *Возможно.*

Я конкретизировал свой предыдущий вопрос о времени начала и окончания получения объяснений, чтобы зафиксировать ложь следователя. В 5 часов вечера опрос был в самом разгаре. Столь легкомысленный ответ следователя ни у кого не вызвал сомнений. Пока еще. Вскоре я представлю доказательства обратного, тогда вранье следователя будет уже невозможно исправить.

— *Когда вы допрашивали Андреева уже в качестве подозреваемого?*

— *Я допрашивала его 8 июня 2020 года, то есть на следующий день.*

Как пояснят далее Ольга Трубчик, Богдан, его мама, опрос, как он специально поименован следователем в документе, 7 июня 2020 года и допрос 8 июня 2020 года не были отдельными следственными действиями. На самом деле следователь проводила единый допрос два дня подряд с утра до вечера, отпустив ребенка только на одну ночь поспать. Спасибо следователю хоть за это.

— *Уважаемый суд, можно предоставить свидетелю протокол допроса Андреева в качестве подозреваемого?*

Суд определил: предоставить защитнику Колосову возможность предъявить свидетелю протокол допроса Андреева в качестве подозреваемого.

— *Время допроса скажите?*

— *Согласно протоколу 15:20 — 19:10 с перерывом с 17:20 до 18:05.*

— *Время указано верно?*

— *Да.*

Снова ложь, но пока у следователя имеется мощный козырь — протокол допроса, который ею же и составлен. Время следователь указала то, которое ей просто было удобно указать.

— *Кто участвовал, какие лица?*

— *Участвовал сам подозреваемый Андреев, его законный представитель Андреева Анна и педагог-психолог Ольга Трубчик.*

Вот эти участвующие лица и разоблачат следователя.

— *Поясните, с чего вы начали допрос?*

— *Естественно, перед самим проведением допроса я разъясняю права и обязанности подозреваемому, права и обязанности законному представителю, педагогу.*

— *Показания вы дословно записывали или нет?*

— *Естественно, дословно записывать чьи-либо показания сложно, я задавала Богдану много уточняющих вопросов и с его слов записывала указанные им события. Какие-то фразы всё-таки дословно приводила, что-то частично дословно.*

— Вы записывали показания Андреева в его стилистике выражения мысли?

— Частично в его стилистике.

Текст допроса выполнен в сугубо юридической стилистике, составлен так, чтобы действия Богдана и ребят квалифицировать исключительно как террористические. В жизни ребенку не было свойственно так разговаривать, он и слов, выражений таких не знал. С очевидностью для всех, вне разумных сомнений было понятно, что протокол составлен так, как это было выгодно следователю, текст не отражал реальность происходящего, искажал факты и смысл действительных действий и устремлений детей.

— А сами вопросы вы фиксировали в протоколе?

— Нет.

— Почему вы не фиксировали вопросы?

— Я вправе их не фиксировать.

Следователь не знает (точнее, знает, но сознательно нарушает) не только прав тех лиц, которых допрашивает, но и о своих обязанностях не осведомлена. Следователь обязан фиксировать вопросы. Согласно ст. 190 УПК РФ показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно. Вопросы и ответы на них записываются в той последовательности, которая имела место в ходе допроса. В протокол записываются все вопросы, в том числе и те, которые были отведены следователем или на которые отказалось отвечать допрашиваемое лицо, с указанием мотивов отвода или отказа.

— Кто-нибудь из посторонних лиц принимал участие в допросе несовершеннолетнего?

— Нет, никто не принимал.

— Кто-то мог Богдану задавать вопросы?

— Кроме законного представителя, защитника, педагога-психолога, подозреваемого и меня никто не участвовал в допросе.

— Вопросы только вы задавали?

— Да, только я.

Я уже устал от слова «ложь». А вы, уважаемый читатель? Задавали, притом постоянно. Садись перед ребенком на корточки и подробно выясняли обстоятельства произошедшего. И сотрудники ФСБ задавали вопросы, и следователь. Путали ребенка, играли в «доброе и злое следователя». «Плохой полицейский» занимает противостоящую, агрессивную позицию по отношению к субъекту, выдвигает вопиющие обвинения, угрожает, высказывается по отношению к нему уничижительно, всячески выражая антипатию. «Хороший полицейский» ведёт себя противоположным образом: выражает симпатию, понимание, готовность поддержать, осуждает «плохого полицейского» и якобы защищает субъекта от него. При этом у субъекта должно появиться доверие к «хорошему полицейскому» как к своему спасителю от психологического насилия со стороны «плохого». После достижения этого эффекта субъект намного легче рассказывает «хорошему полицейскому» то, что ранее хотел скрыть. Эта эффективная техника применяется и ко взрослым.

— Фактически сколько длился допрос?

— Согласно протоколу не более 4 часов, точнее, 3 часа 5 минут.

Почему именно такое количество времени было отведено следователем на допрос? Потому, что в силу ч. 1 ст. 425 УПК РФ допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности более четырех часов в день. Следователь указала в протоколе это время в целях формального соблюдения требований закона.

— И вы за это время на скольких листах получили показания от ребенка?

— На 18 листах.

— Скажите, у вас какая скорость печатания?

— Я достаточно быстро печатаю.

— Где-то курсы, может, проходили специальные?

— Специальные курсы я не проходила, но навыки имею.

— А где вы их приобрели, эти навыки?

— У меня хорошо пальцы рук развиты в связи с навыком игры на гитаре.

Следователь-гитарист на лету придумала ловкое объяснение тому, что быстро печатает. Оказывается, не нужно проходить для выработки такого навыка специальных курсов — достаточно научиться играть на гитаре.

Я перешел к допросу по поводу проверки показаний Богдана на месте, которую этот же следователь Наталья Бессовестная проводила. После предъявления ей протокола проверки показаний я задал ей ряд вопросов.

— Видеозапись проверки демонстрировалась участвующим лицам?

— Честно скажу, уже не помню.

Захотела следователь честно ответить, но не смогла. Видимо, за годы работы у нее полностью атрофировалось чувство справедливости и качество правдивости. За следователя ответили участники данного следственного действия: Богдан, его мама, понятые, — подтвердившие, что никакой видеозаписи не просматривали. Следователь не демонстрировала то, что было зафиксировано на цифровой носитель.

— Текст протокола проверки показаний на месте соответствует видеозаписи?

— Естественно, он соответствует.

Естественно, когда я публично сличил текст протокола и видеозапись, то со стопроцентной достоверностью суд сделал вывод, что протокол искажает существо ответов Богдана.

С разрешения суда я предъявил следователю протокол явки с повинной, которая была отобрана у ребенка Натальей Бессовестной.

— Когда вы брали явку с повинной у Андреева?

— В тот же день, когда я допрашивала его как подозреваемого, то есть 8 июня 2020 года.

— Во сколько была отобрана явка с повинной?

— Согласно протоколу в 15:30.

— Расскажите, как это происходило?

— Прибыли законный представитель и сам подозреваемый в следственный отдел, мной было предложено написать явку с повинной Богдану.

— Рассказывал Андреев свободно все или кто-то ему подсказывал?

— Андреев рассказывал самостоятельно, мной это фиксировалось на видеокамеру.

Первое противоречие, заметили? Допрос происходил с 15:20 до 19:10, а явка с повинной отобрана в 15:30 — и все это в один день. Такого быть не может. Не могла явка с повинной отбираться во время допроса. К тому же, согласно протоколу допроса Андреева, присутствовал его адвокат, а при явке с повинной, которая в соответствии с документами отбиралась через 10 минут после начала допроса, адвоката уже не было. Куда он делся? Впрочем, следующий мой вопрос и был направлен на выяснение данного обстоятельства.

— *А почему не был обеспечен защитником несовершеннолетний, когда вы отбирали явку?*

— *Перед получением явки с повинной в услугах защитника Андреев не нуждался и не требовал адвоката.*

— *То есть защитника вы ему не обеспечили?*

— *Я предложила воспользоваться помощью защитника, то есть я разъяснила Андрееву его право на адвоката, но Андреев с мамой отказались, они так ответили, в протоколе есть об этом запись.*

Да, в протоколе в самом деле об этом есть запись. На помощь стороне защиты снова пришла видеозапись, ведь следователь снимала на видео процесс явки. Я исследовал в суде данную видеозапись и обнаружил, что следователь не разъясняла Богдану право на помощь адвоката при явке с повинной. Мама и Богдан от помощи адвоката не отказывались. Вновь напропалую врет следователь, вводя в заблуждение суд.

— *А когда вы отбирали явку, Богдан читал что-либо? Текст у него был уже написан?*

— *Я ему никакого текста не предоставляла, при мне Богдан ничего не читал.*

— *То есть свободно рассказывал?*

— *Он волновался, конечно, но рассказывал самостоятельно.*

Снова ложь. Следователь заранее напечатала Богдану текст явки с повинной, который в некоторых местах дословно совпадал с данными им ранее объяснениями (я построчно сличал тексты явки и объяснения). Лист с текстом следователь передала ребенку и потребовала положить перед собой на колени. В таком положении несовершеннолетний его и читал, что было видно на видеозаписи явки с повинной.

Прокурор решил помочь следователю и задал вопрос:

— *Скажите, как получилось, что допрос подозреваемого начат в 15:20, а явка взята в 15:30?*

— *Здесь имеет место какая-то техническая ошибка, потому что подозреваемого я допрашивала позже, явка однозначно отобрана до допроса подозреваемого. Я могла неверно посмотреть время в компьютере.*

— *Какое-то моральное или физическое давление на Андреева оказывалось?*

— *Никакого давления не оказывалось, он свободно давал показания.*

Оказывается, явка с повинной взята раньше — следователь сориентировалась на месте, когда установили несоответствие документов по времени. И эксперты, и следователи после выявления нарушения ими закона ссылались на технический сбой. Снимали с себя вину и быстренько ее перекладывали на некие обстоятельства, от них не зависящие. На моей памяти всегда, когда я или мои коллеги выявляли аналогичные нарушения, должностные лица готовы были обвинить в ошибке, нарушениях кого угодно, только не себя. Как сказал бы врач-психиатр, у пациента наблюдается снижение критики к себе и своим действиям. Тут требуется госпитализация, господа!

«Богдан свободно давал показания». Ранее допрошенный понятой уже рассказал, чего стоит такая «добровольность». Стоит она искалеченной психики ребенка, недоверия к взрослым, боязни правоохранительных органов, замкнутости, необходимости психологической реабилитации в будущем.

Теперь посмотрите, как суд, а именно наш судья Сергей Витальевич Лисов, в который раз решил прийти на подмогу следователю:

— На момент 2020 года какой у вас был стаж работы?

— Я четыре года работала следователем.

— К этому времени у вас был опыт работы по уголовным делам в отношении несовершеннолетних?

— Да.

— Какие-либо нарекания со стороны вашего руководства, со стороны прокуратуры, надзирающей за вашей деятельностью, суда были относительно качества вашей работы?

— Нет.

— Можно ли сделать вывод о том, что вы были знакомы с процессуальными нормами, которые регламентируют производство по делам в отношении несовершеннолетних и что нареканий надзирающих органов в ваш адрес не было?

— Да, я была знакома с нормами и нареканий в мой адрес не было.

Столь благостные ответы на еще более благостные вопросы суда не могли помочь запятнавшему себя нарушениями следователю. Возможно, следователь и была добросовестна ранее, но какое значение это имеет для дела, по которому она допустила грубейшие нарушения прав ребенка, а теперь, стоя на трибуне, вертится как уж на сковородке и пытается себя выгородить. Мне, как бывшему следователю, было просто стыдно за коллегу, но еще сильнее во мне клокотало негодование от той наглой и мерзкой лжи, которая лилась обильными потоками из уст этой бесстыжей Натальи Бессовестной.

Суд продолжил помогать следователю:

— 8 июня 2020 года вы проводили допрос Андреева. Какая-либо предварительная подготовка перед этим допросом вами проводилась?

— Когда прибыли участвующие лица, с учётом того, что Богдан уже был опрошен мной по этим обстоятельствам, мне было проще их воспроизвести и я имела представление, о чем он будет говорить, и мы приступили к допросу сразу.

И мама Богдана, и сам подросток, и педагог-психолог Ольга Трубчик в суде однозначно показывали, что 7 и 8 июня 2020 года следователь проводил одно следственное действие — допрос, который шел два дня. Восьмого июня допрос не начался сразу, а продолжился с того места, на котором остановились седьмого.

— Согласно протоколу допроса подозреваемого от 8 июня 2020 года, который вам предъявлялся, допрос проводился с 15:20 до 19:10, при этом указано, что был предоставлен перерыв с 17:20 до 18:05. Цель этого перерыва какова была?

— Так установлено нормами закона. Несовершеннолетнему сложно длительный период времени давать показания, перерыв необходим ему для отдыха.

Правильно. Закон требует допрашивать несовершеннолетних не более четырех часов в день именно потому, что ребенку сложно по своему еще детскому уровню развития отвечать на вопросы долго, иначе допрос превращается в пытку. Следователь это знал и понимал особенности неокрепшей детской психики. Тем не менее, должностное лицо, отдавая отчет своим действиям, нарушало законные права ребенка, допрашивая его два дня подряд с утра и до поздней ночи.

— На период этого перерыва допрашиваемый выходил из кабинета?

— Да, попить воды.

— А вы где находились в этот момент?

— В служебном кабинете.

— Чем занимались, как это время использовали?

— Я просматривала уже составленный и напечатанный протокол.

— *Использовали ли вы это время для стилизации показаний?*

— *Я смотрела возможные опечатки, которые были выделены красным цветом, корректировала протокол.*

Суд, поняв, что следователь не могла за три часа напечатать протокол допроса, объем которого составляет 21 лист, своими вопросами попытался «предоставить» ей больше времени для работы с текстом, задействовав перерыв. Оказывается, в течение 45-минутного перерыва следователь-гитарист усердно трудилась над редактированием протокола. Даже если мы согласимся с такой уловкой, то все равно следователю-трудяге было бы недостаточно и четырех часов для проведения настолько объемного следственного действия, что я докажу дальше простыми арифметическими подсчетами.

Вопросы снова начал задавать я:

— *По какой причине все-таки при отображении у Андреева Богдана явки с повинной у вас произошел сбой по времени?*

— *Я точно помню, что во время получения явки с повинной я не пользовалась мобильным телефоном, я его отключаю и убираю, я пользовалась часами на компьютере, в связи с этим возникла техническая ошибка.*

Молодец, следователь, выкрутилась. Впрочем, такое объяснение, придуманное на ходу, совершенно не оригинально. Вспомним лжесвидетеля Курочкину, которая, будучи уличена во лжи путем определения координат ее положения на местности, исключавших присутствие педагога на допросах несовершеннолетних, сориентировалась и показала, что телефон могла и дома забыть. Оказывается, ее телефоном могли воспользоваться родственники, и вообще, именно на эти два допроса она телефон не брала, хотя чуть ранее категорично утверждала, что мобильное устройство было с ней всегда. Следователь тоже решила разыграть крапленую карту под названием «как избавиться от телефона и не быть уличенным во лжи».

— *Укажите, пожалуйста, где этот компьютер находится, в котором вы посмотрели время?*

— *Компьютер находится в моем кабинете, но за год он подвергался неоднократно ремонту и переустановке системы.*

— *Как так получилось, что компьютер неверное время выдает?*

— *Такое у меня, если честно, уже случалось: наши компьютеры не подключены к интернету, у нас отключают свет, возникают перебои с электричеством, вот по этой причине и время сдвинулось вперед на час.*

— *А компьютер выдает неверное время ровно на час или по минутам тоже привирает?*

— *По-разному, смотря как долго нет электричества.*

Уважаемый читатель, скажите, разве вас убедили доводы следователя Следственного комитета России? В следственном отделе злоумышленники постоянно отключают электричество, чтобы затруднить работу доблестных стражей порядка, путая им на компьютерах время вплоть до минут. Время в компьютере сдвинулось ровно на час вперед — и никогда следователь на это внимание не обращала. Получается, не пользуясь телефоном, а определяя время с помощью компьютера, следователь указывала неверное время и в других протоколах следственных действий, в том числе по другим делам в отношении иных обвиняемых. Тогда нужно проводить масштабную проверку всех уголовных дел этого нерадивого следователя.

Следователь оперативно сориентировалась. Она поняла, что, задавая вопросы про местонахождение компьютера, я намерен заявить ходатайство о назначении компьютерно-технической экспертизы с целью выяснения, в какое время создан файл явки с повинной, изменялось ли время создания файла, осуществлялся ли с компьютера выход в интернет до 8 июня 2020 года, имело ли место 8 июня 2020 года аварийное завершение работы компьютера, имело ли место 8 июня 2020 года отключение электроэнергии во время работы компьютера, привело ли отключение электричества во время работы компьютера к сбою времени на компьютере

на час вперед. Поэтому Наталья Бессовестная придумала версию о ремонтах и переустановках системы компьютера, как ранее выдумала гипотезу о неоднократных отключениях электричества и сбое системных часов.

В суд вызвана соседка Упоровых Татьяна Барахтина. Она очень близко знала Никиту еще с семи лет и дала ему, отвечая на вопросы адвоката Владимира Васина, характеристику, соответствующую особенностям личности ребенка.

— *С каких пор вам известен Упоров Никита?*

— *Они приехали в наш дом, когда Никита был в детском саду, ему было семь лет.*

— *Я хочу, чтобы вы максимально правдоподобно и честно охарактеризовали этого ребёнка, какой он был в 7, 8 лет и так далее, чтобы люди, которые не знают Никиту, попытались понять, что это за человек.*

— *Я знаю Никиту только с хорошей стороны, из их квартиры никогда не слышалось ни громких криков, ни ругани, всегда тихо и спокойно. Мальчик очень доброжелательный, внимательный, никогда не было такого, чтобы он где-то курил и был замечен в нетрезвом состоянии, всегда придёт на помощь, никогда плохого слова я от него не слышала.*

— *Вы сказали, что Никита внимательный. В чем внимательность его заключается?*

— *Когда идёшь с сумками, он всегда говорит: можно, я вам помогу, и дверь откроет, и поговорит. Очень спокойный хороший мальчишка, очень хороший.*

— *Можете рассказать про его маму?*

— *Знакомы по-соседски, она постоянно на работе, но всегда за ним следит, когда выходные наступают, они всегда вместе. Летом они ездят отдыхать вместе. Занималась мама воспитанием ребенка, как все мы, российские женщины, занимаемся своими детьми.*

— *Расскажите про папу ребёнка.*

— *Папу никогда не видела, я всегда вижу маму и Никиту вместе, дедушку ещё видела.*

Еще одна соседка была допрошена по личности Никиты — Елена Кривич.

— *Как давно вам знаком Упоров Никита?*

— *15 лет.*

— *Как вы можете охарактеризовать этого ребёнка, начиная с ранних лет?*

— *Мы многодетная семья, у меня шестеро детей. У нас напротив дома есть поляна, мы её огородили и поставили качели, горку. К нам собирались ребяташки, возраст разный, они играли, Никита в том числе приходил. Никита всегда был правильный, когда он приходил на поляну, я была спокойна, Никита за дисциплиной следил. Дети мои его любили, он был расудительный, всегда разнимал, ничего плохого об этом ребёнке сказать не могу, сама доброта.*

— *Можно сказать, что он был справедливый?*

— *Можно.*

— *Можно ли о нем сказать, что он с уважением относился к старшим?*

— *Можно.*

— *Он был умным ребёнком?*

— *Да. Даже когда дети играли в футбол, он был судьей, потому что другому доверять не могли, то есть он даже у детей доверие вызывал.*

Свидетель невольно поведал участникам процесса о необходимом условии, при котором правосудие может состояться, то есть может быть подлинным. Главное — это доверие к суду. Вообще нам всем учиться и учиться доверять друг другу: взрослым учиться доверять детям, жене — мужу и наоборот, доверителю — адвокату, больному — врачу и так далее.

Прокурор задал один провокационный вопрос, которым попытался добиться от свидетеля, чтобы тот назвал Никиту лидером. Для чего это было нужно обвинителю? Чтобы из Никиты сделать преступного лидера, который подбил, организовал ребят на преступление, воодушевил и убедил. Поэтому вопрос содержал в себе достаточную дозу яда, причем прокурор необоснованно вывел лидерские качества ребенка из того факта, что Никите все доверяли. И такими недопустимыми приемами ловко пользуются люди в голубых мундирах.

— *Вы сказали, что Никита у детей доверие вызывал, можно сказать, что лидерскими качествами обладал Никита?*

— *Не было там лидеров, все были одинаковые, просто уважали его, что он не лез в драку, не матерился.*

После неудачной попытки заставить свидетеля свернуть на неверную тропинку государственной обвинитель вопросов больше не задавал.

Свидетель Елена Кривич запомнилась мне не только искренней характеристикой Никиты, но и тем, что она воспитала шестерых детей. А еще тем, что она в свойственной ей непосредственной манере, возмущенная тем, что незаконно судят детей, обвиняя их в терроризме, с любопытством и неким укором задала всем мужчинам-судьям риторический вопрос: *«Обвиняете их в том, что они шалили, бомбочки делали. А сами-то вы разве не играли в войнушку в детстве?! Все мальчики, которые становятся мужчинами, играют! Но их же за это не судят».*

Судьи задумались. Видимо, стали вспоминать свое детство, свои забавы и игры, невольно представляя себя Никитой Упоровым.

8.12. День двенадцатый

12 ноября 2021 года на ринг правосудия вышла педагог-психолог Ольга Трубчик.

Привожу выдержку из протокола допроса Трубчик. Я начал задавать вопросы:

— *Ольга Михайловна, расскажите про Андреева Богдана?*

— *Я его знаю как спокойного уравновешенного ребенка, который исполняет все требования педагога, не имея пропусков по неуважительной причине, усердно и старательно учился. Нарушений поведения у него не было, на учете не состоял, примерный ученик средней школы.*

— *В настоящее время вы с ним работу ведете какую-то?*

— *Да, я с ним беседовала в школе, выясняла, как он себя чувствует в школе, ведь Богдан год был изолирован от общества, находился под домашним арестом.*

— *Расскажите, каким вы увидели Богдана после года домашнего ареста?*

— *Ребенок был очень радостный, что вернулся в школу, улыбался, глаза у него светились.*

— *Успеваемость у него по каким предметам была особая?*

— *Он точные науки любит, насколько помню, программирование, увлекался компьютерными разработками. Математику любил.*

— *По поведению какие-то претензии к нему были?*

— *Не было, он никогда не нарушал порядок на уроках, всегда был уравновешенным, спокойным, послушным.*

— *В настоящее время после меры пресечения Богдану нужна реабилитация, помощь?*

— *Работа психолога в любом случае нужна, потому что ребенок перенес стрессовую ситуацию.*

Как вы можете убедиться, Богдан не представляет собой преступный тип личности. Он неординарный и одаренный ребенок, который больше года был изолирован и теперь нуждается в работе психолога. Возврат к обычной жизни будет не так прост — просто сломать, разрушить жизнь, что и попытались сделать отдельные взрослые, облеченные властью.

— Вы 7 июня 2020 года участвовали при даче Богданом объяснений?

— Седьмого июня 2020 года, в воскресенье, мне в 15 часов позвонили и сказали подъехать в следственный отдел. Я приехала, зашла. Богдана уже допрашивали.

— Опрос Богдана уже шел, вы это помните?

— Да, вопросы уже задавались.

— Кто присутствовал?

— Присутствовала мама, Богдан, следователь, сотрудник ФСБ Степан. Еще другие мужчины заходили, периодически тоже задавали вопросы.

— Известно ли вам, заносились ли ответы Богдана в протокол?

— Да, заносились.

— Когда опрос был окончен, когда вас отпустили?

— Нас отпустили в 0:30 ночи уже следующих суток.

— Перерыв объявлялся?

— Объявлялся на 15 минут. А второй раз — на 5 минут.

Сосчитали, сколько было нарушений? Опрос начался без участия педагога. Перерывы были менее одного часа. Допрос длился намного больше разрешенных четырех часов. Допрашивали Богдана посторонние лица (не следователь). Допрашивали в ночное время.

— опишите состояние мальчика.

— Ребенок в стрессе был однозначно, был испуган.

— В чем это выразалось?

— Когда он отвечал, у него дрожал голос.

— Слезы были?

— Слезы были.

— Когда появились слезы у ребенка, следователь приостановил допрос?

— Нет.

— На следующий день вам сказали прийти?

— Да, на следующий день к 10 часам утра 8 июня 2020 года, это был уже понедельник.

— Теперь расскажите, что делали 8 июня 2020 года.

— Допрос продолжился с того, на чем остановились 7 июня 2020 года.

Обращаю внимание, что свидетель говорит о едином допросе, который длился два дня, с 7 по 8 июня 2020 года.

— Во сколько начали допрос?

— Где-то в 10:15 или 10:20 утра.

— Утра?

— Да.

— Иные лица, кроме тех, которых вы указали, присутствовали?

— Периодически другие люди заходили, тоже задавали вопросы.

— Это следователи были?

— Следователи, может, еще кто-то, они не представлялись.

— А задавали вопросы Богдану?

— Да.

— Богдан отвечал на вопросы?

— Да, он на все отвечал.

— А сколько этих лиц было: один, два, три?

— Может быть, два-три.

— Когда был окончен допрос?

— Примерно в 20:00 — 21:00.

— У меня ходатайство. Уважаемый суд, прошу предоставить на обозрение свидетелю протокол допроса Андреева Богдана в качестве подозреваемого.

— Время указано какое?

— Допрос начат в 15:20.

— Это соответствует действительности?

— На самом деле мы утром начали допрос в 10 с чем-то.

— Когда окончили, посмотрите.

— Окончен в 19:10.

— Это соответствует действительности?

— Нет, мы позже закончили.

— Дальше смотрите, участвующие лица (подозреваемый, мама, защитник и вы) — это соответствует действительности?

— В основном да, они были.

— Что значит «в основном»?

— Еще те, кто иногда заходили.

— Они здесь не указаны?

— Не указаны.

Я заявил ходатайство об исследовании видеозаписи опроса педагога-психолога Ольги Трубчик. Перед опросом я предложил снять нашу беседу на видеокамеру. Она согласилась. Мне нужно было убедить суд в том, что я не следователь Бессовестная, не пользуюсь ее приемами. Ведь следователь, допрашивая Богдана, составила текст протокола допроса именно так, как ей было нужно, полностью исказив показания подростка. Следователь самовольно указала в тексте более десяти раз фразу ребенка о том, что он якобы намеревался совершить теракт. Чтобы протокол не был сфальсифицирован, используется видеозапись, просмотрев которую, любой человек поймет, говорил ли допрашиваемый ту или иную фразу, оказывалось ли на него какое-либо давление, действительно ли ему разъяснялись права. Вообще видеозапись, применяемая при допросе, позволяет установить добросовестность следователя, допустимость и достоверность, то есть правдивость, показаний допрашиваемого.

Под видеозапись специалист ясно и недвусмысленно пояснила:

«Богдан в ходе допроса плакал, было ясно, что ребенок очень измотан морально и физически, поскольку очень долго находился в следственном отделе и до моего прихода. Ребенок был очень испуган, у него периодически наворачивались слезы на глаза, он их еле сдерживал всеми силами, но иногда не удавалось сдержать. Мне его было очень жалко. В кабинете было холодно, я замерзла. Богдан находился в стрессовом состоянии, был очень подавлен, хотел поскорей домой. Со стороны следователя не было никакой скидки, что ребенок уставший, что он почти сутки находится в этом помещении, что ему тяжело. У меня сложилось ощущение, что это жестоко по отношению к ребенку. В кабинет заходили другие лица, подключались к допросу, задавали вопросы: их было около пяти, они так или иначе участвовали в допросе. Время, указанное в протоколе допроса, не соответствует тому времени, сколько мы там находились, а находились однозначно дольше. Время начала допроса и его окончания можно определить по переписке с моей коллегой, которую я вела в Viber во время следственного действия. В моей личной переписке тогда мне не было смысла что-либо придумывать. Я писала, как есть на самом деле».

Я заявил ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела протокола осмотра письменного доказательства нотариусом. Нотариус, осмотрев мобильный телефон “Apple iPhone 6s”, принадлежащий Ольге Трубчик, обнаружил переписку в мессенджере Viber (об этой переписке я уже упоминал ранее). Суд удовлетворил мою просьбу, несмотря на возражение прокурора, который полагал, что протокол осмотра письменного доказательства нотариусом получен не в соответствии с требованиями УПК РФ. Позиция обвинителя не была основана на законе, поскольку согласно ст. 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 года № 4462-1 по просьбе заинтересованных лиц нотариус обеспечивает доказательства, необходимые в случае возникновения дела в суде или административном органе, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным. В соответствии со ст. 103 Основ в порядке обеспечения доказательств нотариус производит осмотр письменных и вещественных доказательств. Доводы же прокурора о том, что переписка могла быть подвергнута изменению, искажению, были опровергнуты самим судом, который изучил телефон свидетеля и всю ее переписку.

Опираясь на протокол, составленный нотариусом, я продолжил допрос свидетеля:

— *Запись в 21:52 7 июня 2020 года в вашей переписке с социальным педагогом Еленой Валовой «я до сих пор сижу в следственном... с четырех часов» что означает?*

— *Я в это время находилась в следственном отделе, когда Богдана все еще допрашивали.*

— *Запись в 21:53 «мы сидим на допросе... ни поест, ни попить» что означает?*

— *Означает, что не было возможности поест и попить, мы сидели и не могли выйти.*

— *Перерыв объявлялся?*

— *На 5–10 минут.*

— *Вы в этот перерыв выходили?*

— *В туалет только.*

— *Запись в 21:54 «уже 10 вечера» с сердитым смайликом что означает, почему вы так эмоционально отреагировали?*

— *Потому что устали уже, хотели есть.*

— *Запись в 21:56 «а мы просто присутствуем на допросе... бедный ребенок» что означает?*

— *Меня ни о чем не спрашивали, я просто сидела, мне было жалко Богдана.*

— *Какое состояние было у него в 22 вечера?*

— *Богдан был уставший, это было видно, целый день без еды.*

— *Запись в 21:57 «у меня Андреев тут Богдан... плачет тут... что жестко беседуют... я даже не знаю, что должна сделать... жестят... мама тут» что означает?*

— *Это был как раз тот момент, когда следователь повысил голос, у Богдана появились слезы. Следователь вопрос задал, ответ Богдана его не устроил. Тогда следователь повысил голос, чтобы получить от ребенка другой ответ, следователь подгонял ребенка.*

— *Запись в 21:58 «а детишки топят друг друга... и следователи ходят туда-сюда... без конца новые детали всплывают» что означает?*

— *Постоянно заходили разные люди и задавали вопросы Богдану.*

— *Запись в 22:00 «вчера до трех часов ночи они тут сидели» что означает?*

— *Ребят задержали в субботу и до трех ночи с ними проводили следственные действия.*

— *Запись в 22:03 «они пытаются как-то выкрутиться» что означает?*

— *Они пытались объяснить, что не хотели ничего плохого сделать. Постоянно звучало в их речи, что у них не было серьезных намерений.*

Педагог утверждает, что ребята постоянно говорили об отсутствии у них серьезных намерений, то есть они не хотели совершать теракт. Так ли их слова записала следователь? Она искадила их до неузнаваемости, приписав в протоколе допроса свыше десяти раз цель — «взорвать здание ФСБ или МВД».

— *Заходили постоянно другие люди и говорили, что Денис Николаенко отвечает так же, как и Богдан Андреев.*

— *Как именно, со слов этих людей, отвечал Денис?*

— *Денис отвечал, что не хотел ничего плохого, не хотел ничего взрывать, просто участвовал в каком-то интересном предприятии.*

Интересно: и Денис, и Богдан отвечали на вопросы следователей одинаково, не собирались ничего взрывать, не хотели ничего плохого, а в итоге в протоколах допросов записано совсем другое. Как такое может быть, спросите вы? Может, если всех запугать, угрожать, шантажировать, держать двое суток без еды и перерывов, доводить до слез. Да еще и записать так, как выгодно следователю, подгоняя якобы сказанное школьниками под состав преступления. Вот вам рецепт.

— *Запись в 22:22 «тут холодно» что означает?*

— *Нам всем было холодно, в том числе и Богдану.*

— *Запись в 22:55 «ни конца, ни края не видно» что означает?*

— *Уже ночное время, а допрос в самом разгаре.*

— *Запись в 23:01 «вначале одно говорил, теперь другое» что означает?*

— *Богдан был уставший и хотел домой, ему постоянно давали понять, что если он скажет все, как они [следователи и оперативные сотрудники] хотят, то его отпустят домой.*

Показательный ответ, не правда ли? Важно ответить не так, как было на самом деле, а так, как хотят сотрудники правоохранительных органов. Хотя называть их сотрудниками правоохранительных органов у меня просто язык не поворачивается.

— *Богдан был готов все что угодно сказать следователю, лишь бы его отпустили. «Все» — имеется ввиду не все, что было на самом деле, а все сказать, что хотят они.*

— *Запись в 23:02 «они там такое настрочили, глупые головы, это ж надо было такое выдумать, сами себе ямы вырыли» что означает?*

— *У Степана [сотрудника ФСБ] был телефон Богдана, Степан зачитывал переписку, показывал ее мне, потому что я рядом с ребенком сидела.*

Это тот самый Степан, который при задержании отобрал у Богдана телефон. В тот же день, 6 июня 2020 года, телефон был уже официально изъят в доме подростка следователем Бескомпромиссной. По словам должностного лица, аппарат был направлен в Следственный комитет. Так как же тогда телефон оказался у сотрудника ФСБ Степана? Ведь именно этим телефоном бравый оперативник козырял перед участниками следственного действия, вмешиваясь в допрос и опрос, не будучи приглашенным и вписанным в протокол. Так, игнорируя нормы закона и правила человеческого общежития, можно себя вести, только чувствуя полную безнаказанность.

— *Запись в 23:07 «хотя они тут говорят, что Упоров все равно бы натворил, просто позже, но серьёзнее. Хорошо, что именно сейчас задержали, пока они ничего не сделали еще, они совсем без царя в голове» что означает?*

— *Это слова следователей, они сказали, что Никита все равно бы что-то натворил. Я просто записала слова следователей.*

— *А зачем вы это кому-то пишете?*

— *Просто. Следователи убеждали Богдана свидетельствовать против Никиты.*

Надеюсь, вы поняли, что показания Дениса и Богдана не были правдивыми (достоверными) и добровольными (допустимыми)? Уверен, что такой вывод вне разумных сомнений делает каждый.

— *«Они совсем без царя в голове», — это мои слова. Я в тот момент высказывания следователя принимала за чистую монету. Я считала, что они правду говорят. Потом, когда стали узнавать больше, мнение мое поменялось.*

— *Запись в 12:46 08 июня 2020 года «меня пустили уже» что означает?*

— *Елена Николаевна Валова ездила в тот день на беседу.*

— *Запись в 12:46 «а меня еще нет» что означает?*

— *Я находилась в следственном отделе на допросе с Богданом.*

— *Вы пишете в телефоне 08 июня 2020 года в 12:50 «тут все в самом разгаре». О чем речь?*

— *Богдана допрашивали.*

Помните, что согласно протоколу следователь якобы начала допрос в 15:20? Теперь понятно, что на самом деле допрос начался с утра? Также следователь говорила, что на ее компьютере произошел сбой из-за отключения электричества, и она неверно указала время явки с повинной. Явка якобы была отобрана в 14:30. Эта уловка следователя также была разоблачена, ведь в это время допрос уже велся — был «в самом разгаре».

Услышав правду от свидетеля, суд решил проверить показания Ольги Трубчик:

— *Будьте любезны, телефончик предъявите, пожалуйста, суду. Как долго он находится у вас в пользовании?*

— *С 2017 года.*

— *Этот телефон вы предъявляли нотариусу?*

— *Да.*

Члены судейской коллегии лично изучили всю переписку в мессенджере, которая была начата 22 апреля 2020 года. Суд не выявил какой-либо фальсификации, сбоя в хронологии изложения сообщений. Суд установил, что переписка в телефоне соответствует протоколу, составленному нотариусом. Суд также не обнаружил приложений, позволяющих имитировать переписку в мессенджере.

Адвокат Владимир Ильков, защищающий Дениса Николаенко, задал свидетелю вопрос про психологическое состояние своего подзащитного:

— *Вы сказали, что Богдан и Денис боятся. А вы в период допроса Богдана разве видели Дениса?*

— *Он проходил мимо, я его видела.*

— *Вы помните его состояние?*

— *Денис был напуган. Я беседовала с коллегами Мининой и Сечко, которые присутствовали в качестве педагогов при допросе Николаенко, и они мне сказали, что Денис был напуган. Мне педагоги также сказали, что Денис не хотел ничего плохого, не хотел ничего взрывать.*

Адвокат Владимир Васин задал вопросы, ответы на которые ни у кого не оставили сомнений, что следователи и оперативные сотрудники сами привнесли в уголовное дело слово «терроризм». Видимо, им это было нужно, выгодно.

— *7, 8, 9 июня 2020 года от кого вы слышали слово «терроризм»?*

— *От сотрудников.*

— *От следователя слышали?*

— *Да.*

— *Сколько часов вы находились в следственном отделе, работая с Богданом, 7, 8, 9 июня 2020 года?*

— *Первый день я находилась 10 часов, второй — 7 часов, третий — 9 часов.*

Я уточнил вопрос коллеги, чтобы установить факт нарушения прав именно Богдана:

— *Все указанное вами время Андреев Богдан с вами находился?*

— *Да, конечно.*

К вопросам приступил суд.

— *На подростка моральное давление оказывалось?*

— *Под конец, когда было уже очень поздно (в последние два часа) в первый и второй день следователь повышал голос. Мы все сидели уже уставшие и очень плохо воспринимали информацию, следователь нагнетал обстановку. Под конец следователь начинал задавать сложные вопросы, это походило на моральное давление, на психологический трюк.*

— *Почему вы не сделали замечание, когда на ребенка оказывалось давление?*

— *Мне слова не давали.*

— *В чем были сложные вопросы?*

— *В вопросах использовались специальные термины, вопросы были сложны для ребенка. От следователя постоянно звучала фраза, что Богдан должен все рассказать, иначе ему будет хуже.*

— *Как вы можете охарактеризовать Никиту?*

— *Никита — правдолюб.*

Следующий вопрос суда был наводящим, то есть в самом себе содержащим ответ — предполагалось, что свидетель просто подтвердит его последнюю часть:

— *8 июня 2020 года, когда Андреев отвечал на вопросы следователя, он самостоятельно формулировал ответы?*

— *Богдан иногда затруднялся, и ему задавали наводящие вопросы.*

Суд вновь конструирует вопрос таким образом, чтобы получить от свидетеля подтверждение отсутствия психологического насилия над ребенком:

— *То есть в тот момент вы для себя уяснили, что психологического воздействия на ребенка не было? Правильно?*

— *Оно было.*

Я пытаюсь внести ясность:

— *Наводящий вопрос — это такой, который содержит в себе ответ. Такого рода вопросы со стороны следователя были к несовершеннолетнему или нет?*

— *Были такие вопросы, например, «вы пошли туда с целью совершить?», то есть вопросы, содержащие формулировку ответа.*

Суд привычно задает свидетелю вопрос, на который тот уже дал ответ, в надежде услышать другое, но педагог проявляет стойкость:

— *Такие были вопросы, да?*

— *Такие были, да.*

— *Много их было?*

— *Несколько было, особенно под конец.*

Помните, Трубчик поясняла, что «особенно под конец допроса» следователь начала напирать на ребенка, с особой настойчивостью задавать ему вопросы, желая получить нужный ей ответ. Добиться своего следователь могла, используя запрещенный прием, задавая несовершеннолетнему наводящие вопросы.

Суд, намереваясь «спасти» хотя бы половину допроса, рассчитывал, что свидетель подтвердит использование следователем запрещенного приема только в один день. Ольгу Трубчик, которая была очевидцем недопустимых приемов следователя, незаконных экспериментов над неокрепшей психикой ребенка, запутать не удалось:

— *Это было 8-го?*

— *Это было 7 и 8 июня 2020 года.*

Далее суд выясняет роль защитника по назначению. Трубчик прямо заявила, что адвокат бездействовала, фактически оставив без защиты своего доверителя, не пытаясь даже ответить незаконные вопросы следователя. Не стану утверждать, что между ней и следователем был сговор, но безразличие защитника к судьбе ребенка, ее путанные и скомканные показания в суде наводят на такую печальную мысль. Богдан же затруднялся дать ответ на вопрос по той причине, что сам вопрос был некорректно сформулирован.

— *А когда задавали такие вопросы, содержащие ответ, адвокат каким-то образом препятствовал?*

— *Нет, я помню, что Богдан даже затруднялся ответить, сказать да или нет.*

Я вновь принял на себя инициативу допроса свидетеля:

— *А в чем состояло психологическое давление? Уточните.*

— *Я считаю, что до ночи опрашивать ребенка — это в любом случае уже давление, просто воспользовались тем, что он уставший и у него уже не было сил: он уже был готов все, что угодно, сказать, чтобы его только отпустили. Тем более, ему давали понять, что «вот-вот еще на один вопрос ответишь и пойдешь». Он отвечал, но тут же появлялось еще несколько вопросов.*

Не только воспользовались тем, что Богдан был уставшим, но и умышленно создали такую ситуацию. Допрашивали два дня с утра до ночи в холодном помещении, запугивали ребенка тем, что он будет помещен в следственный изолятор, если не скажет, что все свои действия вместе с ребятами осуществлял только ради совершения теракта, а именно с целью взрыва в здании ФСБ. Не прерывали допрос, когда Богдан плакал, наоборот, использовали его беспомощное состояние, усиливали незаконное психическое воздействие, задавая наводящие вопросы.

— Как ему давали понять?

— Говорили, что «вот еще сейчас один вопрос», ему его задавали, и он на него отвечал, думая, что это последний вопрос, а там потом еще «открывалось» пять вопросов, говорили «еще сейчас возвращаемся назад».

Что называется, доводили ребенка до полного изнеможения. Неудивительно, что в результате таких методов допрос в первый день продолжался более десяти часов, а во второй — более семи.

— Уточните, первый раз в воскресенье, 7 июня 2020 года, вы участвовали в следственном действии десять часов. Что вы понимаете под своим участием?

— Я там присутствовала при допросе, то есть это конкретно было десять часов работы.

Свидетель однозначно высказалась, что ребенка в течение десяти часов допрашивали.

— 8 июня 2020 года вы работали семь часов?

— Ориентировочно.

— Тоже процедура задавания вопросов шла?

— Да.

Следующий вопрос задан судом — и тоже неспроста. Суд надеялся, что свидетель ответит, что были моменты, когда следователь просто беседовал с несовершеннолетним. Таким образом можно было бы исключить время беседы с подростком из общего времени допроса, тем самым снизив его длительность. Как будто простая беседа с ребенком по поводу инкриминируемых ему деяний без отражения ее существа в протоколе не может сказаться на его психике, привести подростка в усталое состояние.

— Ольга Михайловна, скажите, пожалуйста, в воскресенье и понедельник [дни недели, когда Богдана допрашивали в следственном отделе] были ли такие моменты, чтобы следователь просто разговаривал с Андреевым, ну, скажем, для себя, не внося это в протокол? Или это было все-таки так: вопрос-ответ, следователь напечатал, вопрос-ответ, следователь напечатал?

— Следователь сначала очень много с ним беседовала, а потом что-то печатала. Наверное, в течение 15-20 минут беседовали, затем попечатает и опять задает вопросы.

Хитрый прием суда не прошел. Свидетель пояснила, что любая беседа с ребенком не была бесцельной, ее ход на протяжении десяти часов в первый день и на протяжении семи часов во второй заносился в протокол. Не получив удовлетворительного ответа, суд переспрашивает, несмотря на то, что уже был дан конкретный ответ. Суд снова пытается воздействовать на свидетеля, но обмануть или запутать Трубочик не удалось:

— Ну а такое, чтобы она с ним поговорила и не вносила в какой-то процессуальный документ сказанного, то есть не печатала, было?

— Было, что она очень долго, около часа, разговаривала с Богданом, но все равно потом печатала сказанное ребенком где-то час, где-то полчаса.

Суд приступил к допросу психолога Николая Щербакова, который исследовал личность Никиты. Специалист по большей части цитировал свое заключение, приобщенное к материалам дела в ходе предварительного расследования:

«Личности несовершеннолетнего Упорова присущи следующие психологические особенности: достаточно высокий уровень развития интеллекта (как невербального, так и вербального), хорошо развиты мышление и речь, разнообразные интересы, среди которых преобладают познавательные. Знает и соблюдает принятые в обществе нормы, правила. Сдержанность, способность контролировать свое поведение, гибкость, искренность, доброжелательность. Среди ценностей преобладает альтруизм и счастливая личная жизнь, также независимость и ответственность. Признаков психопатологии и повышенной агрессивности не выявлено».

Разве может человек с таким складом желать кому-либо смерти путем взрывов, поджогов? Личности Упорова криминогенные свойства не присущи. Напротив, её отличают такие свойства и особенности, как гибкость, сдержанность и самоконтроль, доброжелательность к окружающим, низкая агрессивность.

«Признаков антисоциальной деформации личности или дефектов психической саморегуляции у Упорова не выявлено. Несовершеннолетнего Упорова отличает низкий уровень агрессии, а также, о чем свидетельствуют данные, полученные в результате исследования его ценностных ориентаций, честность, порядочность, способность аргументированно отстаивать свою точку зрения, альтруизм, стремление к счастью в личных отношениях, отсутствие акцентуаций, познавательные интересы, высокий уровень психической саморегуляции, отсутствие импульсивности и психопатологии».

Исследование не обнаружило свойств личности несовершеннолетнего Упорова, могущих детерминировать его девиантное поведение³⁵, в том числе и участие в террористических группах, сообществах.

Типичные черты подростков: а) подростку важно, чтобы его взрослость была замечена окружающими; б) подростку важно, чтобы форма его поведения была не детской; в) любимый герой подростка — человек активный, стремящийся к цели, преодолевающий серьезные, почти непреодолимые препятствия и выходящий из них победителем, в любом начинании он предпочитает быть деятелем, а не наблюдателем; г) склонность к мечтанию, фантазированию, сочетание со склонностью рассказывать о своих ролевых или выдуманных качествах; ребята больше хотят что-то делать, чем реально делают; д) возникновение разнообразных кодексов, например, товарищества; е) возникновение представлений о нормах поведения, провоцирование на обсуждение поведения взрослых [добавим, обсуждение весьма нелицеприятное].

В этой связи сам факт объединения подростков из города Канска, в том числе несовершеннолетнего Упорова, в неформальную группу, с использованием социальных сетей, где обсуждали события, происходящие в стране, в городе, включая политические реалии, а также музыку и другие интересы, политические взгляды и пристрастия, свидетельствует и о личностной зрелости, и о социальной активности данных подростков.

Распространение несовершеннолетним Упоровым листовок в поддержку политических заключённых психологически было мотивировано его индивидуальными качествами, психологическими особенностями, такими как обостренное чувство справедливости, высокий уровень развития абстрактного мышления, интерес к истории и политике. Расклеивая листовки, Упоров хотел привлечь внимание людей на проблему политических заключённых, в частности, аспиранта МГУ, и поспособствовать тому, чтобы люди писали этим заключённым письма. Подростки не преследовали цели подготовки к теракту. Подростки и юноши мужского пола действительно нередко экспериментируют со взрывчатыми веществами, что мотивировано разными причинами психологического характера, в частности, желанием

³⁵ Поведение, отклоняющееся от общепринятых норм.

изготовить такое вещество и произвести его взрыв, совершив таким образом крайне рискованное действие, связанное с мгновенным мощным опасным для жизни и здоровья преобразованием физической материи.

Таким образом, подводя итог, подчеркну, что действия Упорова вполне укладываются в картину нормального поведения подростка мужского пола, присущего жизни общества, в котором он живет и пытается в меру своих возможностей на нее влиять. Действия Упорова не только не свидетельствуют о делинквентной направленности³⁶ его личности, но, напротив, говорят о его нормальной, развивающейся личности, совершенно не требующей социальной коррекции, в том числе методами пенитенциарного³⁷ характера».

На вопросы суда психолог ответил, что приезжал в Канск и лично изучал личность Никиты.

Прокурор:

— Вы исследовали личность Упорова. Мог он состоять в террористических сообществах?

— Террорист — это обычно человек психически больной, но у Никиты не выявлено ни одного признака психопатологии. Террорист — это человек, который мог пережить психологическую травму в детском возрасте, имеющий серьезные нарушения эмоциональной сферы. Террористы — это люди социально глубоко неблагополучные. Никита не такой. Он мечтает стать журналистом и продолжает этим заниматься, имеет разнообразные интересы, встроен в социум, общается с друзьями.

— Какая-то вероятность совершения Никитой преступления имела?

— Я так скажу, что у любого человека есть предрасположенность к совершению преступления, когда он попадает в условия, где не совершить преступление невозможно. Никита же является тем, кто даже в таких условиях будет вести себя максимально законопослушно.

8.13. День тринадцатый

15 ноября 2021 года в суд явилась следователь Ксения Злобина, которая допрашивала Дениса Николаенко, проводила с ним проверку показаний на месте, отбирала явку с повинной. Она за полтора часа составила протокол допроса на 14 листах.

При этом в суде, как и следователь Наталья Бессовестная, ссылаясь на высокую скорость печати, но вопрос, где следователь научилась так быстро печатать, остался открытым.

— Вы оканчивали курсы по скоропечатанию, стенографии?

— Нет.

— Самостоятельно изучали методики увеличения скорости печати?

— Нет.

Денис Николаенко фактически допрашивался свыше двух часов.

— Сколько перерывов было при допросе Дениса?

— Перерывов не было.

— Психологическое давление на ребенка оказывалось?

³⁶ Антиобщественное противоправное поведение человека, наносящее вред как отдельным гражданам, так и обществу в целом.

³⁷ Пенитенциарная психология (от лат. *poenitentia* — раскаяние, покаяние) изучает психологические основы ресоциализации осуждённых: восстановление у них нарушенных социальных личностных качеств, динамику их личностей в процессе исполнения наказания (то есть отбывания срока).

— Нет.

— Оперативные сотрудники задавали вопросы Денису?

— Нет.

— Показания Николаенко вы дословно писали?

— Старалась дословно записать.

Суд перешел к допросу мамы Богдана Анны Андреевой. Я попросил ее охарактеризовать сына:

«Воспитываю своего сына одна с двух лет. Удалось устроить Богдана в одну из лучших школ города Красноярска — лицей № 7. Этот лицей был с техническим, математическим и физическим уклоном. В этой школе мы проучились до 5-го класса, в пятом классе в связи с работой переехали в г. Канск, и своё обучение Богдан продолжил в 21-й школе. С 1-го класса добросовестно относился к труду, учебе, свои обязанности у него были и по дому. Взаимоотношения у нас были дружеские, доверительные. Никогда у нас не было конфликтов с ребёнком, понимаем друг друга. Очень много он мне задаёт вопросов, насколько мне хватает ума, объясняю. Его развитие всегда опережало норму. Я часто покупала ему много развивающих технических средств, необычные игрушки какие-то, они ему были не по возрасту. С самого детства, с класса 3–4-го, так получилось, что, в отличие от других детей, он стал смотреть телеканал „Наука“ либо другие развивающие программы. Сейчас мы проживаем с моим отцом. Отношения доброжелательные, отец тоже с удовольствием принимает участие в воспитании и жизни моего сына».

Далее я начал задавать более конкретные вопросы, ответы на которые оказались исчерпывающими.

— Куда планируете поступать?

— В университет «Иннополис» в городе Казань для обучения по программе «Анализ данных и искусственный интеллект».

— Ваш отец как помогает ребенку?

— Занимается с ним физикой, специальность у него инженерно-техническая, с механикой работа связана.

— О психологическом состоянии ребенка что можете сказать?

— Эмоционально уравновешенный, любознательный, активный, доброжелательный, с удовольствием рассуждает, вступает в дискуссии, участвует в диалогах взрослых, активно высказывает свою точку зрения, принимает критику адекватно. Потом в разных источниках ищет, в чем он не прав, и разбирается, почему так могло получиться.

— Уровень самообразования развитый?

— Да, очень. Гиперактивность в плане обучения. Сам, без принуждения, без напоминания может заниматься часами. Когда мы были на домашнем аресте в течение года, Богдан на обучение тратил не менее десяти часов в сутки, потому что понимал, что педагогов нет, помочь ему никто не сможет и заниматься уроками надо больше, чем он занимался бы в школе.

— Вы работаете где?

— Работаю в исправительной колонии в должности начальника отдела.

— Слышали показания инспектора Виляйкина?

— Слышала.

— В той части, что контроль с вашей стороны ослаблен за успеваемостью и воспитанием сына, согласны?

— Нет, я с этим не согласна в корне, потому что если бы я не осуществляла контроль и не заложила фундамент и темп обучения, таких успехов мы бы сейчас не добились. Я состою в различных классных группах. Всегда в контакте с классным руководителем, мой телефон известен педагогам школы. Также у меня, согласно трудовому распорядку, восьмичасовой рабочий день с 8 утра до 18 вечера.

— Ночуете дома?

— Обязательно, и в позднее вечернее время не возвращаюсь.

— В 2019–2020 годах у вас такой же график был?

— Да, в должности состою с октября 2018 года.

— В командировки как часто ездите?

— Езжу не более двух раз в год, последняя моя командировка была в 2021 году, на одни сутки я уезжала.

— Вернемся немного назад. Вы считаете, что инспектор, указав, что контроль за сыном ослаблен, сообщил недостоверную информацию?

— Недостоверную, потому что я с инспектором не общалась, не встречалась — я помню каждого человека, кто был в моем доме.

— Он к вам домой приходил?

— При мне не приходил.

— Расскажите об обстоятельствах, начиная с задержания ребёнка.

— Мне позвонили 6 июня 2020 года, в субботу, в вечернее время, примерно с 17 до 19 часов. Приехала в полицию, мне сказали, что подростки расклеивали листовки. Со мной беседовала следователь Бескомпромиссная. Телефон уже у ребёнка не находился. В полиции мы пробыли до двух часов ночи 7 июня 2020 года.

— Спросили у Богдана, где телефон?

— Я у него спросила, где твой телефон, он говорит: «У меня изъяли сотрудники при задержании».

— Кто из сотрудников изъял телефон?

— Богдан сказал, что Степан [оперативник ФСБ]. Он еще в допросе ребенка участвовал.

— Дальше что происходило?

— Мы сначала беседовали с Бескомпромиссной, потом пошли в служебный кабинет, там находилось три оперативника из отдела розыска, судя по их разговору. Периодически ходил с телефоном сотрудник ФСБ, он представился как Александр — психолог ФСБ, показывал, что произошло. Потом мы поехали к нам домой с Бескомпромиссной и оперативной группой. У нас дома они сказали, что необходимо зафиксировать, что как будто телефон изъят у Богдана дома. Сказали, покажите, где у Богдана комната. Они положили телефон на стол в комнате Богдана и сфотографировали телефон на столе, затем телефон изъяли. Сами положили телефон на стол и сами изъяли.

— Как я понял, фактически телефон был изъят при задержании?

— Да. Мы обратно вернулись в полицию, ещё там пробыли несколько часов и к трём часам ночи нас отпустили.

— На следующий день что было?

— 7 июня мы приехали с Богданом к 10 утра к следователю, начался допрос.

— Опишите процедуру начала допроса.

— Сидели следователь, Богдан, я, сотрудник ФСБ Степан, у него был телефон Богдана.

— Права вам и ребенку разъяснялись?

— Нет, не разъяснялись.

— Перерывов во время допроса было сколько?

— Не было перерывов.

— Даже пятиминутного?

— Были перерывы для нас только тогда, когда следователь выходила. Она выходила из кабинета, что-то там делала, возвращалась с листочком бумаги, каждый раз на листочке было записано что-то новое. Листок был формата А4, клала листочек перед собой и дальше продолжала задавать вопросы. Вот пока её не было, мы немного отдыхали.

— Сколько раз она выходила?

— Раз пять выходила.

— По времени сколько это было?

— Минут пять, не больше.

— Окончен допрос когда был?

— После 0 часов ночи уже восьмого числа

— Скажите, весь период с 10 утра до 0 часов 30 минут следующих суток Богдану задавались вопросы?

— Весь период, безостановочно.

— Опишите состояние своего сына.

— На первые три или четыре вопроса о листовках Богдан ответил, а когда следователь начала выходить и заходить, она жёстче начала задавать вопросы. На листке у неё было написано слово «цель», обведено в кружочек с восклицательным знаком [следователь была проинструктирована, что должна доказать цель обучения ребят — совершение террористического акта]. Я просто не так далеко сидела и видела то, что у неё было написано на листочке. Богдан говорил: «Я с научной точки зрения проводил эксперименты, я же химик, я хотел казаться взрослее, чем есть на самом деле». Следователь возражала: «Нет, мой дорогой, мой хороший, так дело не пойдёт, если ты сейчас не скажешь о цели терроризма, то поедешь в следственный изолятор». Следователь больше десяти раз это повторила.

— Вы цитируете слова следователя?

— Цитирую, она точно говорила: «Мой хороший, не пойдёт, если ты так не скажешь, ты поедешь в СИЗО». Я же не знала, что они окажутся оборотнями в погонах. Я доверяла им, Богдан доверял мне, такая цепочка сложилось. Я, к сожалению, не смогла защитить сына (плачет).

— Мы допрашивали в вашем присутствии педагога-психолога Трубчик Ольгу Михайловну. Она присутствовала весь промежуток допроса?

— Нет, она приехала днём. Она приехала намного позже нас. И я ещё так удивилась, что она здесь делает?

— На следующий день какие действия с вами проводились?

— Восьмого июня допрос продолжился, именно допрос продолжался. Мы приехали на допрос до обеда.

— Права разъяснялись?

— Нет.

— Когда закончили?

— Вечером мы закончили. Психолог, который мне представился как психолог ФСБ Александр, периодически в этот день заходил в кабинет, садился на корточки напротив сына, а сын сидел на стуле. Психолог ФСБ садился на корточки, очень маленькая дистанция между ними была, и задавал вопросы по переписке в телефоне. Следователь об одном задавал вопросы, а психолог ФСБ подходил к Богдану, о другом задавал, потом мы возвращались к вопросам следователя — так много раз. Из-за этого у Богдана случился эмоциональный срыв. Они, извините, не дураки, видели, что с ребёнком что-то не то. Отпустили нас уже не ночью, а пораньше — часов в 9 вечера.

— Следственное действие было приостановлено после срыва Богдана?

— Нет, не было.

— Сколько после этого срыва оно ещё продолжалось?

— Часа четыре, не меньше.

— Все это время вопросы задавали?

— Вопросы задавались без остановки.

— Вам разъяснялась норма Уголовно-процессуального кодекса РФ, что допрос несовершеннолетнего свыше двух часов непрерывно не может продолжаться?

— Не разъяснялась. Если бы я знала это, я бы не допустила нарушения.

— Много вопросов задавал Александр?

— Много, очень много.

— По обстоятельствам уголовного дела?

— Да.

— Он, как лицо, участвующие в данном следственном действии, был зафиксирован в протоколе допроса?

— Нет.

— То есть допрос вёлся с 10–12 утра до 21 вечера?

— Да.

— Перерыв был?

— Перерыв один был, потому что я успела сходить в магазин, купила воды и пирожки.

— Сколько длился?

— Минут 15–20.

— За этот перерыв что успели сделать?

— Богдан успел попить воды, больше ничего.

— Ел?

— Нет.

— Когда подписали протокол?

— Следователь распечатала его, когда я увидела в протоколе «с целью осуществления террористического акта, а именно взрыва здания ФСБ и МВД». Я спрашиваю ее: «Это что такое?». Следователь говорит: «Анна Владимировна, это просто юридический термин. Не переживайте, ничего страшного и плохого будет». Не знаю, где моя голова была. Богдан про эту цель не говорил, он пояснял, что только с научной целью эксперименты проводил. Их же [следователя и оперативных сотрудников ФСБ] это не устраивало, что он посто-

янно говорил об экспериментах с научной целью. Например, Богдан отвечает, а следователь еще спрашивает: «С целью совершения террористического акта путём подрыва здания ФСБ вы хотели это сделать?». Богдан молчит, а она пишет свои же слова в протокол допроса.

— Вы присутствовали на допросе, Богдан эту цель сам озвучивал?

— Ни разу он не озвучивал.

— У Богдана была такая цель — взорвать ФСБ, МВД?

— Богдан раз десять сказал, что только с научной точки зрения эксперименты проводил, он как будто хвастался этим.

— Скажите, какую-либо консультацию вашему ребёнку адвокат давала?

— Нет. Единственное, что она повторяла — все будет хорошо. Когда Богдану предъявлено было обвинение, следователь просила меня подписать полупустой протокол допроса. Я отказалась. Тогда следователь говорит: «Это мой протокол» [как дети говорят: «Это мои игрушки!»]. Вырвала из рук у меня протокол. Потом адвокату сделала знак, они вдвоем вышли из кабинета, о чем-то в коридоре договорились. Адвокат вернулась и сказала: «Анна Владимировна, надо все подписать, не усугубляйте ситуацию». Полупустой протокол я подписала тогда. Адвокат на меня давил, что надо подписать этот полупустой лист. Она знала, что это неправильно и незаконно, и все равно требовала это сделать.

— Права разъяснялись перед проверкой показаний Богдана?

— Нет.

— Во сколько вы закончили данное следственное действие?

— Было темно, не раньше 21:00.

— Видеозапись просматривали?

— Нет.

— Когда протокол проверки показаний был составлен?

— Следователь дала мне подписать полупустой протокол, он был заполнен не до конца.

— Скажите, на вас какое-либо давление оказывалось?

— Оказывалось.

— Кем? Когда?

— Начали они оказывать давление восьмого июня. Сотрудники ФСБ позвонили моему начальнику, руководство после разговора с сотрудниками ФСБ меня вызвало, сказали, что надо сотрудничать со следствием, «надо делать все, что тебе скажут» (плачет). Второй раз при начальнике исправительного учреждения, где я работаю, двое сотрудников ФСБ мне объясняли, как надо себя вести.

— Богдан сам какие-то опыты проводил на ваших глазах?

— Конечно, проводил, он ещё был маленьким ребёнком тогда.

— Сколько ему было?

— Это был 3–4-й класс, насмотрится всяких интересных программ и говорит: «Мне нужна сода и другие ингредиенты». Различные бытовые опыты проводил, но под моим контролем. Богдан изготавливал под моим контролем и под контролем деда «дымовушки». Он знал, как изготавливать, еще с 13 лет, никаких книг для этого специально не приобретал. Все его эксперименты не представляют угрозы.

— Увлекался Богдан анархизмом?

— Да. Богдан думал, что все люди самостоятельные, гиперответственные, каждый отвечает за свои поступки, что не так необходим контроль государства над человеком, человек сам должен себя контролировать.

— Известно вам, что Богдан листовки распространял?

— Известно, да. Он у меня спрашивал: «Вот я знаю про анархизм, а другие люди, как ты думаешь, знают, что есть такое течение?». Богдан только хотел донести до людей, что есть различные течения.

— Сын ваш изменился после описанных событий?

— Изменился, к сожалению.

— Почему «к сожалению»?

— Стал более замкнутым, более настороженным, теперь он не доверяет взрослым.

Коллега Владимир Васин включился в допрос свидетеля:

— Богдан собственноручно писал явку?

— Нет, у него она лежала на коленках, и он её читал.

— А писал кто?

— Следователь Бессовестная дала ему на распечатанном листе формата А4. Инициатором явки мой сын не был.

— Кто придумал текст явки с повинной?

— Текст был скопирован из протокола допроса. Следователь говорила, что если Богдан напишет явку, то его не посадят в следственный изолятор. Я на это полагалась. Богдан сбивался, следователь перезаписывала несколько раз на видеокамеру, потому что сын не мог изначально прочитать нормально текст с листка.

Прокурор, желая услышать от мамы о том, что Богдан плохо относится к представителям власти, задала вопрос законному представителю:

— Про отношение к сотрудникам правоохранительных органов вы с сыном разговаривали?

— Конечно, и он адекватно относится к сотрудникам правоохранительных органов. Видя меня каждый день в погонах, неужели он будет против меня и сотрудников выступать?

Больше вопросов у прокурора не было. Суд спросил, почему же все-таки законный представитель Богдана не пресекла действия следователя?

— Я, наивная, верила, все принимала за чистую монету, если говорят [сотрудники ФСБ], что это надо сделать [признать вину], то надо делать. Я открытым текстом скажу: меня уверили, что «своим помогут» [люди в погонах помогут людям в погонах], а они уничтожили мою семью.

— Почему вы допустили, чтобы Богдан в явке с повинной указал то, чего не совершал?

— Это моральное давление, это страх за своего ребенка, это страх следственного изолятора. Ведь специально все сделали следователи и оперативные сотрудники. Когда Никиту повели в наручниках, Богдану сказали: иди, в окошко посмотри. Понимаете?! По своему незнанию и своей наивности, где-то беспечности, из-за веры, что люди в погонах меня не обманут, я допустила то, что случилось с моим сыном, никто другой не виноват. Виновата я (плачет).

8.14. День четырнадцатый

16 ноября 2021 года суд перешел к допросу Анны Упоровой, мамы Никиты:

«6 июня в 20:53 мне позвонил оперуполномоченный, сказал, что мой сын задержан и я должна приехать. На четвертом этаже следственного отдела в кабинете были мой сын, майор Безразличный, оперативники Примитивный и Равнодушный. В это время у сына телефона уже не было, его изъяли при задержании. Около двух часов ночи уже 7 июня 2020 года сына опрашивала следователь Бескомпромиссная. Педагога при этом никакого не было. Они смеялись над Никитой, задавали всякие вопросы про анархизм. Он что-то отвечал, говорил, что Лев Толстой тоже был анархистом. Потом в то время, как мы стояли в коридоре, из другого кабинета вышел Богдан с мамой и спросил у Никиты: „Тебя там хоть не пытали?“. Подошел, так обнял его — мне стало смешно, так как на тот момент я еще не осознавала всю серьезность ситуации. Только в 4:55 утра мы вышли из полиции. Через дорогу находится здание пенсионного фонда. Сын попросил остановиться, сбегал и сорвал со здания листовку со следующим содержанием: „Их роскошь — залог нашей нищеты“. Я была на взводе из-за всей этой истории, и когда мы приехали домой, выкинула листовку в мусорное ведро.

Восьмого июня мы с Никитой прибыли в следственный комитет. Через какое-то время в кабинет зашли сотрудники ФСБ. Нам дали прочитать протокол допроса Никиты, но в конце было несколько строк о том, что Никита якобы готовит теракт до 31 августа 2020 года. Нам сказали подписать его. Сотрудники стали снимать это все на телефон, оперативный сотрудник ФСБ Равнодушный снимал на камеру. Я сказала, что сын этого не говорил, значит, подписывать ничего не будем. Я была в недоумении: откуда вообще взялось это 31 августа? Сотрудники привели понятых и заставляли нас при них подписывать протокол. Мы отказывались. Тогда они спросили, ознакомились ли мы с протоколом. Мы ответили: „Да“, — тогда они сказали: „Подписывайте о том, что ознакомились“. Я ответила, что я хоть и юридически неграмотный человек, но мне кажется, что это одно и то же, и от подписи мы с сыном отказались. Где-то в 14:15 Никиту стали задерживать. Затем меня и сына повезли в травмпункт. В травмпункте Никита мне сказал, что, когда его везли в машине, ему сказали, что если бы он подписал все бумаги, то его бы не задержали. Вечером, около 18 часов 9 июня 2020 года в ИВС был ещё один допрос. Присутствовали все те же лица, а также педагог Курочкина. Она рассказывала, что Богдан сильно плакал, когда отказывался в показаниях от своих анархистских идей».

Адвокат Владимир Васин:

— Расскажите о вашем сыне.

— Никиту воспитывала я одна. Сын у меня очень хороший, он очень добрый, справедливый, возникали моменты, когда мне казалось, что он хочет исправить весь мир в лучшую сторону, мы с ним разговаривали на эти темы. Я ему объясняла, что люди все разные, что по-разному думают, и не исправишь ты, не сделаешь всех хорошими. Никита никогда никого в своей жизни не обидел ни разу. Животных любит.

— Расскажите, что это было за увлечение пиротехникой, поджиганием дымовух, бомбочек?

— Никита много смотрел программ телевизионных, например, «Галилео», рассказывал постоянно, что будет, если это и это смешать, химичил.

— А дома химичил?

— Химичил, прожег пол в своей комнате.

— Телефон, который у Никиты при задержании забрали, вы у кого-нибудь видели?

— У Равнодушного видела в первый день, во второй день телефон был у другого сотрудника ФСБ, который показал на нем видео Никите и мне.

— У ребёнка есть цель, мечта?

— Он хочет стать журналистом.

— Ваш сын уже после избрания меры пресечения в виде заключения под стражу — может, на свидании либо в телефонном режиме — или после освобождения рассказывал, что проходил какое-то обучение с целью террористической деятельности либо с целью подрыва здания?

— Нет, конечно. Никита говорил: «Мама, я им сразу хотел рассказать правду и рассказал правду о своих увлечениях».

8.15. День пятнадцатый

17 ноября 2021 года показания давал Никита Упоров.

Вопросы начал задавать защитник Владимир Васин:

— Предлагали ли вы когда-нибудь Андрееву или Николаенко совершить подрыв здания ФСБ в Канске?

— О планах взорвать ФСБ я никогда не говорил и не предлагал никому, мы это никогда не обсуждали.

— Каких политических взглядов вы придерживаетесь?

— Я придерживаюсь анархических взглядов, но умеренных, не радикальных.

— Как вы относитесь к государственной власти? К Президенту РФ?

— Я отношусь к действующей власти скорее негативно, чем позитивно. Я считаю, что общий уровень жизни в стране находится на низком уровне, в этом я убеждаюсь, смотря на свой город, изучая статистические данные. Считаю, что ответственны за это люди у власти. Внешняя политика России достаточно агрессивна. Мне не нравится, что Россия присутствует в Сирии и помогает удерживать власть местному диктатору Башару Асаду. Случившейся конфликт с Украиной мне тоже не нравится. Не нравится, как в СМИ обозреваются эти конфликты и что людей моей страны настраивают против Грузии, Польши, Чехии, Евросоюза и США [это сказано за три месяца до 24 февраля 2022 года]. А во внутренней политике мне не нравится, как пытаются подавлять людей на митингах и замалчивают коррупцию. Современная действующая власть проваливает обязанности перед обществом. Только усугубляются нищета и неравенство. По телевизору много вранья.

— В своих листовках, которые вы расклеивали по городу, вы выражаете поддержку анархистам, экстремистам и критикуете власть. Почему вы поддерживаете этих людей и запрещенную в РФ организацию «Сеть»?

— Потому что, согласно тем источникам в интернете, к которым я обращался относительно данных людей, считаю, что их осудили по политическим причинам, за их мнение, которое они открыто выражали. Участников «Сети» я поддерживал только за их стремление к изменениям в стране, но не поддерживаю методы, которыми они к этим изменениям хотели прийти. Мне известно, что под пытками у них выбивали показания и на основе выбитых показаний предъявили обвинение в создании террористической группировки.

— Вы были участником чатов во «ВКонтакте» и Telegram, что вы там обсуждали?

— Общались там как друзья, звали друг друга гулять, делились мнениями относительно различных новостей и явлений, происходящих в мире. Да, иногда наши мнения можно назвать отходящими от нормы, но инакомыслие — это не преступление. У нас не было каких-либо преступных идей.

— Считаете ли вы, что анархизм нужен нашему обществу? Если да, почему?

— Я считаю, что при анархизме честным людям было бы жить лучше.

— Для чего расклеивали листовки в г. Канске?

— Потому что считал, что людям, о которых речь на листовках, нужна моральная поддержка, которую они получают, если другие люди напишут им письма.

— Как Вы считаете, почему ребята (Андреев и Николаенко) сотрудничали со следствием в самом начале, дали признательные показания, обо всем рассказали?

— Ребята испугались, возможно, чувствовали давление, поэтому оговорили меня и себя, хотели домой и им было страшно. Зла на них не держу.

— Изначально создали группу во «ВКонтакте» для чего? [Туда входили Никита, Денис и Богдан].

— Группу создали для общения, для обсуждения интересных нам тем (истории и так далее). Это удобно: если не можешь встретиться лично, можно написать в беседу и что-то обсудить всем вместе. Для того, чтоб гулять. Обсуждали наши эксперименты, бомбочки, пиротехнику, дымовухи.

— Обучались ли вы с помощью различных видеозаписей, статей и книг, в том числе запрещенной литературы, террористической деятельности?

— Нет, никакой террористической деятельности я никогда не обучался.

— Предлагали ли вы когда-нибудь Андрееву и Николаенко пройти обучение, приобрести знания, умения и навыки по обращению со взрывчатыми веществами, устройствами? Для чего вам это нужно было?

— Я никогда не предлагал ребятам проходить обучение. Мы просто играли, ставили опыты, в том числе химические, и никогда не задумывались об обучении.

— Обсуждали ли вы с Андреевым или с кем-либо из ребят планы взрыва здания ФСБ?

— Никогда.

— Для чего совместно с ребятами вы самостоятельно изготавливали взрывчатые вещества, в том числе триперекись ацетона «КИСА», взрывные устройства? Как хотели использовать потом взрывчатые вещества?

— Нам было интересно посмотреть на эффект после поджога — это своего рода эксперименты, которые мы ставили, не более того. Мы не относились к нашим бомбочкам как к взрывчатым веществам.

— Когда и где вы впервые познакомились с Денисом Николаенко?

— Знаком с ним с детского сада, сколько было мне лет, не помню.

— Когда и где вы впервые познакомились с Богданом Андреевым?

— Я познакомился с ним в школе в 2020 году, в феврале, в школьном спортзале. Проводились эстафеты в честь праздника, Дня защитника отечества. Мы бегали, прыгали, соревновались. Нам сказали поделиться на классы. Не помню, кто — или я, или Денис — предложил назвать нашу команду «Отряд имени Нестора Махно», мы пошутили с Денисом, засмеялись. Богдан отреагировал. После этого мы нашлись с Богданом «ВКонтакте», а также стали чаще видеться в школе.

— Чем увлекался Николаенко Денис?

— Он любил кататься на велосипеде. Увлекался компьютерными играми. Ему нравился YouTube, нравилось монтировать, работать в «Фотошопе», снимать видео. Любил играть в футбол. Он любил рисовать. Ему нравилось фотографировать.

— Какие увлечения были у Андреева Богдана?

— Ему нравилось программирование, устанавливать программы — всё, что связано с программным обеспечением. Он любил конструировать, создавать и химичить что угодно, главное, чтобы это было создано своими руками. Помню, на уроке труда он сделал, сконструировал проект светомузыки.

— Расскажите, когда вы впервые прочитали про анархизм?

— После окончания седьмого класса я начал интересоваться коммунизмом, читать историю СССР, в том числе дореволюционный период. Тогда я наткнулся на анархизм в YouTube, в «Википедии» и других источниках. Также изучал панккультуру, читал Маркса, Толстого, интересовался Диогеном с Сократом.

— Анархизм равно терроризм?

— Нет. Среди анархистов есть много пацифистов, миротворцев, антимилитаристов: Лев Толстой, Ноам Хомский, Бердяев, Дамье.

— Почему вам нравится анархизм?

— Я считаю, что это эффективные идеи в плане экономики и жизни населения.

— Почему при анархизме эффективная экономика?

— Потому что там нет буржуа, который бы забирал большую часть выручки. Эти ресурсы распределялись бы между людьми более равномерно.

— Вы террорист?

— Нет, я не считаю себя террористом.

— Вы готовили какой-нибудь террористический акт хотя бы в теории?

— Нет, не готовил, не планировал.

— Вы желали смерти кому-либо?

— Нет.

— Вы желали смерти сотрудникам каких-либо правоохранительных органов? Вы хотели их убивать?

— Я их не хотел убивать.

— На вас давили?

— Да.

— Можете рассказать, как на вас давили?

— До того, как приехала моя мама, сотрудники ФСБ нас привезли в следственный комитет. Я не хотел называть им свои данные: они ведь не представились, и я тоже не хотел представляться, поэтому не называл. Но потом мне один оперативный сотрудник стал угрожать, что душист меня будет, руку клал на мою шею, это было еще до допроса. Потом, когда меня допрашивали, сотрудники ФСБ говорили, что мне надо признаться. Когда мама не хотела подписывать документы, они меня против нее настраивали, говорили, что она хуже делает мне. Помните, сотрудник ФСБ Степан также на меня пытался надавить, что я только врежу Богдану? Еще наручниками сотрудник ходил тряс, крутил ими, на меня смотрел и ухмылялся, злорадствовал. Говорили сотрудники ФСБ, что в СИЗО я поеду, что долго не увижусь с матерью.

— А про СИЗО что говорили? Почему вы поедете в СИЗО?

— Если я не признаюсь в своих преступлениях.

— А если признаетесь?

— Они просто говорили, что если не признаешься, то поедешь в СИЗО. Еще в машине, когда я в травмпункт ехал, они мне угрожали, что если я не буду называть пиротехнику бомбами, то они меня бить будут. Давили.

— Расскажите о задержании.

— Мы договорились (я, Николаенко, Андреев, Александр и Иван, фамилию не помню³⁸) встретиться 6 июня, чтобы пойти на реку Кан пообщаться, вместе провести время. Прошли несколько шагов, даже ничего толком сказать друг другу не успели, как сотрудники вылетели из машин и стали хватать нас: один справа держит, другой слева держит за руку, третий обыскивает. Там сразу телефоны у нас забрали, всех затолкали в свои машины, не представлялись они.

— Что они спрашивали? Что вы отвечали?

— Я отвечал, что мы устраивать какие-то теракты не хотели.

— Вам верили?

— Нет, сотрудник мне одни и те же вопросы задавал. Мама моя говорила ему: «Зачем вы переспрашиваете?». Но он пригрозил, что ее просто выведут из кабинета и всё.

— Что от вас хотели услышать?

— Признательные показания.

— В чем?

— В подготовке к террористической деятельности.

— Сколько было времени, когда вы ушли домой с мамой?

— Уже светлело, по времени после 4 утра 7 июня.

— Вы понимаете, из-за чего у вас появились проблемы?

— Да, из-за того, что мы с ребятами занимались пиротехникой и одновременно с этим клеили листовки политического содержания. Из-за этого решили нас обвинить в терроризме.

— Со стороны Дениса какая-то жестокость к окружающим, ненависть к людям была?

— Нет, точно не было ненависти. Я знаю, что с ним общалось много людей разных, со многими он вел дружеское общение, у него очень много знакомых, приятелей, друзей. Любил с людьми общаться.

— Как вы называли те вещества или устройства, которые делали?

— Называли бомбочками, дымовушками, к ним как к взрывным устройствам и взрывчатым веществам мы не относились. Для нас это было просто увлечение, хобби, то есть эксперименты нам эти нравились, было интересно экспериментировать, смотреть на реакции химические.

Я задал несколько вопросов Никите о Богдане:

— Как вы можете охарактеризовать Богдана, что можете о нем сказать?

— Богдан человек добрый, общительный, безобидный, доброжелательный, что-то плохое про него не могу сказать.

— Вы пояснили, что когда познакомились с Богданом, он разбирался в пиротехнике, сидел на различных сайтах. Вы подтверждаете эту информацию?

— Да, он уже имел знания.

— В ходе общения с вами приобрел ли Богдан какие-либо новые знания в этой сфере?

— Нет.

³⁸ Свидетель Лапшин.

Последовали вопросы государственного обвинителя:

— *Что вы еще хотели изготавливать?*

— *Богдан мне говорил, что ему надоело заниматься такими опытами, и он хотел делать ракеты, которые можно запускать, которые могут лететь на ракетном топливе. Я ответил ему, что это интересная идея.*

— *Нами изучалось содержание листовок «ФСБ арестовывает детей», «ФСБ пытает анархистов и антифашистов», «ФСБ пытает крымчан». Почему все листовки про ФСБ?*

— *Потому что ФСБ занималась этими разными пытками, репрессиями, людей садили, поэтому листовки были про ФСБ, так как это относилось к теме политических заключенных.*

— *Вы понимали значение слова «терроризм»?*

— *Для меня террористы — это те, кто захватывает школы.*

Суд спросил у Никиты:

— *Скажите, кто такие политзаключенные?*

— *Это те лица, которые были осуждены из-за своих политических убеждений, взглядов или действий. Это активисты. Они получили либо большие сроки заключения за свои действия, либо, если они вообще ничего противозаконного не делали, все равно получили сроки.*

— *Вы полагаете, что они были незаконно осуждены?*

— *Полагаю. Я про это читал и думал, что они были осуждены незаконно, их дела нужно пересмотреть и назначить справедливые наказания, которые соответствуют их вине. Я читал про фигурантов дела «Сети», их обвинение строилось на признательных показаниях, которые они давали под пытками.*

— *То есть вы были не согласны с осуждением этих лиц за их политические воззрения, да?*

— *Да, из-за того, что они активистами были, имели взгляды коммунистические и анархические, то их из-за этого отнесли к одной группировке. Хотя некоторые, как я тоже читал, друг друга почти не знали, виделись один или два раза. Их осудили именно из-за политических взглядов, я считал их политзаключенными поэтому.*

— *А в целом были вы согласны с деятельностью организации «Сеть», с их взглядами?*

— *Я даже не был уверен, что такая организация существовала, если показания фигурантов дела о том, что они участники организации, выбивались под пытками. Я не был согласен с «Сетью» и с их идеями, которые им ФСБ приписывает.*

— *И вы расклеили листовки, для того чтобы люди могли ознакомиться с этой проблемой и поддержать лиц, которые, как вы полагали, относятся к категории политзаключенных?*

— *Да, если общественность будет знать о пытках и на это реагировать больше, то, я думаю, и таких дел сфабрикованных будет меньше, и вообще репрессий, пыток будет меньше, если на это внимание людей обращать. Мне было жалко этих людей и я думал, что они имеют потребность в какой-то поддержке.*

В тот же день, 17 ноября 2021 года, суд перешел к допросу Богдана. Начал допрос своего подзащитного я:

— *Что вас привлекло в анархизме?*

— *Анархизм — это отсутствие власти человека над человеком, это образ будущего человечества, в котором государства не будет, полиции и тюрем не будет, что освободит ресурсы — их можно направить на науку, на изучение законов физики, на изучение космоса.*

— *В настоящее время вы также придерживаетесь этих идей?*

— Вы знаете, у анархизма есть и плюсы, и минусы. Мы с мамой дискутировали на эту тему. Не все люди хотят контролировать себя. Я занимался изучением этого вопроса, и чем больше я изучал, тем больше озадачивался, тем больше неоднозначности у меня возникало, но все равно я склоняюсь больше к анархизму.

— Вы можете назвать себя анархистом в настоящее время?

— Да, могу.

— К государственному режиму как относитесь?

— Знаете, честно, не очень. У нас процветает нищета в России. Вот вы, кто сейчас сидит в этом кабинете, ходите по городу, видите всю эту серость.

— С 14 лет у вас уже такие убеждения?

— Да.

— И в настоящее время вы так же думаете?

— Да.

— Никита и Денис анархистами были?

— Да, были.

— Вас именно это объединяло?

— Нет, у нас было много интересов: у нас были интересы в музыке одинаковые, нам были интересны компьютеры.

— Какие листовки вы расклеивали?

— На них было написано «Свободу политическим заключённым», «Чего хотят анархисты?», «Власть народу, а не партиям».

— Вы узнали, что есть политические заключённые, из этих листовок или раньше вам было известно?

— Да, из листовок узнал, что есть политические заключённые.

— А кто это такие?

— Те, кого посадили из-за политических взглядов.

— А это что, плохо?

— Да, я считаю, это плохо. Я считаю, что нельзя людей сажать за то, что у них какие-то взгляды, за то, что они думают.

— А за что надо сажать?

— За преступления, которые совершают люди. Должно же быть наказание какое-то людям, которые убивают людей других, крадут, должно быть всегда наказание за это.

— Когда у вас впервые возник интерес к пиротехнике?

— Вообще я делал эксперименты с 13 лет по пиротехнике. Мы с мамой запускали салюты. Мне интересно стало, как это работает. Я углубился в эту тему. Начал смотреть телеканал «Наука». Хотя телеканал «Наука» я ещё давно смотрел, с 3–4-го класса. И с 13 лет проводил эксперименты, петарды делал, дымовушки.

— Мама была в курсе?

— Да, мама была в курсе.

— Где вы эти эксперименты проводили?

— У себя в огороде.

— Мама не была против?

— Нет, не была, потому что это все из научного интереса делалось.

— Вам сколько, говорите, лет 13 было? Это какой класс?

— 7-й класс.

— Уже тогда наукой занимались?

— Да, было интересно очень.

— А дедушка кем работает?

— У него профессия инженер-механик, он работал учителем по сварке в политехническом колледже. Дедушка видел мои эксперименты и одобрял их. Потом уже с ребятами делали петарды и дымовушки.

— Ребятам интересно было?

— Да, им было интересно, правда.

— А вам?

— Мне это было не особо интересно, я это уже все делал раньше.

— А зачем тогда снова начали?

— Хотел ребятам показать, чтобы и у них возник интерес к науке.

— У ребят появился интерес к науке?

— Да, появился, интересоваться стали экспериментами.

— Вред здоровью мог быть кому-то причинен?

— Нет, вред не мог быть причинен, потому что эти петарды всего лишь издают хлопок.

— Сейчас бы такие эксперименты проводили?

— Мне надоели эти эксперименты уже, после таких экспериментов меня допрашивали долго, мама плакала, и пропало желание заниматься этим.

— Вас обвиняют в том, что вы всему этому обучались?

— Нет, я не обучался, я все это знал и так.

— Были ли у вас цели взорвать здание ФСБ или МВД?

— Не было таких целей.

— Скажите, как вы относитесь к тому, что расклеивали листовки, изготавливали для опытов пиротехнику?

— Нормально я отношусь к своим действиям, я думал, что ничего плохого не делал.

— Расскажите, когда и как вас задержали.

— Задержали меня 6 июня, вышли какие-то мужики из машин, схватили нас за руки, забрали телефоны. Меня к стенке припикнули, заставили руки положить на стену. Потом ночью поехали с сотрудниками полиции к нам домой. Там оперативный сотрудник ФСБ Степан положил на стол мой телефон, который у меня при задержании забрали. Следователь Бескомпромиссная сфотографировала мой телефон и снова забрала.

— На следующий день, 7 июня, что было?

— Меня допрашивала следователь с 10 часов утра и до часу ночи.

— Перед допросом права вам разъяснялись?

— Нет, не разъяснялись.

— Точно вы помните?

— Да, точно.

— Скажите, перерыв был в ходе вашего допроса?

— Нет, не было перерыва.

— Вообще не было?

— Ну, меня отпустили на пять минут в туалет.

— Кроме следователя, кто-то вам ещё задавал вопросы?

— Да, Степан задавал, ещё психолог задавал, так он представился, как позже я узнал, это был сотрудник ФСБ.

— Какое состояние ваше было, когда вас допрашивали?

— Я был в шоке, я был подавлен, я чувствовал себя существом, которое делает то, что просят. Я был, правда, в шоке.

— Вы хотели пить, есть?

— Да, хотел пить и есть, но следователь меня не выпускала из кабинета. Я просился, но она меня не выпускала. Мама просила следователя меня отпустить, но следователь не отпускала.

— 8 июня допрос продолжился?

— Да, мы опять утром приехали, мне вопросы задавала следователь и посторонние лица. Допрашивали меня примерно до 9 или 10 вечера.

— Перерывы следователь объявлял?

— Нет.

— Состояние опишите своё психологическое.

— Как и 7 июня. Тоже был в шоке, подавлен.

— Устали или нет?

— Да, устал, очень сильно.

— Читали протокол, который следователь составила?

— Нет, не читал.

— Почему?

— Доверял следователю.

— Чем она у вас такое доверие вызвала?

— Не было причин не доверять. И вообще, я людям взрослым доверяю.

— Вы вообще говорили следователю, что хотели этот акт совершить террористический?

— Нет, я не говорил ей такого, но когда она мне начинала угрожать тем, что поеду в СИЗО, то я начинал о терроризме говорить. Но это неправда. Это не соответствует действительности — так хотел следователь. Я не хотел совершать террористический акт.

— А сами-то видели, что в протоколе так и записано?

— Видел, было такое написано. Но следователь говорила, что надо, надо подписывать, иначе в СИЗО поедешь. Больше десяти раз за день говорила, если не подпишу, то в СИЗО поеду.

— Во вторник, на следующий день, что было?

— Во вторник уже была проверка показаний.

— Права разъяснялись вам?

— Нет, не разъяснялись.

— Тут давление было какое-то? Или свободный рассказ был?

— Да, было. Следователь говорила мне сказать, что я преследовал цель совершения террористического акта. Я же ей сообщал, что участвовал в экспериментах для науки, для научного интереса. Она тогда показывала мне жест, означающий, что говорить надо о террористическом акте.

— Адвокат участвовал в ходе проверки показаний?

— Адвокат в конце проверки показаний к маме подошла и ко мне и сказала: «Здравствуйте, я ваш адвокат».

— С вами она беседовала?

— Нет, не беседовала.

— Когда закончилась проверка показаний, беседовала с вами?

— Нет, не беседовала.

— Расскажите о явке с повинной.

— Мы зашли в кабинет, я сел на стульчик, видеокамеру достала следователь, дала мне листочек на коленки, чтобы я читал текст явки с повинной.

— Кем напечатан текст?

— Следователем.

— Все прочитали верно?

— Прочитал верно, но сбивался.

— Вы правду сообщили в явке-то с повинной?

— Нет. Сообщил то, что следователь на листочке написала.

— Что не соответствует правде?

— Мы не хотели никакого террористического акта совершать, все было в научных целях, интереса ради.

— Подписали эту явку с повинной?

— Да, подписал.

— А почему подписали, если говорите, что это неправда?

— Потому что я бы в СИЗО поехал, следователь так говорила.

— Вы просили адвоката?

— Нет, не просил: я не знал, что можно адвоката пригласить.

— Вам следователь разъясняла, в каких случаях вы можете пользоваться помощью адвоката?

— Нет, не разъясняла, какие-то пункты называла, но я не понял, что за пункты.

— Как вы себя чувствовали?

— Плохо я себя чувствовал, устал за эти несколько дней.

— Говорили следователю, что плохо себя чувствуете?

— Да, говорил, никакой реакции от следователя не последовало.

— Как вы относитесь к сотрудникам правоохранительных органов?

— Нормально отношусь, у меня мама сама работает в исправительной колонии, она хороший человек, значит, и другие люди такие же.

— Обвинение, которое вам предъявили, согласны вы с ним или нет?

— Нет, я не согласен с ним полностью.

На вопрос суда о том, в чем выразилось давление, Богдан ответил:

— Следователь мне угрожала, что я поеду в СИЗО, постоянно в кабинет заходили люди и задавали мне вопросы, следователь не давала пить, не давала еды, очень долго допрашивала.

— Адвокат предлагал вам помощь?

— Адвокат только говорила, что надо согласиться с обвинением, и все будет хорошо.

Мама в суде спросила у Богдана:

— Следователь говорила о том, что цель, о которой ты рассказывал (проводил эксперименты в научных целях), не подходит для показаний?

— Да, говорила. Когда она возвращалась в кабинет, у нее в руках был листок бумаги, на котором было написано слово «цель», обведенное в круг с восклицательными знаками.

8.16. День шестнадцатый

18 ноября 2021 года случилась беда — на адвоката Владимира Илькова напали собаки и сильно покусали. До конца суда защитнику пришлось ходить с повязкой на руке. Канская власть показала свою полную беспомощность и в борьбе с уличными псами. Только с беззащитными детьми власть может бороться, ведь у собак есть клыки, они защищаются.

Я, кстати, по пути от гостиницы в суд постоянно наблюдал стаи бездомных псов, никому до них дела не было. Люди в страхе переходили на другую сторону дороги или убежали. В городе Канске, где выросли и были воспитаны и фигуранты нашего дела, и их бессовестные преследователи, царила атмосфера страха и бессилия.

Я заявил ходатайство о просмотре видеозаписи явки с повинной Богдана. Приведу текст явки с повинной:

«С октября 2019 года я встретился с Никитой Упоровым и Денисом Николаенко в школе, они рассуждали об анархии и анархизме, так как их идеология совпадала с моей, я присоединился к ним. Спустя день Никита меня добавил в беседу в ВК «Анархо-коммунистический бунд». Мы там обсуждали изначально все свои анархические идеи и взгляды, а также политзаключенных. Потом, весной, 3 марта 2020 года, Никита создал Telegram-чат, где скидывал нам различные пособия, книги, видео по созданию взрывчатых веществ. Также в Канске мы расклеивали листовки на тему анархизма и политзаключенных. В феврале 2020 года Никита писал о том, что мы должны изучить все пособия, книги и видео по созданию взрывчатых веществ. В ходе нашей переписки, а также в ходе личных встреч Никита говорил, что хочет совершить диверсию для привлечения внимания и/или устрашения. В конце мая я создал „АММОКИСу“, взрывчатое вещество, по указу Никиты. После подрыва этой бомбы я осознал масштабы и серьёзность всего предстоящего теракта, который Никита хотел устроить, про роли мне не известно. В содеянном я раскаиваюсь, сообщил о совершении преступления добровольно без психологического и физического влияния, готов понести наказание».

Следователь указала, что явка бралась с 15:30 до 15:41. Помните, что согласно протоколу допроса Богдана он как раз в это время допрашивался?

Я задал Богдану задал несколько вопросов:

— Вы просмотрели видеозапись. Вам следователь разъяснял, что вы имеете право пользоваться помощью защитника?

— Нет.

— Вы желали добровольно явку с повинной написать?

— Нет, следователь говорила, что явка с повинной будет облегчать участь мою в суде.

— Вы действительно, как указываете, с Упоровым и Николаенко встретились в октябре 2019 года?

— Нет, встретились в феврале 2020-го.

— На видеозаписи вы куда-то неоднократно опускаете взгляд. Куда смотрите?

— Я смотрю на листок бумаги — следователь мне дала его, чтобы я с него читал явку с повинной.

— Она распечатала его?

— Да.

— Писал ли Никита, что вы должны изучить все пособия, книги, видео по созданию взрывчатых веществ?

— Нет, не писал и не говорил.

— А почему в явке вы так сказали?

— Потому что я с листка читал, там это было написано.

— Писал ли Никита про диверсию?

— Нет.

— Говорил ли Никита, что его цель — «для привлечения внимания и (или) устрашения»?

— Нет. Я вообще никогда не говорю так — «и (или)».

— А почему так произнесли?

— Так я с листка читал.

— Вы говорите, что в конце мая создали «АММОКИСу» — взрывчатое вещество. Что вы под этим понимали?

— Взрывчатое вещество — это вещество, которое дымится, искрится и испускает хлопок.

— Указывал ли Упоров, что вы должны сделать эту «АММОКИСу»?

— Нет.

— Указываете, что «после подрыва этой бомбы осознали масштабы и серьезность всего предстоящего теракта, который Никита должен был устроить». Подтверждаете?

— Нет.

— Про теракт говорил Никита?

— Нет, не говорил.

— Почему вы так говорите на видео тогда?

— Потому что там на листке было написано.

— Дальше вы говорите: «После вот этих, нет, щас...». Что за путаница?

— Я пытался вспомнить ход событий настоящий, но запутался и продолжал читать с листка.

— *И потом после слов о теракте вы перешли сразу к фразе «роли мне не известны», почему так нелогично сказали?*

— *Потому что на листке было так написано.*

— *Было ли на вас оказано психологическое или физическое насилие?*

— *Все эти дни, что меня допрашивали, на меня оказывали давление психологическое со стороны следователя, она голос повышала на меня, угрожала СИЗО.*

Суд по моему ходатайству просмотрел полную видеозапись проверки показаний Богдана на месте, установил, что протокол проверки не соответствует видеозаписи. В протоколе следователь самовольно указала, что Богдан проходил обучение с целью совершить теракт. Посмотрим, так ли это на самом деле.

На вопрос следователя «Вы добровольно в этом участвовали?» Андреев ответил: «Добровольно, мне интересны были эти опыты, как химику... это было в моих интересах».

На вопрос следователя «На тот момент вы не возражали, с какой целью Упоров хотел совершить с вашим участием взрыв в помещении ФСБ?» Андреев ответил: «Способ мне не был известен», — то есть не подтвердил содержащуюся в нем «наводку» на ответ. Следователь использует прием, прямо запрещенный УПК РФ. Использует его в отношении несовершеннолетнего, пытаясь получить нужный следствию ответ.

Данный вопрос содержит в себе информацию, которую Андреев следователю не сообщал: он никогда не говорил, что Упоров хотел совершить взрыв с его (Андреева) участием, — что является дополнительным доводом о незаконном воздействии на несовершеннолетнего.

Следователь снова задает наводящий вопрос: «А что Упорову было необходимо это испытание с вашим участием именно для взрыва ФСБ, вам уже было известно?». Андреев ответил: «Повторите, пожалуйста, еще раз». Несовершеннолетний не понял вопроса, заданного в нарушение ч. 2 ст. 194 УПК РФ. Богдан никогда не сообщал следователю, что Упорову это испытание с участием Андреева было необходимо именно для взрыва ФСБ.

Следователь второй раз, задавая наводящий вопрос, формулирует неверное, не соответствующее действительности утверждение, что якобы Упоров хотел совершить взрыв с участием Андреева.

На вопрос следователя «Вам было известно, что все производится для взрыва в помещении ФСБ?» Андреев ответил: «Я думал, что для меня это тестирование. Я же химик, мне интересно было, как она сработает».

Следователь в ходе проверки показаний на месте многократно задает один и тот же вопрос, что создает психологическое давление на несовершеннолетнего. Андреев отвечает, что относился к проводимым опытам как к тестированию, то есть с научно-практической точки зрения. Ему, как учащемуся в школе и увлекающемуся химией, было интересно, сработает ли объект, к созданию которого Андреев прилагал свои навыки и знания, полученные на уроках и олимпиадах по химии, а также раньше (еще в 13 лет).

Следователь в очередной раз задает наводящий вопрос, который ранее уже задавал: «Вы осознавали, что проходите некое обучение по указанию Упорова для достижения именно таких целей, то есть на момент изготовления АММОКИСы уже понимали, для какой цели он вас обучает?». Вопрос опять содержит в себе ответ — следователь использует запрещенный способ допроса.

Андреев ответил: «Для какой цели, я понял, но относился к этому равнодушно, у меня были в голове эксперименты, на это (цель Упорова) я не обратил внимания абсолютно». Богдан ранее и сейчас поясняет, что у него не было прямого умысла обучаться для совершения теракта.

Зная цель Упорова (даже если это допустить), он относился к ней безразлично. Весь интерес Андреева, его подлинное внимание было сосредоточено на химических экспериментах, на результатах опытных испытаний.

После ответа, данного Андреевым, следователь вновь задает наводящий вопрос: «То есть можно сказать, вы равнодушно относились к последствиям, задуманным совместно?». Андреев никогда до этого не говорил, что равнодушно относился к последствиям, равно как и о том, что какие-либо последствия задумывались совместно. Следователь не конкретизировал, о каких именно последствиях идет речь, от каких и чьих действий должны были наступить некие последствия. Следователь в самом вопросе утверждает, что Андреев задумал совместно некие последствия. Следователь не конкретизирует, с кем именно Андреев задумал последствия, в чем они должны выражаться. Вопрос, с точки зрения ч. 2 ст. 194 УПК РФ, задан как наводящий.

Обращаю внимание, что равнодушное отношение к цели совершения террористического акта не образует состава преступления, предусмотренного ст. 205.3 УК РФ.

На вопрос следователя «Если бы вы узнали дату совершения теракта?» Андреев ответил: «Если бы я узнал дату, то сообщил бы в ФСБ, полицию, маме». Подросток прямо показал, что не преследовал цели совершения теракта, не желал приобретать навыки, знания для его совершения, не намеревался кому-либо причинить вред, ущерб.

Наоборот, если бы ему стало известно о конкретных обстоятельствах совершения или подготовки к совершению террористического акта, он бы в обязательном порядке активно содействовал предотвращению преступления: «Если бы я узнал дату, то сообщил бы в ФСБ, полицию, маме».

Андреев указал, что в содеянном раскаивается, и уточнил, в чем именно: «Я признаю, что был дураком, был под психологическим воздействием Никиты, из-за идеологии я проникся». Такое раскаяние никак нельзя понимать в том смысле, что ребенок признал себя виновным.

Андреев указал, что с Упоровым его связывала только идеологическая общность, но никак не организационная и деятельностная. Здесь же Андреев повторил: «Я подумал, для меня это были опыты, так скажем, даже игры, интересно было из любопытства».

Богдан в силу возраста относился к своей деятельности как к игре, делал химические опыты из любопытства, не преследовал цели обучения для реального совершения террористического акта. В этой связи вменение Андрееву ст. 205.3 УК РФ излишне, незаконно, необоснованно.

8.17. День семнадцатый

19 ноября 2021 года суд перешел к допросу Светланы Николаенко — мамы Дениса.

— 7 июня 2020 года во сколько начался допрос Дениса?

— Мы приехали в начале 11-го утра в следственный комитет в Канске. Нам задавали много вопросов следователь Злобина и сотрудники ФСБ, в том числе мужчина по имени Степан. Они говорили, что находятся здесь для того, чтобы нам помочь. Для этого нужно дать показания, схожие с показаниями Богдана. Оперативники без конца ходили с какими-то бумагами. Они рассказывали то, что говорил Богдан. От Дениса требовали говорить так же. Допросом руководили сотрудники ФСБ, а не следователь. Наши протоколы переписывались несколько раз. В конце прозвучала такая фраза, я ее запомнила: «Вот теперь начальство устраивает». Сама следователь Злобина мне прямо сказала, что ходила к следователю Бесовестной, которая допрашивала Богдана, чтобы показания детей были схожими. Следователь требовала от Дениса написать, что Никита Упоров был зачинщиком всего. Если Денис не будет так говорить, то поедет в СИЗО следом за Никитой. Они нас просто запугали.

— Ваш сын добровольно говорил, что готовился теракт?

— Он это говорил недобровольно.

— Когда телефон у Дениса забрали?

— Когда я приехала, ребенок был уже без телефона. Телефоны у парней забрали при задержании.

— Что еще сотрудники говорили?

— Они говорили, что нужно дать показания о готовящемся террористическом акте.

— Как Денис написал явку с повинной?

— Явка и все наши допросы переписывались несколько раз. Следователь Злобина сама набрала текст явки с повинной. Печатала несколько раз текст, так как ее изначально не устраивал. Дала мне один экземпляр явки с повинной. Потом потребовала порвать. Я порвала лист, но не выбросила. Оставила себе [в зале суда мама продемонстрировала нам черновой текст, напечатанный следователем]. В течение дня Дениса готовили к тому, как нужно говорить на видеокамеру. Потом все-таки записали его речь на видео, и то только со второго раза.

— Адвокат был предоставлен ребенку?

— На явке с повинной адвоката не было. Потом появился, но его присутствие нас не радовало. Он все время играл в игры в своем телефоне. Никакой консультации нам не давал. К тому же адвокат присутствовал на допросе только в дневное время. Вечером он ушел, а допрос продолжался. Никакого участия фактически в допросах не принимал, вопросов не задавал.

— Перед явкой с повинной разъяснялись вам права?

— Ни мне, ни моему сыну не разъяснялись.

— А перед допросом?

— Права наши не разъяснялись.

— Когда протокол подписывали, вы его читали?

— Ни я, ни Денис протокол допроса не читали. Было уже ночное время, когда мы закончили. Сотрудники нас торопили, подгоняли, говорили: «Распишитесь и поедете спокойно домой». Показали, где расписаться, и напомнили, что они здесь только для того, чтобы нам помочь. Адвокат при подписании Денисом протокола допроса отсутствовал.

— Что было 9 июня 2020 года?

— Нас к себе пригласил сотрудник ФСБ Степан. Он напомнил, что нужно давать такие показания, какие нужны были ему, а именно, что ребята хотели взорвать здание ФСБ в Канске. Затем началась проверка показаний Дениса.

Вопрос задал суд:

— Степан пояснял вам, что будет с Денисом, если вы не дадите такие показания?

— Если Денис не даст такие показания, то будет отправлен в СИЗО.

— Перед проверкой показаний Денису говорили, что он должен сказать, или ребенок давал показания добровольно?

— Говорили, какие показания Денис должен дать.

— В дальнейшем вы спрашивали у Дениса, имеет ли он отношение к терроризму?

— Сын ответил, что не имеет, они бомбочки делали ради интереса. Никто из них не планировал терактов.

— Видеозапись проверки показаний следователь вам демонстрировал?

— Нет.

Беззаконием и бесчеловечным отношением к людям правоохранительные органы напрочь отбили желание у ребят там работать, служить своему Отечеству. Так, Богдан пояснял, что хотел работать в ФСБ, а Денис мечтал стать военным летчиком.

Суд перешел к допросу Дениса Николаенко:

— В компьютерные игры играете?

— Да, в Minecraft — это игра, основанная на строительстве.

— Вам известно, какие увлечения у Упорова?

— Он увлекался игрой на гитаре, ходил на каратэ.

— У Андреева какие были интересы?

— Он увлекался химией, точными науками. Любил компьютерную технику.

— Вы планировали совершить террористический акт?

— Не планировали. Никакого обучения этому не проходили.

— Богдан Андреев изучал взрывчатые вещества, взрывные устройства?

— Нет, он раньше все это знал. Увлекался экспериментами. Богдан мне лично это говорил. В ходе нашего общения Богдан потерял интерес ко всяким бомбочкам, как мы это называли. Он планировал делать ракеты, которые запускаются в воздух.

— Вы придерживались политики насилия?

— Нет.

— Было ли у вас негативное отношение к сотрудникам полиции?

— Нет, мои родственники работают в правоохранительных органах.

— Куда вы планировали поступать?

— Хотел поступить в военный вуз и работать в военно-космических силах РФ.

— Когда у вас забрали телефон?

— Оперативники ФСБ забрали при задержании 6 июня 2020 года. Отпустили только в 3 часа ночи.

— Что происходило 8 июня 2020 года?

— Утром перед допросом нас к себе пригласил с мамой сотрудник ФСБ Степан. Он сказал, что я должен сообщить следователю о том, что мы с ребятами готовили террористический акт. Если я это не скажу, то поеду в СИЗО.

— Что было дальше?

— Когда мы с мамой пришли к следователю, она дала мне лист размера А4, на котором был текст из трех-четырёх абзацев. Текст я должен был прочитать на видеокамеру. Мне сказали, что это будет явка с повинной. На листке было написано, что мы готовили террористический акт.

— Вы на самом деле его планировали?

— Нет.

— Вы учили текст, который вам дали?

— Пытался выучить. Когда включали видеокамеру, я волновался, поэтому несколько раз перезаписывали видео.

— Текст соответствовал действительности?

— Нет.

— В итоге текст был записан?

— Моя мама вырвала у меня листок, порвала его. Тогда следователь Злобина сказала, что мама делает хуже для меня. Нам нужно записать на видео явку с повинной, чтобы меня не отправили в СИЗО.

— Текст был напечатан?

— Сначала текст был напечатан на листке, после того, как мама его порвала, следователь сама написала текст снова.

— Вам разъясняли права перед явкой с повинной?

— Нет. Про адвоката тоже не говорили, его не было.

— Что дальше было?

— Меня стали допрашивать. Прав перед допросом не разъяснили. Сотрудники ФСБ постоянно приходили и выходили из кабинета. Мне сообщали те показания, которые дает Богдан. Следователь мне говорила, что я должен давать показания, как Богдан. Сотрудники ФСБ и следователь показания Богдана мне зачитывали.

— Педагог, адвокат участвовали в допросе?

— Педагога не было. Адвокат был, но он постоянно в телефоне сидел.

— Как происходил допрос?

— Следователь сама диктовала и спрашивала, так ли это было. Она диктовала про бомбочки. Также приходил сотрудник ФСБ и подсказывал ей.

— Про подготовку к теракту следователь спрашивала?

— Спрашивала, я ей говорил, что такого не было, но они мне постоянно говорили, что я должен сказать наоборот, что мы готовили теракт, чтобы не поехать в СИЗО.

— Кто вам угрожал, что вы поедете в СИЗО?

— Следователь Злобина и сотрудники ФСБ.

— На момент вашего допроса Упорова уже увезли в СИЗО?

— Да. Сотрудники мне показывали видеозапись. На ней было видно, как Никиту ведут в наручниках по лестнице.

— Оказывалось ли на вас давление со стороны следователя и сотрудников ФСБ?

— Да. Они постоянно говорили, что если я не буду рассказывать так, как им нужно, то поеду в СИЗО.

— Что значит «как им нужно»?

— Им не нравилась правда. Они хотели по-другому.

— Как они хотели?

— Они хотели, чтобы мы признались в том, что не делали.

— А что вы не делали?

— Мы не планировали террористический акт.

— Вы прочитали свои показания?

— Нет, следователь торопила нас с мамой, сказала, что уже поздно и все устали. Требовала быстрее подписывать протокол. Она пальцем показала, где нужно подписать, и продиктовала текст, который нужно написать.

Я и защитник Владимир Ильков исследовали заключения комплексных психологических исследований с использованием полиграфа (детектора лжи) в отношении Богдана и Дениса. Согласно этим исследованиям, у Андреева и Николаенко отсутствуют реакции, свидетельствующие о планировании ими теракта, что подтверждает правдивость показаний подростков в суде. Только такая правда не устроила ни органы, ни суд.

8.18. День восемнадцатый

22 ноября 2021 года в суд явилась адвокат Богдана Ирина Недобросовестная, которая допустила нарушения прав своего подзащитного и вместо того, чтобы активно защищать своего несовершеннолетнего доверителя, фактически выступила в роли второго прокурора. Вопросы начал задавать государственный обвинитель:

— Вы присутствовали при допросе Андреева Богдана?

— В настоящее время достоверно сказать не могу, но согласно своего графика присутствовала [ответы псевдозащитника напоминают ответы лжесвидетеля Курочкиной].

— Вы помните время проведения данного допроса? Во сколько он начался?

— В настоящее время доподлинно я не могу пояснить, но в моем ежедневнике написано, что начался в 3 часа дня 8 июня 2020 года.

— Помните, сколько допрос продолжался?

— Допрос проводился в соответствии со ст. 425 УПК РФ, то есть не более четырех часов и перерыв был не менее одного часа.

— В данном случае объявлялся перерыв?

— Я не могу сейчас вспомнить.

— Подзащитный ваши знакомился с протоколом допроса после того, как он был составлен?

— В моей практике обязательно сначала знакомится подзащитный, потом читаю я [адвокат так и не ответила на вопрос, знакомился ли Богдан с протоколом. Ушла от ответа, прикрывшись общей фразой].

— Андреев и его мама знали, что вы являетесь защитником?

— Перед допросом у нас с ними была беседа.

— Перед началом допроса права разъяснялись?

— Если стоит подпись о разъяснении прав, то разъяснялись.

— Вы участвовали в проверке показаний Богдана на месте. После того, как протокол проверки показаний был вами изучен, у вас какие-то замечания возникли?

— Если замечания возникали, то я в графе «замечания» должна была сделать отметку.

— Подозреваемый и его мама знакомились с протоколом?

— Я всегда наблюдаю за тем, чтобы в моем присутствии подзащитный ознакомился с протоколом.

Затем вступил я:

— Вы пояснили, что с Андреевым беседовали перед допросом. Какую позицию вы выработали? Какая позиция была у Богдана?

— Не помню [сказать «не помню» есть лучший способ скрыть правду от суда].

— Какова была ваша позиция?

— Не помню.

— Вы беседовали втроем, с мамой? Какова была ее позиция?

— Не помню.

— Правильно ли я понял, что допрос после вашего интервьюирования начался с 15:20?

— Да.

— Во время допроса добровольно ли давал показания Андреев? Или все-таки его показания могли формулироваться следователем?

— В моем присутствии Андреевым давались показания добровольно.

— Допрос проводил следователь или иные лица?

— Иных лиц не было, допрашивал следователь.

— Подзащитный Андреев говорит, что иные лица ему задавали вопросы, так ли это?

— Если бы иные лица вопросы задавали, то я бы внесла замечание в протокол, так как это считается давлением.

— Каково было отношение вашего подзащитного к подозрению?

— Не помню.

— А сам Андреев говорил о том, что он проходил обучение в целях совершения террористического акта?

— Не помню.

— Следователь показания вашего подзащитного дословно фиксировал?

— Дословно, если бы были какие-то отклонения, то я бы внесла в протокол замечания.

— Когда был первый перерыв после начала допроса?

— Не помню.

— Когда был закончен допрос?

— В 19 часов вечера.

— Разъяснялись ли права вашему подзащитному перед проверкой показаний?

— Не помню.

— Законному представителю разъяснялись ли права?

— Не помню.

— *Протокол проверки показаний на месте вы подписали когда?*

— *Не помню.*

— *Протокол, который вы подписали, читали?*

— *Обязательно.*

— *Все, что там написано, соответствует тем ответам, которые давал Андреев?*

— *Если этот протокол подписан без замечаний, значит, все зафиксировано в полном соответствии.*

— *А видеозапись проверки показаний на месте вы просматривали?*

— *Не помню.*

— *Вы помните, что подписывали протокол, а смотрели ли вы видеозапись, не помните?*

— *Я не помню.*

— *Следователь свои вопросы фиксировал в протоколе допроса?*

— *Я не помню.*

— *Формулировки, например, «террористический акт», сам Андреев говорил либо ему кто-то подсказывал?*

— *Я не помню.*

— *А если вам текст предоставить, вспомните?*

— *Ко мне память не придет, если я ознакомлюсь.*

— *А совесть к вам ваша придет?*

— *У меня она есть.*

Я попросил суд предоставить свидетелю протокол допроса Богдана для ознакомления с мотивировкой «может, вернется память к коллеге, а с ней и совесть».

— *Ознакомились? Вопрос у меня такой: говорил ли Андреев, что он «проходит обучение в целях совершения террористического акта» или он не говорил, а кто-то за него формулировал?*

— *Я не смогу восполнить свой пробел в памяти.*

Как видите, адвокат Недобросовестная последовательно врёт. Только благодаря миролюбивой позиции мамы Богдана мы не стали подавать на нее жалобу для привлечения к ответственности и заявлять в суд иск в порядке реабилитации о компенсации морального вреда в связи с незаконным уголовным преследованием по факту участия в террористическом сообществе. Однако каждый тезис «защитника» был убедительно опровергнут в суде:

- подростка никто не допрашивал, кроме следователя (мы выяснили, что его допрашивали оперативные сотрудники ФСБ);
- показания ребенка записывались дословно (мы выяснили, что не дословно — следователь сам юридическим языком формулировала показания так, чтобы действия школьника содержали состав преступления);
- допрос начался в 15:20 8 июня 2020 года (мы выяснили, что к допросу следователь приступила 7 июня с утра, а продолжила 8 июня до обеденного времени);
- содержание протокола проверки показаний Богдана соответствует тому, что ребенок говорил (мы выяснили, что протокол составлен с искажениями и неполно).

Затем была вызвана для повторного допроса педагог Курочкина:

— Ваш телефон всегда находится с вами?

— Могу оставить дома или в машине.

— Кто может пользоваться вашим телефоном?

— Вся семья.

— У вас есть пароль на телефоне?

— Да, пароль знает вся семья.

— Добровольно ли Николаенко Денис давал показания?

— Да, на него никакого давления не оказывалось.

— В какой форме проходил допрос?

— В форме свободного рассказа, следователь задавал вопросы, Денис отвечал, все рассказывал самостоятельно.

— Иные лица участвовали в допросе?

— Нет.

— Процессуальные права разъяснялись Денису?

— Да.

После объективно подтверждённого биллингом телефона отсутствия Курочкиной на допросах детей она в корне меняет показания, изворотливо защищая себя. Только школьников защитить забыла.

8.19. День девятнадцатый

Помните, в качестве свидетеля была допрошена Ирина Недобросовестная, адвокат Богдана? Идя по уже проторенной дорожке, прокурор попросила суд вызвать для допроса еще одного адвоката — Павла Дедова, который первоначально участвовал при допросе Дениса в качестве подозреваемого и при проверке его показаний на месте. Настоящий адвокат Дениса Владимир Ильков категорически возражал против такого допроса, поскольку недопустимо выяснять обстоятельства, которые могут быть обращены во вред подзащитному, с помощью его защитника, пусть уже и прекратившего защиту своего доверителя. Суд, не вняв позиции адвоката, решил вызвать и допросить Павла Дедова в качестве свидетеля.

Прокурор обратилась к суду с еще одной просьбой:

— Уважаемый суд! Подсудимые Николаенко и Андреев, их законные представители сообщили, что следователями Бессовестной и Злобиной на несовершеннолетних оказывалось давление с целью получения признательных показаний. Поэтому я прошу в порядке статей 144, 145 УПК РФ провести в отношении следователей доследственную проверку.

В судебном заседании от Николаенко были получены показания о том, что оперативный сотрудник ФСБ Равнодушный сообщил ему перед допросом, что если Николаенко не даст признательные показания о прохождении обучения с целью совершения террористической деятельности, то отправится в СИЗО, что было расценено несовершеннолетним как оказание давления на него с целью получения признания.

Из показаний Упорова следует, что 6 июня 2020 года неизвестные сотрудники ФСБ угрожали ему в автомобиле, хватали за шею, требовали признания в том, что Упоров хотел подорвать штаб ФСБ. Прошу организовать проверку в отношении сотрудников ФСБ также в порядке ст. 144, 145 УПК РФ.

Выступил адвокат Владимир Васин:

— Я возражаю против организации проверки в этом регионе, то есть в Красноярском крае. Мы все знаем, что обвинительное заключение по делу утверждал заместитель прокурора Красноярского края. Именно данное должностное лицо осуществляет надзор за деятельностью всех правоохранительных органов субъекта Российской Федерации, в том числе тех, которым прокурор хочет поручить проверку. Ведь органы не пойдут против воли прокурора, а его воля направлена на обвинение детей в терроризме. Такая проверка будет проведена в одностороннем порядке, она не будет независимой и беспристрастной. Очень много лиц со стороны обвинения заинтересовано в том, чтобы несовершеннолетние были наказаны. Прошу проверку организовать в другом субъекте Российской Федерации.

Судья Сергей Витальевич Лисов в ответ на доводы защитника начал хамить:

— Есть процессуальный закон. Что вы сейчас «несете», адвокат?

Владимир Васин изящно парировал вульгарный способ судьи на него надавить, обращаясь к лексике, не достойной суда:

— Я не «несу», я говорю. Уважаемый суд, несут бревно — я говорю. Спасибо!

Суд, тем не менее, удовлетворил ходатайство государственного обвинителя, обязав прокурора организовать соответствующую проверку.

Почему прокурор попросила суд об этой проверке? Все просто: результаты такого рода «проверок» всегда в пользу следствия и прокурора. «Проверка» называется так лишь для красного словца — в действительности она подтверждает доводы следствия, проводится формально и поверхностно, нарушения никогда не выявляются, о них пытаются умолчать, не видеть их и не слышать. Такого рода «проверки» скрывают истинные обстоятельства. Заканчиваются они фразами: «доводы защиты не нашли своего подтверждения, отказать в возбуждении уголовного в отношении следователя, оперативного сотрудника, сотрудника правоохранительного органа».

8.20. День двадцатый

24 ноября 2021 года допрашивался Роман Чарыков — эксперт, проводивший компьютерно-техническую экспертизу по решению суда.

Я начал задавать вопросы по поводу телефона Богдана, чтобы выяснить, откуда в памяти устройства возник файл в период времени, когда предмет у подростка был изъят.

— У нас есть файл, созданный 7 июня 2020 года, размер этого файла 217302. В каких единицах?

— В байтах.

— Если обратиться к заключению (вопрос 11-й, 20-й лист), вы указывали, что в памяти мобильного телефона сведений о его включении в период времени с 19:30 6 июня 2020 года до 12:19 12 июля не обнаружено. Это не противоречит тому факту, что 7 июня 2020 года обнаружен файл, точнее, он создан?

— Ваш вопрос понятен. Дело в том, что наш аппаратно-программный комплекс не смог получить с данного телефона полный физический образ памяти и, соответственно, мы не смогли добраться до журнала включения данного телефона, поэтому я и ответил, что данных о включении телефона не обнаружено: мы не смогли получить к ним доступ.

— Как так получилось: файл создан 7 июня, а вы делаете категоричный вывод, что телефон был выключен с 6 июня?

— Потому что я осматриваю только журнал работы операционной системы и согласно данному журналу я не нашел сведений о том, что он включался в этот период.

— Скажите, правильно ли я понял, что в этот период с вечера 6 июня по 12 июня 2020 года телефон не включался?

— Нет, это я не нашел сведений о том, что он включался.

— То есть не исключено, что телефон мог включаться?

— Может, и включался, у меня нет сведений таких.

— А о том, что телефон мог быть включен, где мы эти сведения можем получить?

— Затрудняюсь ответить на этот вопрос.

— Вообще есть какие-то аппаратные технологии, какие-то методики?

— Может, они в этом мире и есть, но у нас в экспертном учреждении таких средств нет.

— А почему таких средств нет в вашем учреждении, с чем это связано?

— У нас аппаратно-программный комплекс обновляется раз в неделю, может, через месяц и появится обновление, которое позволит вытащить эти даты включения, но на данный период нет у нас таких комплексов.

Анализ ответов экспертов я дам в прениях сторон (эксперт не только признал отсутствие актуальных технологий для ответа на поставленные перед ним вопросы, но и факт неправомерного создания файла в телефоне Богдана после его изъятия).

8.21. День двадцать первый

1 февраля 2022 года суд снова прилетел в Канск. Заседание началось с оглашения ответа адвоката Павла Дедова на приглашение его в суд для дачи показаний. Он отказался являться в суд, отказался свидетельствовать против своего доверителя Дениса Николаенко, поступив как порядочный и честный адвокат, для которого слово «адвокат» не просто звук, а профессия и призвание. После верной и аргументированной позиции нашего коллеги прокурор отказалась от его допроса, не стала настаивать на его обязательной явке в суд. Зато адвокат Ирина Недобросовестная действовала вопреки интересам своего бывшего подзащитного Богдана Андреева.

Прокурор вызвал Александра Поверхностного — оперативного сотрудника ФСБ. Это тот самый человек, представившийся Богдану психологом, который садился рядом с ним на корточки и вмешивался в допрос, демонстрируя Богдану его телефон и читая переписку оттуда. В том числе из-за психологических приемов этого «психолога» у ребенка и случился эмоциональный срыв. Тот самый, кто угрожал Никите СИЗО, крутя у него перед носом наручники. Теперь же, отвечая на вопросы самого Упорова, стал все отрицать перед судом:

— Во время опроса вы угрожали моей матери, что ее выведут из кабинета, если она будет указывать вам на то, что вы задаете одни и те же вопросы?

— Я, как тот человек, который отбирал у вас объяснение, могу пояснить, что вашей матери я не угрожал.

— Вы наручниками предо мной крутили и тем самым давили на меня?

— Нет.

Я задал вопросы:

— Когда вы брали объяснение с 6 на 7 июня 2020 года у Андреева, вы пользовались телефоном Богдана, изучали его переписку?

— Нет.

— А вообще вы видели телефон у Андреева?

— Я не помню.

— Вы участвовали путем задавания вопросов в допросе Андреева на следующий день?

— Я не участвовал в допросе Андреева.

В присутствии этого сотрудника ФСБ я попросил суд разрешить мне задать вопросы маме Богдана по исследуемым обстоятельствам:

— Данный сотрудник в ходе допроса вашего сына участвовал?

— Он периодически заходил в кабинет с телефонами ребят и постоянно спрашивал у Богдана про комментарии в переписке. Он на корточках сидел перед ним, прерывал следователя и задавал свои вопросы.

— Назовите дату, когда это происходило?

— В полиции в ночь с 6 на 7 июня он был с телефоном Богдана, но представился по-другому, то есть ввел в заблуждение нас.

— Как он представился?

— Он представился психологом, сказал, что оказывает психологическую помощь. Представился он как Александр-психолог и в ту же ночь был с телефоном Богдана. На следующий день в ходе многочасового допроса в Следственном комитете данный свидетель тоже участвовал в допросе, при нем также был телефон Богдана.

— Вопросы задавал?

— Да.

— Вы точно помните, что это он?

— Да, 100%.

С разрешения председательствующего я задал вопрос Богдану:

— 7 июня 2020 года в ходе объяснения, которое у вас брала следователь Бессовестная, участвовал данный свидетель?

— Да.

— Он перед вами на корточки садился?

— Да, возможно.

Мне на помощь пришел защитник Владимир Васин:

— Вы держали в руках телефоны Упорова, Андреева и Николаенко во включенном состоянии, смотрели, что внутри них, то есть сами устройства у вас в руках были в те дни?

— Не помню такого.

На помощь свидетелю подоспел судья Сергей Витальевич Лисов:

— Технические устройства вы лично не изучали и ими не пользовались, суд правильно вас понял?

— Да.

— В память этих технических устройств вы не вторгались?

— Нет.

— Изучали только протоколы, составленные вашими коллегами?

— Да.

Свидетель участвовал в осмотре одной из квартир, в которой ребята проводили свои опыты. Осмотр осуществлялся в присутствии Богдана, которому **следователь** задавал вопросы о том, какие именно ребята проводили опыты, какие ингредиенты смешивали. Суд решил задать свидетелю вопросы по этим обстоятельствам:

— *Что именно вам отвечал Андреев?*

Я сразу стал возражать против таких вопросов, поскольку Определением Конституционного Суда РФ запрещено воспроизводить показания, объяснения подозреваемых, обвиняемых путем допроса сотрудников правоохранительных органов. Суд, конечно, знал о таком запрете, однако действовал так нахраписто, полагая, видимо, что его действия не будут пресечены. Но сторона защиты начеку!

Следующим свидетелем был Степан Равнодушный — оперативный сотрудник ФСБ. Он рассказал, как изначально «вышли» на ребят:

— *Примерно в конце мая — начале июня 2020 года была получена первичная информация о том, что на территории города Канска во дворах и подъездах были размещены листовки анархического содержания в черно-белом исполнении. Это было освещено в группах в социальной сети «ВКонтакте». Установить лиц не представилось возможным, так как не было привязки к лицу, разместившему данные листовки на территории Канска. 6 июня 2020 года рабочий день в отделении ФСБ начинался с 10 часов, так как была суббота. При входе в подвальное помещение, которое расположено под лестничным маршем, мной лично была обнаружена аналогичная листовка, на которой были изображены лица людей и какая-то формулировка, сейчас уже не помню. Было принято решение установить лиц и провести с ними профилактическую беседу. На отделении УФСБ России по Красноярскому краю в городе Канске имеются камеры видеонаблюдения, которые позволили нам отследить прошедшую ночь и установить примерное время размещения листовки, а именно с 01–02 ночи двое неизвестных молодых парней подошли со стороны Казначейства, один из них производил фото или видеосъемку, так как была видна вспышка камеры на уровне лица, а второй производил расклейку листовки.*

Сотрудники через свои возможности провели оперативно-поисковые мероприятия в сети интернет, по результатам которых были выявлены двое пользователей, которые были подписаны на группы анархической направленности. Вторым пользователем являлся студент Канского техникума отраслевых технологий и сельского хозяйства Лапшин (через социальные сети мы его установили). Так как у меня имелись контакты всех директоров образовательных учреждений, мы вышли на руководство техникума, где обучался Лапшин. Учебное заведение вычислили по фотографии, которая была размещена на его странице в социальной сети. После того, как мы связались с руководством техникума, через классного руководителя позвонили родителям Лапшина и попросили явиться к учебному заведению. Лапшин прибыл в сопровождении отца и матери, мы представились, объяснили суть происходящего и предложили проследовать в отделение для проведения дальнейших мероприятий. В ходе опроса Лапшин сообщил, что состоит в закрытой беседе в социальной сети «ВКонтакте», куда его пригласили за два-три месяца до описанных событий. Пользователь, которого он в лицо не знал, сообщил о том, что интересуется тематикой анархизма и проживает на территории города Канска.

В дальнейшем была установлена переписка с ребятами, с которыми он давно намеревался встретиться, но не было случая. С ведома сотрудников ФСБ Лапшин написал сообщение ребятам о том, что он проходил мимо здания ФСБ России, увидел много сотрудников полиции, какую-то листовку и спросил, их ли это работа. В ответ поступило сообщение о том, что да, это были мы, развесили сегодня ночью. В процессе разговора с Лапшиным было озвучено предложение провести встречу. Встречу назначили в вечернее время на предместной площади города Канска. Так как мы не понимали, сколько людей придет, кто они и что от них

ожидать, поэтому попросили взаимодействие у отдела уголовного розыска МО МВД России «Канский», были даны нам порядка 5–6 сотрудников. Мы расставились по участку и ждали порядка 10–15 минут. К Лапину подошли подростки, после этого мы подошли и предложили им проехать с нами для проведения профилактической беседы.

В суде Равнодушный отрицал факты, которые были подтверждены ребятами, их законными представителями, педагогом:

— *На Предместной площади при задержании телефоны у подростков забирали?*

— *Нами было предложено перевести телефоны в беззвучный режим и убрать в карман.*

— *Брали ли вы в руки изъятые телефоны у несовершеннолетних?*

— *Нет, мы убедились, что они поставили телефоны на беззвучный режим и убрали в карманы, для того чтобы не производили чистку файлов или удаление информации.*

— *Изъятием телефонов ФСБ не занималась, верно?*

— *Не занималась.*

— *Вы знаете, кто изымал телефоны?*

— *У Андреева изъела Бескомпромиссная, у остальных — не знаю.*

— *Вы видели у Андреева телефон при изъятии?*

— *Да. Он его держал в руках. Бескомпромиссная попросила выдать телефон, он его достал и положил на стол.*

— *Кто был очевидцем данного факта?*

— *В помещении находились Бескомпромиссная, я, мать Андреева, сам Андреев.*

— *В дальнейшем вы телефон Андреева осматривали, изучали?*

— *Нет.*

С разрешения председательствующего я задал вопросы маме Богдана в присутствии сотрудника ФСБ:

— *Вы знаете данного сотрудника?*

— *Да.*

— *Вы были очевидцем изъятия телефона?*

— *Когда шло якобы изъятие телефона, Степан выложил телефон в комнате.*

— *При ком находился телефон?*

— *У данного свидетеля, Равнодушного. Они сами определили место, где лучше его положить, и решили — на школьном столе Богдана.*

— *Данный свидетель какие-либо манипуляции с телефоном проводил, изучал его?*

— *Постоянно пролистывал, переписку смотрел.*

— *Откуда вам это известно?*

— *Это при мне происходило, когда Бессовестная допрашивала Богдана 7 июня. Я видела своими глазами.*

— *Вы присутствовали при опросе вашего сына?*

— *Да.*

— *Данный свидетель участие принимал?*

— *Да.*

— *В чем выразилось это участие?*

— Он сидел в кабинете при опросе Богдана Бессовестной, пролистывал телефон и постоянно задавал интересующие вопросы по переписке.

— Богдан отвечал на данные вопросы?

— Да.

— Вопросы заносились в протокол?

— Нет.

С разрешения председательствующего я задал вопросы Богдану:

— У вас 6 июня 2020 года телефон изымался?

— Да.

— Когда?

— При задержании.

— В чьем владении находился телефон?

— У свидетеля.

— Что свидетель делал?

— Листал переписку.

— Он вам задавал вопросы?

— Да.

— Вопросы касались содержания переписки?

— Да.

— Вы на них отвечали?

— Да.

Тогда я снова обратился к Степану Равнодушному:

— Мой подзащитный и его мама говорят, что всё-таки вы задавали ему вопросы и принимали участие в допросе. Что можете пояснить?

— Я говорю то, что хочу и считаю нужным.

Я на такую наглость возразил, что надо говорить не то, что вы хотите, а то, что было на самом деле. Также свидетель проводил оперативно-розыскные мероприятия. В связи с этим я задал ему вопрос:

— Постановление о передаче следователю результатов ОРД выносилось?

— Да, все было передано в установленном порядке.

На самом деле материалы оперативно-розыскной деятельности были переданы следователю с грубыми нарушениями, но об этом позже.

8.22. День двадцать второй

2 февраля 2022 года. Прокурор получила результаты проверки по фактам применения психического воздействия на несовершеннолетних и следователями, и оперативными сотрудниками. Следователи, как того и стоило ожидать, не установили в результате проверок каких-либо незаконных воздействий на детей, были вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовных дел. Для стороны защиты это не было никакой новостью. Сами же следователи,

которые проводили проверку, не будут, очевидно, обвинять своих коллег в преступлениях против незащитных детей. Вот эти-то формальные постановления об отказе в возбуждении уголовных дел и просил приобщить прокурор.

Я, конечно, возражал:

— *Уважаемый суд! Я прошу не приобщать постановления об отказе в возбуждении уголовных дел. Я созванивался с Трубчик Ольгой, которую вызывал следователь для того, чтобы выяснить, действительно ли на Богдана было оказано незаконное воздействие. Ознакомившись с ее объяснением, которое Трубчик Ольга дала следователю, проводившему проверку, я огласил ей тот фрагмент объяснения, который зафиксирован слово в слово в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела. Трубчик пояснила, что она не говорила следователю, что «перед опросом Андрееву разъяснялись права». Права Богдану не разъяснились. Она не говорила, что «Андреев охотно давал показания». Она не говорила, что «Андреев выражал готовность сотрудничать». Трубчик Ольга, наоборот, сказала, что «органы всячески показывали, что Андреев должен сотрудничать и это в его интересах».*

А вот то, что она говорила, не зафиксировано. Например, не указано в объяснении про то, что «Богдана допрашивали несколько часов и в этом выражалось давление на ребенка». Фразу педагога просто выкинул следователь из объяснения, ведь она лишний раз подтверждает применение недозволённых методов допроса. Для того, чтобы оценить достоверность объяснений Трубчик Ольги, я прошу полностью истребовать материал проверки, изучить объяснения, которые дали опрошенные лица.

Результаты процессуальной проверки в отношении следователей и сотрудников ФСБ были приобщены. В удовлетворении моего ходатайства об истребовании всех материалов проверки отказано, поскольку «в этом нет необходимости» — вот так просто и закономерно. Следующие несколько часов сторона защиты оглашала свои ходатайства о признании доказательств недопустимыми и о назначении повторных экспертиз. Как всегда, суд к нам не прислушался.

8.23. День двадцать третий

3 февраля 2022 года я огласил объяснение Богдана, потратив более часа только на это, затем задал вопросы самому Андрееву.

— *Вы выслушали объяснение. Поясните, пожалуйста, что соответствует действительности, а что нет?*

— *Не соответствуют действительности формулировки про террористический акт.*

— *Вы сообщали следователю о том, что проходили обучение с целью совершения террористического акта?*

— *Да, я говорил так, но это было под давлением. Она сформулировала эту цель про обучение и говорила мне повторять ее. Она угрожала мне, что я поеду в СИЗО, и вообще я тогда очень сильно устал.*

— *То есть вы повторяли?*

— *Да.*

— *Вы изготавливали разные взрывчатые вещества, мастерили устройства?*

— *Да.*

— *С какой целью?*

— *В научных целях, для себя, экспериментально.*

Председательствующий объявил, что судебное следствие окончено, и предложил готовиться к прениям сторон.

8.24. День двадцать четвертый

4 февраля 2022 года начались прения сторон. Прокурор потребовала назначить Денису 6 лет 5 месяцев лишения свободы, Богдану — 6 лет 6 месяцев, Никите — 9 лет лишения свободы. Дважды прокурор неверно указывала статьи УК РФ, на основании которых испрашивала наказание, из-за чего суд был вынужден объявлять перерыв. Полная профессиональная профнепригодность: государственный обвинитель не может даже верно перечислить статьи Уголовного кодекса. Только на третий раз у нее получилось! Что уж говорить про ошибки в таком сложном процессе, как доказывание.

Причем на допущенные прокурором грубейшие нарушения в виде неверного перечисления статей суд указывал сам, в очередной раз помогая обвинителю.

После прокурора выступил Никита:

— *Уважаемый суд! Перед тем, как вы удалитесь в совещательную комнату для вынесения решения, я хотел бы правдиво, ничего не утаивая, высказать свою позицию и обратить внимание суда на обстоятельства, имеющие значение для дела.*

1. *Несоответствие показаний сотрудников ФСБ обстоятельствам дела. Сотрудники ФСБ поясняли, что задержания не было. Нам просто предложили пройти в отделение полиции, не обыскивали, к телефонам нашим не прикасались. И у стенки нас не заставляли стоять с вытянутыми руками и смотреть на неё, не поворачивая голову. Это очередные фантазии сотрудников ФСБ. В реальности это было как похищение, что вызывало у нас страх. Телефоны у нас отобрали сразу, не давали даже позвонить родителям.*

2. *Видео на жестком диске моего компьютера, которого там не могло быть. У меня вытащили жесткий диск из старого компьютера, стоящего в углу в зале. Я этим компьютером не пользовался уже давно, так как он постоянно ломался, и у меня появился новый компьютер ещё в 2018 году. На жестком диске со старого компьютера не было никаких видеороликов. После изъятия жесткого диска в нем появились материалы, которые меня компрометировали. Скорее всего, сами сотрудники эти материалы скопировали на мой жесткий диск.*

3. *Применение ко мне физической силы. Сотрудник ФСБ Примитивный применил ко мне физическую силу, то есть сжимал мою шею. Сотрудник ФСБ Поверхностный ударил меня сзади по голове, когда ему не понравились мои объяснения в машине.*

4. *Явки с повинной Богдана и Дениса были получены под давлением. Явки моих друзей, данные под давлением, под угрозами, в измотанном состоянии, не должны являться доказательствами по делу. Понятно же, что никто не хотел добровольно брать на себя вину за совершение особо тяжкого преступления, зная, что их ждёт за это тюрьма. Наоборот, Богдан и Денис не хотели туда попадать, поэтому слушали следователей и оперативников. Верили им. Боялись не поехать домой. К тому же следователи и оперативники обещали помочь ребятам, которые в реальности этих преступлений не совершали. Прошу суд обратить внимание на это в совещательной комнате.*

5. *Главный свидетель обвинения непосредственно принимал участие в производстве листовок. Александр также участвовал в производстве листовок, был с нами в группе. Обсуждал с нами всё то же самое. Высказывался. Придерживался похожих взглядов. Но у Ляха терроризма нет, а у нас троих — есть. Потому что у Александра бабушка — мэр города. Вот вам и ответ.*

6. Тот человек, который хотел кинуть бомбу в баню к Президенту РФ Путину Владимиру, стал свидетелем обвинения. Свидетель Бойчиков очень часто писал в нашу беседу (все тексты переписки есть в материалах дела) про насилие, оружие, агрессию, в том числе в сторону правительственных организаций, часто начинал разговоры на эту тему. В переписке видно, как Бойчиков писал тексты о взрыве бани Президента РФ Путина Владимира и его кортежа.

7. Лживые показания сотрудника ФСБ Степана Равнодушного. Оперативный сотрудник ФСБ Степан Равнодушный, который курировал это дело, много раз приходил ко мне в СИЗО и уговаривал признаться. Он настраивал меня против мамы и адвоката.

С самого начала я пытался объяснить, что никакого умысла на терроризм у меня не было, я не собирался готовить и закладывать бомбы в здания ФСБ и МВД. Я считаю, что мир не черно-белый и люди бывают разные, я никогда никому не хотел смерти и боли. Единственное, в чем я виноват — это в том, что пиротехникой увлекся. Увлёкся, так как хотелось сделать что-то своими руками вместе с друзьями, хотелось дружить, но не для убийств и не для террора. Из нашей переписки отчётливо видно, что мы везде хохочем и смеёмся, ставим улыбочки и подкалываем друг друга, материмся, умничаем и хотим казаться взрослее. Но в наших текстах не было серьёзных и настойчивых упоминаний о подготовке взрывов, так как не было никакой подготовки и прохождения обучения.

Я, Никита Упоров, не террорист и никогда им не был! Девять лет лишения свободы за то, чего я не хотел и не планировал, это несправедливо много. Фактически мне попросили 9 лет за слова, за баловство с друзьями, за листовки и сочувствие к тем, кому тяжело.

Выступила мама Никиты:

— Уважаемый суд! Я не юрист. Я просто мать. Я не умею выступать в прениях. И я мечтаю, чтобы это были последние прения в моей жизни. Дайте мне возможность сказать так, как я умею, как я могу.

Мне непонятно, почему свидетель Бойчиков говорит о том, как можно взорвать кортеж Президента РФ Путина Владимира, но следователи и оперативники на это не обращают внимания, а в шутках ребят про МВДшников они видят реальную угрозу и даже придумывают ребятам цель какую-то. Почему-то Бойчиков — свидетель и на свободе, а мой сын — террорист, и прокурор просит ему 9 лет. Мне непонятно, почему Александр стал свидетелем, хотя делал то же, что и ребята. Кроме того, Александр был на несколько лет старше трех малолеток.

Вот и наступает этот день, когда будет вынесен приговор по делу канских подростков-анархистов. Прошло уже более полутора лет с тех пор, как это дело было искусственно создано, резонансное для Канска дело — как в первый же день выразались сами сотрудники, потирая руки. Наверное, это был их шанс показать свою значимость в Канске, и они с благополучием им воспользовались, задержав пятерых, сразу отпустив двоих. Выбрали троих четырнадцатилетних дурачков, возмнивших себя анархистами, хотя Андреев листовки не клеил. Мы с сыном прекрасно понимаем, как было тяжело Богдану и Денису, потому что с нами всё проделывали то же самое, что и с ребятами. Поэтому Никита с первых дней и до сегодня не держит на друзей обиду, даже после того, как они его оговорили. Они боялись тюрьмы. Выдумали про моего сына, что он их лидер, организовывал и обучал какой-то деятельности. Якобы с их помощью хотел взорвать ФСБ, а может, даже МВД, ну, в общем, как я поняла, взрослым нужно было что-нибудь взорвать. Ребята подписали документ о том, что боятся физической расправы со стороны моего сына и просят взять его под стражу. И всё это было условием для того, чтобы следователь оставил их на свободе. Такой вот злодей оказался мой сын Никита Упоров. А лидером он вдруг стал только потому, что не подписал признание, над которым сотрудники «работали» минимум 5 часов. Сын мне в первом же письме из СИЗО написал, что не держит зла на своих друзей и скучает по ним. Я знаю, сотрудники обещали Богдану и Денису, что ничего не будет, если они признаются. И их мамам обещали. Всех обманули. Придумали дело о терроризме меньше чем за сутки. Сделали это всё с помощью психологического давления и страха.

С другой, ещё большей подлостью мы столкнулись, когда школа дала Никите отрицательную характеристику. Без сомнения, на директора повлияли сотрудники ФСБ — его кураторы. Поэтому моему сыну была дана ужаснейшая характеристика, почти полностью не соответствовавшая его поведению. После чего директор, войдя в раж, на линейках 1 сентября 2020 года ходил по классам и рассказывал, что мальчишки хотели взорвать школу. Дети и родители из-за этой лжи были уверены, что ребята задержаны за подготовку взрыва в школе. Только в конце ноября мы рассказали в СМИ, как было на самом деле, что дети никаких взрывов не готовили. После этого родители и другие посторонние люди стали это дело воспринимать совсем по-другому, стали переживать и сочувствовать мальчишкам. Поддерживать нас всех.

Отдельно хочу сказать про педагога Курочкину, которая в половине допросов несовершеннолетних свидетелей не принимала участия, хотя везде, как мы убедились, стоят её подписи. На педагога Курочкину я впервые обратила внимание, когда перед очередным судом по продлению меры пресечения моему сыну она, придя в суд, не подошла к нам, а сразу пошла обниматься со следователем Злобиной, при этом они не стеснялись обсуждать совместные пьянки и мужчин, весело общаясь. Придя в суд, она дала ложные показания, пытаясь доказать, что участвовала в допросах. Причём если первый раз она дрожала и тряслась, второй раз, уцепившись за соломинку, что якобы её телефоном пользуется абсолютно все родственники, пыталась в этом убедить и нас. Здесь только слепой не увидит ложь.

На первом допросе Никиты после его задержания Курочкиной фактически не было, но подпись потом появилась. Тогда я не знала законов и не настаивала на её присутствии. Теперь я ещё раз убедилась, что это в порядке вещей, Курочкина в Следственном комитете — свой человек. Ну просто сказка: занимаешься в рабочее время своими делами и получаешь зарплату. А главное, подписи, которых не было, в итоге появляются там, где надо!

На изъятом жестком диске от старого компьютера Никиты появилось то, чего там в принципе не могло быть — разные файлы с видеозаписями. Старый компьютер не работал долгое время, им не пользовались, но записи, которые прокурор исследовал, откуда-то взялись. В судебной экспертизе по этому поводу, о которой просила защита, чтобы выяснить судьбу непонятно откуда взявшихся файлов, суд отказал.

Ещё мне запомнилась в качестве свидетеля обвинения следователь Бессовестная. К ней я обращалась, когда писала заявление на свидание с сыном. Она мне сказала: «Пишите, я всё равно откажу». Я все равно написала, указала в заявлении, что в случае отказа прошу сообщить о причине в письменном виде. Через неделю, не дождавись ответа, пришла к Бессовестной, она меня убеждала, что письменный отказ отправлен почтой. Сколько раз писала, ни разу так и не получила письменный ответ. На мою просьбу выдать мне сейчас этот отказ следователь ответила, что он подшит к психиатрической экспертизе Андреева и Николаенко и пока эта экспертиза не пришла в Следственный комитет, она мне не может дать эту бумагу. Помню, я стою в тот момент и понимаю, что она меня за дуру держит. Пытаюсь разобраться, в чём смысл? Причём тут экспертиза Андреева и Николаенко и моё заявление на свидание с сыном. А видимо, следователь просто умеет быстро давать глупые ответы. Помните, следователь на вопрос о том, что ей помогает быстро печатать, мигом сориентировалась и выдала, что помогает игра на гитаре. Только в первый раз в роли обманутых были присутствующие в судебном заседании.

При допросе адвоката Недобросовестной, которая была следователем назначена Богдану, я обратила внимание, что на вопросы прокурора она отвечала, помня всё, а на вопросы защитника всегда произносила «не помню». Город Канск маленький, говорят, что она обо всём этом сожалеет, но нам от её сожалений легче не станет.

Я не буду рассказывать, что я переживала, когда сын находился в СИЗО, это никому не интересно. Как срывалась с работы, куда езжу за 80 километров от дома, на суды и следственные действия, а потом ехала обратно дорабатывать до ночи, как издевался следователь, когда просила дать разрешение хотя бы на звонки сыну. Как на судах, которые продле-

вали стражу, мне не разрешали даже подойти к нему. Как уполномоченный по правам ребёнка сказала, что мне не дадут свидания с сыном, потому что мой сын не признаёт вины. Не признался в чём? В том, чего не хотел и не собирался делать?

Да, мальчишки играли в недетские игры, но это детство. Озорное, глупое детство. И я в своём детстве любила с мальчишками взрывать всё, что взрывалась, бегали по лесу. У меня не было интернета, зато были карбид, баллончики от сифона. Нас с братом родители ругали и лупили даже, но мы всё равно делали взрывы. Мне повезло больше остальных: мой папа был сварщиком, карбида много было. Даже лет в 16 мы поджигали маленькие магазинные бомбочки. Мы их так их называли — «бомбочки». Только когда я чуть без ногтя не осталась, тогда перестала это делать. И многие в наше время в своём детстве взрывали что-то, но никто не стал террористом.

Листовками мальчишки хотели поддержать людей, которых они жалели, которым пострадали, которые, по их мнению, были несправедливо осуждены, на листовках не было призывов к терроризму. Если где-то они плохо отзывались о власти и имели свои политические взгляды, это, наверное, из-за возраста: в детстве всегда мечтаешь, чтобы было всё везде хорошо и правильно. Опять же, считается, что мы живём в свободной стране и имеем право выражать своё мнение, у нас свобода слова. Вот дети своими словами свободно и распоряжались.

Здесь прозвучало выражение «детский лепет» [так судья Лисов упрекнул Никиту за то, что тот давал сбивчивые показания]. Да, это детский лепет, потому что даже сейчас, в свои 16 лет [на момент совершения ими действий, которые следствие инкриминировало, подросткам было по 14 лет], они ещё дети, хотя и пережили в своей жизни такой недетский стресс. Их обманули взрослые дяди и тётки ради новых показателей и звёздочек на погонах, а дети им поверили. Дяди убедили и матерей. И мамы тоже доверились. Две другие мамы осознали, что натворили, слишком поздно. Теперь с этим жить всю жизнь! Я тоже, как мать, прошла эти испытания вместе с сыном. Я поняла многое про него и мне не стыдно, что у меня такой ребёнок, я даже горжусь им и буду поддерживать. Он честный и смелый. Не оговорил никого.

Уважаемый суд! Я надеюсь только на вас, на вашу справедливость, благоразумие. Вы видите, кто перед вами. Парни все замечательные, я думаю, что они не заслуживают того, что попросил сегодня прокурор. Это несправедливо! Они никому не причинили реального вреда и ущерба. У них впереди вся жизнь, они обязательно получают образование и ещё принесут пользу этому миру. А тюрьма никого не исправляет, она ломает им жизни окончательно. Эти дети и так испугались на всю жизнь. Наши дети не террористы и никогда ими не были!

Выступила мама Богдана:

— Уважаемый суд! Согласно заключению комплексной психолого-психиатрической экспертизы в отношении моего сына, «жизненный опыт у ребенка несформирован», в том числе это выразилось в полном доверии Следственному комитету и сотрудникам ФСБ, когда начались следственные действия 6, 7 июня 2020 года. По наивности мой ребенок доверял и я доверяла людям в погонах, по их принуждению это вылилось в такие незаконные действия и неправдивые показания, и явку с повинной. В экспертизе указано, что для моего ребенка характерна внушаемость значимыми для него личностями. Как раз такими личностями являлись сотрудники, которые с ним работали, он им верил. Единственное, чему они Богдана научили новому — это вранью, предательству, лицемерию, развили у него замкнутость, недоверие к людям.

Сын не агрессивен. Наша семья никогда к ответственности не привлекалась во всех поколениях, которое мне известно, даже к административной. Ребенок в суде заявлял, что не смог бы причинить вред человеку, и аргументировал свою позицию. Не просматривает фильмы ужасов, триллеры, единственное, что он смотрит — передачи для научного интереса.

Пока идет процесс (в течение уже двух лет), сын не потерял интерес к учебе, единственное, что произошло — он переквалифицировался из химика, так как ему желание уже отбили заниматься этим, в физика и математика. Его истинные намерения заниматься наукой никуда не ушли. Сын занимается изучением электротехники, радиотехники, передачи информации по воздуху, создания монорельсов на основе электромагнитной силы, а также занимается информатикой. Вообще, все разработки, которыми он занимается, вне школьной программы.

Изначально Богдан сообщал цель своих опытов следователю и сначала их это устраивало. Потом в одночасье эта цель была изменена на цель обучению терроризму. Сын хотел показать своими опытами, какой он умный, похвастаться. По половой принадлежности ему все эти эксперименты были интересны — мальчишечьи интересы.

Сын не оправдывал терроризм, не пропагандировал его. Он не искал никого, не привлекал сторонников, не проявлял инициативы для поиска запрещенной литературы. Не восторгался, не смеялся, не восхищался просмотренными видеороликами, а, наоборот, либо игнорировал это, либо осуждал, о чем свидетельствуют материалы уголовного дела.

Относительно распространения листовок. Сын рассказал об этом в семье, то есть не скрывал, и это свидетельствует о том, что он не считал это опасным или каким-то преступным деянием.

Прокурор просит лишить моего сына самого главного — свободы. Я, как сотрудник ФСИН, могу сказать, что места лишения свободы не исправляют человека. Наоборот, если у человека есть хорошие качества, добродетели, это всё уничтожается. Я сожалею, что не смогла защитить своего ребенка. Если бы я проявила выдержку, характер и не поверила бы сотрудникам в таких же погонах, все были бы на свободе.

С речью выступил я:

— Уважаемый суд! Уважаемые участники! Прежде всего я благодарю суд за качественное ведение процесса, за порядок, за дисциплину. Конечно, процесс был очень эмоциональный, чувства захлестывали, и ваше руководство в этом смысле дорогого стоит. Я это говорю искренне.

Но, тем не менее, уважаемый суд необоснованно отказал в удовлетворении моих ходатайств о проведении экспертиз, о признании доказательств недопустимыми. Я и сейчас категорически настаиваю на их удовлетворении, так как вижу разумную основу в просьбах к суду подвергнуть доказательства, которые представила сторона обвинения, сомнениям. Вообще к доказательствам я подхожу тщательно, а к доказательствам по делам, где подсудимыми являются дети, еще внимательней. Видимо, потому что в свое время трудился в прокуратуре и надзирал за соблюдением прав и свобод именно несовершеннолетних.

Я благодарен и секретарю судебного заседания за то, что вы так полно и верно отразили все обстоятельства нашего дела. Но один штрих вы упустили. Помните, я задал вопрос следователю Бессовестной, которая, нарушая закон, двое суток с утра и до ночи допрашивала Богдана: «Вы где-нибудь обучались навыкам быстрого набора текста?». Следователь ответила: «Нет, не обучалась. Но я быстро печатаю текст, ведь я умею играть на гитаре!». Такой наспех придуманный ответ, совершенно несуразный, многое говорит и о нравственных качествах следователя, и о ее интеллектуальном уровне. Много было подобных ответов у Бессовестной, выдуманных здесь же, за трибуной.

Я благодарен и прокурору, который добросовестно выполнил свою обязанность. Вы — прокурор-трудолюбивый! Да, вы, государственный обвинитель, привели доказательства, которые, по вашему мнению, подтверждают виновность моего подзащитного, но тот вывод, который вы сделали из этого, совершенно не справедлив и тем более не законен. Андреев Богдан не заслуживает 6 лет 6 месяцев лишения свободы.

Если бы я был на вашем месте, уважаемый прокурор, а я был на вашем месте, работая в прокуратуре, то, исходя из тех доказательств, которые вы представили (это и явка с повинной Богдана, и его объяснения, и протоколы допросов, и проверка показаний на месте), следует с неизбежностью правовой вывод — к Андрееву Богдану должно быть применено примечание к ст. 205.3 УК РФ. Примечание гласит: лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно сообщило органам власти о прохождении обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности, способствовало раскрытию совершенного преступления или выявлению других лиц, прошедших такое обучение, осуществлявших, организовавших или финансировавших такое обучение, а также мест его проведения.

Данная норма императивна, то есть обязательна к применению. В ней нет положения о том, что следователь либо суд вправе применить правило этого примечания. Правило обязательно к исполнению всеми правоприменителями. Вы, уважаемый прокурор, исходя из вашей речи, установили, что Богдан способствовал раскрытию преступления, но тогда вы должны просить суд в обязательном порядке освободить ребенка от уголовной ответственности в силу примечания к ст. 205.3 УК РФ.

Когда я принял поручение на защиту Богдана и приехал в город Канск, то первое, что я сделал — потребовал от следователя прекращения уголовного преследования несовершеннолетнего по ст. 205.3 УК РФ. Я сообщил следователю, что есть примечание к статье. Следователь удивился, спросив: «А что, есть примечание?». После прочтения категорично заявил, что не может его применить и это их окончательная позиция. Таким штрихом я вам показал, как уголовное дело уже изначально стало расследоваться с грубыми нарушениями закона.

Но прежде всего я благодарен вам, мои коллеги-адвокаты. В суде мы выработали единую позицию. Проанализировав доказательства, пришли к глубокому и твердому убеждению в невиновности подростков. Весь процесс стеной стояли за ребят. Вы — настоящие бойцы-защитники.

В своей речи я проанализирую предъявленное Богдану обвинение, дам оценку собранным доказательствам, представлю на ваш суд личность моего подзащитного, который не преступник, а просто заигравшийся ребенок, обманутый и напуганный.

Перейдем к обвинению. В обвинении указано, что «не позднее 25 октября 2019 года Упоров решил привлечь Николаенко и Андреева к совершению преступления». Представленный стороной обвинения факт уже неверен, ведь ребята познакомились только 23 февраля 2020 года.

«Реализуя свой преступный умысел, в период времени с октября по ноябрь 2019 года Упоров приискал видеоматериал с целью побуждения интереса к теме горючих и взрывчатых веществ у участников группы». На октябрь и ноябрь 2019 года никакой группы не было (группы лиц по предварительному сговору для совершения преступлений вообще не было). Если же группа и возникла, то только для обсуждения социально-значимых вопросов и только с конца февраля 2020 года.

«Не позднее февраля 2020 года Упоров предложил пройти обучение в целях осуществления террористической деятельности. Андреев согласился на прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности». Данный тезис если и нашел своё подтверждение, то исключительно в показаниях Андреева, которые он дал в статусе подозреваемого. Я подвергал детальной критике факт добровольности показаний подростка. Даже если на минутку фантастически допустить факт того, что Андреев давал показания самостоятельно и они достоверны, то все равно Андреева нельзя обвинить в терроризме ввиду действия правил, предусмотренных ст. 77 УПК РФ, которые гласят, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств.

Сами по себе показания ребенка недостаточны для категоричного вывода о том, что Андреев обучался исключительно с целью совершения террористического акта. Иных доказательств, подтверждающих ложный тезис о том, что подросток желал совершить террористический акт, нет. Я прошу применить это справедливое правило при оценке показаний подростка.

Андреева обвиняют еще в семи преступлениях, а именно:

— в апреле 2020 года Андреев с подсудимыми, находясь в помещении бани, изготовили взрывчатое вещество триперекись ацетона «КИСА», просушили, затем поместили в пластиковую колбу, прикрепили фитиль, то есть изготовили самодельное взрывное устройство. Богдана обвиняют по ч. 2 ст. 223.1 УК РФ (незаконное изготовление взрывчатого вещества, взрывного устройства, совершенное группой лиц по предварительному сговору). С учетом четырнадцатилетнего возраста Андреев не осознавал, что изготавливал взрывчатое вещество, создавал взрывное устройство. Как пояснял в суде ребенок, он не относился к созданным веществам как к взрывчатым. Богдан воспринимал их как хлопушки, пиротехнику. В его действиях отсутствует осознание, то есть субъективная сторона преступления, а следовательно, и состав преступления;

— в апреле 2020 года Андреев с подсудимыми незаконно хранили изготовленное ранее взрывчатое вещество «КИСА» в помещении бани до момента изготовления Андреевым самодельного взрывного устройства. Богдана обвиняют в том, что он совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 222.1 УК РФ (незаконное хранение взрывчатого вещества, совершенное группой лиц по предварительному сговору). Во-первых, в действиях моего подзащитного отсутствует субъективная сторона, то есть Андреев не относился к этому веществу как к взрывчатому. Умысел отсутствует по всем составам, я дальше не буду это обсуждать. Во-вторых, у Богдана не было умысла на это хранение. Вы определитесь, уважаемый прокурор, что же все-таки желал сделать подросток: или изготовить взрывчатое вещество, или хранить. К тому же Богдану вменяют хранение взрывчатого вещества неустановленный период времени. Время должно быть определено. Видимо, прокурор забыл, что существуют правила, закрепленные в ст. 73 УПК РФ, которые определяют обстоятельства, подлежащие обязательному доказыванию. Время относится к таким обстоятельствам, а несовершеннолетнему вменяют неустановленный период времени. Обращу внимание, уважаемый суд, что с момента изготовления вещества до его помещения в колбу прошло несколько часов, и этот период следствие вменяет подсудимым как хранение. Так — искусственно — можно плодить множество составов. Эту порочную практику нужно пресекать;

— в апреле 2020 года ребята изготавливают взрывчатое вещество «КИСА», помещают его в бумажный сверток. Андреева снова обвиняют в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 223.1 УК РФ (незаконное изготовление взрывчатого вещества, взрывного устройства, совершенное группой лиц по предварительному сговору). Богдану повторно вменяют первый состав преступления, разделяя на отдельные преступления единое продолжаемое преступление;

— в мае 2020 года Андреев, находясь в помещении бани, изготовил взрывчатое вещество триперекись ацетона «КИСА», которое поместил в пластиковую колбу, тем самым незаконно изготовил взрывчатое вещество и самодельное взрывное устройство, то есть совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 223.1 УК РФ. Богдан говорил, что той массы взрывчатого вещества, которую он изготовил, оказалось много. Часть вещества он поместил в бумажный сверток, а часть — в пластиковую колбу, поэтому говорить о том, что он вновь незаконно изготовил взрывчатое вещество, самодельное взрывное устройство, и квалифицировать его действия отдельно безосновательно;

— в мае 2020 года, имея умысел на незаконное ношение взрывного устройства, подростки перенесли из помещения бани на участок местности созданное ими ранее самодельное взрывное устройство (Богдану вменяют ч. 2 ст. 222.1 УК РФ — незаконное ношение взрывного устройства, совершенное группой лиц по предварительному сговору). Богдан пояснял, что не «они несли», а он один нес — и все равно вопреки обстоятельствам дела проку-

пор вслед за следователем настаивают на совершении преступления группой лиц по предварительному сговору, незаконно квалифицируя действия подростка по ч. 2 ст. 222.1 УК РФ, а не по ч. 1 ст. 222.1 УК РФ, тем самым переводя преступление из категории средней тяжести в тяжкое. А по ч. 1 ст. 222.1 УК РФ действия Богдана нельзя квалифицировать ввиду отсутствия осознания им общественной опасности своих действий, непонимания в силу возраста, что имеет дело с веществами, которые расцениваются как взрывчатые и за обращение с которыми предусмотрена уголовная ответственность;

— с 28 мая 2020 года по 2 июня 2020 года, находясь в квартире, подростки изготовили взрывчатое вещество триперекись ацетона «КИСА», затем из него же изготовили взрывчатое вещество «АММОКИСА», после чего поместили в банку, прикрепили фитиль, то есть изготовили самодельное взрывное устройство. Таким образом, Андреев опять совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 223.1 УК РФ (незаконное изготовление взрывчатого вещества и взрывного устройства). Четвертый раз Богдану вменяют незаконное изготовление взрывчатого вещества и взрывного устройства по принципу «в суде разберутся, а наше дело — побольше вменить преступлений, показать значимость своей работы»;

— с 28 мая 2020 года по 2 июня 2020 года Андреев изготовленное взрывчатое вещество триперекись ацетона «КИСА» стал незаконно хранить в квартире до следующего дня. Что за хранение — один день? Следователь и прокурор так и не определились, на что же был все-таки направлен умысел подростков: на изготовление или хранение, поэтому решили вменить и то, и это. На следующий день неустановленным способом подсудимые перенесли из квартиры на участок местности взрывное устройство. Как пояснял Андреев, он не носил никуда взрывное устройство. Как и прежде, действия Богдана квалифицируют по ч. 2 ст. 222.1 УК РФ как незаконное хранение, ношение взрывчатого вещества, взрывного устройства. Не носили несовершеннолетние взрывчатое вещество никуда — даже грамматически неверно сформулировано обвинение.

В письменном отношении к обвинению в начале судебного следствия я объяснял, почему юридически верно вменить Богдану один состав незаконного изготовления взрывчатого вещества и взрывного устройства, что будет соответствовать требованиям действующего постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 года «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям». Ведь, согласно версии обвинения, у ребенка была одна цель (хотел изготовить взрывчатое вещество и взрывное устройство), он совершал тождественные действия (в квартире и в доме из подручных средств, используя одинаковые ингредиенты, создавал хлопушки, петарды, бомбочки), изготавливал в одном и том же кругу лиц за короткий промежуток времени (с апреля по май 2020 года).

Обратимся к доказательствам. Я настаиваю на том, что протокол допроса несовершеннолетнего подозреваемого Андреева является недопустимым доказательством, показания Богдана получены незаконным путем. Почему? Потому что допрос продолжался более четырех часов, в том числе непрерывно более двух часов, что запрещено ст. 425 УПК РФ. Уважаемые следователи, будьте добры соблюдать эти обязательные правила допроса несовершеннолетних обвиняемых! Нет, не соблюдают.

Богдан рассказал, что на следующий день, 8 июня 2020 года, он с мамой пришел к следователю к 10 часам утра и допрос был продолжен. Вопросы задавал ему сотрудник ФСБ Степан и еще один мужчина, который представился психологом. Допрос проводит только уполномоченное лицо, в нашем случае — следователь. Недопустимо влиять на допрашиваемого, позволяя посторонним лицам задавать ему вопросы, требуя ответы, тем более, если допрашиваемым является несовершеннолетний: это дополнительная нагрузка на неокрепшую психику ребенка. Он и так в стрессе находился, как пояснили подсудимый, его мама и педагог, а тут к нему вплотную садятся на корточки, задают сложные вопросы по обстоятельствам дела, заставляют отвечать.

Позволю себе небольшое отступление. Я задавал Степану Равнодушному вопрос: «Как вы можете объяснить тот факт, что Богдан и его мама показывают на вас как на лицо, участвовавшее в допросе Андреева?». Равнодушный дал мне ответ, недостойный звания сотрудника ФСБ: «Я говорю так, как я хочу». Вообще, когда я первый раз приехал в город Канск работать по делу, ко мне подошел этот сотрудник, не представился, сразу начал оказывать на меня давление: «Почему Андреев перестал вину признавать? Вы хотите судьбу поломать Андрееву?». Я твердо заявил: «Это вы судьбу ломаете Богдану!». Я уже знал, как выбивались показания у ребенка, как через начальство влияли на маму несовершеннолетнего.

Богдан нам повторял, что его показания записывались не дословно, следовательно самостоятельно формулировала их. Я полностью огласил объяснение Андреева, прокурор огласил его показания. Я уверен, что у всех участников возникло стойкое внутреннее убеждение в том, что так, как записано в протоколах (употребляя специальные юридические термины, обороты), несовершеннолетний говорить не может. Я, как профессионал, так не говорю! Следовательно, то лицо, которое допрашивало Богдана, и формулировало текст допроса по своему усмотрению — так, как ему было нужно, так, как оно хотело. И сотрудник ФСБ Равнодушный давал показания так, как он хотел. Складывается ощущение, что не профессионалы в Канске работают, а одни волонтеры.

Мама Богдана также подтверждала в судебном заседании, что показания сына записывались не дословно, следовательно самостоятельно их формулировал. Я неоднократно задавал Богдану вопрос: «Хотели вы в реальности совершать теракты?». Ответ был предельно ясен: «Нет, не хотел».

Так откуда в протоколе допроса взялось более десяти одинаковых фраз о намерении совершить теракт? Из соседнего кабинета! Следовательно то ходила в соседний кабинет, то выходила из него, но уже с листочком, на котором было написано слово «цель», обведено в круг, рядом проставлены восклицательные знаки. Потом эта «цель» была отражена почти в каждом абзаце текста. Я насчитал больше десяти однотипных фраз, которые воспроизводят диспозицию ст. 205.3 УК РФ, и еще больше десяти фраз, которые фиксируют «цель», помеченную следователем. Вот так коллективным разумом, рассеянным по разным кабинетам, из ребенка сделали террориста. Какой из него террорист? Мы помним, что комиссия психологов работала с ребенком и пришла к категоричному выводу, что у Андреева наблюдается умеренный уровень агрессии. Богдану несвойственно кому-либо причинять боль, разрушать. Он не деструктивен. Наоборот, ребенок творческий, нацеленный на исследование мира, выявление закономерностей в нем.

В ходе предварительного следствия я опрашивал педагога Трубчик Ольгу, которая принимала участие в допросе Богдана. Она сообщила мне, что во время допроса переписывалась с коллегой. Пролистав переписку, я понял, что мне в руки попало очень ценное, значимое доказательство, объективно подтверждающее и время допроса, и условия допроса, и факты нарушений прав ребенка. Из переписки, которую мы подробно изучали в суде, мы убедились, что следственные действия были проведены в нарушение требований ст. 425 УПК РФ.

Более того, педагог отнесла свой телефон к нотариусу, который его осмотрел, составил протокол. Вы, уважаемые судьи, лично убедились, что в переписку никаких изменений внесено не было. Общительный характер Ольги Трубчик, которая все два дня, когда допрашивали Богдана, переписывалась с коллегой, ее искренность и непосредственность позволили нам составить действительную картину о тех пытках, которым подвергался Богдан («бедный ребенок» был лишен возможности поесть, попить, плакал, находился в условиях холода, «боялся», в ночное время допрашивался без сна, следовательно «жестила», допрос вела до ночи).

А еще педагог оказалась смелым и правдивым человеком. Она не побоялась в суде в подробностях рассказать все так, как оно было. Безусловно, за отважный поступок я высказал благодарность свидетелю, который однозначно, без колебаний подтвердил, что первый день Богдан допрашивался десять часов, во второй день допрос продолжился и Богдан допрашивался семь часов. А что на это пролепетал следователь? «Я допрашивала Богдана только

один день и не свыше трех часов». Вот это и есть детский лепет! [Эту фразу я применил в пику словам суда, который по-хамски назвал показания моего подзащитного «детским лепетом»].

Обратимся к переписке в телефоне свидетеля.

21:52 (время отправки сообщения 7 июня 2020 года), «я до сих пор сижу в следственном... с четырех часов». Время отправки сообщений подтверждает, что допрос велся до позднего вечера и ночи, а не до семи вечера, как утверждает следователь, обманывая суд.

21:53, «мы сидим на допросе... ни поест, ни попить». Богдан говорил: «Я хотел есть, пить, мне не давали». Вот вам и подтверждение. Даже взрослые люди не могли удовлетворить свои первичные потребности.

21:54, Трубчик задан вопрос: «Их допрашивают?», она отвечает: «Да... с двух часов... уже десять вечера». Но и это не предел — допрос будет длиться еще два с половиной часа и продолжится на следующий день.

21:56, «а мы просто присутствуем на допросе... бедный ребенок». И мама, и педагог просто присутствовали вместо того, чтобы защищать ребенка. Конечно, такой — оставшийся один, фактически брошенный всеми ребенок — заслуживает только сожаления: «бедный ребенок».

21:57, «у меня Андреев тут Богдан... плачет тут... что жестко беседуют... я даже не знаю, что должна сделать... жестят... мама тут». Педагог подтверждает, что Богдан доведен до такого состояния, что уже не в силах сдержать слезы. Педагог-психолог не только фиксирует такой прискорбный факт, но и находит ему объяснение: Богдан потому стал плакать, что следователь с ним жестко беседует.

21:58, «а детишки топят друг друга... и следователи ходят туда-сюда... без конца новые детали всплывают». И оперативные сотрудники ФСБ, и другие следователи незаконно вмешивались в допрос несовершеннолетнего. «Благодаря» такому вмешательству у следователя Бессовестной появился лист со словом «цель», обведенным в кружок, а в допросе потом появились фразы о том, что Богдан, общаясь с Никитой и Денисом, преследовал только одну цель — обучиться для совершения террористического акта.

22:00, «вчера до трех часов ночи они тут сидели». Педагог пишет о том, что 6 июня 2020 года детей в вечернее время задержали и отпустили только в 3 часа ночи уже 7 июня 2020 года. И утром начали допрашивать, что продолжалось до 00.30 уже 8 июня 2020 года.

22:01, написано для Трубчик: «они же дети, и спать тоже надо». Никто не учитывает, что ребенок имеет право на сон.

22:03, «Николаенко и Андреев боятся». Педагог верно оценивает психологическое состояние ребенка, но ни она, ни мама не пресекли незаконные действия следователя. А почему Богдан боялся? Потому что более десяти раз следователь Бессовестная Наталья ему угрожала тем, что если «ты не скажешь, что обучались с целью совершения террористического акта, то поедешь в следственный изолятор».

22:21, «страшно мне». Даже взрослому педагогу-психологу было страшно — что уж говорить про детей. Бездействие, порожденное страхом преследования или наказания, всегда ведет к нарушению прав многих членов общества. Покорное согласие с грубым попранием прав и свобод и есть первое условие последующих правонарушений и преступлений.

22:22, «тут холодно... я сижу и дрожу». И мама дрожала, и Богдан дрожал, и педагог дрожала. Вот так и мы все дрожим безвольно. Посмотрите на эту картину — не узнаете ли вы на ней себя?

23:00, написано для Трубчик: «Мне думается, это такая у них методика... довести всех до состояния, чтоб все рассказали». Методика заключается в том, чтобы допрашивать с утра до ночи без перерывов, угрозами заставить сказать то, что нужно следователю.

Следователь утверждает, что 7 июня 2020 года она опрашивала Богдана, составив протокол опроса, а 8 июня 2020 года уже допрашивала, пригласив защитника, и оформила показания несовершеннолетнего в протокол допроса. Если мы допустим, что это действительно так, то как объяснить то, что тексты допроса и объяснения Андреева совпадают на 80,6%: полностью идентичны на 75,5%, внесены несущественные изменения в слова в 4,3%.

При таком высоком проценте совпадений текстов Андреев не мог самостоятельно дать показания в силу особенностей функционирования памяти. Дословное совпадение объяснения и допроса свидетельствует о переписывании информации из объяснения в протокол допроса без фактически проводимого допроса. Всего совпадает, вдумайтесь, 5200 слов, то есть измученный, уставший, находящийся в страхе ребенок на третий день мучений, 8 июня 2020 года, наизусть повторяет следователю текст объемом 5200 слов, который 7 июня 2020 года уже произносил перед тем же следователем. Такого не может быть. Точнее, может лишь в двух случаях: либо следователь 7 июня 2020 года действительно допросила Богдана, выяснив все обстоятельства, а 8 июня 2020 года, пригласив адвоката для придания своим действиям видимости законности, дополнила незначительно текст, так сказать, подкорректировала его; либо следователь и 7, и 8 июня 2020 года полноценно допрашивала Богдана, а по окончании допроса на второй день составила два протокола, незначительно отличающиеся друг от друга, датировав один 7 июня, а второй — 8 июня. Зачем следователю мог понадобиться второй вариант действий? Очень просто: адвокат Недобросовестная пояснила, что ее 7 июня не было. Поэтому следователь и решила представить дело так, будто 7 июня у Богдана отбиралось только объяснение, где обязательное присутствие адвоката не требуется, а 8 июня уже начался допрос, где защита в лице адвоката несовершеннолетнему должна быть обеспечена. В любом случае и первый, и второй вариант действий следователя нельзя признать законным.

Сам текст показаний Андреева состоит из 8146 слов, или 44273 знаков без пробелов, или 52181 знака с пробелами.

Согласно данным сайта <https://solo.nabiraem.ru>, на котором предоставляется ресурс обучения высокой скорости печатания, средняя скорость печати человека, который владеет навыком слепого десятипальцевого метода набора, составляет 160–260 знаков в минуту.

Согласно информации сайта www.shkola-pechati.ru скоростью 250–400 знаков в минуту обладает профессиональный наборщик текста, виртуоз. Эту скорость можно считать показательной даже для профессиональных стенографистов.

Со слов Андреева, следователь напечатала 52181 знак за 185 минут, то есть ее скорость печати составляет 282 знака в минуту, что соответствует скорости профессионального наборщика текста, владеющего навыком слепого десятипальцевого метода набора. Однако это умозрительная скорость, взятая при условии, что следователь ежесекундно печатает и печатает текст без остановок и снижения скорости.

А ведь следователь, кроме простого печатания текста, обязан разъяснить права и обязанности участвующим в допросе лицам (в нашем случае таковыми являлись защитник Недобросовестная Ирина, законный представитель Андреева Анна, педагог Трубчик Ольга, сам Андреев Богдан), объявить Андрееву, в чем он подозревается, задать ему вопросы, получить на них ответы и сформулировать их — все это входит в трехчасовой период, в течение которого проходило данное следственное действие.

Следовательно, допрос несовершеннолетнего не мог быть завершен в течение трех часов пяти минут: объем протокола допроса составляет 21 лист, только его прочтение в суде заняло более часа.

Явку с повинной я прошу, как и показания Богдана, признать недопустимым доказательством. Почему? Даже если допустить, что следователь проводила допрос ребенка в то время, какое зафиксировано в протоколе (с 15:20 до 19:10), и при допросе присутствовали защитник и педагог, то давайте посмотрим на протокол явки в повинной внимательно.

Во сколько следователь берет явку с повинной? Я вам отвечу: в 15:33. Так ведь ровно десять минут назад следователь уже приступила к допросу подростка в присутствии защитника и педагога. А в явке с повинной они не указаны. Следователь их отвел, отстранил? На каком основании? Почему ровно через десять минут снижены правовые гарантии несовершеннолетнего? Главное же, уважаемый суд, — это то, что явка с повинной не является добровольной. Мы просматривали видеозапись, как бралась явка, и все увидели, что Андреев читал текст с коленок. Взор ребенка постоянно был обращен вниз. Говорил Богдан сбивчиво, рубленые фразы смотрелись неестественно. Может быть, следователь хотела помочь Богдану (как это она понимала), поэтому и напечатала текст явки, но на самом деле оказала лишь «медвежью услугу».

Из протокола явки с повинной следует, что Андреев «пояснил, что в услугах адвоката не нуждается». Такого заявления Богдан не делал: на видеозаписи, которая велась непрерывно с 15:33 до 15:41, отсутствует волеизъявление ребенка на отказ от адвоката. Следователь и в суде солгала, сообщив, что «Богдан отказался от адвоката». Следователь либо нагло обманывала участников процесса, либо на ходу придумывала несуразные ответы, пытаясь выкрутиться, выбраться из ямы лжи, которую сама себе соорудила.

На самом деле хорошо, что следователь использовала видеозапись. Этот беспристрастный свидетель не соврет. Благодаря видеозаписи мы вскрыли несоответствия между реально проводимыми действиями и тем, как они неверно зафиксированы в протоколах. Поэтому-то многие судьи справедливо не доверяют письменным доказательствам, формируемым следователями.

Даже если бы Андреев и сделал такое заявление, то оно являлось бы юридически ничтожным ввиду безоговорочного действия правил, предусмотренных ст. 51 УПК РФ (участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним), и фактического допущения (если верить данным протокола допроса) адвоката к защите несовершеннолетнего за десять минут до явки с повинной. Следователь не разъяснила Андрееву, в каких именно случаях подросток имеет право на адвоката. Следователь лишь сослалась на пункты УПК РФ, которые не были никак разъяснены несовершеннолетнему. Так, Андреев в суде объяснил, что «не знал, что можно адвоката попросить. Мне следователь не разъясняла, в каких случаях я имею право на адвоката, она какие-то пункты называла, но я не понял их. Пункты не расшифровывала».

— Вам следователь разъяснял, что вы имеете право пользоваться помощью защитника согласно ст. 49 УПК РФ? Следователь вам разъяснял, что конкретно изложено в этой статье? Разъяснял содержание пп. 2, 3.1 ст. 49 УПК РФ? Что такое УПК РФ, знаете?

— Нет. Какие-то пункты называла, но я не понял, что за пункты. Я даже не знаю, что такое УПК.

Еще раз напоминаю, что в силу ч. 1 ст. 11 УПК РФ следователь не просто ссылается, зачитывает, пересказывает какие-либо положения закона, но обязан именно разъяснять, то есть растолковать, сделать понятным подозреваемому его права, тем более, если таковым является несовершеннолетний, и обеспечивать возможность осуществления этих прав, то есть сделать их действительными и реальными. Следователь не только не разъяснил ребенку надлежащим образом его права, но и не обеспечил их реализацию, необходимую ввиду императивного действия ст. 51 УПК РФ.

Законодатель не зря ввел норму, закрепленную в ст. 11 УПК РФ, о том, что необходимо не только разъяснить, но и обеспечить права, тем более это несовершеннолетний. К сожалению, мало кто из правоприменителей реализует на практике требования этой статьи.

Следователь своими постановлениями признала материалы оперативно-розыскной деятельности и объяснения детей вещественными доказательствами. Ни один закон не предусматривает такой возможности. Почему в Красноярском крае следователи позволяют себе так нагло игнорировать требования закона? Еще Владимир Ильич Ленин писал, что «законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская»³⁹.

В силу ч. 1 ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются любые предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления; на которые были направлены преступные действия.

Материалы оперативно-розыскной деятельности не являются предметами, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления, не сохранили на себе следы преступления, на них не были направлены преступные действия.

Вынесение следователем постановлений о признании вещественными доказательствами направлено не на сохранение в неизменном виде свойств и состояний объекта, связанных с обстоятельствами предмета доказывания, а на искусственное создание еще одного вида доказательств (вещественных), что не предусмотрено ст. 81 УПК РФ, исходя из ее буквального толкования, прямо противоречит действующей правовой норме, следовательно, является незаконным.

Проверка показаний на месте — это не обвинительное доказательство, а оправдывающее Андреева. Однако протокол не содержит тех показаний Богдана, которые он в действительности давал, то есть составлен неполно, искажает ход и результаты следственного действия.

Так, из видеозаписи следует, что Андреев никогда не говорил о намерении Упорова совершить взрыв с целью устрашения именно «представителей власти, дестабилизации деятельности службы». Данная фраза самовольно дописана следователем в протокол.

На вопрос следователя «вы добровольно в этом участвовали?» Андреев ответил: «Добровольно, мне интересны были эти опыты, как химику... это было в моих интересах».

Следователь спрашивает Андреева: «Вам было интересно?», Андреев ответил: «Да, мне было интересно с точки зрения химика». Андреев последовательно поясняет, что его интерес состоит именно в проведении химических опытов, которые для него, как интересующегося химией, представляют исключительно практический интерес.

Следователь задает наводящий вопрос: «Вы осознавали, что проходите некое обучение по указанию Упорова для достижения именно таких целей, то есть на момент изготовления АММОКИСы уже понимали, для какой цели он вас обучает?». Вопрос уже содержит в себе ответ — следователь использует запрещенный способ допроса.

Андреев ответил: «Для какой цели, я понял, но относился к этому равнодушно, у меня были в голове эксперименты, на это (цель Упорова) я не обратил внимания абсолютно». Андреев ранее и сейчас поясняет, что у него не было прямого умысла обучаться для совершения террористического акта. Зная цель Упорова (даже если это допустить), Богдан относился к ней равнодушно, абсолютно на нее не обращал внимания. Весь интерес Андреева, его подлинное внимание было сосредоточено на химических экспериментах, на результатах опытных испытаний.

На вопрос следователя «если бы вы узнали дату совершения теракта?» Андреев ответил: «Если бы я узнал дату, то сообщил бы в ФСБ, полицию, маме». Андреев прямо показал, что не преследовал цель совершения теракта, не желал приобретать навыки, знания для совершения террористического акта, не намеревался кому-либо причинить вред, ущерб.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 198.

Наоборот, если бы ему стало известно о конкретных обстоятельствах совершения или подготовки к совершению террористического акта, он бы в обязательном порядке активно содействовал предотвращению преступления: «Если бы я узнал дату, то сообщил бы в ФСБ, полицию, маме».

Безусловно, ключевым моментом для квалификации является то, для чего Андреев «химичил». Из ответов ребенка с неизбежностью следует вывод, что уж точно не для того, чтобы взорвать здание ФСБ. Андреев повторил, что «я подумал, для меня это были опыты, так скажем, даже игры, интересно было из любопытства».

Андреев в силу своего четырнадцатилетнего детского возраста относился к своей деятельности как к игре, делал химические опыты из любопытства. Не преследовал реальной цели обучения для реального совершения террористического акта. Вменение Андрееву в этой связи ст. 205.3 УК РФ излишне, незаконно, необоснованно. Игра для ребенка — это способ познания мира.

Помните шведскую писательницу Астрид Линдгрен — она одна из известных детских писательниц, именно ее перу принадлежат такие популярные произведения, как «Карлсон, который живет на крыше», «Пеппи длинный чулок», «Мио, мой Мио». Ей принадлежат следующие слова: «Самое страшное — это когда ребёнок не умеет играть. Такой ребёнок похож на маленького скучного старичка, из которого со временем вырастает взрослый старец, лишённый, однако, основного преимущества старости — мудрости, ведь ей неоткуда взяться, когда в человеке не развиты фантазия и благородство, а значит, нет ни смелых идей, ни глубоких мыслей, ни чувств».

Судите детей за преступления, но не за игры!

В ряде протоколов осмотров мест происшествий и обысков воспроизводятся показания Андреева. Например, с участием ребенка осматривается квартира и следователь задает ему вопросы, связанные с обстоятельствами дела, а Богдан на них отвечает. Прокурор ссылается на такие показания Андреева, данные им 7 и 8 июня 2020 года, как на доказательства его вины. Извините, но ведь права перед таким допросом следователь не разъяснял. Любые показания можно использовать только тогда, когда допрашиваемому будут разъяснены права. Никаких изъятий и исключений закон не предусматривает — даже для славной гитаристки Бессовестной.

Многие изъятые объекты, которые я подробно перечислял в ходатайстве о признании их недопустимыми, не были упакованы, что, в частности привело к тому, что в телефон моего подзащитного был незаконно закачан файл. Ход изъятия объектов не фиксировался. Да, институт понятых устарел, но законодатель ввел разумную альтернативу: обязал следователя применять технические средства фиксации хода и результатов следственного действия (ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ). Ни разу следователь не фиксировал ход следственного действия там, где отказался от помощи понятых. Такую местечковую «законность» нужно выжигать каленым железом.

Я подвергаю критике заключения взрывотехнических экспертиз. Они «взрывотехнические» только по названию, а по существу представляют собой исследование показаний ребят. Однако для этого не нужно быть экспертом, ведь и мы, участники процесса, занимаемся тем же самым. Эксперт от нас абсолютно ничем не отличается, ведь он, как мы выяснили, не использовал при проведении исследования методик в области взрывотехнического дела. Ни один объект, изъятый в ходе осмотров мест происшествий, для экспертизы не представлялся, а эксперт, имея на то полномочия, не истребовал ни один объект для всестороннего и объективного исследования.

Не приведен ни один источник специализированной литературы, которыми пользовались эксперты. Это указывает на невозможность проверить обоснованность их выводов. Экспертами нарушена ст. 8 Федерального закона от 31.05.2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», согласно которой эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в преде-

лах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Эксперт проводил исследование не на научной основе, поскольку не сослался ни на один научный метод в области взрывного дела, который им использовался, ни на один научный источник, которым руководствовался. В связи с неуказанием методов, которыми руководствовался эксперт, отсутствием объектов для исследования, являющихся предметом взрывотехнической экспертизы, невозможно проверить обоснованность и достоверность сделанных им выводов.

Экспертам никаких протоколов предоставлено не было. Они исследовали только оптические диски, доказательствами не являющиеся. Именно протоколы являются доказательствами и должны исследоваться экспертами, а различные диски, видеозаписи являются лишь приложениями к протоколам, которые как раз и были утаены следователем. Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств допускаются протоколы следственных и судебных действий, а в соответствии с упоминавшейся ч. 8 ст. 166 УПК РФ фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи прилагаются к протоколу, то есть самостоятельного значения не имеют.

Уважаемый суд! Я перечислил и раскрыл все допущенные следователем нарушения в письменных ходатайствах на 50 листах о признании доказательств недопустимыми, о назначении экспертиз. Еще до суда я обращал внимание следователя на нарушения закона, просил их устранить. Бесплезно! Мое ходатайство удовлетворили частично: только приобщили к материалам дела, а по существу отказали полностью — поступили по-иезуитски. Чтобы следователям неповадно было впредь направлять в суд такие, мягко говоря, некачественные уголовные дела, прошу вас вынести частное определение⁴⁰, указать на все нарушения закона, направить его в Следственный комитет по Красноярскому краю. Может, такая мера будет способствовать усилению законности в рядах ее блюстителей.

Согласно заключению комиссии экспертов, которые провели комплексную психолого-лингвистическую экспертизу, Никита Тыгдымский (никнейм Никиты Упорова) в социальной сети «ВКонтакте» 6 апреля 2020 года в 2:16 пригласил Андреева поиграть в игру Minecraft по сети, написав: «Богдан, го завтра в майн со мной, Денисом и Илюхой». Денис Летов (Николаенко) согласился на предложение Упорова, написав в 02:16: «АОащц Круто».

В 2:17 Андреев предложил установить модификацию на эту игру, которая добавляет в нее взрывчатку. Предложил сделать это в шутку: «Установим мод на много ВЗРЫВЧАТКИ)))))))))О)О)))))». Свое шутливое предложение Андреев подтвердил в 2:17 словесно: «Я шуткую, естестна». На шутку Андреева отреагировал Николаенко: «План как взорвать МВД».

Предложение реализовать в игре Minecraft «план, как взорвать МВД» Андреев не поддержал, вернулся к своему предложению привнести в игру модификации: «Но с модами было бы крута». Николаенко с таким предложением Андреева согласился: «Ага».

В заключении комиссии экспертов № К-371/пл от 9 ноября 2020 года содержатся следующие выводы, которые противоречат вышеприведенной дословной переписке между обвиняемыми: «Иван Исяев и Денис Летов в контексте темы компьютерной игры обсуждают ситуацию подрыва здания МВД. Денис Летов предлагает план «взорвать МВД», транслирует интерес к этой теме, Иван Исяев сообщает о возможности смоделировать эту ситуацию в игре Minecraft». Эксперты, делая такой вывод, исказили существо переписки, придали ей иной смысл.

⁴⁰ Согласно ч. 4 ст. 29 УПК РФ, если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены нарушения закона, допущенные при производстве предварительного следствия, то суд вправе вынести частное определение, в котором обращается внимание соответствующих должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер.

Из буквального прочтения переписки ясно, что участники не обсуждали тему подрыва здания МВД, как пишут эксперты. Слова Николаенко «план как взорвать МВД» как реакцию на шутку Андреева, подкрепленную символическими обозначениями шутки в виде многократно повторяющихся скобок и прямым словесным указанием на это «я шуткую, естественна», никто не поддержал, никто не обсуждал.

Эксперты привели в этой части не всю переписку между участниками — сознательно не привели, исключив из анализа слова Андреева о том, что он шутит. Эксперты неверно указали, что «Иван Исяев и Денис Летов в контексте темы компьютерной игры обсуждают ситуацию подрыва здания МВД».

Во-первых, никто не обсуждал ситуацию подрыва здания МВД. Во-вторых, Андреев предложил установить только модификацию на игру, которая добавляет в нее взрывчатку, без упоминания здания МВД. В-третьих, предложил это сделать в шутку, пояснив многократными знаками, символами «улыбок» в виде скобок: «Установим мод на много ВЗРЫВЧАТКИ))))))O)O))))». В-четвертых, свое шутовское предложение Андреев подтвердил в 2:17 словесно: «Я шуткую, естественна». В-пятых, Андреев не поддержал Николаенко, вернулся к своему предложению привести в игру модификации: «Но с модами было бы крута».

Таким образом, выводы экспертов являются необоснованными, неверными, не соответствующими предмету их исследования.

Эксперты делают еще один вывод: «Объект №2 содержит указание пользователя Иван Исяев (Андреева) на необходимость обладания значительным количеством взрывчатки. В высказывании пользователя Денис Летов определена цель использования взрывчатки: «План как взорвать МВД».

Вновь вывод, сделанный экспертами, не соответствует буквальному, полному прочтению переписки между участниками. Никогда Андреев не указывал на необходимость обладания значительным количеством взрывчатки в реальности. Указав, что «Иван Исяев (Андреев) обращал внимание на необходимость обладания значительным количеством взрывчатки», эксперты сформулировали вывод, не основанный на тех смыслах, которые придавал своим словам Андреев.

Андреев в шутку («Я шуткую, естественна») предлагал установить модификацию на компьютерную игру Minecraft, которая добавляет в нее взрывчатку: «Установим мод на много ВЗРЫВЧАТКИ))))))O)O))))». Из этого контекста переписки невозможно сделать вывод о том, что «объект №2 содержит указание пользователя Иван Исяев (Андреев) на необходимость обладания значительным количеством взрывчатки в реальности».

Вывод экспертов является неосновательным, не вытекающим из дословной переписки участников, не соответствующим фактам, которые содержатся в переписке, нарушает ст. 8 профильного закона. Именно из-за таких абсурдных выводов экспертов наше дело в «Википедии» (и не только) называют «делом о взрыве здания ФСБ в Minecraft».

Перейду к характеристике личности Богдана. Что примечательно, все характеристики ребенка исключительно положительные. Именно исключительно положительные! Андреева Богдана ждет большое научное будущее в силу специфики его ума.

Конечно, ребенок сильно переживает и осуждает свой проступок, но не потому, что он считает себя преступником, не потому, что совершил какое-то преступление, а потому, что «причинил много боли маме, она плакала», как ответил Богдан на мой вопрос.

Я вижу, что Богдан взрослеет, ребенок получил такой серьезный жизненный опыт, который ему уже просто не позволит вернуться к «бахам пиротехники в заброшках» (так ребята называли свои опыты в безлюдных местах), к расклеиванию листовок (как показала практика, они интересны только правоохранительным органам).

Буду откровенен. Органам нужно быть благодарными за то, что они пресекли опасные игры детей — далеко зашли детские шалости. Хорошо, что греха не случилось: никого не повредили, целы остались руки, ноги, пальцы на месте. В связи с этим вспоминается исто-

рия, как из-за своих детских игр, так похожих на игры наших подзащитных, будущий первый Президент России лишился пальцев. Обратимся к его воспоминаниям: «Ночью пролез через три полосы колючей проволоки и, пока часовой находился на другой стороне, пропил решётку в окне, забрался внутрь, взял две гранаты РГД-33 с запалами и, к счастью, благополучно (часовой стрелял бы без предупреждения) выбрался обратно. Уехали километров за 60 в лес, решили гранаты разобрать. Ребят все же догадался уговорить отойти метров за сто: бил молотком, стоя на коленях, а гранату положил на камень. А вот запал не вынул, не знал. Взрыв... и пальцев нет».

А критиковать органы, обличать допущенные грубейшие нарушения закона и просить суд вынести частное определение, нужно, потому что они в детских играх увидели то, чего нет в действительности — преступление. Под пытками, подробное описание которых я привел, заставили Дениса и Богдана признаться в том, чего они не совершали.

Эксперты, изучавшие личность Богдана, пришли к выводу, что «жизненный опыт Андреева ограничен, у Андреева недостаточная личностная зрелость, наивность в суждениях, недооценка жизненных ситуаций». Конечно, незрелость и привела Андреева к участию в глупой переписке. Как заявлял Богдан, он проникся идеями анархизма, их распространял, маму пытался на путь анархии направить. Сама идея анархизма, выражающая отсутствие власти человека над человеком, светлая и справедливая. Исповедовать эту идею не наивно. Наивно полагать, что этот образ жизни можно привнести путем насилия и переворота. Анархизм — это будущее. Еще Карл Маркс писал про свободную ассоциацию производителей как отношения между индивидами, в которых нет государства, социального класса, иерархии или частной собственности на средства производства. Мне близки и понятны благородные мысли детей, я и сам исповедовал аналогичные взгляды в юности, будучи пять лет в коммунистической партии.

Уровень агрессии у Богдана умеренный, говорит эксперт. Если это так, то ребенок не является агрессивным, патологически злым. Следовательно, ему не присущ тип личности, нацеленный на совершение преступлений террористической направленности, на совершение взрывов, поджогов.

Обращусь к школьной характеристике Богдана: «Богдан обладает большим объемом знаний. Зарекомендовал себя как старательный ученик. Отличается самостоятельностью мысли. Умеет извлечь из условий задачи все необходимые для ее решения данные, понять и выделить смысловые единицы. Выводы и обобщения делает самостоятельно. Обладает широким кругозором, много читает. У Богдана есть свое мнение, он умеет его отстаивать. На уроках внимательный, помогает товарищам в учебе. Выполняет общественные поручения. Отношения с одноклассниками дружелюбные, никогда не конфликтует. Готов прийти на помощь одноклассникам. В отношении с учителями уважителен. Трудолюбив, имеет золотые руки. Направленность интересов: физика, химия, программирование. Со сверстниками разговаривает на научные и общественные темы. Содержание общения в уличных играх: работа с техникой, различными устройствами и реактивами. Особенности поведения: помощь одноклассникам, друзьям, родным, выполнение общественных поручений. Принимал с одноклассниками участие в фестивале дружбы народов „Мы вместе“, где класс занял первое место».

Помните, как свидетель Александр говорил, что ребята хотели провести благотворительную акцию, которая носила характер антимилитаристской? Акция была направлена на кормление бездомных, ее целью было обратить внимание общества, что не нужно тратить деньги на оружие, а нужно бороться с голодом. Благотворительная акция называлась «Еда вместо бомб», призвала к отказу от войны.

Видите, какие глубокие мысли уже не только выражают, но и претворяют в жизнь наши взрослеющие дети? Слова бы подростков да в уши наших политиков.

Участие в таких мероприятиях еще раз убеждает нас в том, что ребенок не агрессивный. Разве будет ребенок, который планомерно и сознательно долгие месяцы готовит террористический акт, участвовать в добрых акциях? Ответ очевиден. Активное участие в подобных организациях однозначно говорит о хорошем и не испорченном взрослым миром внутреннем мироустройстве Богдана. Дай Бог, что оно сохранится!

Про Богдана учитель Зыскина высказалась очень эмоционально, но правдиво: «Когда я узнала, что Богдана привлекают к ответственности, то для меня это было трагедией. Богдан — высокоинтеллектуальный и одаренный ребенок, участник и призер научно-практических конференций и олимпиад. У него должно было быть хорошее научное будущее. Это воспитанный парень, всегда прислушивался к взрослым, пользовался уважением одноклассников. Круг общения Богдана составляли такие же высокоодаренные ребята, которые окончили школу с аттестатом особого образца».

Я во всем согласен с учителем, кроме одного: у Богдана не «могло быть хорошее научное будущее», а обязательно будет. И это зависит от всех нас.

Педагог Трубчик Ольга охарактеризовала Богдана как спокойного и уравновешенного ребенка, который исполняет все требования педагога, не допускает пропусков по неуважительной причине, усердно и старательно учится, нарушений в поведении не допускает. Разве будет такой примерный ученик взрывать что-либо?

— Расскажите, каким вы увидели Богдана после года домашнего ареста?

— Ребенок был очень радостный, что вернулся в школу, улыбался, глаза у него светились.

В течение года, пребывая под домашним арестом, Богдан был лишен конституционного права на получение образования. Начиная от судов районного, городского звена и до Апелляционного военного суда я пытался признать решение об аресте Богдана незаконным именно на том основании, что ребенку прежде всего необходимо доучиться. Учиться — это его первейшая обязанность, как и обязанность взрослых — учить. Все тщетно. Вы, уважаемый суд, прислушались к стороне защиты. Я выражаю вам искреннюю благодарность за участливое и внимательное отношение к ребенку.

— В настоящее время после меры пресечения Богдану нужна реабилитация, помощь?

— Работа психолога в любом случае нужна, потому что ребенок перенес стрессовую ситуацию.

По вине недобросовестных оперативных сотрудников и следователя ребенок впервые перенес стресс. Затем — по вине равнодушных судей, для которых ребенок был нулем, а не личностью. Теперь прокурор просит наказание в виде 6 лет и 6 месяцев реального лишения свободы. Видимо, вам мало страданий этого маленького Человека?

Я попросил маму рассказать о сыне:

— Воспитываю своего сына одна с двух лет. Удалось устроить Богдана в одну из лучших школ города Красноярска — лицей №7. Этот лицей был с техническим, математическим и физическим уклоном. В этой школе мы проучились до пятого класса, в пятом классе в связи с работой переехали в Канск, и своё обучение Богдан продолжил в 21-й школе. С первого класса добросовестно относился к труду, учебе, свои обязанности у него были и по дому. Взаимоотношения у нас были дружеские, доверительные. Никогда у нас не было конфликтов с ребёнком, понимаем друг друга. Очень много он мне задаёт вопросов, насколько мне хватает ума, объясняю. Его развитие всегда опережало норму. Я часто покупала ему много развивающих технических средств, необычные игрушки какие-то, они ему были не по возрасту. С самого детства, с класса 3–4-го, так получилось, что, в отличие от других детей, он стал смотреть телеканал «Наука» либо другие развивающие программы. Сейчас мы проживаем с моим отцом. Отношения доброжелательные, отец тоже с удовольствием принимает участие в воспитании и жизни моего сына.

Ребенок эмоционально уравновешенный, любознательный, активный, доброжелательный, с удовольствием рассуждает, вступает в дискуссии, участвует в диалогах взрослых, активно высказывает свою точку зрения, принимает критику адекватно. Потом в разных источниках ищет, в чем он не прав, и разбирается, почему так могло получиться.

— *Уровень самообразования развитый у Богдана?*

— *Да, очень, гиперактивность в плане обучения. Сам, без принуждения, без напоминания может заниматься часами. Когда мы были на домашнем аресте в течение года, Богдан на обучение тратил не менее десяти часов в сутки, потому что понимал, что педагогов нет, помочь ему никто не сможет и заниматься уроками надо больше, чем он занимался бы в школе.*

Вы, уважаемый суд, убедились, что ребенок талантливый. Но талант в ребенке нужно раскрыть, дать прорасти. Огромнейший труд лег на плечи мамы, и за все достижения, за ум с творческим началом, за будущность нужно благодарить прежде всего маму.

— *Вы работаете где?*

— *Работаю в исправительной колонии в должности начальника отдела.*

— *Увлекался Богдан анархизмом?*

— *Да. Богдан думал, что все люди самостоятельные, гиперответственные, каждый отвечает за свои поступки, что не так необходим контроль государства над человеком — человек сам должен себя контролировать. А я сыну объясняла, что не все ответственные, не все законопослушны и чисты совестью. Люди склонны к противоправным действиям, некоторую категорию людей необходимо контролировать государству.*

Разве другое мы могли услышать от сотрудника исправительной колонии? Хотя по-своему мама права.

Конечно, в идеологической упертости Богдана, в его идеалистических взглядах проявляется отсутствие жизненного опыта четырнадцатилетнего подростка, но я бы категорически не хотел, чтобы свой жизненный опыт он получал там, где работает его мама!

— *Ваш сын изменился после оказанного на него следователем давления, после ее угроз поместить Богдана в следственный изолятор?*

— *Изменился, к сожалению.*

— *Почему «к сожалению»?*

— *Стал более замкнутым, более настороженным, теперь он не доверяет взрослым.*

Не зря в УПК РФ содержится запрет на осуществление действий, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни, пытки и жестокое обращение. Закон детально описывает, как должны проводиться следственные действия с детьми, их особенно оберегает.

Следователь не просто нарушил некие запреты, вышел за пределы неких норм. Да, это, конечно, так. Кажется, что ничего страшного. Это так буднично, формально и привычно. Своими грязными руками беззакония следователь вторглась в область тонкой душевной организации ребенка. Вторглась так беззастенчиво и нагло-коварно, что Богдан перестал верить взрослым, что-то надломилось в нем.

Я всегда отстаиваю тезис, что закон есть сложная машина, созданная людьми во благо людей. Если недобросовестный правоприменитель выкидывает по своей воле какую-то деталь (не соблюдает запреты, ограничения, создает правила под себя и для себя), то такая машина может быть обращена уже против людей, им навредить, сломать судьбу.

Нарушение закона губительно не само по себе, а потому что с неизбежностью влечет нарушение прав людей, причиняет боль конкретному человеку.

Помните, Богдан сказал, что не относился к содеянному им, как к преступному? Я покажу, что же в силу своего четырнадцатилетнего возраста ребенок считал преступным.

На мои вопросы Андреев отвечал:

— Из листовок вы узнали, что есть политзаключённые, или вы и раньше об этом знали?

— Да, я из этих листовок узнал.

— Кто это такие?

— Те, кого посадили за политические взгляды.

— Это что, плохо?

— Да, я считаю, плохо. Я считаю, что нельзя садить людей за то, что у них какие-то взгляды, за то, что они о чем-то думают.

— За что нужно садить?

— За преступления, которые совершают люди.

— Откуда вам это известно?

— Я знаю, что должно быть какое-то наказание людям, которые убивают других людей, воруют.

В моих вопросах и ответах Богдана высвечивается уровень его детского понимания закона — что можно делать, а что нельзя. Подросток понимает, что убивать и воровать нельзя, это очевидно, но он еще не понимает, что УК РФ запрещено то, что он делал. Сейчас, я думаю, Богдан уже дорос до этого осознания, но для этого ребенку нужен был личный тяжелый опыт.

Как сказал в труде «К критике политической экономии» Карл Маркс, «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Действительно, те обстоятельства, в которых живет мой подзащитный, он впитывает как губка и объективирует в своих поведении, мыслях, словах. Даже возьмем то, что показывают по телевизору: включаем «Первый канал» — и там только о политике, о войне постоянно, об Украине. У меня телевизора нет, мой ребенок не слушает эту дрянь. Но это вокруг нас! Поэтому в произошедшем я обвиняю общество, кризисную капиталистическую систему, которая и определяет тип нашего сознания, поведения, порочное поведение взрослых. Ребенок, неожиданно из детских игр окунувшийся во взрослую жизнь, хлебнув ее, самостоятельно, как он уже и привык, сделал все необходимые выводы за эти полтора года. Начал прощаться с иллюзиями и мечтами. Начал приближать реальность и факты жизни. Богдан, вступив на путь прощания с детством, уже никогда не сможет повторить своих глупых, наивных поступков, которые, однако, преступными не являются!

С речью выступил защитник Дениса Владимир Ильков:

— Действия Николаенко неверно квалифицированы по совокупности преступлений по ч. 2 ст. 223.1, ч. 2 ст. 222.1, ч. 2 ст. 223.1, ч. 2 ст. 223.1, ч. 2 ст. 222.1, ч. 2 ст. 223.1, ч. 2 ст. 222.1 УК РФ.

Согласно обвинению, преступления в виде незаконного изготовления взрывчатого вещества, взрывного устройства, совершенные группой лиц по предварительному сговору, и незаконного хранения взрывчатого вещества совершены «при прохождении обучения в целях осуществления террористической деятельности», то есть охвачены единым умыслом. В связи с чем вменение Николаенко трех эпизодов незаконного изготовления взрывчатого вещества, взрывного устройства, совершенного группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 223.1 УК РФ), и одного эпизода незаконного хранения взрывного устройства, взрывчатого вещества (ч. 2 ст. 222.1 УК РФ) является излишним, искусственно созданным.

Необходимо заметить, что под единым продолжаемым преступлением по смыслу закона понимается общественно опасное деяние, состоящее из ряда тождественных преступных действий, охватываемых единым умыслом и направленных на достижение единой цели. Преступное деяние, входящее в продолжаемое преступление, содержит в себе признаки самостоятельного преступления, но квалифицировать отдельно такое деяние нельзя, поскольку оно является только этапом в реализации единого преступного умысла виновного.

Кроме того, Николаенко обвиняется в том, что, реализуя совместный преступный умысел на незаконное ношение взрывного устройства, в мае 2020 года, находясь на территории города Канска Красноярского края, более точные дата, время и место не установлены, Упоров, Николаенко и Андреев, действуя совместно и согласованно, незаконно изготовленное самодельное взрывное устройство неустановленным способом при себе перенесли из помещения бани на участок местности и осуществили его детонацию, произведя взрыв. Таким образом, Николаенко совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 222.1 УК РФ — незаконное ношение взрывного устройства, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

В соответствии с ч. 1 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию в том числе событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления).

Согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 года № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» под незаконным ношением взрывчатых веществ или взрывных устройств следует понимать нахождение их в одежде или непосредственно на теле виновного, а равно переноску в сумке, портфеле и тому подобных предметах.

В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого не указано, какое именно взрывное устройство было перенесено и каким способом (следователь прямо указывает, что способ не установлен), что не позволяет однозначно решить вопрос о виновности Николаенко в незаконном ношении взрывного устройства и указывает на то, что органом предварительного расследования не установлены обстоятельства, составляющие объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 222.1 УК РФ, подлежащие доказыванию по уголовному делу и являющиеся обязательным условием наступления уголовной ответственности.

В ходе предварительного следствия сторона защиты была ознакомлена с заключениями взрывотехнических экспертиз, выполненными экспертами Чуровым и Поповым. Ознакомление с экспертизами происходило путем фотографирования. При изучении экспертиз было установлено, что подпись эксперта Попова в разделе экспертизы «Выводы» отсутствовала. При исследовании экспертиз в суде подписи эксперта Попова уже появились.

В судебном заседании 13 августа 2021 года эксперт Попов на вопрос защиты пояснил, что после окончания производства экспертизы и передачи её следователю последний попросил эксперта доподписать заключения, то есть проставить подписи в разделе «Выводы», что Попов и сделал. При этом данные экспертизы в нарушение п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ и ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» не содержат указание на примененные методики. В свою очередь, в силу закона заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных. В данном случае эксперты проводили свои исследования не на научной основе, поскольку не ссылались ни на один научный метод в области взрывного дела, который ими использовался, ни на один научный источник, которым руководствовались, в связи с чем невозможно проверить обоснованность и достоверность сделанных ими выводов.

В судебном заседании 6 августа 2021 года гособвинителем была оглашена явка с повинной Николаенко. В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» сказано: «В тех случаях, когда в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, подсудимый обращался с письменным или устным заявлением о явке с повинной, и сторона обвинения ссылается на указанные

в этом заявлении сведения как на одно из доказательств его виновности, суду надлежит проверить, в частности, разъяснялись ли подсудимому при принятии от него такого заявления с учетом требований ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ права не свидетельствовать против самого себя, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования в порядке, установленном главой 16 УПК РФ, была ли обеспечена возможность осуществления этих прав».

При таких обстоятельствах явка с повинной может быть признана доказательством, но только в том случае, если лицу разъяснены права, в том числе пользоваться услугами адвоката. При этом возможность реализации данного права должна быть реально обеспечена, что означает обязательное присутствие защитника даже тогда, когда лицо желает от него отказаться. Более того, в соответствии со ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним.

В соответствии с ч. 2 ст. 425 УПК РФ в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого участвует защитник, который вправе задавать ему вопросы, а по окончании допроса знакомиться с протоколом и делать замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей.

Явка с повинной, как процессуальное действие, фактически является допросом: излагаются обстоятельства, присутствует законный представитель, протокол подписывается следователем и другими участвующими лицами. В свою очередь, адвокат при написании Николаенко явки с повинной отсутствовал. Данные обстоятельства подтвердили в судебном заседании 19 ноября 2021 года свидетель Николаенко [мама Дениса] и сам подсудимый. Право на защиту Николаенко при составлении протокола явки с повинной не только не было реализовано, но и было нарушено. Как пояснил Денис, текст явки был написан собственноручно следователем и перед произношением явки с повинной Денису давали заготовленный заранее текст для заучивания.

Сторона защиты была ознакомлена с протоколом допроса подозреваемого Николаенко от 8 июня 2020 года на 15 листах и протоколом допроса обвиняемого Николаенко от 10 июня 2020 года на 11 листах. Мной в ходе предварительного следствия приобщено в материалы дела и оглашено в судебном заседании заключение специалистов № 3899/2020 от 20 августа 2020 года. Предметом указанного заключения был сравнительный анализ показаний Николаенко, данных в качестве подозреваемого и в качестве обвиняемого.

Результаты исследования показали, что показания обвиняемого дословно совпадают на 72,2% с показаниями, данными Денисом в ходе допроса в качестве подозреваемого. При таком высоком проценте совпадений текстов Николаенко Денис не мог самостоятельно дать показания в силу особенностей функционирования памяти (возможно только смысловое, а не дословное воспроизведение).

Протокол допроса подозреваемого включает в себя 6628 слов, 42635 знаков с пробелами; средняя скорость чтения слов взрослым человеком составляет 150 слов в минуту. Таким образом, даже без учета времени, потраченного на разъяснение прав и биографических сведений, необходимо для прочтения данного текста подозреваемым и законным представителем затратить 88 минут 37 секунд; следовательно, для печати следователем данного документа остается 6 минут 23 секунды, то есть он должен печатать данный документ со скоростью 112 знаков в секунду, что является недостижимым даже при обладании навыком слепой десятипальцевой печати.

Стиль изложения информации в протоколах допроса подозреваемого и обвиняемого фактически соответствует лицу, имеющему специальные юридические познания, а не Николаенко Денису, который такими знаниями не обладает.

Фактически лицо, которое излагало текст якобы от лица Николаенко, обладало специальными юридическими знаниями, подводя показания под признаки преступления по ст. 205.3 УК РФ. Можно утверждать, что Николаенко Денис в силу своего возраста и интеллектуального развития не мог самостоятельно дать показания, изложенные в протоколе допроса в качестве обвиняемого и в протоколе допроса в качестве подозреваемого.

В ходе предварительного следствия по запросу стороны защиты было проведено комплексное психологическое исследование с использованием полиграфа в отношении Николаенко. Согласно заключению, у Дениса отсутствует идеальная следовая информация (криминалистически значимая информация о преступлении, воспринятая человеком) относительно его намерений осуществления террористического акта в зданиях ФСБ и МВД города Канска до конца лета 2020 года. Данный вывод специалистов противоречит версии следствия и предъявленному Николаенко обвинению о прохождении обучения в целях террористической деятельности.

Полагаю необходимым исключить из числа доказательств, признав их недопустимыми, протокол допроса несовершеннолетнего свидетеля Зацепина Степана и несовершеннолетнего свидетеля Гузенкова Ильи. Свидетель Зацепин в судебном заседании пояснил, что при его допросе присутствовали только следователь, мама и он. Аналогичные пояснения даны и мамой. Тожественная ситуация с Гузенковым Ильей.

Свидетель Курочкина, указанная в протоколах допросов как педагог, в судебном заседании на неоднократные вопросы сторон обвинения, защиты и суда пояснила, что во время следственных действий принадлежащий ей сотовый телефон был при ней. При допросе сотрудника сотовой компании и исследовании информации о биллинге (месте нахождения) телефона, принадлежащего Курочкиной на момент проведения следственных действий, было установлено, что данный телефон находился на значительном удалении от мест допросов, в которых якобы участвовала педагог Курочкина, то есть было установлено, что на самом деле педагог не участвовал в допросах.

Особо хотелось бы остановиться на показаниях самого обвиняемого Николаенко, данных им в ходе судебного следствия. Денис рассказал, что какого-либо обучения в целях террористической деятельности не проходил, специальных знаний, умений и навыков обращения с взрывными устройствами и взрывчатыми веществами не приобретал. Что касается его вины в изготовлении, хранении и ношении взрывчатых веществ и взрывных устройств, то она не нашла подтверждения. Для Дениса эти вещества и устройства не были взрывчатыми, так как в момент якобы совершения указанных преступлений он не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, так как ему только исполнилось 14 лет и свои действия он в большей части воспринимал как игру. Изучение каких-либо статей и видеофайлов с информацией про «КИСу», «АММОКИСу», дымный порох и «коктейль Молотова» носили познавательный характер, исключительно чтобы сделать какую-нибудь «бомбочку» или «дымовушку» и поджечь или взорвать её в безлюдном месте, подальше от людей, чтобы не причинить им вреда, снять про это видео и выложить в интернет. При этом подсудимые, со слов Николаенко, всегда проверяли, погасли ли зажигательные смеси и вещества, чтобы огонь не смог распространиться и нанести вред окружающим.

Прокурором в судебных прениях не даны оценка и анализ данным показаниям. Наличие в изъятых телефонах и системном блоке компьютера видеофайлов о взрывных устройствах и взрывчатых веществах, просмотр этих файлов, на которые сослался гособвинитель в прениях, не образует состав уголовно наказуемого деяния, ответственность за которое предусмотрена ст. 205.3 УК РФ. Доказательств того, что Николаенко изучал информацию для осуществления террористической деятельности, в материалы дела не представлено. Никогда ни в одной переписке Денис не говорил, что планирует взорвать здание ФСБ или МВД или совершить иной террористический акт, никогда и никого к этому не призывал.

Учитывая приведенные правовые основания и фактические обстоятельства дела, совокупность имеющихся значительных нарушений норм уголовно-процессуального законодательства и отсутствие доказательств вины Николаенко Дениса в совершении вменяемых ему преступлений, прошу суд прекратить уголовное преследование и оправдать Николаенко Дениса по предъявленному обвинению в полном объеме.

8.25. День двадцать пятый

Седьмого февраля 2022 года с речью выступил адвокат Владимир Васин:

— Уважаемый суд! Гособвинитель! Уважаемые присутствующие! Окончено рассмотрение уголовного дела по обвинению Упорова Никиты, Николаенко Дениса, Андреева Богдана. Дело трёх канских подростков и их матерей. Именно так. На мой взгляд, в этом деле не трое обвиняемых, а шестеро. Мама — они обвинили сами себя. Так как не уберегли, не спасли. Но ни на секунду не бросили своих детей. И не бросят. Иногда я смотрю на них и мне хочется брать пример с матерей, хочется быть похожим на них.

В середине декабря 2020 года ко мне на консультацию приехали две женщины. Одной из них была Татьяна Упорова (родная сестра мамы Никиты), а второй оказалась Анна Упорова — его мама. Они очень просили защищать их ребёнка по данному делу, рассказали, что все против них. Говорили об анархизме, листовках, терроризме, а в глазах виделись горе и возникающая надежда. Та самая надежда, которая живёт в человеке до самого конца, живёт вопреки всему. Не рискнув соглашаться сразу, но и не отказав, я решил взять паузу для принятия решения до следующего года, так как через несколько дней улетал в отпуск.

19 января 2020 года я впервые в жизни приехал в город Канск защищать. Первым делом мне предстояло посетить в СИЗО-5 самого опасного 14-летнего террориста России по версии ФСБ и Следственного комитета. Когда я прибыл в тюрьму для первой встречи с подзащитным, вывели Никиту не сразу, пришлось ждать около часа, сидя перед разделительным стеклом и телефоном. За этот час я представлял, какой он. Как выглядит человек, который совершил одно из самых тяжких преступлений в УК РФ и хотел взорвать ФСБ.

Когда сотрудник вывел Никиту, и он подошел к противоположной стороне стекла, я его совсем не узнал. В смысле не узнал в нем того, кого представлял целый час. Передо мной стоял ребёнок и вежливо, с некоторым испугом и любопытством смотрел мне в глаза. Именно в этот момент у меня пропали все сомнения относительно защиты.

Сейчас я хочу перечислить уважаемому суду все свои доводы, которым в соответствии с уголовно-процессуальным законом нужно будет дать оценку в совещательной комнате при вынесении итогового решения.

Прошу исключить из числа доказательств сотовый телефон «Самсунг А51», изъятый незаконно у Упорова ненадлежащим процессуальным способом, признать недопустимым доказательством протокол изъятия, как составленный с нарушением ст. 166, 167, 170 УПК РФ.

В спорном протоколе изъятия зафиксировано, что от подписи Упорова отказалась. В связи с не устранёнными противоречиями в ходе судебного заседания была повторно допрошена Упорова, которая показала, что она не присутствовала при составлении указанного протокола изъятия, а впервые узнала о задержании сына после того, как около 21 часа 6 июня 2020 года ей позвонили, то есть через два часа после фактического составления протокола.

Сторона обвинения совсем не изучала и не разбиралась в личности моего подзащитного Упорова с точки зрения детской психологии, а лишь ограничилась краткими выводами психиатрической экспертизы, единственной целью которой было установить вменяемость или её отсутствие. Обвинение устранилось от внимательного изучения личности и мотив-

вов поступков каждого подростка. Отдельно и индивидуально с детьми никто не работал и не разбирался, что у них по-настоящему было в головах, чего они хотели, а чего не хотели. К чему расположены, а к чему — абсолютно нет.

Никаким исследованием не было обнаружено свойств и особенностей личности несовершеннолетнего Упорова, могущих детерминировать его делинквентное поведение, в том числе участие в террористических группах (сообществах).

Практически все узкие специалисты, исследовавшие подростковый возраст (включаящий, согласно разным периодизациям, диапазон от 12 до 14–19 лет), так или иначе приходят к выводу о его «критичности», о том, что свойственная более младшим возрастам система взаимодействия между взрослыми и детьми в этот период перестаёт быть удовлетворительной, поскольку у подростков возникает и развивается, постоянно давая о себе знать, так называемое «чувство взрослости».

Подростку важно, чтобы его взрослость была замечена окружающими. Для подростка важно, чтобы форма его поведения была не детской. Ценность для подростка некоторой работы определяется ее «взрослостью» (то есть соответствием некоторому представлению о взрослости). Любимый герой подростка — человек активный, стремящийся к цели, преодолевающий серьезные, почти непреодолимые препятствия и выходящий из них победителем. В любом начинании он предпочитает быть деятелем, а не наблюдателем. Склонность к мечтанию и фантазированию в сочетании со склонностью рассказывать о своих реальных (или выдуманных) качествах. Часто подростки больше хотят что-то делать, чем реально делают. Возникновение разнообразных «кодексов» (например, товарищества). Возникающие представления о нормах поведения провоцируют на обсуждение поведения взрослых. Добавим, обсуждение весьма нелицеприятное.

По мере своего взросления человек проходит своеобразный этап, который специалисты называют «серьёзной игрой» — деятельностью, выступающей своеобразной «пробой» взрослого поведения, которая может реализовываться в разных формах: в играх любовного характера (коккетство, флирт, романтическое поклонение), в подготовке к будущей профессии, в спорте и, наконец, в участии в молодёжных организациях.

Таким образом, подростки в силу своих, обусловленных задачами психического развития, особенностей стремятся к моделированию в своём кругу «серьёзной», взрослой жизни, к созданию автономных сообществ с собственными правилами, символикой и субординацией, что широко эксплуатировалось в разные времена в разных обществах.

В этой связи сам по себе факт объединения подростков из города Канска, в том числе несовершеннолетнего обвиняемого Упорова, в неформальную группу, в которой они, в том числе с использованием социальных сетей и мессенджеров, обсуждали события, происходящие в стране и в городе, включая политические реалии, а также музыку и другие свои интересы, в том числе политические взгляды и пристрастия, является возрастно-адекватным явлением и свидетельствует о личностной зрелости и социальной активности данных подростков.

Распространение несовершеннолетним Упоровым листовок в поддержку политзаключённых в России психологически было мотивировано его индивидуальными качествами и психологическими особенностями, такими как альтруистические ценности, обострённое чувство справедливости, высокий уровень развития абстрактного мышления, интерес к истории и политике, вкупе с особенностями подросткового возраста (такие широко известные черты подростков, как максимализм, категоричность суждений, склонность противопоставлять себя миру взрослых), а также интересом к жизни общества, в котором он живёт, и стремлением на него повлиять (по словам самого Упорова, расклеивая листовки, он хотел привлечь внимание людей на проблему политических заключённых, в частности, аспиранта МГУ Азата Мифтахова, и поспособствовать тому, чтобы люди писали этим заключённым письма).

Самостоятельное изготовление взрывчатых веществ и производство взрывов, проводившееся подростковой компанией, в которую входил несовершеннолетний Упоров, на пустырях и в заброшенных строениях (после чего они, со слов самого Упорова, всегда убеждались, что не оставили после себя огня, а при необходимости тушили его), не преследовало цели подготовки к терактам, а являлось, по словам самого несовершеннолетнего Упорова, свободным экспериментированием, «баловством».

Подростки и юноши мужского пола действительно нередко экспериментируют с взрывчатыми веществами, что мотивировано разными причинами психологического характера, в частности, желанием самостоятельно изготовить такое вещество и произвести его взрыв, совершив таким образом крайне рискованное действие, связанное с мгновенным, мощным, зрелищным и небезопасным для жизни и здоровья совершающего и присутствующих преобразованием физической материи, тем самым испытав в группе подобных себе «сообщников» «запрещённые» и нетипичные для обыденной жизни экстремальные ощущения, связанные с коллективным переживанием и преодолением чувства страха, а также чувство собственного могущества.

Подводя итог, подчеркну, что феномены, о которых я сказал выше, вполне укладываются в картину нормального поведения социально активного подростка мужского пола, интересующегося жизнью общества, в котором он живёт, и пытающегося в меру своих возможностей на неё влиять, и не только не свидетельствуют об антисоциальной и (или) делинквентной направленности его личности, но, напротив, говорят о том, что в случае Упорова речь идёт о нормально развивающейся личности, совершенно не требующей специальной коррекции, в том числе методами пенитенциарного характера.

Такова природа подростков, особенно мальчиков: они «ищут бури», сами себе придумывают врагов (даже на словах) и начинают с ними бороться. Причём через какое-то время условные, воображаемые на словах «враги» могут быть «назначены» уже на других. Да, Никита Упоров недолюбливал «правоохранительные органы», но это не значит, что он действительно хотел и планировал взорвать перечисленные следователем и прокурором организации или сделать что-нибудь подобно значимое. В переписке всех детей (которая имеется в материалах дела) каких-либо конкретных, целенаправленных, неоднократных, устойчивых планов по выполнению преступных задач по взрыву зданий обнаружено не было.

Следователи даже не пытались рассмотреть внимательно, узнать, кто перед ними. У них была формула: приказ важнее, чем закон. Я прожил год в этой семье. Я действительно разглядел всех троих детей и буду говорить о троих, как об одном. У меня детей нет, но я бы усыновил их троих. Дети хорошие. Да, они начитались чего-то интересного, они любят историю. Когда я впервые стал разговаривать с Никитой об истории, вспоминающая школьный курс и университетскую программу, я признал, что мальчик умнее меня — мне нужно освежить свою память и читать не только законы. В ходе этого долгого судебного разбирательства не было ни одного замечания детям, не было нарушений порядка. Дети способные. Для меня было очень приятно, когда через несколько месяцев нахождения в СИЗО ребенок вышел и экстерном закончил пропущенный класс. Никита вернулся, его приняли одноклассники, приняли учителя. Те учителя, которые думали про него плохо, стали относиться хорошо. Исправление — это важно, но исправление без ужасного наказания. Я даже не представляю, что сейчас переживают матери (отцов, к сожалению, нет). Они росли без отцов и, возможно, это тоже как-то повлияло на их взросление и поведение, на их желание казаться независимыми и самостоятельными.

Я еще раз перечитал показания сотрудников ФСБ: они обнаружили листовки. Перспектива для них была одна — возбудить уголовное дело по ст. 205.2 УК РФ, и об этом сказали сотрудники. Но когда узнали возраст детей, то перспектива по ст. 205.2 УК РФ пропала, так как возраст привлечения к уголовной ответственности начинается с 16 лет, а им нет 16-ти. Что же делать? Любой сотрудник, который работает с обвинительным уклоном, вам скажет: нужна явка с повинной. Вот и возникли две явки с повинной на ложных обещаниях, на страхах.

Маленькие дети, родители, которые не виноваты. Все было страшно в этой ситуации. Не было бы двух явок — и не было бы дела⁴¹. Нет здесь терроризма. Я понимаю, что терроризм — это плохо, но зачем его выдумывать? Зачем сотрудники снимали Никиту Упорова на видео и потом показывали двум другим — чтобы они испугались? Я верю всем детям, мне мой подзащитный ни разу не соврал. Он и в судебном заседании ответил на все вопросы, всё рассказал. Никита не отрицал, что «химичил», но он не придавал этому значения. Никита с первой секунды отрицал терроризм. Он пытался доказать, что он не террорист, но ему не верили и смеялись.

После выступлений сторон с речами я в репликах процитировал притчу Джалаладдина Руми, несравненного суфийского проповедника, тончайшего поэта, родившегося 800 лет назад:

«Сосед, спаси!» — «Да что с тобой, сосед?»

«Скорее спрячь меня: беда из бед!»

«Что за беда?» — «Царя приказ таков:

Набрать в обоз для войска ишаков!»

«Приказ царя? Но ты-то — не ишак,

И почему разволновался так?»

«Но может кто-нибудь из царских слуг

Принять меня за ишака! А вдруг?!..

И что? я им сумею доказать,

Когда, схватив, начнут меня вязать?

Кого-нибудь они, наверняка,

Уже ведут, приняв за ишака!»

С последним словом выступил Богдан:

— Уважаемый суд! Я хотел сказать, что я не совершал тех преступлений, за которые меня сейчас судят. Я делал петарды и дымовушки только в образовательных целях. Мне было интересно, как они хлопают и дымятся, как они работают и какие происходят процессы. Я считаю, ребятам тоже было интересно за этим наблюдать. Я никогда не хотел взрывать какие-либо здания ФСБ или МВД, я вообще не могу принять смерть человека, ведь у человека наверняка есть семья, которая его любит, дорожит и заботится. Мне совесть не позволяет украсть конфету, не то что убить человека. Я совершил плохой поступок, когда сказал то, чего не было. Хоть я и подвергался давлению, всё равно виню себя за слабость, что не мог сопротивляться людям, которые были настроены против меня. Я до сих пор не могу принять, что меня, обычного 16-летнего школьника, воспринимают как очень опасного террориста, готового убивать людей во имя какой-то идеи. У меня это в голове не укладывается. Я боюсь

⁴¹ Соглашусь с коллегой. Кроме явок с повинной Дениса и Богдана, их показаний в уголовном деле отсутствуют доказательства намерения ребят совершить теракт. Эти показания и явки с повинной доказательствами считать ни в коем случае нельзя, поскольку они получены в результате угроз, насилия и неприкрытого шантажа.

попасть в тюрьму, потому что она разрушит полностью моё будущее, к которому я сильно стремлюсь. Я хорошо учусь и хочу поступить в университет. Я хочу быть программистом и устроиться работать в компанию «Гугл». Эта моя заветная мечта.

Председательствующий предоставил последнее слово Денису:

— Уважаемый суд! Я не террорист. Я не готовился к терактам и не обучался. Да, мы делали дымовухи, но лишь с научной точки зрения, ради развлечения. Во время следствия я оболгал себя, своих друзей, о чем сейчас очень сожалею и прошу у них прощения. Я это делал потому, что был очень напуган во время допросов, был изнурен, на меня давили. Мне даже сейчас трудно вспоминать эти долгие часы допросов. Я надеюсь на понимание и на справедливый приговор.

Председательствующий предоставил последнее слово Никите:

— Уважаемый суд! Канск — очень маленький город, но в нем очень много проблем. Плохая экология из-за горящего леса, много мусора и грязи. Проблемы с бездомными животными, с огромной бедностью и разрухой, которая проявляется в городских пейзажах, в домах, дорогах и людях. Много людей, даже мои знакомые, живут в разваливающихся домах. Людей, которых государство оставило на произвол судьбы, которым на протяжении многих лет что-то обещают чиновники и депутаты. С медициной тоже очень много проблем: мало лекарств, оборудования и специалистов. Большой уровень криминала. Я в этом всем рос.

В классе пятом я увлекся учебой в школе и стал прилежно учиться, успевал по всем предметам, лучшие всех писал работы по истории. В какой-то момент, классе в шестом, я разочаровался в этой системе образования. По каким-то вопросам я мог даже возражать учителям, что тоже повлияло на то, что я разочаровался в школьной системе образования. То есть я стал возражать взрослым и уже тогда пытался отстаивать свое мнение. В школе оценки у меня стали хуже, но мне нравилось учиться, узнавать что-то новое, и особенный интерес к истории у меня сохранился. Хотя в школу я продолжал ходить и мне ходить в нее более-менее нравилось⁴², пока в классе восьмом у меня сильно не ухудшились отношения с администрацией, учителями и некоторыми учащимися. У классного руководителя была ко мне личная неприязнь, поэтому она вставала на сторону учащихся, с которыми у меня были конфликты. Даже когда я поступил в политехнический колледж, ко мне социальный педагог продолжала предвзято относиться, говорила, что у нее из-за меня проблемы⁴³.

Стремление узнавать что-то новое у меня было, мне нравилось узнавать что-то про физику, химию, про биологию, про разных знаменитых ученых, я также смотрел научно-познавательные программы. Из точных и технических наук я стал больше переходить на гуманитарные. Я предпочитал самообразование и искал информацию в интернете. Просматривал разные каналы с интересным подходом к изучению наук, из более известных это «Галилео».

Я уже много раз говорил, как мы с ребятами познакомились. С Денисом я был знаком еще с детского сада, но дружить стали с начала восьмого класса. С Богданом познакомился в феврале 2020 года на мероприятии. Мне нравилось с ними общаться, так как у нас было много схожих интересов и они меня понимали.

Мне было больно от того, что у меня в стране репрессиируют людей, гражданских активистов, которые желают стране добра, которые выступают за ее благополучие. Об этом я узнавал из неофициальных СМИ, я в это верил. Теперь же, к сожалению, я на своем опыте испытал деспотизм недобросовестных сотрудников системы. Очень многие люди, столкнувшиеся с подобными случаями, а также те, кто просто устал так жить и хочет другого буду-

⁴² Вспомним показания психолога Щербакова, который охарактеризовал Никиту как человека с высоким интеллектом, с хорошо развитыми мышлением и речью, познавательными интересами.

⁴³ И здесь у меня есть основания встать на сторону ребенка. Согласно выводам все того же психолога Щербакова, у Никиты выявлена высокая нормативность, то есть понимание норм и правил, принятых в обществе, и стремление их соблюдать; сдержанность, способность контролировать свое поведение, гибкость, искренность.

щего для своих детей, стали поддерживать меня в СИЗО, а также мою маму. За что я им очень благодарен, ведь солидарность и поддержка очень важны людям, которых преследуют за политические взгляды в свободной стране.

Три дня после фактического задержания были трудными. У меня сбился сон, я очень устал. Мне угрожали, применяли физическую силу. Но я пытался им все объяснить. Я отвечал на вопросы по переписке и объяснял видеоролики. Я на своем опыте убедился, как могут себя вести сотрудники спецслужб, следователи. Я представляю, как тяжело было Денису с Богданом в то время.

Давление на меня продолжилось и после, в СИЗО. В СИЗО у меня сильно ухудшилось зрение. Появились проблемы с памятью, с весом, я стал быстро уставать. В целом моё физическое и психическое, моральное здоровье пострадало. Я стал больше нервничать и стал менее общительным. Мне было тяжело. Я понял, что тюрьма не исправляет людей, не убергает их от рецидива. Она может просто окончательно испортить человека.

Наша переписка и во «ВКонтакте», и в Telegram была очень объемной, мы обсуждали там за все время очень много тем. И игры, и пиротехнику, и политику, и школу. Часто там проскальзывали разного рода шутки.

Помимо нас троих, темы для разговора задавали все, кто участвовал в беседе: Александр, который скидывал инструкции по изготовлению светошумовых гранат, что видно по скриншотам; Бойчиков, который выражался радикальней всех и писал призывы к партизанству; Лапшин, который призывал к насилию, — но за разговоры судят нас. Кстати, данные переписки не были законспирированными: хотя участники беседы высказывали опасения насчет конфиденциальности «ВКонтакте», мы из него не уходили и продолжали в нём общаться, не думая, что наши фразы так воспримут впоследствии.

Я предложил Денису поклеить листовки об анархистах, именно на здание ФСБ поклеить. Я не думал, что из-за этого могут быть такие последствия. Я и сейчас не думаю, что там все плохое, хотя те, кто работал по моему делу, делали свою работу недобросовестно. Не разбираясь, облегчив себе работу, просто выбили у моих друзей явки под давлением. А когда они поняли, что я не признаюсь в том, что они хотят, появились все плохие характеристики, оговоры друзей, чтоб сломать меня морально, чтобы для стражи был мотив, что я плохой и должен сидеть.

После моего задержания давили на маму. Они надеялись, что я не выдержу, постоянно приходили ко мне в СИЗО, говорили, что хотят мне помочь. Сразу же, пока у мамы не получалось прийти ко мне после ареста и передать что-либо, принесли мне канцелярские принадлежности, намекая мне на то, что мама плохая и не ходит ко мне. Один из сотрудников даже предлагал, чтобы мы писали друг другу письма, а он относил.

А ещё эти взрослые специально не давали разрешения на звонки и свидания с мамой, наши многочисленные заявления оставались без ответа. Мне повезло, что апелляционный суд освободил меня из-под стражи.

По поводу свидетеля Александра хочу сказать, что ему просто повезло, что у него бабушка — бывший мэр Канска.

Если мне дадут реальный срок, я буду отбывать его с чистой совестью и достоинством. Я буду спокоен, потому что никогда не учил своих друзей плохому, я не был их лидером — мы были на равных и просто дружили. Я никого не оговорил. Мне не стыдно перед людьми, близкими и чужими, которые знают о нашей истории. Пусть кто-то верит не мне, а правоохранительным органам, мне нечего стыдиться. Я никого не собирался взрывать.

Мне очень важно, что меня и мою маму поддерживали чужие люди. Я даже не знал и не думал о том, что поклеенные листовки приведут к таким невероятным последствиям.

В последний раз на этом суде я хотел бы сказать: я не террорист. И я просто хотел бы доучиться, получить образование и уехать куда-нибудь далеко отсюда. Прошу суд дать мне это сделать.

В 12:20 7 февраля 2022 года суд удалился в совещательную комнату для постановления приговора.

8.26. День двадцать шестой

Через три дня, в 15:20 10 февраля 2022 года, суд вернулся в зал судебного заседания и председательствующий огласил приговор и определение.

Суд приговорил Упорова Никиту признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205.3, ч. 2 ст. 223.1, ч. 2 ст. 222.1, ч. 2 ст. 222.1, ч. 2 ст. 222.1 УК РФ. По совокупности указанных преступлений в соответствии с чч. 3 и 4 ст. 69 УК РФ окончательное наказание Упорову Никите назначить путем частичного сложения назначенных наказаний в виде лишения свободы на срок пять лет с отбыванием наказания в воспитательной колонии, со штрафом в размере 30000 рублей. Избрать в отношении Упорова Никиты меру пресечения в виде заключения под стражу. Заключение Упорова Никиту под стражу в зале судебного заседания.

Суд приговорил Андреева Богдана признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205.3, ч. 2 ст. 223.1, ч. 2 ст. 222.1, ч. 2 ст. 222.1, ч. 2 ст. 222.1 УК РФ. По совокупности указанных преступлений в соответствии с чч. 3 и 4 ст. 69 УК РФ окончательное наказание Андрееву Богдану назначить путем частичного сложения назначенных наказаний в виде лишения свободы на срок четыре года.

Суд приговорил Николаенко Дениса признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205.3, ч. 2 ст. 223.1, ч. 2 ст. 222.1, ч. 2 ст. 222.1, ч. 2 ст. 222.1 УК РФ. По совокупности указанных преступлений в соответствии с чч. 3 и 4 ст. 69 УК РФ окончательное наказание Николаенко Денису назначить путем частичного сложения назначенных наказаний в виде лишения свободы на срок три года.

В соответствии со ст. 73 УК РФ считать назначенное Андрееву Богдану и Николаенко Денису наказание условным и установить каждому из них испытательный срок в два года, в течение которого осужденные должны своим поведением доказать свое исправление.

Определением от 10 февраля 2022 года суд прекратил уголовное преследование в отношении Николаенко Дениса и Андреева Богдана по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 205.3 УК РФ, на основании примечания к указанной правовой норме.

В 16:10 10 февраля 2022 года председательствующий объявил судебное заседание 1-го Восточного окружного военного суда закрытым.

Глава 9. Анализ приговора

Вспомним: прокурор требовала назначить Денису 6 лет 5 месяцев лишения свободы, Богдану — 6 лет 6 месяцев, Никите — 9 лет лишения свободы. Суд Дениса и Богдана оставил на свободе, а Никиту свободы лишил на 5 лет. Почему такая разница в наказаниях? Все три подростка обвинялись в тождественных действиях и в суде вину не признали.

Перед приговором было оглашено определение суда, согласно которому уголовное преследование в отношении Дениса Николаенко и Богдана Андреева по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 205.3 УК РФ, было прекращено на основании примечания к указанной статье. О том, что необходимо применять именно данное примечание, я многократно писал и говорил еще на стадии следствия.

Примечание гласит: лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 205.3 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если оно сообщило органам власти о прохождении обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности, способствовало раскрытию совершенного преступления или выявлению других лиц, прошедших такое обучение, осуществлявших, организовавших или финансировавших такое обучение, а также мест его проведения.

Проследим за ходом и логикой рассуждений суда.

«В ходе судебного следствия установлено, что в вечернее время 6 июня 2020 года Николаенко и Андреев в числе других лиц были доставлены сотрудниками правоохранительных органов в межмуниципальный отдел МВД „Канский“ ГУ МВД России по Красноярскому краю в связи с подозрением в их причастности к расклеиванию листовок с текстами анархического содержания на административных зданиях г. Канска в ночь с 5 на 6 июня 2020 года.

Допрошенные в судебном заседании сотрудники УФСБ России по Красноярскому краю Поверхностный, Равнодушный и Примитивный показали, что на момент доставки указанных лиц в отдел полиции сотрудники правоохранительных органов не обладали какой-либо информацией о противоправной деятельности Николаенко и Андреева, связанной с прохождением ими обучения в целях последующего осуществления террористической деятельности.

Как следует из объяснения Николаенко, опрос которого проводил сотрудник УФСБ России по Красноярскому краю Поверхностный в период с 00:50 до 02:40 7 июня 2020 года, им по указанию Упорова для обсуждения идей анархизма была создана группа в социальной сети „ВКонтакте“, в которой ее участники просматривали видеозаписи по созданию самодельных взрывных устройств (СВУ) и „коктейлей Молотова“. Материалы в группу добавлял Упоров, поясняя, что такие знания им необходимы для достижения идей анархизма. В качестве примеров анархистов Упоров приводил участников террористической организации „Сеть“ и сообщал об их попытках силовиками, указывая на необходимость борьбы с подобными проявлениями и поддержки соратников. Впоследствии Упоров сообщил им о необходимости создания СВУ и „коктейлей Молотова“, поручил Андрееву приобрести необходимые компоненты для их создания. Испытания „коктейлей Молотова“ ими производились дважды в одном из заброшенных зданий города, а испытания СВУ они проводили во дворе дома Андреева, после чего обсуждали, как сделать взрывчатые вещества и зажигательные смеси эффективнее.

Аналогичные по своей сути объяснения были даны Николаенко следователю СО по Канскому району ГСУ СК России по Красноярскому краю Злобиной. При этом Николаенко были дополнительно описаны источники получения информации по изготовлению различных СВУ, взрывчатых веществ и зажигательных смесей, их рецептура, указаны лица, принимавшие участие в изучении этих источников информации, в изготовлении и испытании СВУ, взрывчатых веществ и зажигательных смесей, а также сообщены места приобретения необходимых компонентов, места изготовления и испытания СВУ и зажигательных смесей. При этом

Николаенко сообщил, что Упоров указывал на необходимость изучения ими приисканных материалов в целях подготовки совершения взрыва в здании МВД или ФСБ с помощью изучаемых СВУ.

Как следует из объяснений Андреева, данных им следователю СО по Канскому району ГСУ СК России по Красноярскому краю Бессовестной, опрашиваемый сообщил о размещении Упоровым в их группе „Вольная ассоциация анархо-коммунистический бунд“ в социальной сети „ВКонтакте“ материалов по созданию в домашних условиях различных взрывчатых веществ и зажигательных смесей, указывая на их потребность в таких знаниях в деятельности по пропаганде анархической идеологии. По предложению Упорова он нашел в сети интернет и разместил в их группе книги „Поваренная книга анархиста“ и „Азбука домашнего терроризма“, чтобы научиться изготавливать СВУ и впоследствии применять их в своей деятельности по продвижению идей анархизма. Впоследствии Упоров разместил в их группе обучающую видеозапись по изготовлению взрывчатого вещества „КИСА“, предлагая всем вместе изготовить его и испытать. Позже Упоров стал предлагать им совершить подрыв здания, в котором размещено отделение ФСБ в г. Канске, чтобы подорвать деятельность сотрудников ФСБ и показать значимость организации анархистов.

Также Андреев в своих объяснениях, равно как и Николаенко, сообщил источники получения информации по изготовлению различных СВУ, взрывчатых веществ и зажигательных смесей, их рецептуру, указал лиц, принимавших участие в изучении этих источников информации, в изготовлении и испытании СВУ, взрывчатых веществ и зажигательных смесей, а также сообщил места приобретения необходимых компонентов, места изготовления и испытания СВУ и зажигательных смесей. При этом Андреев указал, что Упоров предлагал ему и Николаенко изготовить взрывчатые вещества и СВУ и провести их тестирование именно для последующего использования с целью диверсии, под которой обозначал взрыв здания ФСБ в г. Канске.

Как следует из соответствующего постановления, в 11:30 8 июня 2020 года в отношении Упорова, Николаенко и Андреева возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 205.3 УК РФ.

В ходе допроса в качестве подозреваемого 8 июня 2020 года, а 10 июня 2020 года — в ходе допроса в качестве обвиняемого Николаенко и Андреев, каждый в отдельности, дали показания, аналогичные по своей сути их объяснениям от 7 июня 2020 года об источниках получения информации по изготовлению СВУ, взрывчатых веществ и зажигательных смесей, их рецептурах, о круге лиц, принимавших участие в изучении этих источников информации, в изготовлении и испытании СВУ, взрывчатых веществ и зажигательных смесей, о местах приобретения необходимых компонентов, местах изготовления и испытания СВУ и зажигательных смесей, а также о целях такой их деятельности.

Кроме того, в ходе проверок показаний на месте, проводившихся с участием Андреева и Николаенко 9 июня 2020 года, последние непосредственно указали места изготовления и испытаний ими взрывчатых веществ, СВУ и зажигательных смесей.

Таким образом, вышеприведенные данные в своей совокупности указывают на то обстоятельство, что до дачи своих объяснений Николаенко в ночное время и затем в дневное время 7 июня 2020 года, а Андреевым в дневное время 7 июня 2020 года правоохранительные органы не располагали достаточной информацией о совершении ими в период с февраля по июнь 2020 года на территории г. Канска действий, направленных на приобретение знаний, практических умений и навыков по изготовлению взрывчатых веществ, СВУ и зажигательных смесей в целях осуществления террористической деятельности.

Эти объяснения Николаенко и Андреева, в числе иных материалов проверки органа предварительного следствия, явились основанием для возбуждения в отношении названных лиц уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 205.3 УК РФ, при этом на первоначальном этапе предварительного следствия Николаенко и Андреев своими подро-

ными показаниями способствовали раскрытию и расследованию преступления, сообщив сведения, в том числе о лицах, прошедших обучение вместе с ними, а также указав места проведения обучения, объем, характер и источники полученных ими знаний.

С учетом изложенного Николаенко и Андреев подлежат освобождению от уголовной ответственности по ст. 205.3 УК РФ на основании примечания к указанной правовой норме, так как ими выполнены все установленные законом условия для этого: каждый из них сообщил органам власти о прохождении обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности, способствовал раскрытию совершенного преступления и выявлению других лиц, прошедших такое обучение, а также мест его проведения, и при этом в их действиях не содержится иного состава преступления».

Как видно из приведенного выше определения, суд в доказательство намерений школьников пройти обучение в целях совершения теракта сослался только на их объяснения и показания. Именно эти объяснения и показания сторона защиты подвергала аргументированной критике. Я и сейчас убежден, что ребята (Денис и Богдан) себя оговорили. Мое убеждение в их самооговоре строится исключительно на тех доказательствах, которые мы исследовали в суде, которые были подтверждены свидетелями, давшими присягу, предупрежденными об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

К приговору. Объем приговора составляет 38 листов. Семь из них посвящены опровержению доводов защиты, которые нами заявлялись более чем на ста листах. Интересно посмотреть, как же суд опроверг и отбросил наши аргументы. Итак, идем последовательно по тексту приговора, ничего не пропуская.

1. Суд опровергает показания Богдана и Дениса, данные ими непосредственно в суде, в которых они категорически отрицали, что намеревались совершить взрыв здания ФСБ. Вновь обращаю внимание читателя на то, что состав преступления, предусмотренного ст. 205.3 УК РФ, содержится в действиях лица только в одном случае: если данное лицо действительно намеревалось осуществить террористический акт. Такое преступное намерение лица должно быть доказано достоверными и допустимыми доказательствами, которые в своей совокупности позволяют вне всяких разумных сомнений сделать вывод, что лицо действительно желало, стремилось совершить теракт и исключительно для этой преступной цели приобретало знания, навыки и умения.

«Показания подсудимых о том, что Упоров не предлагал Андрееву и Николаенко пройти обучение с целью осуществления в дальнейшем террористической деятельности и он не предоставлял им информацию по изготовлению взрывчатых веществ и СВУ, суд считает не соответствующими действительности, расценивает их как позицию защиты и попытку тем самым избежать уголовной ответственности.

Приходя к такому выводу, суд учитывает то обстоятельство, что эти показания подсудимых противоречат совокупности исследованных по уголовному делу доказательств, в частности, показаниям Андреева в качестве подозреваемого от 8 июня 2020 года, которые он подтвердил и уточнил в ходе проверки показаний на месте с его участием 9 июня 2020 года, показаниям Николаенко, данным им в ходе предварительного следствия в качестве подозреваемого и обвиняемого 8 и 10 июня 2020 года, которые он также подтвердил в ходе проверки показаний на месте с его участием 9 июня 2020 года. Опровергаются показания подсудимых и содержанием исследованной в суде их переписки в социальной сети „ВКонтакте“ и мессенджере “Telegram”.

Отвергая доводы подсудимых о том, что они не проходили какого-либо обучения с целью осуществления террористической деятельности, суд исходит из последовательных показаний Андреева и Николаенко, данных ими в ходе предварительного следствия, о том, что они по предложению Упорова изучали инструкции по изготовлению взрывчатых веществ и СВУ, совместно изготавливали зажигательные смеси „коктейль Молотова“, взрывчатые

вещества „КИСА“ и „АММОКИСА“, на их основе СВУ, а также испытывали их. Такие знания и навыки были ими получены по указанию Упорова для совершения террористического акта в г. Канске, а именно для подрыва здания отдела УФСБ России.

Давая оценку показаниям подсудимых в судебном заседании о непричастности к инкриминируемым деяниям, суд исходит из того, что эти показания противоречат другим материалам дела, в том числе первоначальным признательным показаниям Андреева и Николаенко, а также совокупности иных исследованных по делу доказательств, и не соответствуют установленным судом фактическим обстоятельствам дела.

Вышеизложенные заявления суд расценивает как способ защиты с целью избежать уголовной ответственности за содеянное, поскольку своего доказательственного подтверждения по материалам дела эти утверждения не нашли. Признавая виновность в своих первоначальных показаниях, Андреев и Николаенко в дальнейшем в ходе предварительного и судебного следствия от них отказались в части прохождения обучения с целью осуществления террористической деятельности, что свидетельствует о свободе выбора избранной ими процессуальной позиции по делу, а следовательно, и о добровольности данных ими показаний».

Во-первых, «показания подсудимых о том, что Упоров не предлагал Андрееву и Николаенко пройти обучение с целью осуществления в дальнейшем террористической деятельности» неверно расценивать только как «их позицию защиты и попытку тем самым избежать уголовной ответственности», поскольку согласно ст. 74 УПК РФ показания подозреваемого, обвиняемого являются полноценными доказательствами в уголовном процессе.

Во-вторых, показания подростков в суде суд опровергает их же показаниями на следствии. С таким же успехом можно и наоборот — показания, данные на следствии, опровергнуть показаниями в суде. Если по существу, какие показания будут достоверней и правдивей: те, которые получены следователем, являющимся стороной обвинения, то есть заинтересованным в исходе дела лицом, или в зале судебного заседания, полученные судом, да еще с правом задавания сторонами вопросов в условиях состязательности, открытости и равноправия? Ответ очевиден: полноценными, проверенными сторонами на прочность в судебном бою будут именно судебные доказательства. 1-й Восточный окружной военный суд отдает предпочтение порочным доказательствам, полученным с грубыми нарушениями закона. Упоминать их не буду, иначе пальцы смозолю.

В-третьих, суд говорит, что «опровергаются показания подсудимых содержанием исследованной в суде их переписки». Да, переписку на 1117 листах мы исследовали. Нигде, ни в одной фразе у Дениса и Богдана не выявлено намерений, желаний, побуждения в реальности осуществить теракт — это факт. Поэтому и в приговоре суд не приводит ни единого слова, ни одного предложения, которое бы изобличало ребят в их намерениях.

В-четвертых, суд делает вывод о желании подростков взорвать ФСБ на том основании, что «они по предложению Упорова изучали инструкции по изготовлению взрывчатых веществ и СВУ, совместно изготавливали зажигательные смеси „коктейль Молотова“, взрывчатые вещества „КИСА“ и „АММОКИСА“, на их основе СВУ, а также испытывали их». Несовершеннолетние не отрицают, что действительно совместно изготавливали взрывчатые вещества. Только из этого обстоятельства совершенно не следует, что они намеревались эти вещества применить для взрыва какого-либо здания. Таким приемом за уши можно притянуть много чего. Чтобы правоприменитель не впадал в обвинительный соблазн, законодателем и созданы правила доказывания. Утверждаешь — докажи свой тезис так, чтобы тебе нельзя было не поверить. Иначе грош цена таким фантазиям.

В-пятых, суд указывает, что «показания подсудимых противоречат другим материалам дела, а также совокупности иных исследованных по делу доказательств». Хотелось бы узнать у суда: а каким именно материалам дела противоречат показания школьников? У меня готов правильный ответ: показания школьников противоречат их же полученным в застенках следственных кабинетов показаниям.

В-шестых, суд повторно (как будто это придаст неведомой силы его тезисам) неверно указывает, что «заявления подсудимых расцениваются как способ их защиты с целью избежать уголовной ответственности за содеянное». Мы уже выяснили, что их показания являются полноценными доказательствами, а не эфемерным «способом». К сожалению, такие алогичные и деструктивные конструкции не редкость в правоприменительных актах.

В-седьмых, суд выстроил абсолютно нелогичную конструкцию: «Признавая виновность в своих первоначальных показаниях, Андреев и Николаенко в дальнейшем от них отказались, что свидетельствует о добровольности данных ими показаний». Позвольте спросить, а какие же тогда показания недобровольные? Видимо, следуя логике суда, это те показания, от которых лицо не отказывается. Тогда любые последовательные показания можно считать недобровольными. С такой аргументацией можно доказать, что любые показания, данные под очевидными физическими пытками, являются добровольными. Сразу вспоминается Карл Маркс: «У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно».

2. Суд опровергает доводы стороны защиты о том, что Денис и Богдан давали показания под давлением.

«Защитниками, подсудимыми и их законными представителями в судебном заседании неоднократно заявлялось о даче показаний подсудимыми на первоначальной стадии предварительного следствия под давлением, с нарушением установленной законом продолжительности их допросов. Между тем, как установлено в ходе судебного следствия, все исследованные судом показания давались подсудимыми в присутствии защитников, законных представителей и педагогов, то есть в условиях, исключающих применение недозволённых методов.

Присутствующие в ходе допросов защитники-адвокаты не высказывали замечаний о нарушении прав Андреева и Николаенко при производстве следственных действий, в том числе о длительности их допросов. Не заявлялось подсудимыми и их законными представителями и ходатайств об отказе от этих защитников.

Участие защитников и педагогов в следственных действиях подтверждается наличием ордеров адвокатов и соответствующими подписями в процессуальных документах, при этом сомнений в обстоятельствах их проведения и соблюдении прав подсудимых на защиту у суда не имеется. Перед каждым допросом Андрееву, Николаенко и их законным представителям разъяснялись процессуальные права в полном объеме, а также право не свидетельствовать против самого себя, предусмотренное ст. 51 Конституции РФ. Они предупреждались о том, что при согласии дать показания их показания могут быть использованы в качестве доказательств, в том числе и при последующем отказе от этих показаний.

Замечаний у подсудимых и их законных представителей к содержанию протоколов не было, о каком-либо принуждении к даче показаний, применении недозволённых методов ведения следствия, нарушении прав при производстве следственных действий они не заявляли, правильность изложенных в протоколах сведений удостоверили соответствующими подписями. Подтверждаются эти обстоятельства и показаниями свидетеля Недобросовестной, принимавшей участие в качестве защитника при допросе подозреваемого Андреева 8 июня 2020 года и в ходе проверки показаний на месте с его участием 9 июня 2020 года. При этом Недобросовестная показала, что она участвовала в указанных следственных действиях с участием Андреева, ход которых полно и достоверно отражен в соответствующих протоколах.

Показания свидетеля Недобросовестной согласуются с показаниями допрошенных в суде следователя Бессовестной, свидетелей Буцкого и Петрова, участвовавших 9 июня 2020 года в следственном действии в качестве понятых».

Во-первых, суд утверждает, что «в ходе судебного следствия установлено, что все показания давались подсудимыми в присутствии защитников, законных представителей и педагогов, то есть в условиях, исключающих применение недозволённых методов». Такой вывод является неверным, поскольку в первый день допроса Богдана защитник отсутствовал, что и подтвердила адвокат Ирина Недобросовестная. Педагог Ольга Трубчик подошла на допрос позже, когда с ребёнком уже работала следователь. Допрос, как пояснила педагог Ольга Трубчик, в первый день длился десять часов, на следующий день допрос был продолжен и длился семь часов. Поэтому не на всем протяжении допроса присутствовали участвующие лица, записанные в протоколе.

Даже если допустить, что все поименованные в протоколе допроса лица участвовали в данном следственном действии, это не исключает применение недозволённых методов. Вспомним хотя бы переписку педагога Ольги Трубчик: «мы сидим на допросе... ни поесть, ни попить», «их допрашивают с двух часов... уже десять вечера», «а мы просто присутствуем на допросе... бедный ребёнок», «у меня Андреев тут Богдан... плачет тут... что жестко беседуют... я даже не знаю, что должна сделать... жестят... мама тут», «вчера до трех часов ночи они тут сидели», «они же дети, и спать тоже надо», «Николаенко и Андреев боятся», «страшно мне», «тут холодно... я сижу и дрожу». Разве не следует из телефонной переписки двух педагогов во время допроса Богдана вывод, что к нему применялись как раз недозволённые методы, которые не только к ребёнку, но и ко взрослому применять недопустимо?

Во-вторых, может ли служить основанием для опровержения показаний Богдана, его мамы и педагога о длительном допросе, включая ночное время, тот факт, что «адвокат не сделал замечание о длительности допроса в протоколе»? Допрашивая адвоката Ирину Недобросовестную, я взывал ее к совести, просил вспомнить события, которые она напрочь забыла, но тщетно. Память не вернулась, совесть не проснулась. В наших рядах состоят и нерадивые коллеги. Разве будут такого качества защитники по-настоящему защищать, вносить в протокол замечания, отстаивая законные интересы доверителя? Нет. Зато такие «защитники» очень выгодны прокурору, который всегда может заявить: раз не было замечаний со стороны адвоката, значит, следственное действие проведено в соответствии с законом. А суд вторит прокурору. Сложно перекричать такой хор обвинителей.

В-третьих, возьмем тезис суда о том, что «сомнений в обстоятельствах проведения допросов и соблюдении прав подсудимых на защиту у суда не имеется, поскольку участие защитников и педагогов в следственных действиях подтверждается наличием ордеров адвокатов и соответствующими подписями в процессуальных документах... замечаний у подсудимых и их законных представителей к содержанию протоколов не было... правильность изложенных в протоколах сведений удостоверили соответствующими подписями». Суд крайне формально подходит к анализу доводов наших подзащитных о том, что показания были даны под давлением. Конечно, подсудимые и законные представители подписали протоколы допросов под давлением.

Разве из этого следует, что на допрашиваемых не оказано незаконного давления? Как раз наоборот. Раз в суде Андреев и Николаенко отказались от своих показаний, сообщили в подробностях, кто и как на них оказывал давление, то же самое подтвердили их мамы и педагог Ольга Трубчик, значит, нарушение требований УПК РФ имело место. Суду не следует подходить формально даже к опровержению доводов стороны защиты. Такого рода доводы может приводить следователь: раз стоят подписи участвующих лиц, значит, я права не нарушал. Суд же должен разбираться и вникать, выяснять, а действительно ли было нарушение, давление, воздействие.

Есть выражение «Бумага все стерпит». Бумага, может, и стерпит, а люди-то живые — нет. Терпеть не будут и заговорят, что ярко показал наш процесс. Да, народ российский долготерпив, но когда степень нарушения прав, насилия и лжи не знает границ, умаляет само достоинство людей, тогда терпеть просто преступно — нужно громко заявлять о своих правах и бороться за них.

Наличием подписей в протоколе можно прикрыть, спрятать любое беззаконие, творимое за закрытыми дверьми. Письменное признание не царица доказательств. Такое ложное и устоявшееся утверждение, бытующее в наших судах, каленым железом нужно выжигать, формируя новую практику открытой и свободной оценки доказательств, не связанной предубеждениями о мнимых преимуществах и силе личного признания у следователя.

В-четвертых, изучим следующий фрагмент: «Подтверждаются эти обстоятельства и показаниями свидетеля Недобросовестной, принимавшей участие в качестве защитника при допросе подозреваемого Андреева 8 июня 2020 года и в ходе проверки показаний на месте с его участием 9 июня 2020 года. При этом Недобросовестная показала, что она участвовала в указанных следственных действиях с участием Андреева, ход которых полно и достоверно отражен в соответствующих протоколах». Хотя Ирина Недобросовестная и принимала участие в качестве защитника Богдана по назначению следователя, в суде она не смогла вспомнить ни одного обстоятельства тех показаний, которые давал ребенок. Станным образом, как я уже писал, у защитника отказали и память, и совесть. Я в своих оценках не голословен. Сама адвокат однозначно заявила, что протокол проверки показаний, точнее, написанное в нем полностью соответствует тому, что говорил подросток, а суд бездумно повторил легковесную фразу «защитника», взяв ее за основу опровержения моих доводов.

Такими примитивными способами не разобьешь нашу защиту, основанную на достоверных фактах, подтвержденных видеозаписью. Богдан более трех раз заявлял на камеру, что не желал совершать теракт, его целью были научные опыты, «ему было интересно, как химику». Из песни слов не выкинешь, однако из приговора выкинуть можно!

В-пятых, поразителен следующий пассаж суда: «Показания свидетеля Недобросовестной согласуются с показаниями допрошенных в суде следователя Бессовестной, свидетелей Буцкого и Петрова, участвовавших 9 июня 2020 года в следственном действии в качестве понятых». Суд в основу опровержения доводов стороны защиты (моих и Богдана) кладет показания адвоката. Возникает вопрос: что это за адвокат, доводы которого составляют фундамент обвинительного приговора? Уважаемый читатель, сделайте вывод сами.

Следователь и адвокат в суде вторят друг другу, совместно и согласованно «работая» против Богдана, которого Ирина Недобросовестная «защищала». Неважно, что прошло больше года с момента такой «защиты». Любая защита, какой бы по качеству она ни была и как бы давно ни предоставлялась, не имеет срока давности. Адвокат, давая показания в суде в качестве свидетеля, не должен ухудшать положение своего доверителя, не может выступать в роли второго прокурора, показания адвоката ни в коем случае не должны являться даже единственным кирпичиком в здании обвинения бывшего подзащитного, ибо бывших подзащитных не бывает.

Показания Недобросовестной не согласуются с показаниями допрошенных в суде свидетелей Буцкого и Петрова, суд искажает здесь факты. Факты я вам напомним. Прокурор задала вопрос Петрову, который участвовал в качестве понятого при проверке показаний Богдана:

— *Сообщал ли Богдан, для чего он делал взрывчатые вещества?*

— *Да, несовершеннолетний сказал, что ему это было интересно, как химику.*

Для конкретизации ответа Петрова я задал ему уточняющий вопрос:

— Вы сказали, что Богдану смешивание ингредиентов было интересно, как химику. Откуда вы это узнали?

— Богдан сам сказал про это.

— Вы можете вспомнить, что именно вам говорил несовершеннолетний?

— Он говорил, что ему были интересны эксперименты химические, что он не из злых побуждений все делал — он просто интересовался опытами.

— Богдан увлекался химией?

— Да, увлекался.

— Откуда вам это известно?

— Со слов Богдана.

В протоколе же проверки показаний, составленном следователем, об этом не сказано ни слова. Конечно, это не выгодно следователю, ведь весь состав преступления рухнет как карточный домик. Что самое поразительное и парадоксальное, не выгодно это было говорить и защитнику Богдана Недобросовестной, которая, правда, со слов мамы Никиты Упорова, потом сожалела о содеянном. Сожалениями и крокодильими слезами делу не поможешь. А ведь можно было помочь: нужно было рассказать в суде только правду — ничего сложного. Нет, правда не прозвучала ни от следователя, ни от адвоката. Зато ее выдал независимый свидетель Петров, который именно для того и был привлечен в качестве понятого, чтобы удостоверить факт производства следственного действия, а также его содержание, ход и результаты.

Мама Богдана спросила Станислава Бутского:

— Когда Богдан давал свои показания, объяснения, было ли видно, что ребенок нервничает?

— Да, он переживал, паниковал.

— Как Богдан отвечал на вопросы?

— Отвечал Богдан боязно, у него тряслись руки.

Вопросы задал суд:

— Были ли признаки заученности текста у Андреева или он все рассказывал самостоятельно?

— Богдан давал показания под давлением, потому что если бы он самостоятельно давал показания, то не дрожал бы и не боялся.

— То есть вы полагаете, что ребенок давал показания под давлением?

— Да, под давлением.

— Так все-таки он рассказывал все самостоятельно?

— Богдан боялся. У него был страх. Богдан дрожал.

Что-то я не вижу, чтобы показания следователя и адвоката «согласовывались» с показаниями свидетелей Бутского и Петрова, тогда как суд категорично пишет о таком «согласовании». Вспоминается басня И. А. Крылова «Лебедь, щука и рак»: «Когда в товарищах согласья нет, // На лад их дело не пойдет, // И выйдет из него не дело, только мука».

3. «Не влияют на этот вывод суда показания свидетеля Трубчик, участвовавшей в качестве педагога при даче Андреевым объяснений 7 июня 2020 года и при его допросе в качестве подозреваемого 8 июня 2020 года, о том, что названные следственные действия проходили значительно дольше, чем указано в соответствующих протоколах, без фактического предоставления времени на отдых несовершеннолетнему Андрееву. В обоснование её показаний стороной защиты была представлена нотариально заверенная переписка в «Viber» между ней и другим лицом.

Вместе с тем, как установлено в ходе судебного заседания, свидетель Трубчик, не понимая фактической разницы между опросом и допросом несовершеннолетнего Андреева, полагала, что его допрос производился с 7 на 8 июня 2020 года, что не соответствует действительности. Показания названного свидетеля опровергаются свидетельскими показаниями Недобросовестной и Бессовестной. Исследованные протоколы подписаны участниками названных следственных действий, в том числе и самой Трубчик, и не содержат каких-либо замечаний как по ходу его проведения, так и по существу данных Андреевым показаний. При этом Трубчик показала, что Андреев действительно давал изложенные в протоколах подробные и обстоятельные показания, стараясь полно отвечать на вопросы следователя».

Суд ссылается на то, что свидетель Трубчик не понимала фактической разницы между опросом и допросом несовершеннолетнего Андреева. Допустим, так и есть — она, как педагог, и не должна это понимать. Однако какое значение имеет данное обстоятельство? Никакого юридического значения не имеет.

Важно другое: и педагог Ольга Трубчик, и законный представитель — мама Богдана Анна Андреева — и сам Богдан в суде однозначно утверждали, что допрос в первый день (7 июня 2020 года) длился 10 часов, на следующий день (8 июня 2020 года) допрос был продолжен и длился 7 часов». Ключевым является то, что допрос, начатый 7 июня 2020 года, был «продолжен с утра на следующий день с того места, на котором остановились».

Более того, анализируя ранее совпадение слово в слово текстов объяснения и показаний, я доказал, что фактически допрос велся два дня.

Снова суд пытается опровергнуть нарушение прав ребенка «ударной» связкой показаний следователя Бессовестной и адвоката Недобросовестной. Какой парадоксальный обвинительный кулак, спаянный стороной обвинения и защиты, не правда ли? Ответ нашел Александр Сергеевич Пушкин в «Евгении Онегине»:

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом
И скоро стали неразлучны.
Так люди (первый каюсь я)
От делать нечего друзья.

Замечу, что переписку в “Viber”, зафиксировавшую и давление на ребенка, и длительность допроса в ночное время, суд вообще никак не опровергает, не подвергает сомнению или критике ни одного слова. Потому что переписку невозможно ничем опровергнуть.

Есть негласное обыкновение, подтверждающее силу доводов защиты: если суд никак не опровергает аргументы, приведенные адвокатом, даже не упоминает о них, значит, защитник предоставил очень сильные доводы, на которые возразить нечего. Лучше промолчать, чем слабо парировать крепкий удар.

Снова суд приводит свой излюбленный предельно формальный, слабый и неубедительный довод о том, что «протоколы подписаны участниками названных следственных действий, не содержат каких-либо замечаний». Извините, конечно, но зачем тогда суд? Давайте без какой-либо проверки просто брать письменные показания, взятые следователем, и перено-

силь их в приговор, исключительно обвинительный. Недопустимо сводить роль суда к сугубо оформительской и канцелярской. Не должен суд нивелировать свое предназначение отправления справедливого правосудия.

Есть предварительное следствие, в ходе которого следователь собирает доказательства. Ключевое слово здесь — «предварительное», то есть не окончательное. Собранные доказательства подлежат будущей проверке в суде, которая и становится окончательной. Проводится она в рамках уже судебного процесса. Формируемые и изучаемые именно на этом этапе доказательства подлежат тщательной и всесторонней проверке с соблюдением принципов состязательности и равноправия сторон. Доказательства становятся доступны не только следователю, но и всем участникам судопроизводства. Каждый может свободно высказать свое мнение по каждому доказательству, подвергнуть его сомнению, привести контрдовод, свои доказательства.

Свидетелю задает вопросы не только следователь, но и все представители стороны защиты, а сам суд с помощью сторон должен вскрыть нарушения при получении доказательств следователем. Обнаружив ржавчину нарушений закона, разевшую доказательство, суд обязан устранить из процесса такое доказательство, признав его недопустимым.

Суд призван выявлять и недостоверные, зараженные сознательной ложью или заблуждением доказательства, отправляя их на процессуальное кладбище. Чего точно не может себе позволять настоящий суд, так это слепой веры в качество предоставленных следователем доказательств без их внимательной предварительной проверки.

Наш же суд верит показаниям детей, полученным вне суда, а не в суде. Нонсенс? Увы, обыкновение, царящее в российских судах.

Как пишут Александр Александров и Сергей Гришин в книге «Перекрестный допрос в суде»⁴⁴, уже давно было замечено, что показание, данное свидетелем в присутствии суда, имеет огромное преимущество перед показанием, данным в ходе досудебного производства.

«При предварительном следствии свидетель дает показание без присяги, не публично, не всегда даже в присутствии сторон; показание его часто записывается не им самим и не всегда собственными его словами. При судебном следствии свидетель показывает публично, под присягой; каждое его слово может быть взвешено судом, подвергнуто анализу и контролю путем перекрестного допроса сторон; колебания, противоречия, натяжки, двусмысленные выражения, часто исчезающие в протоколе судебного следователя, являются здесь в полном свете и производят непосредственное впечатление на судей»⁴⁵.

В опровержение того, что «следственные действия проходили значительно дольше, чем указано в соответствующих протоколах, без фактического предоставления времени на отдых несовершеннолетнему Андрееву», суд сослался на показания Трубчик: «Андреев действительно давал изложенные в протоколах подробные и обстоятельные показания, стараясь полно отвечать на вопросы следователя». Что этим хотел сказать суд? Если ребенок желает «полно отвечать на вопросы следователя», то его можно допрашивать свыше четырех часов в день, не давая есть и пить?

А куда суд дел показания педагога, которые ниже я частично воспроизведу? Суд их даже в приговоре не привел:

— 7 июня 2020 года, в воскресенье, мне в 15 часов позвонили и сказали подъехать в следственный отдел. Я приехала, зашла. Богдана уже допрашивали.

— Когда опрос был окончен, когда вас отпустили?

⁴⁴ А. С. Александров, С. П. Гришин. Перекрестный допрос в суде. — М.: Издательство «Юрлитинформ», 2007. — 592 с.

⁴⁵ К. К. Арсеньев. Судебное следствие. — СПб., 1871. С. 37.

- *Нас отпустили в 00:30 ночи уже следующих суток.*
- *Перерыв объявлялся?*
- *Объявлялся на 15 минут. А второй раз — на 5 минут.*
- *Слезы были?*
- *Слезы были.*
- *Когда появились слезы у ребенка, следователь приостановил допрос?*
- *Нет.*
- *На следующий день вам сказали прийти?*
- *Да, на следующий день, 8 июня 2020 года, это был уже понедельник, к 10 часам утра.*
- *Теперь расскажите, что делали 8 июня 2020 года.*
- *Допрос продолжился с того, на чем остановились 7 июня 2020 года.*
- *Во сколько начали допрос?*
- *Где-то в 10:15 или 10:20 утра.*
- *Иные лица, кроме тех, которых вы указали, присутствовали?*
- *Периодически другие люди заходили, тоже задавали вопросы.*
- *Когда был окончен допрос?*
- *Примерно в 20:00 — 21:00.*

<...>

— *У нас не было возможности поесть и попить, мы сидели и не могли выйти. Мы устали уже, хотели есть. Богдан был уставший, это было видно, целый день без еды.*

— *Дети пытались объяснить, что не хотели ничего плохого сделать. Постоянно звучало в их речи, что у них не было серьезных намерений.*

— *Богдан был уставший и хотел домой, ему постоянно давали понять, что если он скажет все, как они [следователи и оперативные сотрудники] хотят, то его отпустят домой.*

— *Богдан иногда затруднялся и ему задавали наводящие вопросы.*

Думаю, с помощью таких показаний педагога невозможно делать вывод, что нарушение при допросе Богдана не было.

4. *«Не свидетельствуют о недопустимости показаний Николаенко в качестве подозреваемого и обвиняемого ссылки стороны защиты на заключение специалистов Санкт-Петербургского института независимой экспертизы № 3899/2020 от 20 августа 2020 года, проводивших сравнительный анализ этих показаний, поскольку в ходе судебного следствия установлено, что эти показания Николаенко давал самостоятельно и добровольно».*

Давайте еще раз посмотрим, на самом ли деле Денис давал следователю показания «самостоятельно и добровольно»:

- *Вы планировали совершить террористический акт?*
- *Не планировали. Никакого обучения этому не проходили.*
- *Богдан Андреев изучал взрывчатые вещества, взрывные устройства?*
- *Нет, он раньше все это знал. Увлекался экспериментами. Богдан мне лично это говорил. В ходе нашего общения Богдан потерял интерес ко всяким бомбочкам, как мы это называли. Он планировал делать ракеты, которые запускаются в воздух.*
- *Вы придерживались политики насилия?*

— Нет.

— Было ли у вас негативное отношение к сотрудникам полиции?

— Нет, мои родственники работают в правоохранительных органах.

— Что происходило 8 июня 2020 года?

— Утром перед допросом нас с мамой пригласил к себе сотрудник ФСБ Степан, он сказал, что я должен сообщить следователю о том, что мы с ребятами готовили террористический акт. Если я это не скажу, то поеду в СИЗО.

— Что было дальше?

— Когда мы с мамой пришли к следователю, она дала мне лист размера А4, на котором был текст из 3-4 абзацев. Текст я должен был прочитать на видеокамеру. Мне сказали, что это будет явка с повинной. На листке было написано, что мы готовили террористический акт.

— Вы на самом деле его планировали?

— Нет.

— Вы учили текст, который вам дали?

— Пытался выучить. Когда включали видеокамеру, я волновался, поэтому несколько раз перезаписывали видео.

— Текст соответствовал действительности?

— Нет.

— В итоге текст был записан?

— Моя мама вырвала у меня листок, порвала его. Тогда следователь Злобина сказала, что мама делает хуже для меня. Нам нужно записать на видео явку с повинной, чтобы меня не отправили в СИЗО.

— Текст был напечатан?

— Сначала текст был напечатан на листке, после того, как мама его порвала, следователь сама написала текст снова.

— Что дальше было?

— Меня стали допрашивать. Прав перед допросом не разъяснили. Сотрудники ФСБ постоянно приходили и выходили из кабинета. Мне сообщали те показания, которые дает Богдан. Следователь мне говорила, что я должен давать показания, как Богдан. Сотрудники ФСБ и следователь показания Богдана мне зачитывали.

— Про подготовку к теракту следователь спрашивала?

— Спрашивала, я ей говорил, что такого не было, но они мне постоянно говорили, что я должен сказать наоборот, что мы готовили теракт, чтобы не поехать в СИЗО.

— Кто вам угрожал, что вы поедете в СИЗО?

— Следователь Злобина и сотрудники ФСБ.

— На момент вашего допроса Упорова уже увезли в СИЗО?

— Да. Сотрудники мне показывали видеозапись. На ней было видно, как Никиту ведут в наручниках по лестнице.

— Оказывалось ли на вас давление со стороны следователя и сотрудников ФСБ?

— Да. Они постоянно говорили, что если я не буду рассказывать так, как им нужно, то поеду в СИЗО.

— Что значит «как им нужно»?

- *Им не нравилась правда. Они хотели по-другому.*
- *Как они хотели?*
- *Они хотели, чтобы мы признались в том, что не делали.*
- *А что вы не делали?*
- *Мы не планировали террористический акт.*

Вряд ли признательные показания Дениса можно назвать «самостоятельно и добровольно» данными.

Да, вспомним и показания Ольги Трубчик:

- *Заходили постоянно другие люди и говорили, что Денис Николаенко отвечает так же, как и Богдан Андреев.*
- *Как именно, со слов этих людей, отвечал Денис?*
- *Денис отвечал, что не хотел ничего плохого, не хотел ничего взрывать, просто участвовал в каком-то интересном предприятии.*
- *Денис был напуган. Я беседовала с коллегами Мининой и Сечко, которые присутствовали в качестве педагогов при допросе Николаенко, и они мне сказали, что Денис был напуган. Мне педагоги также сказали, что Денис не хотел ничего плохого, не хотел ничего взрывать.*

Суд фразой «не свидетельствуют о недопустимости показаний Николаенко ссылки стороны защиты на заключение специалистов № 3899/2020» отказался от анализа заключения, не опровергнув его. Между тем к интересным выводам приходят специалисты: результаты исследования показали, что показания обвиняемого дословно совпадают на 72,2% с показаниями, данными Денисом в ходе допроса в качестве подозреваемого. При таком высоком проценте совпадений текстов Николаенко не мог самостоятельно дать показания. Протокол допроса подозреваемого включает в себя 6628 слов — 42635 знаков с пробелами; средняя скорость чтения слов взрослым человеком составляет 150 слов в минуту.

Таким образом, даже без учета времени, потраченного на разъяснение прав и биографических сведений (согласно ч. 3 ст. 166 УПК РФ в протоколе указываются фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в следственном действии, а в необходимых случаях — его адрес и другие данные о его личности; в силу ч. 5 ст. 164 УПК РФ следователь, привлекая к участию в следственных действиях участников уголовного судопроизводства, удостоверяется в их личности, разъясняет им права, ответственность, а также порядок производства соответствующего следственного действия), на прочтение данного текста подозреваемым и законным представителем необходимо затратить 88 минут 37 секунд; следовательно, для печати следователем данного документа остается 6 минут 23 секунды, то есть он должен печатать со скоростью 112 знаков в секунду, что является недостижимым даже при обладании навыком слепой десятипальцевой печати. Стиль изложения информации в протоколах допроса подозреваемого и обвиняемого фактически соответствует лицу, имеющему специальные юридические познания, а не Денису Николаенко, который таковыми не обладает.

Показания Богдана по известным причинам «страдают» этими же недостатками. На них подробно останавливался ранее.

5. *«Обстоятельствам доставления подсудимых в МО МВД „Канский“, их заявлениям о применении к ним насилия, законности действий следователей, проводивших процессуальную проверку и предварительное следствие по данному уголовному делу, и сотрудников УФСБ России по Красноярскому краю дана оценка в постановлениях от 24 и 31 января 2022 года, которыми отказано в возбуждении уголовных дел.*

Из исследованных в судебном заседании постановлений усматривается, что проверки проведены независимыми следователями в пределах их полномочий, предусмотренных ст. 38 УПК РФ, в соответствии с требованиями ст. 144 УПК РФ. В ходе данных проверок получены объяснения у оперативных работников, следователей, подсудимых, их законных представителей, педагогов, участвовавших в допросах Андреева и Николаенко, а также ряда свидетелей. Результаты проверки по заявлениям Упорова, Андреева, Николаенко, их законных представителей о применении к подсудимым незаконных методов воздействия и ведения следствия получили надлежащую оценку в вышеупомянутых постановлениях следователей об отказе в возбуждении уголовного дела».

Можно ли считать, что проверки проведены действительно независимыми следователями? Уверен, что нельзя. Мне представляются разумными доводы адвоката Владимира Васина, за отстаивание которых защитник был вынужден «нести бревно»:

— Я возражаю против организации проверки деятельности следователей и оперативных сотрудников в Красноярском крае. Мы все знаем, что обвинительное заключение по делу утверждал заместитель прокурора Красноярского края. Именно данное должностное лицо осуществляет надзор за деятельностью всех правоохранительных органов субъекта Российской Федерации, в том числе тех, которым прокурор хочет поручить проверку. Ведь органы не пойдут против воли прокурора, а его воля направлена на обвинение детей в терроризме. Такая проверка будет проведена в одностороннем порядке, она не будет независимой и беспристрастной. Очень много лиц со стороны обвинения заинтересовано в том, чтобы несовершеннолетние были наказаны. Прошу проверку организовать в другом субъекте Российской Федерации.

Напомню, что к стороне обвинения относятся и следователи с их начальниками, и сотрудники полиции, и оперативные сотрудники ФСБ. Во всех этих правоохранительных органах царит так называемая «палочная система» — неформальное название системы статистической оценки деятельности подразделений правоохранительных органов. Название системы происходит от «палок» — штрихов для подсчета в бланках текущей отчетности, обозначающих завершённые дела, раскрытые преступления, составленные протоколы и т. п. Отслеживание показателей производится в динамике, в сравнении с аналогичными периодами предыдущего года (АППГ).

По данным общественной палаты России на 2012 год, «палочная система» являлась проблемой МВД, так как подобный метод оценки снижает значимость защиты прав и свобод граждан и не стимулирует сотрудников правоохранительной системы на внимательное отношение к жалобам потерпевших и к запросам общества.

Ключевой показатель, по которому оценивается работа правоохранительных органов, — доля раскрытых преступлений.

Коллега-адвокат К. С. Добиков в статье «„Палки“ в колесах правосудия»⁴⁶ журнала «Уголовный процесс» приводит следующие факты:

«Не особенно утруждая себя расследованием, стражи закона стремятся как можно быстрее «выбить» из подозреваемого признание или явку с повинной. Это облегчает дальнейшую работу по формированию новой «палки» в нужный отчет, но при этом может спровоцировать на служебные нарушения. Адвокатам не раз приходилось сталкиваться с тем, что сотрудники правоохранительных органов пускали в ход и сомнительные доказательства, и даже откровенные фальсификации. Такие методы диктуются непосредственно «палочной» системой, порождающей круговую поруку. Ради «палки», к примеру, следствие может придать доказательствам нужную форму, затем прокуратура все это поддержит, а суд — утвердит.^[1] Бывало, что в погоне за статистикой преступления могут «придумать» на пустом месте, отталкиваясь от формальных признаков».

⁴⁶ <https://www.ugpr.ru/article/1754-palki-v-kolesah-pravosudiya>

Кроме того, вспомним, что мне пояснила педагог Ольга Трубчик по поводу дачи ей объяснений «независимому» следователю, проводившему проверку по инициативе прокурора:

— Я не говорила следователю, что перед опросом Андрееву разъяснились права. Права Богдану не разъяснились. Я не говорила, что Андреев охотно давал показания. Я не говорила, что Андреев выражал готовность сотрудничать. Наоборот, я утверждала, что органы всячески показывали, что Андреев должен «сотрудничать» и это в его интересах. То, что я сообщила следователю, не зафиксировано. Например, не указано в объяснении, что Богдана допрашивали несколько часов, и в этом выражалось давление на ребенка.

Такие проверки призваны только усилить позицию стороны обвинения, направлены не на установление действительных обстоятельств, а на опровержение доводов защиты.

6. *«Выводы экспертов, проводивших взрывотехнические экспертизы №№ 67-В, 70-В, 71-В, 72-В от 26, 30 июня, 3 и 8 июля 2020 года соответственно, в полной мере согласуются с показаниями Николаенко от 8, 10 июня 2020 года и Андреева от 8 июня 2020 года, данными ими в ходе предварительного следствия и оглашенными в судебном заседании, а также показаниями названных подсудимых, данными ими в ходе проверки показаний на месте 9 июня 2020 года. Из названных показаний следует, что подсудимые в период времени с марта по 2 июня 2020 года неоднократно изготавливали взрывчатые вещества „КИСА“ и „АММО-КИСА“, на их основе СВУ, а также зажигательную смесь „коктейль Молотова“. Согласуются выводы экспертов и с информацией, полученной в ходе осмотров мобильных телефонов, принадлежащих подсудимым, а именно с обнаруженными в них видеозаписями испытаний созданных ими взрывчатых веществ и СВУ.*

При этом, вопреки доводам защиты, взрывотехнические экспертизы произведены компетентными экспертами с соблюдением требований уголовно-процессуального закона, Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», выводы экспертов научно аргументированы и содержат необходимые обоснования.

Как показали в суде эксперты Попов и Чуров, при проведении экспертиз им было достаточно предоставленного органом следствия материала.

При таких данных суд считает заключения экспертов допустимыми доказательствами, полученными при отсутствии нарушений закона. Не влияет на этот вывод суда и то обстоятельство, что подписи эксперта Попова в выводах экспертиз №№ 67-В, 70-В и 71-В появились после ознакомления сторон с указанными заключениями, поскольку в исследовательских частях этих заключений данный эксперт подписал свою часть заключения, что в полной мере соответствует требованиям ст. 201 УПК РФ».

Правильно подметил суд, что «выводы экспертов, проводивших взрывотехнические экспертизы, в полной мере согласуются с показаниями Николаенко и Андреева». Для того они и были назначены и проведены, чтобы порочные, незаконно полученные показания продублировать и оценить в так называемых заключениях взрывотехнических экспертиз. Оценивать показания должны не эксперты, а, в силу ст. 87 УПК РФ, прокурор и суд путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле. Да и сами протоколы экспертам для исследования не были предоставлены, на что я обращал внимание.

Нельзя согласиться с тем, что «выводы экспертов научно аргументированы и содержат необходимые обоснования». Эксперты при проведении исследований не использовали методик в области взрывотехнического дела. Ни один объект, изъятый в ходе осмотров мест происшествий, для экспертизы не представлялся, а эксперты, имея на то полномочия, не истребовали ни один объект для всестороннего и объективного исследования. Не приведен ни один источник специализированной литературы, которой пользовались эксперты. Это указывает на невозможность проверить обоснованность их выводов.

Суд пытается убедить участников процесса, что экспертизы проведены с соблюдением требований Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Сторону защиты суд не убедил. Экспертами нарушена ст. 8 этого закона, согласно которой эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

В качестве контрдовода против критики заключений суд сослался на экспертов Попова и Чурова, «которые показали, что при проведении экспертиз им было достаточно предоставленного органом следствия материала».

В то же время эксперт Чуров на мой вопрос ответил так:

— *Почему вы на вопрос прокурора делаете вывод, что желательно все-таки вам получить объекты для проведения взрывотехнических исследований?*

— *Желательно видеть непосредственно объект вживую. Конечно, объекты лучше вживую и непосредственно исследовать.*

Остается тайной, почему следствие, изъяв десятки разных объектов с мест испытаний и экспериментов детей, ни один из них не предоставило экспертам.

Суд, защищая заключения экспертов, утверждает, что «на допустимость экспертиз не влияет то обстоятельство, что подписи эксперта Попова в выводах экспертиз появились после ознакомления сторон с указанными заключениями, поскольку в исследовательских частях этих заключений эксперт подписал свою часть заключения, что в полной мере соответствует требованиям ст. 201 УПК РФ».

Что этим хочет сказать нам суд? Если эксперт подписал свою исследовательскую часть заключения, то может не подписывать ту его часть, которая именуется «выводами». Такое рассуждение суда в корне неверно. Эксперт обязан подписать и исследовательскую часть заключения, и формулировку выводов по поставленным вопросам.

Согласно ст. 25 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» заключение эксперта состоит из вводной части, в которой должны быть отражены время и место производства судебной экспертизы; основания производства судебной экспертизы; сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу; сведения о государственном судебно-экспертном учреждении, об эксперте, которым поручено производство судебной экспертизы; предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения; вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов; объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы. Далее идет исследовательская часть, которая включает в себя содержание и результаты исследований с указанием примененных методов (которые в экспертизе не приведены), оценку результатов исследований. Заканчивается заключение формулировкой выводов по поставленным вопросам. Каждая из трех частей должна быть подписана, чтобы заключение в целом могло считаться допустимым доказательством.

Подписание только исследовательской части делает недопустимым доказательством заключение эксперта. Следователь это прекрасно понимал, получив неподписанное заключение. Поэтому, как пояснил эксперт Попов, после окончания производства экспертизы и передачи её следователю последний попросил доподписать заключения, то есть проставить подписи в разделе «Выводы», что Попов и сделал. Так и «подчищают» уголовные дела.

7. *«Несостоятельны и доводы защиты о необоснованности и недостоверности как доказательства заключения экспертов от 9 ноября 2020 года, проводивших комплексную психолого-лингвистическую судебную экспертизу переписки подсудимых в мессенджере “Telegram” и в социальной сети „ВКонтакте“, поскольку указанная судебная экспертиза проведена компетентными экспертами с соблюдением требований уголовно-процессуального закона, Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», выводы экспертов научно аргументированы и содержат необходимые обоснования. При этом суд принимает во внимание данные о наличии у экспертов Кипчатовой и Маланчук соответствующего образования, значительного стажа и опыта работы в проведении психолого-лингвистических исследований».*

Как же скучно это читать: никакой конкретики, одни общие фразы. Выше я показывал, что выводы экспертов не только научно не аргументированы, но и не сделаны вопреки очевидным фактам и правилам человеческой логики. Итак, повторим.

Согласно заключению комиссии экспертов, которая провела комплексную психолого-лингвистическую экспертизу, Никита Тыгдымский (Упоров) в социальной сети «ВКонтакте» 6 апреля 2020 года в 2:16 пригласил Андреева поиграть в игру “Minecraft” по сети, написав: «Богдан, го завтра в майн со мной, Денисом и Илюхой». Денис Летов (Николаенко) согласился на предложение Упорова, написав в 2:16: «АОащаш Круто».

В 2:17 Андреев предложил установить модификацию на эту игру, которая добавляет в нее взрывчатку. Предложил сделать это в шутку: «Установим мод на много ВЗРЫВЧАТКИ)))))) О)О)))))). Свое шутивное предложение Андреев подтвердил в 2:17 словесно: «Я шуткую, естестна». На шутку Андреева отреагировал Николаенко: «План как взорвать МВД».

Предложение смоделировать в игре “Minecraft” «план, как взорвать МВД» Андреев не поддержал, вернулся к своему предложению привнести в игру модификации: «Но с модами было бы крута». Николаенко с таким предложением Андреева согласился: «Ага».

В заключении комиссии экспертов № К-371/пл от 9 ноября 2020 года содержатся следующие выводы, которые противоречат вышеприведенной дословной переписке между обвиняемыми: «Иван Исяев и Денис Летов в контексте темы компьютерной игры обсуждают ситуацию подрыва здания МВД. Денис Летов предлагает «план взорвать МВД», транслирует интерес к этой теме, Иван Исяев сообщает о возможности смоделировать эту ситуацию в игре “Minecraft”. Эксперты, делая такой вывод, исказили существо переписки, придали ей иной смысл.

Из буквального прочтения переписки ясно, что участники не обсуждали тему подрыва здания МВД, как о том пишут эксперты. Слова Николаенко «план как взорвать МВД» как реакцию на шутку Андреева, подкрепленную символическими обозначениями шутки в виде многократно повторяющихся скобок и прямым словесным указанием на это «я шуткую, естестна», никто не поддержал, никто не обсуждал.

Эксперты привели в этой части не всю переписку между участниками, сознательно исключив из своего анализа слова Андреева о том, что он шутит. После такого искажения смысла переписки детей доводы суда о том, что «у экспертов имеется образование, значительный стаж и опыт работы в проведении психолого-лингвистических исследований», кажутся нелепыми.

8. *«Несостоятельными находит суд и заявления стороны защиты о незаконном изъятии мобильного телефона “Samsung Galaxy A8”, принадлежащего Николаенко, мобильного телефона “Samsung Galaxy A51” и системного блока персонального компьютера модели “DEXP JUPITER”, принадлежащих Упорову, мобильного телефона “Redmi note 8 Pro Xiaomi”, поскольку они были изъяты в ходе смотров в помещениях, где указанные подсудимые проживали, с согласия законных представителей — матерей несовершеннолетних Николаенко, Упорова и Андреева. При этом суд учитывает, что осмотры мест происшествия прове-*

дены в условиях, не терпящих отлагательства, уполномоченным должностным лицом в присутствии собственников квартир, не заявлявших как в ходе следственных действий, так и по их окончании о каких-либо нарушениях при их производстве, с соблюдением положений ст. 177 УПК РФ и оформлением протоколов в соответствии со ст. 166 УПК РФ. Вышеизложенное указывает на то, что обнаружение и изъятие названных технических средств и закрепление их в качестве доказательств произведено надлежащим образом. При этом утверждение стороны защиты о том, что указанный выше системный блок и принадлежащий Андрееву мобильный телефон не отвечают требованиям допустимости доказательств из-за их ненадлежащей упаковки при изъятии, законность следственных действий под сомнение не ставит. Приходя к такому выводу, суд исходит из того, что согласно заключению эксперта от 19 ноября 2021 года № 214, проводившего судебную компьютерно-техническую экспертизу, инкриминируемые подсудимым материалы и видеофайлы были загружены в системный блок персонального компьютера "DEXP JUPITER" и мобильный телефон "Redmi note 8 Pro Xiaomi" задолго до их изъятия сотрудниками правоохранительных органов, в связи с чем допущенное при проведении следственных действий нарушение требований ч. 3 ст. 177 УПК РФ не может быть признано существенным и влекущим за собой необходимость признания этих протоколов следственных действий недопустимыми доказательствами».

Суд указывает, что телефоны ребят были изъяты в ходе осмотров мест происшествий. С таким выводом согласиться нельзя: и несовершеннолетние осужденные, и два свидетеля Александр и Лапшин однозначно подтвердили, что у всех них телефоны были изъяты сразу же при задержании на площади города Канска. Поэтому последующее изъятие телефонов якобы в ходе следственных действий есть прямая фикция законности.

Суд признает, что телефоны и системный блок компьютера были изъяты с нарушениями закона, однако не признает такие нарушения существенными. Категории «существенного» и «несущественного» нарушения закона введены судом для оправдания противоправных действий сотрудников правоохранительных органов. Если по субъективной оценке суда нарушение является несущественным, значит, его и не было, тогда и санкций в виде признания доказательств недопустимыми к стороне обвинения применять не стоит. Вот такая уловка и спасает сторону обвинения от окончательного поражения в суде. Почему я считаю такую словесную конструкцию уловкой? Да потому, что закон однозначен: нарушение норм кодекса судом, прокурором, следователем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств (ч. 3 ст. 7 УПК РФ).

Так ли несущественны допущенные нарушения? Существенны! На изъятом жестком диске от старого компьютера Никиты появилось то, чего там в принципе не могло быть — разные файлы с видеозаписями. Старый компьютер не работал долгое время, им не пользовались, но записи, которые прокурор исследовал, откуда-то взялись. В судебной экспертизе по этому поводу, о которой просила защита, чтобы выяснить судьбу непонятно откуда взявшихся файлов, суд отказал. Также в неупакованный телефон Богдана был незаконно закачан файл, что я доказал с помощью компьютерно-технической экспертизы.

9. «Оформление факта изъятия у Унорова мобильного телефона "Samsung Galaxy A51" протоколом изъятия также не может быть расценено как существенное нарушение требований уголовно-процессуального законодательства, влекущее признание его недопустимым доказательством».

Суд использует уже известный нам прием снижения стандарта законности. Укрепляя вертикаль власти, мы как-то забыли про утверждение горизонтали законности, что, на самом деле, важнее.

10. *«Допустимым доказательством является и протокол обыска от 8 июня 2020 года с участием Андреева. Вопреки доводам стороны защиты, в нем описаны процессуальные действия в том порядке, в котором они производились, а также изложены заявления участвовавшего в этом следственном действии Андреева, что в полной мере соответствует требованиям ч. 4 ст. 166 УПК РФ».*

Здесь суд снова схитрил. Сейчас я покажу эту хитрость. Я никогда не просил признать недопустимым доказательством протокол обыска в целом — я требовал не принимать во внимание показания Богдана, которые он давал в ходе этого следственного действия. Как видно из протокола, следователь задает вопросы, связанные с обстоятельствами дела, Богдан на них отвечает. Прокурор ссылается на такие квазипоказания (фальшивые, недопустимые показания, полученные в нарушение закона) Андреева как на доказательства его вины.

Извините, но ведь права, в частности, право не свидетельствовать против себя, перед таким допросом следователь не разъяснял. Любые показания можно использовать только тогда, когда допрашиваемому будут разъяснены права. Никаких изъятий и исключений закон не предусматривает.

Цитирую суд дальше: «В протоколе изложены заявления Андреева, что в полной мере соответствует требованиям ч. 4 ст. 166 УПК РФ». Действительно, согласно этой статье в протоколе излагаются заявления лиц, участвовавших в следственном действии. Суд приравнял показания несовершеннолетнего по обстоятельствам уголовного дела к заявлениям, подменив одно понятие другим.

В конце каждого протокола имеется графа, так и поименованная: «заявления». Если у участника следственного действия будет какая-то просьба к следователю, ходатайство, то она и отражается письменно в этой графе. Следователь рассматривает поступившее ходатайство непосредственно после его заявления. В случаях, когда немедленное принятие решения по ходатайству, заявленному в ходе предварительного расследования, невозможно, оно разрешается не позднее трех суток со дня его заявления, что предусмотрено ст. 121 УПК РФ. Следователь выносит постановление об удовлетворении ходатайства либо о полном или частичном отказе в его удовлетворении.

В нашем случае в графе «заявления» протокола обыска сделана запись «не поступили». Никакого постановления об удовлетворении заявления либо о полном или частичном отказе в его удовлетворении следователь не выносил.

Наоборот, Богдан рассказывал об обстоятельствах, которые в дальнейшем ему были вменены в обвинении, что дает полное право квалифицировать его пояснения в ходе обыска как показания подозреваемого, но не заявления участника следственного действия.

11. *«Протоколы осмотров мест происшествий от 9 июня 2020 года соответствуют требованиям ст. 177 и 166 УПК РФ, поскольку в ходе проводившейся проверки показаний на месте с участием Андреева объявлялись перерывы и осматривались указанные им места испытаний взрывчатых веществ, СВУ и зажигательных смесей, что не противоречит требованиям уголовно-процессуального законодательства».*

Действительно, во время проверки показаний Богдана следователь с его участием провел еще три осмотра места происшествия. С точки зрения процессуальной регламентации проверка показаний на месте, как и любое другое следственное действие, имеет свои специфические задачи, цели и конкретные операции, методы, средства, существенным образом отличающие его от других следственных действий.

Проверка показаний на месте «не в состоянии заменить полноценно проведенный осмотр места происшествия», а «осмотр места происшествия также не может полноценно заменить проверку показаний на месте, что свидетельствует о взаимной незаменимости каждого из этих следственных действий»⁴⁷.

Сущность осмотра места происшествия состоит в том, что информация об обстоятельствах события поступает и фиксируется непосредственно самим следователем без какого-либо постороннего вмешательства со стороны третьих лиц. В процессе же проверки показаний на месте поиск интересующих следователя следов производится уже со слов ранее допрошенного лица, которое обращает внимание следователя на предметы и иные обстоятельства происшедшего события, ранее оставшиеся без внимания следователя при проведении им осмотра места происшествия. Здесь следователь выступает как наблюдатель за действиями этого лица, поскольку из его действий можно получить ценную информацию, позволяющую воссоздать целостную картину преступления⁴⁸.

Как видно, проверка показаний на месте и осмотр места происшествия — разные следственные действия. УПК РФ не предусматривает одновременное проведение одним и тем же следователем различных следственных действий с составлением отдельных протоколов, даже если одно из следственных действий приостановлено. УПК РФ не предусматривает приостановление одного следственного действия, проведение другого, затем возобновление предыдущего, поскольку изложенные незаконные действия следователя будут противоречить ст. 166 УПК РФ.

Тем более, если участвующим лицом является несовершеннолетний. Глава 50 УПК РФ, регулирующая производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, не содержит норм, позволяющих проведение с участием несовершеннолетних одновременно различных следственных действий. С 15:40 по 19:05 Богдан, чьи показания проверялись, одновременно участвовал в осмотрах места происшествия, что не только является нарушением УПК РФ, но и стало дополнительной нагрузкой на психику ребенка, который с утра и по ночное время включительно три дня подряд с 6 по 8 июня 2020 г. участвовал в следственных действиях. Как пояснил ребенок, он «устал, был измотан».

12. *«Являются допустимыми доказательствами и показания несовершеннолетних свидетелей Гузенкова и Зацепина, данные ими в ходе предварительного следствия в присутствии законных представителей и педагога. Не влияет на этот вывод ссылка защитника Илькова на биллинг телефонного номера, принадлежащего педагогу Курочкиной, поскольку из показаний последней она присутствовала при допросах несовершеннолетних свидетелей Гузенкова и Зацепина, а в период названных следственных действий ее телефоном могли пользоваться члены семьи. Не опровергают этот факт и показания Зацепиной и Гузенкова — законных представителей несовершеннолетних свидетелей. Кроме того, названные свидетели подтвердили свои показания и в ходе судебного заседания».*

Оказывается, педагог Курочкина все-таки присутствовала при допросе несовершеннолетних свидетелей, несмотря на то, что ее телефон во время допроса детей был активен на расстоянии многих километров от места проведения допроса. Суду для такого, мягко говоря, странного вывода было достаточно слов Курочкиной о своем присутствии на допросах. И суд поверил ей. Почему же тогда, когда ребята заявляли, что не хотели совершать теракт, суд им не поверил? Какое-то выборочное у суда доверие!

⁴⁷ Соловьев А. Б. Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания: Научно-методическое пособие. — М., 2006. С. 105–106.

⁴⁸ Давыдов М. В. К вопросу о соотношении проверки показаний на месте и смежных с ней следственных действий (на примере следственного эксперимента и осмотра места происшествия) // Российский следователь. 2009. № 21. С. 2–3.

Адвокат Владимир Ильков задал педагогу вопросы:

— *Во время допросов детей у вас с собой был телефон?*

— *Да, был.*

— *Можете назвать номер телефона, которым пользовались на тот момент?*

Свидетель продиктовала номер телефона, подтвердив, что и СИМ-карта зарегистрирована на нее. Получив ответы, адвокат заявил ходатайство о биллинге сотового телефона, который принадлежит свидетелю Курочкиной. Биллинг телефона был получен, с помощью него мы доказали, что Курочкиной и близко не было к месту допроса подростков.

Еще суд допросил специалиста Ирину Педешеву, которая подробно разъяснила сведения по биллингу телефона свидетеля Курочкиной: устройство во время допросов несовершеннолетних обслуживалось базовыми станциями, которые находятся за многие километры от места допроса.

Довод суда о том, что «ее телефоном могли пользоваться члены семьи во время допросов» просто не выдерживает критики — не пристало суду так помогать лжесвидетелю, который категорично заявил, что «телефон был с собой».

Напомню, что сами опрашиваемые дети (Илья Гузенков, Степан Зацепин) в суде безапелляционно заявили, что их допрашивал следователь без участия педагога. Папа, как законный представитель Ильи, подтвердил, что педагог следователем для допроса его сына не приглашался:

— *Был только я, мой сын и следователь. Если бы был четвертый человек, то я бы его увидел.*

— *Вы категорически утверждаете, что вас в кабинете было трое, или вы допускаете, что кто-то мог находиться в кабинете?*

— *Я педагога не видел.*

Суд пишет: «Не опровергают этот факт и показания Зацепиной и Гузенкова — законных представителей несовершеннолетних свидетелей. Кроме того, названные свидетели подтвердили свои показания и в ходе судебного заседания».

Переведу на понятный русский язык (многие приговоры приходится делать доступными путем их своеобразной «дешифровки»): показания мамы ребенка Зацепиной и папы ребенка Гузенкова, которые они дали в ходе следствия и в суде, не опровергают нахождение педагога Курочкиной на допросе несовершеннолетних.

Я снова прошу прощения, но из протокола судебного заседания четко следует: дети и их родители однозначно говорили, что педагога не было. После многократных вопросов суда ни подростки, ни их законные представители своих показаний не изменили, отстаивали правду, даже если эта правда кого-то не устраивала.

После четырех свидетельских показаний, показаний специалиста, исследования биллинга телефона Курочкиной суд стоит на своем: была педагог на допросах. Не признавая очевидные факты, суд делает очевидной незаконность приговора.

13. *«Имеющиеся в материалах уголовного дела явки с повинной Андреева и Николаенко не могут быть призваны судом в качестве доказательств, поскольку в нарушение п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ даны указанными лицами в отсутствие защитников и не подтверждены в суде».*

Спасибо суду и на этом! Суд вынужден был признать явки с повинной недопустимыми доказательствами под грузом многочисленных нарушений в условиях, при которых невозможно не признать доказательства недопустимыми и не исключить их из обвинительного приговора.

Глава 10. Обжалование приговора. Безапелляционный военный суд

Всеми подростками, их адвокатами и мамами единогласно было принято решение об обжаловании. Мы подали апелляционные жалобы, в которых максимально конкретно, без «воды», предельно четко зафиксировали все существенные нарушения, допущенные оперативными сотрудниками ФСБ, следователями и судом, постановившим приговор. Мы были искренни в своих последовательных намерениях добиться оправдания мальчишек. Мы были профессиональны в составлении наших жалоб.

Единственное эмоциональное отступление позволила себе мама Никиты, указав в апелляционной жалобе среди многочисленных доводов в защиту выпад, говорящий о многом: «Скоро будет уже два года, как я разочаровалась в работе правоохранительных органов, но до последнего надеялась на справедливость суда. И вот теперь мои надежды разрушила судебная система». Так, согласно мониторингу отношения россиян к судебной системе в стране, проведенному в 2020 году АНО «Независимый исследовательский центр», не доверяют судам более 70% опрошенных.

На поданные стороной защиты апелляционные жалобы прокурор принес возражения на четырех листах. Возражения эти являются типичными, поэтому я решил остановиться на них особо. Мы знаем, что сторона в процессе приводят свои доводы и аргументы. Как говорится, каждая сторона должна доказать то, что утверждает, и возражения также должны быть предельно доказательными.

В своих возражениях прокурор довольно подробно привел все доводы защиты. Как же прокурор их опроверг? В свойственной ему манере: указав, что «квалификация⁴⁹ нашла свое полное подтверждение в ходе судебного следствия». Эта формальная фраза кочует из одного прокурорского возражения в другое. Таким тезисом, якобы имеющим магическую силу, прокуроры освобождают себя от бремени тщательного опровержения доводов стороны защиты.

«Каких-либо новых обстоятельств в апелляционных жалобах не указано, — пишет прокурор. — Судом в приговоре дана полная мотивированная оценка всем доводам стороны защиты». Прокурор, отстаивая, по его мнению, законность приговора, просто ссылается на верность выводов, сделанных судом. Недостаточно сослаться на правильность судебной мотивировки — прокурор обязан доказать всем представителям сторон (а ведь они получают копии не только жалоб, но и возражений прокурора) вне разумных сомнений то, что судебному акту необходимо доверять, что он не содержит существенных изъянов, которые делают приговор неправосудным. Прокуроры не утруждают себя такими разъяснениями: направляют в суд дежурные возражения, которые на самом деле никакого значения не имеют, не помогают спасти слабый приговор, не усиливают позицию стороны обвинения и не придают весомости судебской аргументации.

⁴⁹ Точная уголовно-правовая оценка конкретного общественно опасного деяния.

Прокурор не только возражал против доводов стороны защиты, но и подал свою жалобу, которая, согласно требованиям УПК РФ, поименована как представление (акт реагирования прокурора на судебное решение). Обвинитель посчитал, что наказание Никите Упорову чрезмерно мягкое, просил усилить его и назначить 9 лет лишения свободы вместо пяти. Да, в народе высмеивают излишнюю злость прокурора, его желание сурово наказать во что бы то ни стало. В нашем деле свои наихудшие качества прокурор проявил в полной мере. Наказание Никите Упорову в виде реального лишения свободы сроком на 5 лет и так в российском обществе не было воспринято как справедливое. Прокурор же стремился усилить наказание ребенку почти в два раза — и это тоже системная болезнь прокурорской системы, которая по причине своей негибкости не чувствует того предела, за которым вид и размер наказания становятся чрезмерно суровыми, не соответствующими ни личности осужденного, ни степени общественной опасности преступления, ни характеру совершенного деяния.

После приговора я ознакомился с протоколом судебного заседания. Весь протокол, который в целом верно отражал ход судебного разбирательства, состоял из более чем тысячи листов. Я принес замечания на протокол. Расскажу об одном из замечаний, которое свидетельствует о подыгрывании суда ФСБ.

Так, на л. 29 протокола судебного заседания содержится мой вопрос, заданный оперативному сотруднику ФСБ Равнодушному: «Мой подзащитный говорит, что всё-таки вы задавали ему вопросы и принимали участие при опросе. Что можете пояснить?». Равнодушный ответил: «Они вправе говорить всё, что они хотят, а я говорю то, что я хочу и считаю нужным, то есть как оно на самом деле».

Однако в действительности на мой вопрос свидетель Равнодушный ответил: «Я говорю, как я хочу!», на что я возразил: «Надо говорить так, как было на самом деле». Просил замечания на протокол удостоверить.

Постановлением судьи от 25 февраля 2022 года мои замечания на протокол судебного заседания отклонены с мотивировкой «в протоколе полно и правильно отражены все действия председательствующего и состава суда, участников процесса, содержание задаваемых вопросов и полученных на них ответов». Действительно, в соответствии со ст. 260 УПК РФ в течение трех суток со дня ознакомления с протоколом и аудиозаписью судебного заседания стороны могут подать на них замечания — здесь сложностей нет. Проблема состоит в другом: замечания на протокол рассматриваются исключительно председательствующим, то есть тем судьей, который рассматривал дело, подписывал протокол, и протоколом которого вы недовольны. По результатам рассмотрения замечаний на протокол, аудиозапись председательствующий выносит постановление об удостоверении их правильности либо об их отклонении. Думаю, не надо объяснять, какое постановление в подавляющем числе случаев вынесет судья.

Никита был взят под стражу в зале суда сразу же после провозглашения приговора 10 февраля 2022 года и помещен повторно в СИЗО, откуда его в апреле 2021 года освободил Красноярский краевой суд.

Нового суда ждали с нетерпением все, особенно мамы, ошарашенные несправедливостью, сильнее прочих — мама Никиты, убитая горем от вопиющей, чрезмерной суровости приговора в отношении ее единственного сына.

Долгожданная дата была назначена: 16 мая 2022 года. Мы вместе с адвокатом Владимиром Васиным прибыли в закрытое административно-территориальное образование (ЗАТО) посёлок городского типа Власиха, что в Московской области. Именно здесь располагается штаб Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). РВСН — это войска постоянной боевой готовности, предназначенные для ядерного сдерживания возможной агрессии и поражения в составе стратегических ядерных сил или самостоятельно массированными, групповыми или одиночными ракетно-ядерными ударами стратегических объектов, находящихся на одном

или нескольких стратегических направлениях и составляющих основу военных и военно-экономических потенциалов противника. На основном вооружении РВСН состоят все российские наземные межконтинентальные баллистические ракеты мобильного и шахтного базирования с ядерными боеголовками.

И именно здесь дислоцируется Апелляционный военный суд, который, как мы надеялись, разберется в деле и устранил допущенные нарушения, прикрытые крайне слабой аргументацией суда первой инстанции. Рядом находится музей РВСН, который располагает богатейшим собранием экспонатов и документов, рассказывающих об этапах создания, становления и развития этого рода войск. Часть экспонатов находились этажом ниже. Я, конечно, посетил выставку и был поражен историей, мощью и военным потенциалом РВСН.

На контрольно-пропускном пункте нас встретила святая Варвара, точнее, герб, на котором она, являющаяся покровительницей артиллеристов, была изображена. Память великомученицы Варвары — святой, принявшей смерть за учение Христа в IV веке — празднуется 17 декабря. Президент России 10 декабря 1995 года подписал указ № 1239 об установлении Дня Ракетных войск стратегического назначения 17 декабря. Совпадение этих дат привело к тому, что небесной покровительницей РВСН стала святая Варвара.

В тот же день по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II епископ Красногорский Савва (декан факультета православной культуры Военной академии РВСН им. Петра Великого) совершил чин освящения закладного камня будущего храма преподобного Ильи Муромца с приделом⁵⁰ в честь великомученицы Варвары. В том же году во Власихе побывал Святейший Патриарх Алексий II, который передал ракетчикам икону святой великомученицы Варвары.

Изображение святой Варвары ныне есть на каждом командном пункте всех ракетных дивизий России. Приведу официальный текст, описывающий удивительный по красоте герб: «В лазоревом поле — святая Варвара с золотыми волосами, в золотых же обуви и платье с длинными рукавами, под червлёным плащом, имеющая на голове и плечах серебряный платок; нимб золотой; в правой руке святая держит золотую башню с тремя сквозными окнами, левой опирается на золотой меч».

Башня в руках святой Варвары — один из ее атрибутов, употребляемый в иконографии. Башня — символ крепости, неприступности, уединения.

Символика меча многозначна:

— символ силы, власти, правосудия, мужества;

— меч, обращенный вниз острием, символизирует мирные устремления, предупреждение и сдерживание противника.

Золото — символ высшей ценности, величия, великодушия, богатства.

Серебро — символ чистоты, открытости, божественной мудрости.

Лазурь — символ чистого неба, символ возвышенных устремлений, искренности, преданности, возрождения.

Червлень (красный цвет) — символ силы, мужества, труда, красоты и праздника.

Нам выдали пропуск и мы вдвоем пошли в суд. Стоял теплый весенний день, все было зелено. Нас встречал огромный плакат «СВОИХ НЕ БРОСАЕМ» с известной буквой Z. Данный плакат я не удостою никаким описанием.

⁵⁰ Придел — пристройка к храму, специально выделенная часть основного здания для размещения дополнительного алтаря с престолом для богослужений.

В 10 утра зашли судьи, мы встали. Из осужденных участвовал только Никита Упоров с использованием системы видео-конференц-связи, требовал оправдательного приговора, находясь в застенках следственного изолятора в далекой от Москвы Сибири.

Если в суде первой инстанции мы работали 25 дней с утра и до вечера (не считаю 26-й день, когда был оглашен приговор), то в апелляционной инстанции все завершилось менее чем за два часа. Суд был абсолютно безэмоционален, вежливо нас выслушал и удалился на 40 минут в совещательную комнату. По скучающим лицам судей я понял, что хорошего нам ждать не приходится.

Пока суд совещался, мама общалась по видео с сыном. Сорок минут живого общения дорогого стоят. В слезах просила прощения, что не уберегла! Никита держался молодцом. Не дрогнул, не унижался, был стоек и непреклонен, отстаивая свою невиновность. На пацанов зла не держал. Уже смирился с назначенным ему сроком.

И оказался прав в своем спокойном принятии сурового тюремного пути. Суд вышел из совещательной комнаты и провозгласил, что оставляет приговор без изменений — это означало его вступление в законную силу в тот же день. Я без слов пожал руку коллеге и вечером уже был дома в Москве.

27 июня 2022 года я получил апелляционное определение. Изучив его, понял, что судебная коллегия по уголовным делам Апелляционного военного суда просто взяла за основу ошибочные и неполные выводы суда первой инстанции и построила на них свое определение. Горечь сожаления пронзила меня. В этот же день я сел за работу и к 6 утра следующих суток опроверг слабые доводы второй судебной коллегии.

1. «Суд создал сторонам необходимые условия для исполнения их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных прав, которыми они реально воспользовались. Сведений о том, что предварительное следствие и судебное разбирательство проводилось предвзято либо с обвинительным уклоном и что суд отдавал предпочтение какой-либо из сторон, из материалов дела не усматривается».

Хотелось бы поинтересоваться, а какими правами мы «реально воспользовались»?

Просил исключить из числа доказательств сотовый телефон “Samsung A51”, изъятый незаконно у Упорова ненадлежащим процессуальным способом, признать недопустимым доказательством протокол изъятия, как составленный с нарушением ст. 166, 167, 170 УПК РФ. Отказать.

Просил исключить из числа вещественных доказательств результаты оперативно-розыскной деятельности, как признанные таковыми в нарушение требований ст. 81 УПК РФ. Отказать.

Просил назначить психолого-лингвистическую экспертизу, чтобы выяснить, могли ли Андреев в силу своего возраста самостоятельно дать показания в качестве подозреваемого; возможно ли проведение допроса и составление его протокола с печатным текстом показаний от первого лица на 21 листе (с учетом разъяснения прав и ознакомления в виде прочтения данного текста подозреваемым и законным представителем) за 3 часа 5 минут. Отказать.

Просил признать недопустимым доказательством протокол допроса несовершеннолетнего подозреваемого Андреева, исключить его из числа доказательств. Отказать.

Просил провести следственный эксперимент, вызвав в судебное заседание следователя Бессовестную и предложив ей напечатать часть текста из протокола допроса несовершеннолетнего подозреваемого Андреева в целях определения средней скорости печати текста. Отказать.

Просил назначить психофизиологическую экспертизу с использованием полиграфа Андрееву. Отказать.

Просил признать недопустимым протокол проверки показаний Андреева на месте. Отказать.

Просил допросить понятого Петрова с предоставлением возможности просмотреть видеозапись, которой тот не воспользовался по вине следователя в ходе предварительного расследования, в целях выяснения стороной защиты вопросов о соответствии видеозаписи фактическим обстоятельствам следственного действия и протоколу проверки показаний на месте. Отказать.

Просил признать протоколы осмотров мест происшествий с участием Андреева, которые произведены в период проведения проверки его показаний на месте, недопустимыми доказательствами. Отказать.

Просил признать флэш-карты “QUMO 8 GB” и “Perfeo 32 GB”, системный блок “DEXP JUPITER”, изъятые у Упорова, недопустимыми доказательствами; признать протокол осмотра места происшествия в части изъятия неупакованного системного блока “DEXP JUPITER”, изъятия флэш-карт, которые упакованы в полимерный пакет, но не опечатаны, не заверены подписью следователя, в части неприменения технических средств фиксации хода и результатов следственного действия по обнаружению и изъятию флэш-карт, системного блока, недопустимым доказательством. Отказать.

Просил признать протокол обыска недопустимым доказательством в части воспроизведения объяснений Андреева. Отказать.

Просил назначить повторную взрывотехническую экспертизу, поручив ее проведение Федеральному бюджетному учреждению «Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации». Отказать.

Просил назначить повторную комплексную психолого-лингвистическую экспертизу. Отказать.

Просил признать сотовый телефон Андреева “Redmi Note 8 Pro Xiaomi” и протокол осмотра места происшествия в части изъятия неупакованного телефона недопустимыми доказательствами; истребовать у оператора сотовой связи детализацию и биллинг на абонентский номер, принадлежащий Андрееву; назначить дополнительную судебную компьютерно-техническую экспертизу, поставив перед экспертом вопросы: «имеются ли сведения о включении мобильного телефона с 19:30 6 июня 2020 года?», «был ли создан 7 июня 2020 года в телефоне Андреева файл 2_5222465054074472181.pdf?». Отказать.

Это называется «непредвзятое судебное разбирательство».

То, что аналогичные мои ходатайства не были рассмотрены в ходе следствия, что Дениса и Богдана допрашивали многие часы без перерывов, угрожали отправить в следственный изолятор, если не скажут так, «как надо следователю», теперь называется «отсутствием обвинительного уклона на предварительном следствии».

2. *«Содержание показаний подсудимых, свидетелей и других доказательств изложено в приговоре в соответствии с протоколом судебного заседания без каких-либо искажений».*

Как бы не так!

Суд не раскрыл содержание переписки ни в социальной сети «ВКонтакте», ни в чате мессенджера Telegram. Не привел ее ни в протоколе судебного заседания, ни в приговоре. Не отражена она и в апелляционном определении. Почему? Да потому, что из нее никак нельзя сделать вывод о реальности подготовки подростками теракта. Однако суды на нее ссылаются в обоснование состоятельности обвинений по ст. 205.3 УК РФ.

2.1. В приговоре суд указывает, что «свои показания Андреев подтвердил и уточнил при производстве проверки показаний на месте 9 июня 2020 года. Согласно протоколу следственного действия, Андреев сообщил о том, что в период с марта по 2 июня 2020 года проходил обучение в целях осуществления террористической деятельности, приобретая знания, практические умения и навыки при изучении правил обращения с взрывными устройствами, взрывчатыми веществами».

Обратимся к протоколу судебного заседания и видеозаписи проверки показаний Богдана на месте.

На вопрос следователя «вы добровольно в этом участвовали?» Андреев ответил: «Добровольно, мне интересны были эти опыты, как химику... это было в моих интересах».

Следователь спрашивает Андреева: «Вам было интересно?», Андреев отвечает: «Да, мне было интересно с точки зрения химика». Богдан последовательно поясняет, что его интерес состоит именно в проведении химических опытов, которые для него, как для интересующегося химией, представляют исключительно практический интерес.

На вопрос следователя «если бы вы узнали дату совершения теракта?» Андреев ответил: «Если бы я узнал дату, то сообщил бы в ФСБ, полицию, маме». Подросток прямо показал, что не преследовал цель совершения теракта, не желал приобретать навыки, знания для совершения теракта, не намеревался кому-либо причинить вред, ущерб. Наоборот, если бы ему стало известно о конкретных обстоятельствах совершения или подготовки к совершению теракта, он бы в обязательном порядке активно содействовал предотвращению преступления: «Если бы я узнал дату, то сообщил бы в ФСБ, полицию, маме».

Следовательно, свои вынужденно данные в статусе подозреваемого показания подросток не подтвердил, как ошибочно считает суд первой инстанции и как неверно ему вторит суд апелляционный.

2.2. Суд в приговоре продолжает искажать показания: «Допрошенные в судебном заседании свидетели Бутский и Петров, каждый в отдельности, показали, что 9 июня 2020 года в качестве понятых принимали участие при проверке показаний Андреева на месте. В ходе названного следственного действия Андреев самостоятельно и добровольно указывал места, где он, Упоров и Николаенко совместно изготавливали и испытывали ВВ и СВУ с целью получения навыков их использования для осуществления террористической деятельности. В ходе проведения данного мероприятия физического и морального воздействия на Андреева не оказывалось».

Для опровержения вывода суда о террористической цели Богдана обратимся к протоколу судебного заседания. Прокурор задала Петрову вопрос:

— *Сообщал ли Богдан, для чего он делал взрывчатые вещества?*

— *Да, несовершеннолетний сказал, что ему это было интересно, как химику.*

Для конкретизации ответа Петрова я задал ему уточняющий вопрос:

— *Вы сказали, что Богдану смешивание ингредиентов было интересно, как химику. Откуда вы это узнали?*

— *Богдан сам сказал про это.*

— *Вы можете вспомнить, что именно вам говорил несовершеннолетний?*

— *Он говорил, что ему были интересны эксперименты химические, что он не из злых побуждений все делал, он просто интересовался опытами.*

— *Богдан увлекался химией?*

— *Да, увлекался.*

— Откуда вам это известно?

— Со слов Богдана.

Такие ответы в совокупности с ответами других свидетелей, безусловно, показывают отсутствие у Богдана и других подростков умысла на совершение теракта в будущем, в чем их незаконно обвиняли.

Опровергнуть суждение суда об «отсутствии морального воздействия на Андреева» нам поможет второй понятой Бутский:

— Когда Богдан давал свои показания, объяснения, было ли видно, что ребенок нервничает?

— Да, он переживал, паниковал.

— Как Богдан отвечал на вопросы?

— Отвечал Богдан боязно, у него тряслись руки.

— Были ли признаки заученности текста у Андреева или он все рассказывал самостоятельно?

— Богдан давал показания под давлением, потому что если бы он самостоятельно давал показания, то не дрожал бы и не боялся.

— То есть вы полагаете, что ребенок давал показания под давлением?

— Да, под давлением.

— Так все-таки, он рассказывал все самостоятельно?

— Богдан боялся. У него был страх. Богдан дрожал.

Помните фразу мамы Дениса Николаенко «Наши протоколы переписывались несколько раз. В конце прозвучала такая фраза, я ее запомнила: „Вот теперь начальство устраивает“»? Да, начальство устроило показания Богдана и Дениса, в которых они обвинили себя и Никиту в том, что проходили обучение в целях совершения теракта. Как сами ребята признались в суде, им угрожали, требовали дать именно такие показания, которые бы «устроили начальство».

Подростки все же говорили правду, и у нас есть тому доказательства. Они ее говорили изначально, в день задержания, точнее, с 6 июня по ночь 7 июня. Тогда еще ни следователи полиции, ни оперативные сотрудники ФСБ не связывались со своим начальством, не получали от него «ценные указания». Не угрожали детям. Все первичные объяснения находятся у меня на руках. Я сейчас их процитирую, чтобы у вас, уважаемый читатель, возникла целостная картина тех значимых событий, которые являются предметом нашего исследования. Итак, объяснения Дениса:

— Мной создала беседа в социальной сети «ВКонтакте», в которой состояли Никита, Богдан, Александр, Лапшин. Мы обсуждали идеи анархизма. Никита скидывал ролики по созданию самодельных взрывных устройств, но цель создания таких устройств мне не известна. Никита предложил расклеивать листовки, в которых разъяснялась идея анархизма для привлечения единомышленников в наши ряды.

Объяснения Никиты:

— Идеями анархизма увлекаюсь с 13 лет. Я начал обращать внимание на несправедливость в нашем обществе, коррупцию. Я сторонник свободы и равенства всех людей. Я хотел способствовать созданию более человеческого общества. Денис создал беседу в социальной сети «ВКонтакте», куда добавил и меня. Я сюда выкладывал статьи о деятельности анархистского движения, ролики по созданию самодельных взрывных устройств в связи с тем, что мы увлекались пиротехникой. Тактику использования этих устройств мы не изучали.

Нас интересовал только процесс создания. Затем я с Богданом и Денисом начал расклеивать листовки о целях анархистского движения. Я против терроризма. Я считаю, что мир не черно-белый, поэтому взрывать здание ФСБ не стал бы.

Объяснения Богдана:

— Мое знакомство с идеями анархизма началось с прочтения книги Петра Крапоткина «Хлеб и воля». Я проникся идеей анархизма, что подразумевает под собой отсутствие власти человека над человеком. Позже я познакомился с Денисом и Никитой, мы стали общаться в социальной сети «ВКонтакте». Я писал, что хочу изготовить ракету на топливе. Я интересуюсь химией, сидел на форуме пиротехников, где описывалось создание ракетного топлива, черного пороха, фейерверков. Затем Никита предложил нам расклеивать листовки в поддержку анархистов. Я согласился. Мы расклеивали листовки с надписью «Свободу политзаключенным». Я хотел публично довести до людей, что в России есть политические заключенные и что это плохо.

2.3. Суд в приговоре указывает, что «Упоров сообщил Подольскому о намерении совершить террористический акт путем подрыва здания ФСБ». Обратимся к протоколу:

— Говорил ли вам однозначно Никита, что хотел подорвать здание МВД, сообщал ли о своей цели?

— Нет, не говорил.

— Скажите, ранее вы пояснили, что Упоров Никита изготавливал взрывчатые вещества для подрыва здания МВД, для диверсий. Это ваше мнение или Никита вам об этом лично говорил?

— Нет, не говорил. Я сам сделал такой вывод.

Личное умозаключение свидетеля суд выдает за «намерение Никиты совершить террористический акт путем подрыва здания ФСБ». Из песни слов не выкинешь, равно как и из протокола судебного заседания невозможно вычеркнуть то, что в нем записано черным по белому.

2.4. В приговоре написано: «Александр спрашивал у ребят, что они готовят или собираются сделать, последние отвечали, что готовят диверсию».

Снова якобы из приговора следует, что очередной свидетель, Александр, обличал преступную деятельность школьников. Обратимся к протоколу судебного заседания, который поможет установить правду.

Прокурор: *Скажите, что вы имели в виду, когда говорили про диверсию, при каких обстоятельствах вам о ней сообщили?*

Александр: *Мне этого не сообщалось, я так сказал, но толком не понимал, что сказал.*

Я задаю Александру аналогичный по конструкции вопрос:

— Скажите, вам ребята говорили, что готовят диверсию, или вы сами сделали такой вывод, исходя из контекста прочитанного?

— Это был мой вывод. Мне не было понятно, что они хотели сделать, что они под этим подразумевали.

Таким образом, в судебном заседании ни Александр, ни Подольский не подтвердили, что подростки намеревались совершить диверсию, террористический акт.

2.5. «Упоров и Николаенко угрожали Зацепину, что если он не поддержит движение анархизма, то они будут закидывать ему в окна „коктейли Молотова“».

Тезис, приведенный из обвинительного приговора, абсолютно не соответствует сказанному в суде свидетелем и тому, как отражены его показания в протоколе. Обратимся снова к фактам, а не домыслам:

— *Может, Упоров Никита вам угрожал?* — задал вопрос прокурор.

— *Угрозы были, но, может, это были шутки, я точно не могу сказать.*

— *Что за угрозы были?*

— *Один раз было, что «коктейль Молотова» могли закинуть, но это было не всерьез.*

— *Почему вы так считаете?*

— *Они не могли этого сделать.*

— *Из-за чего Упоров сказал, что кинет «коктейль Молотова»?*

— *Точно не могу вспомнить, но это, скорее всего, было не всерьез.*

Я задал уточняющий вопрос свидетелю:

— *Почему вы сказали, что «это было не всерьез»?*

— *Потому что Никита шутил.*

— *В настоящее время вы воспринимаете данную угрозу как шутку?*

— *Да.*

— *Точно?*

— *Да.*

Судья Сергей Витальевич Лисов также поучаствовал в допросе свидетеля:

— *Вы заявляете, что фразу Никиты о том, что он «кинет „коктейль Молотова“», вы воспринимали не всерьез, верно я вас понял?*

— *Да.*

Ребята шутили над одноклассником. Вспомните, как по-дружески мы шутим, обещая закопать, сжечь, а потом все вместе смеемся над такими страшными фразами и продолжаем дружить. Такие очевидные, прописные истины бытового характера приходится доводить до суда, который в приговоре их исказит до неузнаваемости, сделав фразы не кирпичиком в познании истины, а орудием расправы над подростками.

2.6. «Андреев действительно давал изложенные в протоколах подробные и обстоятельные показания, стараясь полно отвечать на вопросы следователя».

Суд привел в приговоре одну фразу из двухчасового допроса свидетеля Ольги Трубчик, показания которой вместе с перепиской я подробно анализировал. Напомню небольшой фрагмент из показаний педагога, который, по понятным причинам, не приведен в тексте приговора:

— *7 июня 2020 года, в воскресенье, мне в 15 часов позвонили и сказали подъехать в следственный отдел. Я приехала, зашла. Богдана уже допрашивали.*

— *Когда опрос был окончен, когда вас отпустили?*

— *Нас отпустили в 00:30 ночи уже следующих суток.*

— *Перерыв объявлялся?*

— *Объявлялся на 15 минут. А второй раз — на 5 минут.*

— *Слезы были?*

— *Слезы были.*

— *Когда появились слезы у ребенка, следователь приостановил допрос?*

— *Нет.*

— *На следующий день вам сказали прийти?*

— Да, на следующий день, 8 июня 2020 года, это был уже понедельник, к 10 часам утра.

— Теперь расскажите, что делали 8 июня 2020 года.

— Допрос продолжился с того, на чем остановились 7 июня 2020 года.

— Во сколько начали допрос?

— Где-то в 10:15 или 10:20 утра.

— Иные лица, кроме тех, которых вы указали, присутствовали?

— Периодически другие люди заходили, тоже задавали вопросы.

— Когда был окончен допрос?

— Примерно в 20:00 — 21:00.

— У нас не было возможности поесть и попить, мы сидели и не могли выйти. Мы устали уже, хотели есть. Богдан был уставший — это было видно, целый день без еды.

— Дети пытались объяснить, что не хотели ничего плохого сделать. Постоянно звучало в их речи, что у них не было серьезных намерений.

— Богдан был уставший и хотел домой, ему постоянно давали понять, что если он скажет все, как они [следователи и оперативные сотрудники] хотят, то его отпустят домой.

— Богдан иногда затруднялся, и ему задавали наводящие вопросы.

2.7. Признавая показания несовершеннолетних свидетелей Гузенкова и Зацепина допустимыми на том основании, что при их допросе присутствовала педагог Курочкина, суд в подтверждение факта участия педагога сослался на то обстоятельство, что «в период допросов телефоном Курочкиной могли пользоваться члены ее семьи».

Помните, как сторона защиты доказала отсутствие педагога на допросах детей, получив биллинг телефона Курочкиной и допросив специалиста, установившего, что аппарат во время допросов несовершеннолетних обслуживался базовыми станциями, которые находятся за многие километры от места допроса.

Адвокат Владимир Ильков задал Курочкиной вопрос:

— Во время допросов детей у вас с собой был телефон?

— Да, был.

Подтвердив наличие при себе телефона, педагог тем самым разоблачила себя, ведь аппарат был активен далеко-далеко от места допроса детей — вместе с его владелицей. Суд же, «помогая» свидетелю, понимая, что прямой и честный ответ Курочкиной делает ее лже-свидетелем, признал установленным иной факт, а именно, что телефоном могли пользоваться члены ее семьи. Получается, все можно вывернуть и всем можно вывернуться. Без искреннего сожаления на такие уловки взрослых людей — педагогов и судей — смотреть невозможно.

3. «Каких-либо сомнений в виновности Упорова, Николаенко и Андреева не имеется».

Вот так просто и безапелляционно заявляет Апелляционный военный суд, который был призван разобраться в допущенных нарушениях. А у суда даже сомнений не возникло. «Оставь надежду, всяк сюда входящий» (концовка надписи, размещённой над воротами ада в «Божественной комедии» Данте).

4. *«Виновность Упорова, Николаенко и Андреева подтверждается следующими доказательствами»:*

4.1. *«Сходными по содержанию показаниями Андреева и Николаенко, данными на предварительном следствии. Допросы происходили с участием педагогов и защитников. Все лица по окончании допросов удостоверяли подписями правильность показаний. Показания Андреева и Николаенко дополняли друг друга».*

Мы уже знаем ответ на вопрос, почему показания Андреева и Николаенко «сходны по содержанию, дополняли друг друга» — потому, что следователь Бессовестная, допрашивающая Богдана, выясняла обстоятельства допроса Дениса, а следователь Злобина, проводившая следственное действие с Денисом, устанавливала то, что говорил Богдан. Следователи, которые «ходили друг к другу из кабинета в кабинет», таким образом исключали противоречия в показаниях допрашиваемых, делали их едиными и стилистически, и содержательно. Читая допросы детей, возникает стойкое ощущение того, что показания давал один и тот же человек с высшим химическим и юридическим образованием, но никак не четырнадцатилетние школьники.

Суд второй инстанции, как и первой, не стал утруждаться не только опровержением доводов Богдана, его мамы, педагога Ольги Трубчик о фактически пытках ребенка на допросе, в результате чего он и оговорил Никиту, но и фиксацией их подробных показаний, раскрывающих содержание примененного психического насилия. Замалчивание — один из способов преодоления существующей реальности и создания новой, параллельной, что было достигнуто в настоящем процессе. Тяжелая реальность выбивания из подростков «тех показаний, которые нужны следователю» была заменена на благодушную квазиреальность добровольности дачи детьми показаний. Так создается юридическая «реальность»: чего нет в приговоре, того не было и в жизни, а что в приговоре указано, то и именно так было в действительности.

4.2. *«Протоколами проверки показаний Андреева и Николаенко на месте. В ходе данных следственных действий они полностью подтвердили свои показания».*

Как громко сказано — **«полностью подтвердили»**. Кого суд пытается убедить, себя? Зачем ему это делать, если «никаких сомнений в виновности школьников у суда нет»? Убедить изучающих приговор? Тоже бесполезно, ведь уважаемый читатель верит только фактам, а не громогласным и пустым заявлениям. Факты же изложены, пусть и с некоторыми искажениями и умалчиванием не в интересах стороны защиты (даже секретарь, составляющая протокол, подыгрывала прокурору), в протоколе судебного заседания.

Я утомил читателя цитированием показаний Богдана, которые фиксировались следователем на видеокамеру. Полная видеозапись имеется в моем распоряжении, поэтому я знаю, о чем говорю: Богдан не подтверждал свои первоначальные показания, данные под угрозами «поехать в СИЗО». Отрицал их в суде и Денис, рассказав в подробностях, как именно следователь «записывала в протокол то, что нужно было ей».

4.3. *«...показаниями свидетелей Бутского, Петрова, принимавших участие в качестве понятых при проверке показаний Андреева, подтвердивших, что физического и морального воздействия на Андреева не оказывалось».*

Петров категорично заявлял, что «Богдану были интересны эксперименты химические, что он не из злых побуждений все делал, он просто интересовался опытами». Бутский подтвердил, что «Богдан давал показания под давлением, боялся, дрожал, у него тряслись руки». Как-то не сходятся факты с мнением безапелляционного суда.

5. *«В судебном заседании тщательно проверялись и были отвергнуты утверждения стороны защиты о даче Андреевым и Николаенко признательных показаний в связи с применением к ним недозволенных методов ведения следствия, а также с нарушением установленной законом продолжительности их допросов».*

Если бы суды первой и второй инстанций по-настоящему тщательно отнеслись к показаниям и Дениса с Богданом, и их мам, и педагога Ольги Трубчик, то слова их не были бы отвергнуты. Суд же надлежащей внимательности в этом вопросе не проявил, поручив проверить факт применения к детям недозволенных методов следственным органам, поднадзорным тому прокурору, который утверждал обвинительное заключение. Могли ли они пойти против прокурорской воли? Ответьте на этот вопрос сами.

Вот проверка фактов применения следователями к детям недозволенных методов проведена действительно «тщательно». Тщательно были спрятаны, сокрыты, искажены до неузнаваемости даже те обстоятельства, что были предъявлены в суде. Об этом мне лично сообщила педагог Ольга Трубчик, чьи объяснения были переиначены в угоду прокурору, которая инициировала проверку с заранее известным результатом и приобщила его к материалам дела в суде.

6. «Оценив показания адвоката Недобросовестной, педагогов Трубчик и Курочкиной, понятых Бутского и Петрова, следователей Бессовестной и Злобиной, заключение специалистов, проводивших сравнительный анализ показаний Андреева и Николаенко, суд пришел к верному выводу об отсутствии как нарушений уголовно-процессуального закона, так и прав осужденных на защиту при производстве их допросов».

Какие необычные критерии оценки у суда! Показания Трубчик о двухдневном изнуряющем допросе Богдана с утра и до вечера; показания Курочкиной, которая солгала о своем присутствии на допросах детей; показания Бутского, заявившего, что «Богдан давал показания под давлением, боялся, дрожал, у него тряслись руки»; показания Бессовестной, отбивавшей явку с повинной у Богдана в период его допроса — все их суд оценил как не нарушающие прав подростков.

Насколько же вопиющими должны быть нарушения, чтобы суд правдиво и беспристрастно квалифицировал их как нарушения, признав полученные доказательства недопустимыми? Неужели суд не понимает, что, закрывая глаза, российская Фемида развязывает руки следственным и оперативным органам для злоупотреблений и фальсификаций? А страдают от беззакония именно невинные люди. Ладно, если б от нарушений закона страдали лишь виновные, преступники, хотя и они имеют право на человеческое отношение в соответствии с законом. Следовательно, злоупотребления недопустимы ни к кому, нигде и никогда.

Специалисты с помощью обычного математического подсчета пришли к категорическому выводу, что допросить подростков за два-три часа с учетом сказанного ими и записанного следователями невозможно. Не может человек печатать текст со скоростью, превышающей его физические возможности: существуют непреодолимые объективные пределы. Только не для суда в его фантазиях на тему «законности действий следователя»!

7. Далее суд пишет в апелляционном определении: «мотивы, на основании которых суд пришел к данному выводу, полно и убедительно изложены в приговоре. Оснований не согласиться с ними судебная коллегия не находит».

Уважаемая судебная коллегия! Вы, может, просто запомнили в череде своих уголовных дел, где искать эти самые основания? Я вам напомню. Искать их нужно в протоколе судебного заседания: в нем раскрываются, подробно излагаются показания всех тех, кто громко и честно обращает внимание на допущенные нарушения и «недозволенные приемы ведения следствия», как очень тактично и толерантно выразился Апелляционный военный суд. Я выражаюсь по-другому, называю вещи своими именами: шантаж детей, пытки, неоправданная жестокость, бесчеловечное отношение, угроза посадить в СИЗО, психическое насилие. Когда речь идет о фактическом выбивании доказательств, никакие реверансы в пользу «политической корректности» просто недопустимы.

8. *«Довод стороны защиты о том, что имело незаконное проникновение в содержимое телефона, своего доказательственного подтверждения не нашел».*

В какой реальности живет суд, просто уму непостижимо. Компьютерно-техническая экспертиза установила, что в неупакованный телефон Богдана был незаконно закачан файл 2_5222465054074472181.pdf. В суде эксперт, проводивший это исследование, подтвердил данный факт. С помощью специальных программ сторона защиты выявила активность телефона Богдана в разных городах более трех раз. Суд не принимает очевидное. На кого рассчитана подобная «аргументация» суда? Только на того, кто не знаком с материалами дела и для кого любой вывод суда априори будет верным.

Суды ошибаются (сознательно или нет) — это нужно понимать. Каждое предложение непростых судебных актов вычитывать. Соотносить доводы суда с реальностью, выявлять несоответствия, находить ошибки, фиксировать их и обосновывать свое несогласие с ними, опираясь исключительно на факты. Не давать спуска ни себе, ни судьям. Путь к истине тяжел, и судебная истина исключением не является.

9. *«Все предметы, выявленные и изъятые в ходе следственных действий, были признаны вещественными доказательствами, о чем вынесены постановления. Нарушений хранения вещественных доказательств не установлено».*

Судья Лисов, когда один из свидетелей давал показания, недовольно возразил ему: «Я вам про холодное, а вы мне про круглое». То же я могу адресовать указанной аргументации суда.

В суде первой инстанции я говорил, что в силу ч. 1 ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются любые предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления, на которые были направлены преступные действия.

Материалы оперативно-розыскной деятельности, справки, объяснения не являются предметами, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления, не сохранили на себе следы преступления, на них не были направлены преступные действия.

Поэтому и просил материалы оперативно-розыскной деятельности, справки, объяснения исключить из числа вещественных доказательств. Как суд парирует мои законные доводы? Суд мне отвечает, что «все предметы, выявленные и изъятые в ходе следственных действий, были признаны вещественными доказательствам». Спасибо, уважаемый суд, что привели мой тезис, который я, подвергая сомнению, оспариваю. Как же вы его все-таки парируете? Очень просто: «нарушений хранения вещественных доказательств не установлено». Замечательно, что хоть нарушений хранения судом не установлено. Но я же не об этом. Я привел один из многих примеров нашего «плодотворного и понимающего» диалога, хотя из судебных актов складывается стойкое ощущение, что суд разговаривает сам с собой.

10. *«Все взрывотехнические экспертизы проведены компетентными экспертами, которые руководствовались надлежащими методиками. Выводы экспертов являются научно обоснованными, сомнений в своей достоверности не вызывают. В заключениях экспертов указаны примененные методики, указана использованная литература».*

Буду краток. Как я уже объяснял выше, ни специальных научных методик, ни использованной литературы заключения экспертов не содержат.

11. Суд, мотивируя назначение Никите реального лишения свободы сроком на пять лет, указал, что «Упоров к уголовной ответственности не привлекался, положительно характеризуется в быту, по месту жительства и учебы, Упоров был обеспечен всем необходимым для нормальной жизни и получения образования, а потому условия его жизни и воспитания не способ-

ствовали совершению им противоправных действий. С учетом характера и степени общественной опасности содеянного Упоровым, а также его роли организационного характера решение суда о назначении реального лишения свободы следует признать правильным».

Как всегда, факты и выводы суда не находятся в логической взаимосвязи. Точнее, выводы суда проистекают не из установленных обстоятельств, а лежат в некой иррациональной области. Закон позволял, даже если и признать Никиту виновным в том, в чем его обвиняли, назначить ему наказание в виде лишения свободы условно. Это было бы справедливо с учетом личности ребенка. Исходя из обвинения, всем трем подросткам вменялись тождественные действия. По существу предъявленные школьникам обвинения ничем не отличаются. Тогда почему Богдан и Денис остались на свободе, а Никита в зале суда был взят под стражу?

Все потому, что Никита играл «организационную роль». Этот признак, как квалифицирующий признак состава преступления, Упорову не вменялся, не учитывался и как обстоятельство, отягчающее наказание. Поэтому с юридической точки зрения (мы не рассматриваем здесь вопрос реальной виновности) наказание Никите нельзя считать справедливым — оно чрезмерно сурово.

Как сказала в прениях сторон мама Богдана, долгое время работающая в исправительной колонии, «тюрьма никого не исправляет, только калечит, выкорчевывает все лучшее, что есть в душе человека. Тюрьма калечит взрослого человека, тем более она это сделает с ребенком».

Приговор вступил в законную силу. Все мы обязаны признать за истину то, что в нем указано. Однако всю правду знают только Никита, Богдан и Денис. Часть ее я добросовестно попытался донести до тебя, уважаемый читатель.

Пожелаем нашим героям сохранить чистоту помыслов, искренность душевных рвений, приобрести жизненную мудрость, широкий ясный взгляд на общественные проблемы и твердое желание решать их на благо людей.

АНТОН КОЛОСОВ

*адвокат Московской городской
коллегии адвокатов*

Имеет опыт работы в системе следствия, органах прокуратуры Российской Федерации.

Дает практические советы на сайте advokat-kolosov.ru и разбирает конкретные дела на [YouTube](https://www.youtube.com/).

Автор книг «Как оправдать по делам о наркотиках», «Как оправдать по делам об убийстве и насильственных преступлениях», «Как оправдать по делам о краже, грабеже и разбое», «Как оправдать по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», «Как оправдать по делам о должностных преступлениях».